

«Пространственный, гибридный и полный так как есть»

— Лиз М. Вудворд автор

Серия «Секс-Рок» Талес

ВЗМАХ КРЫЛЬЕВ

Эдриан ФЕННИКС

Одобренный критиком автор «В крови»

<http://thedarkwood.ucoz.ua/>

ЕГО ИМЯ ДАНТЕ.

Мрачный. Талантливый. Красивый. Звезда рок-группы «Inferno». Согласно слухам, владелец популярного ночного клуба «Преисподняя» в Новом Орлеане. Рожденный Кровью и сокрушенный злом на грани невозможного.

ЕГО ПРОШЛОЕ ЗАГАДКА.

Спецагент ФБР Хэзер Уоллес преследует садистского серийного маньяка, известного как Странствующий Киллер, и след приводит ее в Новый Орлеан, в клуб «Преисподняя», к Данте. Но опасно привлекательный музыкант не только препятствует ее расследованию, но и заявляет, что он «создание ночи», другими словами — вампир. Его прошлое проясняет немного. Список судимостей в подростковом возрасте длиной в милю. Ни номера социального страхования. Ни даты рождения. Большую часть своей жизни он переходил из одной приемной семьи в другую, пока его не забрал Люсьен, который, кажется, хранит собственные тайны.

ЕГО БУДУЩЕЕ ХАОС.

Хэзер точно знает о Данте только одно: что-то связывает его с убийцей, и она почти уверена, что эта связь сделает его следующей жертвой СК. Хэзер необходимо узнать правду об этом чувственном, уязвимом, сложном молодом мужчине, который, как ей кажется, действительно может быть вампиром, чтобы наконец привлечь убийцу к правосудию. Но прошлое Данте хранит шокирующие, опасные секреты, и когда они раскроются, даже Хэзер не сможет защитить его от судьбы.

Эдриан Феникс
Взмах крыльев

Глава 1

Голос мертвых

Сладкий, приторный запах крови и жимолости висел в туманном воздухе внутреннего двора, словно прогорклый дым. Свернувшееся клубком обнаженное тело лежало напротив каменной стены, увитой плющом, связанные руки, подложенные под голову, как у спящего ребенка, резко контрастировали с опухшим от побоев лицом. Темная футболка в сеточку была обернута вокруг горла, и кровь, почти черная в ночи, покрывала все тело, блестела на коже и камнях.

А выше на стене кровью было написано:

«Просыпайся».

Мышцы Хэзер Уоллес, затекшие после долгого полета из Сиэтла, скрутило еще сильнее. Сообщение было тревожным знаком, если это работа Странствующего Киллера. Предупреждение? Приказ? Ироничная шутка в отношении умирающей жертвы?

Осторожно вдохнув, Хэзер вышла из задней двери пиццерии «ДаВинчи» и оказалась в затененном дворике. Она обошла усевающие старый каменный пол пронумерованные таблички — указатели местоположения улики.

— Дэниел Спаррелл, девятнадцать лет, — сказал детектив Коллинз, стоящий в дверном проеме. — Из Лафайетта. Студент Луизианского университета. Исчез три дня назад. Найден работником во дворе около полудня.

«Замучен в другом месте, затем выброшен, — подумала Хэзер. — Почему здесь?»

Старомодные газовые фонари отбрасывали бледный мерцающий свет через двор. Сквозь омерзительный запах крови Хэзер уловила аромат жасмина и плюща, чаши и грушанки, белоцветковый букет, не способный замаскировать запах смерти.

Три года она преследовала Странствующего Киллера. И разбираться с его жертвами все еще не становилось легче.

Она опустилась на колени рядом с тем, что осталось от Дэниела Спаррелла. Измученный. Изнасилованный. Безжалостно убитый. Последняя жертва бродячего сексуального садиста.

Из-за соседней двери доносилась глубокая глухая вибрация.

— Что находится за стеной? — спросила она, пристально вглядываясь в разбитое лицо Дэниела.

— Клуб «Преисподняя», — ответил Коллинз. — Концертная площадка. Бар.

Он помолчал, а потом добавил:

— И притон вампиров. Якобы вампиров, ну вы же знаете?

— Имеете в виду готов? Или геймеров?

Коллинз усмехнулся.

— Черт, это вы мне скажите. Похоже, вы больше в курсе.

— У моей сестры была группа, — сказала Хэзер. — Кого я только не встречала на ее концертах.

Длинные темно-синие волосы скрывали лицо мальчика.

«Цвет ночного неба», — подумала Хэзер.

У Энни волосы часто были такого же цвета, когда они с группой взрывали залы своей бескомпромиссной панковской славой. До тех пор пока она во время эмоционального срыва

не вскрыла себе вены прямо на сцене.

Хэзер сосредоточилась на отметинах на груди мальчика — чем-то вырезали или выжгли плоть. Она наклонилась ниже. Обугленная кожа. Покрыта волдырями. Чердака кругов — пользовались *автомобильным прикуривателем*.

Символ анархии.

Кровь застыла в венах Хэзер. Символ тоже был новый. Как и кровавое послание. Если это дело рук Странствующего Киллера, то его подпись, *мотив*, стремление к убийству изменились от тайной близости — последние отчаянные моменты жизни жертвы его и только его — к открытому действию, привлекающему внимание. Невозможно. Теоретически. Но если *он* изменился, что тогда?

Тогда она должна выяснить почему.

Хэзер изучала лицо Дэниела, темно-синие волосы, одежду, скрученную вокруг горла. Вдыхала застоявшийся запах смерти, ощущая его на вкус.

Почему ты? Был целью? Или оказался не в том месте, не в то время? Почему здесь?

Она услышала голос отца, глубокий и низкий, его внушающий уважение тон: мертвые говорят только с помощью улики. Лишь с помощью улики ты голос мертвых.

Хэзер встала. Джеймс Уильям Уоллес — ведущий судмедэксперт Управления и самый паршивый отец в мире.

Мертвые не единственные, кто ищет глашатого, папа.

Ах, хорошая моя, они обрели свои голоса в тот момент, когда подобрали пистолет, нож, веревку или бейсбольную битку, как только они убили. С помощью улики ты заставишь их замолчать.

Хэзер отвернулась от свернувшегося клубком тела Дэниела, убрала намокшие от дождя пряди волос с лица и прислушалась к басам, доносящимся из клуба «Преисподняя».

Убийца Дэниела говорил громко и ясно. Он всегда тщательно готовился и действовал обдуманно. Значит, не случайно выбрал стену рядом с клубом. Встретился ли Дэниел со своим убийцей в клубе? Тогда зачем оставлять его тело здесь, а не во дворе клуба, по ту сторону стены?

А что если это было дело рук подражателя?

Тогда Странствующий Киллер все еще где-то там, наслаждается своей маленькой прогулкой по Штатам, случайно выбирая жертв — мужчин и женщин, подобно туристу в бермудах, выбирающему открытки.

Все еще где-то там. Все еще нуждающийся в том, чтобы его заставили замолчать.

Когда Хэзер пересекала двор, хорошо знакомая истина ярко вспыхнула в ее голове: она никогда бы не позволила заморозить дело, никогда бы не уничтожила улики, чтобы защитить репутацию близкого, неважно, насколько это больно.

В отличие от хорошо всем известного Джеймса Уильяма Уоллеса.

Хэзер присоединилась к Коллинзу у входа, ведущего в «ДаВинчи». Она прочла невысказанный вопрос в глазах детектива: *Странствующий Киллер в Новом Орлеане?*

— Почерк другой, — сказала она. — Послание... Я буду знать больше, когда мы получим отчет о вскрытии и анализ ДНК.

— Что говорит интуиция?

Хэзер перевела взгляд на тело Дэниела. Свернувшееся клубком. Руки сложены в молитвенном жесте. Обнаженное тело, лежащее под дождем. С множеством ножевых ранений. Задушенное. Некогда молодое и красивое.

Хэзер посмотрела на Коллинза. Шесть футов и дюйм, решила она, худой. Между тридцатью и сорока. Она отметила напряжение в плечах и челюсти.

— Насколько глубоко вы увязли в дерьме, что вызвали федералов?

Проблеск удивления промелькнул в его глазах.

— Они не зря назначили вас специальным агентом. По самые уши, и становится только хуже.

— Я сделаю все, что смогу, чтобы вытащить вас, — сказала Хэзер. — Я признательна за ваш звонок.

Коллинз долго смотрел на нее своими карими глазами, взвешивая и анализируя. Он кивнул.

— Спасибо. Но я выберусь сам.

— Справедливо. — Хэзер встретилась с ним взглядом. — Моя интуиция говорит мне, что это дело рук СК. Но это не для протокола.

Легкая улыбка коснулась губ Коллинза.

— Справедливо.

— Он, наверное, давно ушел.

Коллинз кивнул с мрачным лицом.

— Путешественник.

Вопли, смех и пронзительные джазовые риффы доносились с улицы. И под всем этим устойчивое бум-бум-бум музыки из клуба «Преисподняя».

— Марди Гра, — сказал Коллинз. — Ну, почти. Еще три дня, и это сводит с ума. — Он тряхнул головой. — Бывали здесь когда-нибудь?

— Нет, это моя первая поездка в Новый Орлеан.

— Позвольте мне выразить благодарность вашему чутью и пригласить на ужин в стиле Нового Орлеана. — Коллинз оттолкнулся от косяка. Чистый пряный запах его одеколona пробился сквозь густой запах смерти и крови, повисший во дворе.

— Спасибо, но в другой раз. Я хочу посмотреть кое-что и, может быть, урвать немного времени для сна. — Хэзер протянула руку.

— Я ценю ваше время и помощь, детектив. — Коллинз ухватил ее руку и пожал.

Сильная хватка. Честный человек.

— Зови меня Трент. Или Коллинз, если ты старой закалки. Я свяжусь с тобой, как только что-нибудь узнаю.

— Звучит неплохо, Трент.

Отпустив руку Коллинза, Хэзер вернулась в пиццерию и направилась к выходу. Мысль кружила вокруг символа анархии, отпечатавшегося в памяти.

Почерк изменился. Он общается. Но с кем, и почему именно сейчас?

* * *

Сидя за небольшим лакированным столом в своей комнате, Хэзер подключила ноутбук к Интернету отеля. Открыв банку холодной сладкой содовой со вкусом сливы Dr.Pepper, она сделала большой глоток, упавший в ее пустой желудок, словно кусок льда.

ПРОСЬПАЙСЯ.

Вызов? Для правоохранительных органов? Управления? Для неё? Ни то, ни другое?

Пьяный смех и крик: «Чувак! Хочешь, укушу? Чува-а-ак!» — пронеслись мимо ее двери

и дальше по коридору, исчезая вместе с гуляками, находившими свои номера.

Хэзер вставила наушники iPod'a в уши и уменьшила громкость, чтобы слышать, если кто-то ее позовет. Сделав еще один большой глоток Dr.Pepper, она забила в онлайн-поисковике клуб «Преисподняя».

Бутлег^[1] Лэя Стэнза, который она загрузила в свой iPod, помогал сосредоточиться. Под аккомпанемент акустической гитары, низкий и глубокий голос Стэнза звучал хрипло и устало, как голос человека, опустошающего свое сердце в последний раз.

Я жажду предоставить все судьбе и как пустая лодка плыть по морю в штиль / Мне не нужен свет / Я не боюсь тьмы...

Проверяя ссылки, выведенные на странице поиска, Хэзер узнала, что клуб «Преисподняя» был открыт около четырех лет назад, и завсегдатаями этого заведения были готы/панки/сборища «хотимбытьвампирами». Энни с группой выступила бы в подобном месте.

Многие местные группы и неформалы играли в клубе, в особенности «Inferno», индастриал/готик группа, солистом которой был молодой человек, также, по слухам, являющийся и владельцем «Преисподней». Данте.

Хэзер покачала головой. Данте из «Inferno». Мило. Неплохо для раскрутки. В надежде узнать больше о возможном владельце клуба, она загулила «Inferno» и добила счетчик посещений сайта до триллиона. Прокрутив вниз официальный веб-сайт группы, она зашла на вкладку «концерты» — ни одного в прошлом году; «альбомы» — два, третий должны выпустить в ближайшие несколько дней; «фотографии». Она остановилась, изучая запечатленные образы.

Трое мужчин слегка за двадцать — дреды, стрижка «канадка», привлекательные фигуры с пирсингом и татуировками — находились на одном из кладбищ Нового Орлеана, все они смотрели в разные стороны. За ними стояла четвертая фигура в черных джинсах и мешковатой толстовке, капюшон надет. Голова опущена, пальцы держат края капюшона, лица не видно. Казалось, он рассматривает гравий под сапогами.

Но что привлекло внимание Хэзер, так это кулон, висящий на шее. Символ анархии. Она выпрямилась, увеличила изображение и в изумлении уставилась на подвеску в форме буквы «А», заключенной в круг, изготовленную из чего-то похожего на колючую проволоку и нанизанную на черный шнурок.

Сердце забилось быстрее, когда Хэзер проверила подпись к фотографии. Этой фигурой оказался Данте. Она кликнула на следующий снимок. Данте стоял спиной к камере. Знака анархии не было видно. На другом фото кулон из колючей проволоки, свисающий в качестве подвески с запястья, едва заметно просматривался.

Хэзер тщательно изучила каждую фотографию. Символ анархии не всегда присутствовал или был виден. Но она заметила одно: фронтмен «Inferno» никогда не находился в центре кадра. Данте стоял либо позади других членов группы, либо в стороне, или на коленях перед ними, опустив голову. Ни разу она не видела его лица. Только прядь черных волос или бледную щеку, и все.

Еще один маркетинговый ход? Ах-этот-такой-таинственный солист? Или действительно нежелание быть на первом плане где-то еще, кроме сцены?

Хэзер пролистала онлайн интервью группы и не удивилась, обнаружив, что почти все провели с другими членами «Inferno». «В студии» — причина, которую обычно называли, объясняя отсутствие Данте.

Прикончив банку Dr.Peper, Хэзер добралась до последней статьи и открыла её. На этот раз Данте не был «в студии»; он в одиночку давал интервью. Бросив пустую банку на стол, Хэзер подалась вперед, чтобы прочитать статью.

Данте с толком говорил о музыке и о состоянии музыкальной индустрии, французские слова придавали его комментариям остроты, его стиль в целом был мрачным и насмешливым.

Данте: Пора вернуться ко временам гильотины. Если у тебя нет страсти к музыке, если ты занимаешься музыкой, не вкладывая в нее душу, а только ради денег, славы или тёлки, тогда попрощайся со своей головой.

АП (Ассошиэтед Пресс): Вы серьезно?

Данте: Ага. Так, по крайней мере, у нас была бы честная эстрада. Ты должен пролить кровь за свою публику, так или иначе.

АП: Почему вы не даете больше интервью?

Данте: Я хочу, чтобы внимание было сосредоточено на музыке, а не на мне.

АП: Но люди хотят знать о вас больше. Вы и есть музыка. Почему вы открыли «Преисподнюю»?

Данте: (напряженно) Показать музыкантов, новые таланты.

АП: Как вы относитесь к слухам о том, что вы вампир?

Данте: (поднимаясь) Неверный акцент. Мы закончили.

Вампиры? Это шутка? очередной рекламный ход? Внезапно Хэзер вспомнила слова Коллинза: *И притон вампиров. Якобы вампиров, ну вы же знаете?*

По ID коду управления Хэзер подключилась к городскому архиву и просмотрела всю имеющуюся на клуб «Преисподняя» информацию. Единственным владельцем значился Люсьен ДеНуар, французский предприниматель. Все документы и права собственности оформлены на его имя. Но, основываясь на последнем интервью и своей интуиции, Хэзер полагала, что ДеНуар лишь инвестор. «Преисподняя» была детищем Данте.

Хэзер зашла в систему полицейского управления Нового Орлеана под гостевым паролем и забила в поиск Данте, однако без фамилии не особо надеялась на успех. Поиск выдал список, и она быстро прошла по нему, изучив информацию и остановившись на имени Данте Прейжон. Ни номера социального страхования. Ни водительского удостоверения. Возраст примерно двадцать один год. Отказался называть дату рождения. Официальной фамилии нет. Прейжон — имя семьи, воспитывавшей его в детстве в Лафайетте, штат Луизиана.

Лафайетт. Родной город Дэниела Спаррелла. Связи завертелись в ее голове, словно изображения в игровом автомате. Барабаны, шелка, остановились, образуя линию.

Символ анархии. Лафайетт. Клуб «Преисподняя».

Хэзер просмотрела личное дело Данте Прейжона — хулиганство, вандализм, незаконное проникновение, праздничатание — сплошь мелкие преступления. Она поискала фото в досье, но не нашла ни одного. Нахмурившись, она пролистала записи по делам и досье арестов. Почти во всех случаях причиной отсутствия фотографии была указана неисправность камеры. Но один офицер вместе с тем кратко описал и другую причину:

Этот мелкий засранец не будет стоять спокойно. Он движется чертовски быстро. Когда мы делаем снимок, он, блядь, просто исчезает. И так каждый грёбаный раз, когда мы имеем дело с этим говнюком. Вот фотография, которую удалось сделать в тот единственный раз, когда он стоял спокойно.

Хэзер кликнула на фото. Голова наклонена и скрыта капюшоном. Рука перед лицом, средний палец выставлен. Дерзкий. Даже находясь под арестом, играет в игры. Она долго пристально рассматривала снимок. Единственный фотопортрет, для которого Данте стоял спокойно? Были ли производившие арест офицеры просто некомпетентны?

Отпусти меня, старик, просто дай мне уйти.

Хриплый голос Лея Стенза и его печальные, тоскливые тексты подошли к концу. В наступившей тишине в мыслях Хэзер крутился прочитанный в глазах Коллинза вопрос: *Странствующий Киллер в Новом Орлеане?*

И он... что?.. Идентифицируется как Данте Прейжон?

Теперь? Внезапно? Спустя три года?

На экране ноутбука замигало сообщение от ее руководителя, Крейга Стёрнса: *«Уоллес, как продвигается консультация?»*

Хэзер набрала: *«В процессе. Похоже на СК, но не точно»*. Она остановилась, пальцы зависли над клавиатурой.

Должна ли она упомянуть про сбой данных, на который наткнулась во время перелета из Сиэтла? Про отказ в доступе к данным жертв СК в программе задержания насильственных преступлений и в национальном центре анализа насильственных преступлений? Проблемы, которых у нее никогда прежде не возникало до того, как она начала работать над этим делом.

Хэзер потеряла лицо и бросила взгляд на окно. На улице лил дождь, раскрашивая стекло полосками света неоновых ламп. Возможно, у нее паранойя. Ошибка оператора. Сбой в работе сервера. Чего только не бывает. Быть может, ей нужно обновить свой компьютер.

И все же. Перемена в почерке СК. Компьютерная ошибка.

Хэзер перевела взгляд назад к монитору и мигающему курсору. Тревога тугим узлом свернулась в животе.

Но что если сбой *был* умышленным? Мог это сделать Стёрнс?

Она тряхнула головой. Её кэп был надежным парнем, жестким, но честным. Он даже помог ей с Энни, когда отец отказался. Подобного рода уловки были не в стиле Стёрнса.

Пальцы Хэзер застучали по клавиатуре: *«Проверяю наводки. Почти закончила. Свяжусь с вами завтра»*. Она нажала кнопку отправки.

Отодвинувшись на стуле от стола, она захлопнула крышку ноутбука и выключила iPod. Хэзер накинула плащ. Взяв со стола свой кольт 38 калибра, она засунула его в специальный внутренний карман плаща на груди.

Время наведаться в «Преисподнюю».

Глава 2

Клуб «Преисподняя»

— Плевать на твои деньги. Выйди за линию.

Хэзер протолкнулась через группу людей, столпившихся на узкой улице, и, ухватившись за медную лошадиную голову ближайшей коновязи, шагнула на переполненный тротуар.

Она взглянула на говорившего. Он стоял у входа в клуб за бархатной лентой. Отражения неоновых вывесок мигали в чёрных линзах его солнцезащитных очков и подсвечивали серебристый полумесяц чуть ниже правого глаза. Высокий и худой, в джинсах, потертых кожаных ковбойских сапогах и кожаной куртке такого грязного цвета, что это её удивило. Она никогда не видела приверженцев цыганского образа жизни *работающими*, тем более городских сквоттеров^[2]. По крайней мере, законно. Длинные тёмные волосы были собраны в хвост, усы обрамляли рот, он ухмыльнулся модно-одетому-не-для-трущоб туристу, который подобрался к ленте.

Хэзер остановилась. Она что увидела *клыки*, когда вышибала ухмыльнулся? Возможно. На одном концерте Энни она слышала, что за несколько тысяч долларов можно имплантировать клыки.

И учитывая, что это клуб «Преисподняя»...

Люди пробивали себе путь, толкая Хэзер локтями и плечами. Сильный удар по ребрам заставил ее прижать руки плотнее к себе, придерживая ремешок сумочки, накинута на плечо. Ее взгляд прошелся по толпе жаждущих получить пропуск внутрь.

Большинство из них были готами, с крашеными в темный волосами, бледным макияжем, черной помадой и подведенными глазами, как мужчины, так и женщины. Некоторые парни напоминали Бреда Питта или Тома Круза из старого вампирского кино: длинные волосы, кружевная рубашка, бархатный пиджак и трость с серебристой ручкой. Девушки втиснулись в облегающие латексные платья или темные бархатные мини с колготками и ажурными чулками.

Очередь пестрила многообразием цветных пятен, это были дети в рваных джинсах и тинэйджеры с модно подстриженными или заплетенными в дреды волосами. Некоторым, как утверждал турист, было просто любопытно.

Посмотрев вверх на черный железный балкон, Хэзер увидела, как развеваются шторы от ночного ветра из открытого французского окна на третьем этаже. Свет мерцал внутри и манил к себе. Хэзер сократила путь через толпу, проскользнув между тусовщиками, отвратительно пахнущими пивом, пачули и потом, к вышибале. Она взглянула на непримечательную дверь за ним — ничто не указывало на клуб.

Дождь моросил мелким прохладным бисером на лицо Хэзер, ее волосы и плащ. «Как в Сиэтле», — подумала она, затем полезла в сумочку и нашла значок.

Королева-панк в клетчатых брюках с множеством ремней и в черной рваной футболке, сколотой по бокам булавками, с надписью: «СЪЕМ ВАШИ ТРУПЫ», позволила вышибалу обыскать себя. Он остановился на ее бедре, скользнув покрытой шрамами рукой в сапог, и нащупал спрятанный складной нож.

— Дерзкая девчонка, — сказал вышибала, изгибая бровь.

Он обращался с ножом как профи, легко вращая его между пальцами, прежде чем

положить в карман. Королева-панк ударила себя татуированной рукой по лбу. Ее губ коснулась робкая улыбка.

— Черт, Вон! Забыла!

— Держу пари, — ответил он. — Сможешь забрать, когда будешь уходить. Заходи.

Хэзер отметила имя. Она стояла на тротуаре, возможно, в ярде от него. И знала, что он в курсе ее присутствия, видела это в обманчивой расслабленности позы, в том, как он специально не смотрел в ее сторону. Но так даже лучше. Сейчас она хотела только наблюдать.

Спустя пару минут вышибала повернулся к ней и, склонив голову, долго изучал.

— Ладно, детка, — произнес он, сверкнув в улыбке клыками, — что я могу сделать для тебя?

— Я специальный агент Уоллес, — сказала Хэзер, стоя возле него. Она показала свой значок так, чтобы только он мог видеть. — Я расследую убийство по соседству.

Мужчина кивнул.

— Копы уже были здесь, дорогуша.

Спрятав значок, Хэзер всмотрелась в лицо вышибалы и увидела свое отражение в линзах очков: мокрое лицо, волосы откинута назад, блестящие капли дождя на черном плаще.

— Я ищу Данте Прейжона.

Пожав плечами, вышибала обратил свое внимание на готическую принцессу, которая переминалась с ноги на ногу, надув красные от помады губы.

— Может, он внутри, может, нет, — ответил он, — не могу сказать.

Его руки обыскали бархатные изгибы готической принцессы.

— Проходи, дорогуша, — сказал он девушке и посмотрел на Хэзер.

— Ты тоже. Сомневаюсь, что тебе здесь место, но...

— Как твоя фамилия, Вон?

Выгнув бровь, он пробормотал:

— Тонкий слух. — И снова пожал плечами. — Смит. Или, может быть, Джонс. Мама потеряла след. Но если ты выяснишь ее, куколка, — произнес он, смотря на Хэзер поверх очков сверкающими зелеными глазами,

— позвони мне.

— Рассчитывай на это, — сказала Хэзер.

* * *

Вон смотрел на федерала, исчезающего в клубе.

<Агент внутри. Милашка в плаще с серьезными глазами>.

Как всегда, разум Люсьена ощущался чужим, с множеством упорядоченных размышлений. Но открытым. Вон почувствовал паузу, а затем смог передать свои мысли.

<Она хочет Данте>.

Мысли Люсьена пронзали разум Вона так интенсивно, и иногда это нервировало, особенно, когда он размышлял, что отклик Люсьена тем не менее был нежным.

<Ей придется довольствоваться мной>.

Хорошо. Лишь два сюрприза, и ночь только начинается. Федерал — номер один. Создание ночи — номер два. Незнакомец с бородкой, в черных джинсах, не заправленной жемчужно-голубой рубашке и в сапогах из змеиной кожи, притащился с эксцентричным

смертным.

— *Какая честь*, llygad^[3], — сказал незнакомец, когда Вон обыскивал его.

Но напряженность в теле говорила об обратном. Как и довольная улыбка его смертного приятеля.

Внимание Вона вернулось к ленте. Он улыбнулся двум симпатичным молодым девушкам, прижимающимся друг к другу, они смеялись, всматриваясь в него глазами с расширенными от наркотиков зрачками. Он чувствовал их аромат — сандаловое дерево, ваниль и сильный химических запах. Слушал, как кровь пульсировала в их венах.

Он слегка наклонился и отцепил ленту ограждения, жестом предлагая им войти. Первая, с медовыми волосами и темными глазами, схватила его руку и затем поцеловала. Ее мягкие губы замерли, теплые, по сравнению с кожей Вона. Поцелуй послал дрожь по его руке и позвоночнику.

Она смотрела на него влюбленными глазами.

— Создание ночи. — Послав ему воздушный поцелуй, она вздохнула, поскольку хихикающая подруга схватила ее за руку и повела в клуб.

Голод возрастал внутри Вона. Теплый аромат ванили смертной с медовыми волосами проник в него. Сделав глубокий вдох, он обыскал следующего человека в очереди, а затем просканировал возбужденную толпу, высматривая кого-нибудь, кто бы выделялся. Федералы редко работали в одиночку. Он приглушил свой голод, чтобы сохранить бдительность. Сегодняшняя ночь была не для мечтаний о теплой плоти, горячей крови и сексуальном хихиканье. Не с федералами внутри.

И ночным незнакомцем.

* * *

Голова Джины покоилась на плече Данте, когда он укусил ее бледную шею. Горячая насыщенная кровь с примесью кокаина тонкой струйкой потекла в его рот. Он пил из нее осторожно, отсчитывая глотки. Скользнул рукой в ее расшнурованный корсет, поглаживая и сжимая упругую грудь. Ее соски напряглись под его ладонью. Она застонала, тяжело задышав. Данте обхватил ее рукой за талию, прижимая крепче.

Джина выгнулась дугой, и Данте, окинув взглядом ее тело, посмотрел на Джея, который стоял на коленях у края кровати, положив руки на голую задницу Джины и уткнувшись лицо между ее бедер. Данте возбудился и почувствовал, что затвердел. Он закрыл глаза, продолжая пить. Стоны Джины участились и стали настойчивей. Он слышал, как ее высокие до бедер чулки терлись о синель постельного покрывала, слышал приглушенное дыхание Джея, слышал сердцебиение Джины, скрип собственных кожаных брюк, когда двигался на постели.

Голоса без звука — песня без слов — коснулись его горящих мыслей, пробудив от горячего аромата смешанной с кокаином крови Джины. Беспокойство прокрадывалось в его разум.

Данте открыл глаза и оглядел комнату, залитую мерцанием свечей и неоновым светом.
<Люсьен?>

<Оставайся на месте, дитя. Кормись. Играй со своими таеаих^[4]>.

Данте оторвался от шеи Джины. Она подняла голову, и в брошенном на него взгляде из-под тяжелых век было недоумение. Потом она ахнула, когда Джей скользнул пальцем внутрь

нее. И снова закрыла глаза.

<Что не так?>

<Ничего, — ответил Люсьен. — Просто бизнес>.

Внезапная боль пронзила левый висок Данте. Дыхание перехватило, когда боль усилилась, а потом отступила. Мускулы скрутило в узел, он сильнее прижал к себе Джину, закрыл глаза и слушал ее неровное дыхание, пока Джей доводил ее до оргазма. Он слушал Джину и игнорировал все остальное.

Включая оставшиеся после ухода боли голоса.

* * *

Хэзер спускалась в переполненный зал с темными стенами, которые были небрежно расписаны граффити с флуоресцентной краской. Ее взгляд зацепился за парочку надписей: «ПРЕИСПОДНЯЯ РУЛИТ!» и «РЭНДИ САКС ХРЕН», и «МЫ УМРЕМ МОЛОДЫМИ».

Люди выстроились по обе стороны коридора, потягивая напитки, выкуривая сигареты, мерцающие тлеющими огоньками, целуясь, прижимаясь друг к другу. Сладкий аромат гвоздики, марихуаны и алкоголя неприятно смешивался с запахом рвоты и резкого парфюма.

Темный фиолетовый свет играл на обнаженных мужских торсах и оголенных, покрытых блестками женских грудях, отражаясь от пирсинга в сосках, неоновых тату и флуоресцентной краски на телах.

Музыка била как кувалда, и Хэзер пожалела, что оставила свои затычки для ушей дома в Сиэтле. *Не думала, что буду тусить в клубе.*

Всматриваясь в каждое лицо и задаваясь вопросом, мог ли убийца быть среди них, Хэзер прокладывала себе путь сквозь толпу к нужному входу. Сверкающая красная надпись висела над ним.

«ПЛАМЯ».

Хэзер остановилась под мерцающей вывеской, вокруг ее ног клубился дым. Что если она ошибается? Что если внутренний двор «ДаВинчи», особенно исписанная стена, были выбраны случайно?

Хэзер не верила в совпадения. Она прошла под вывеской и шагнула в «Преисподнюю».

* * *

Встав за каменным тронем с крыльями летучей мыши, Люсьен отвел взгляд от черного парня с бородкой, который оказался созданием ночи, и его компаньона человека с болезненно бледной кожей, и посмотрел на вход.

Сильвер и Симона сидели на ступеньках, ведущих к трону, их головы были склонены друг к другу, они болтали и смеялись. Толпа раскачивалась, танцуя под музыку, вырывающуюся из клетки.

Почему агент снова хочет допросить Данте? Они уже были здесь с вопросами об убийстве по соседству. Его руки вцепились в верхушку трона так, что каменная пыль посыпалась сквозь пальцы.

Его больше волновала пронзительная боль Данте, которую он почувствовал несколько минут назад. Но сейчас у него не было возможности пойти к нему и облегчить боль — даже временно.

Каменная пыль сыпалась сквозь пальцы Люсьена, припудривая черную вельветовую подушку. Он отдернул руки от трона. Его взгляд остановился на женщине, стоящей у входа, придерживающей рукой ремешок сумочки, накинутый на плечо. Люсьен отметил, что одна сторона ее плаща была чуть ниже другой. Оружие, предположил он.

Милашка в плаще с серьезным взглядом. Точное описание. Люсьен увидел потемневшие от дождя каштановые волосы, изящное тело, уверенность. Даже более того.

Сейчас надо вывести ее отсюда.

Он обошел трон и начал спускаться по ступенькам.

* * *

Оглушительный крик танцующих, заполнивших танцпол, привлек внимание Хэзер. Группа играла в стальной клетке, пока публика пыталась пробраться к ним. Кто-то лез на клетку, протягивая руки внутрь, стараясь ухватить рукав или клок волос. Не пропустив ни единой ноты, группа продолжала играть, уворачиваясь от тянущихся.

Молодая женщина, стоящая на верхней решетке клетки, раскинула руки, откинула голову назад и сделала шаг. Толпа ее подхватила. Ее передавали из рук в руки, забираясь под юбку и топ, лапая, пока она безучастно лежала.

Хэзер заставила свои напряженные мышцы расслабиться. Она отвела взгляд от танцующих. На другом конце клуба зажженные свечи освещали маленькие круглые столики. Сразу же слева от нее был отполированный бар, а прямо напротив... трон.

Трон с крыльями летучей мыши стоял на помосте с четырьмя ступенями. На самой верхней сидела пара. Они оба внезапно посмотрели в ее сторону.

Мальчик был симпатичным панком, и явно слишком молодым, чтобы находиться в клубе. Наполовину пустой бокал вина покоился рядом с ним на лестнице. *«Ему шестнадцать?»* — задалась вопросом Хэзер. Женщина обхватила руками согнутые колени. Ее длинные волнистые волосы блестели как золото на фоне черных колгот. Его и ее глаза, казалось, ловили и отражали тусклое освещение клуба.

Движение за ними привлекло взгляд Хэзер. Высокий широкоплечий мужчина в белой рубашке с длинными рукавами и черных штанах широкими шагами вышел из-за трона. Свет отразился от кулона на его шее. Когда он шел через толпу, люди без слов расступались перед ним, провожая пристальными взглядами, это Хэзер могла бы описать только как благоговение.

Хэзер отошла от входа и стала ждать, уверенная, что он Люсьен ДеНуар. Стоило ему оказаться рядом, и она поняла, насколько необычайно высок он был. *Шесть и семь? Шесть и восемь?* Она выпрямилась, стараясь выглядеть на все свои пять футов и четыре дюйма.

— Добрый вечер, — сказал он, останавливаясь перед ней. — Я Люсьен ДеНуар, хозяин клуба. Могу я вам помочь?

Хэзер встретила его взгляд. Его черные волосы были собраны сзади, одежда выглядела аккуратной и чистой. Безупречно серебряная с острыми краями буква «X» висела на черном шнурке чуть ниже впадинки на шее. Он излучал силу, буквально сочился ею. Губы изогнулись в легкой улыбке. Привлекательный мужчина. Она поняла, что он, без сомнения, знал, когда включить обаяние.

Показав свой значок ДеНуару, Хэзер вернула ему улыбку.

— Я специальный агент Уоллес. Я бы хотела увидеть Данте Прейжона. Я знаю, что это

его клуб.

ДеНуар внимательно рассмотрел значок, прежде чем кивнуть, чтобы она убрала его.

— Его имя просто Данте, — сказал он, у него был низкий тембр, — и я боюсь, ваша информация ошибочная. Но, в любом случае, Данте сегодня нет здесь.

Улыбка ДеНуара стала шире и теплее. Глаза в глубине засветились золотом.

— Возможно, я смогу вам помочь.

— Вы знаете что-нибудь об убийстве по соседству? Или о жертве?

ДеНуар покачал головой.

— Только то, что слышал от полиции, и что говорят на улице, — золотой свет потух в его глазах, — и я предполагаю, что Данте знает еще меньше. Он не следит за новостями.

— Я вижу, бизнесу это не причинило вреда, — сказала Хэзер, натянуто улыбнувшись, — здесь есть место потише, где мы могли бы поговорить?

— Внутренний двор, — ответил ДеНуар, разворачиваясь и ступая в толпу.

Его собранные сзади волосы, черные и блестящие, достигали талии.

Зная, что там должен быть офис, на втором или третьем этаже здания, Хэзер задавалась вопросом, почему ее выпроваживают. Если можно так выразиться. Но на этот раз у нее не возникло проблем; она *хотела* увидеть внутренний двор, который примыкал к «ДаВинчи».

Убрав свой жетон назад в сумочку, Хэзер последовала за ДеНуаром через танцпол сквозь разрисованную толпу.

* * *

Данте отодвинул Джину и скользнул к краю смятой постели. Черные кружевные занавески, обрамляющие открытые французские окна, колыхались от прохладного ночного бриза. Запах дождя и грязи Миссисипи заполнил комнату. Данте провел пальцами по волосам.

Все еще стоя на коленях возле постели, держась руками за бедра Джинны, Джей наблюдал за ним с интересом.

— Что случилось, сладенький? — спросила Джина, садясь.

Данте не нужно было смотреть на нее, чтобы увидеть надутые губы.

— Я должен идти, — сказал он.

Свечи мерцали оранжевым светом, отбрасывая тени на стены, на его кожаные штаны, ботинки. Боль пульсировала в висках.

Джина схватилась за ремень Данте, притягивая его к себе.

— Мне кажется, ты все горячее и обеспокоеннее. Мне кажется, тебе нужно остаться, — прошептала она. — Просто ложись, и мы будем...

Аккуратно разжав пальцы Джинны, Данте встал и покачал головой.

— Позже. Поиграй без меня сейчас.

— Данте, *mon cher* ^[5]... — Рука Джея, переместившись с бедер Джинны, достигла Данте.

Данте оттолкнул ее, потом схватил клок светлых волос смертного и дернул его голову назад. Дыхание Джея стало тяжелым, неровным. Наклонившись, Данте резко поцеловал его. Мед, мускус, соленый вкус Джинны на языке и губах Джея, черт возьми, почти затуманили ум Данте. Но знакомое, опасное нетерпение сжигало его изнутри. Он *не мог* остаться.

Прервав поцелуй, Данте отпустил волосы Джея и провел пальцем по подбородку, затем выпрямился и вышел из комнаты. Он слышал, как Джина советовала Джею позволить ему

уйти.

В коридоре Данте прислонился к стене. Закрыв глаза, он слегка ударил головой о штукатурку. Он ждал, когда его возбуждение спадет, а жажда тьмы и мучительные терзания внутри сойдут на нет. Но знал, что этого не случится. Боль стучала в висках.

Твою мать! Сконцентрируйся, черт возьми. У Люсьена проблемы. Сосредоточься на этом.

Но Люсьен воздвиг щиты, через которые он не мог пробраться. На самом деле все выглядело так, будто Люсьен специально держал его в стороне. Данте открыл глаза и оттолкнулся от стены.

* * *

Пробираясь сквозь толпу позади ДеНуара, Хэзер смотрела на людей, сидящих на лестнице. Они следили за ее передвижением с выражением зависти и, возможно, недоверия на их бледных, как мел, лицах. ДеНуар прошел мимо, по-видимому, не обращая внимания на пристальные взгляды, наполовину приоткрытые губы и шепот:

— Люсьен. *Он* видит нас?

— *Он* спускается вниз?

— Люсьен *Вестник ночи*. Люсьен...

Предвкушающие, отчаянные, голодные.

Хэзер прошла мимо их протянутых пальцев, проигнорированных ДеНуаром. Она удивилась, почему он ничего не сказал, почему даже не взглянул на них.

ДеНуар встал в стороне, открыв дверь во внутренний двор и пригласив жестом Хэзер выйти. Она осмотрела чистое пространство, увитое плющом. Вставленные в бра в виде горгулий, свечи отбрасывали жуткие движущиеся тени вдоль стены. Ее взгляд привлекла стена, на другой стороне которой убийца оставил послание кровью. На мгновение она увидела, как кровь просочилась сквозь камень, письмо написанное наоборот. Она нутром чувствовала, что это не случайность или совпадение. Стена была *выбрана*.

Она собиралась выйти из клуба, когда внезапный шепот пронесся по толпе, как ветер через высокую траву. Хэзер остановилась, поскольку жаждущие возгласы резко затихли. Воздух, казалось, потяжелел, потрескивая от предвкушения.

Она посмотрела на ДеНуара. Его лицо ничего не выражало, взгляд был не читаем. Его тело напряжено. Он встретил ее взгляд, словно внушая ей выйти на улицу. Медленно, Хэзер обернулась, посмотрев в ту сторону, откуда пришла.

Кто-то спускался по лестнице, появляясь из тени на площадке второго этажа. Хэзер показалось, что каждый человек в клубе затаил дыхание.

Затем фигура вышла на свет и сверкающими глазами посмотрела над головами толпы на Хэзер, или, может быть, мимо нее, на ДеНуара, она не была уверена. Просто застыла, не в силах пошевелиться или вдохнуть. Толпа испустила долгий вздох, зазвучали голоса:

— Данте! Данте! *Мой ангел!*

— Да! Черт, надеюсь, сегодня ночью он зайдет в клетку!

Ошеломленная Хэзер смотрела, как он спускается вниз, и в тот момент, когда он посмотрел в ее сторону, поразила еще больше...

Темные, светящиеся глаза исследовали ее, притягивали.

Подтянутое тело, пять футов и девять или десять дюймов, двигался он с опасной и

естественной грацией, весь из сплошных мышц и острых рефлексов.

Взъерошенные черные волосы ниспадали на плечи, одетый в сетку и кожу, в ошейнике со стальным кольцом — такая сексуальность обжигала.

Она отвела от него взгляд, чтобы посмотреть на лица тех, кто звал его по имени, замечая их улыбки и слезы, когда он гладил одних по подбородку, прикасался к щекам других, третьих целовал в губы.

Затем он скрылся из виду в толпе, и Хэзер снова смогла дышать, хватая ртом воздух.

Если это был Данте Прейжон, тогда от него буквально захватывало дух. Она никогда не видела кого-то настолько великолепного. И также это означало, что ДеНуар солгал о том, что Данте сегодня здесь нет. Она повернулась к ДеНуару и заметила, что он потирает переносицу, смотря в пол. Он выглядел как человек, который внезапно почувствовал боль от того, что Закон Мерфи дал ему пинок под зад.

— Странно, я была уверена, вы сказали, что Данте здесь нет, — произнесла Хэзер, — должно быть, он только что прибыл.

Опустив руку, ДеНуар ответил:

— Должно быть, так и есть. — Подняв глаза, он встретился с пристальным взглядом Хэзер. — Полиция уже говорила с ним, агент Уоллес. Я не вижу...

— Простите, — прервала его Хэзер, — но я вижу.

Она бросила взгляд через плечо. Данте поднялся по ступеням, ведущим к Королевству Преисподняя с соответствующим тронem. Встав на колени между привлекательным несовершеннолетним панком и развратной блондинкой, Данте погладил фиолетовые шипы волос мальчика и близко наклонился к девушке, как будто что-то шепча на ушко. Несколько готических принцесс в паре шагов прыгали и визжали.

Почему ДеНуар так защищает Данте Прейжона? Что он скрывает?

Избегая взгляда странных черных с золотым ободком глаз ДеНуара, Хэзер исчезла в толпе. Она намеревалась это выяснить.

Глава 3

Без слов

Данте оглянулся. Он не видел рыжеволосую женщину в легком плаще около Люсьена, но *чувствовал*, как она пробиралась через толпу, полная решимости и власти, которые исходили от нее словно свет: яркий, пронзительный и смертельный.

<Что происходит, mon ami^[6]?>

Данте повернулся к Симоне.

— Не знаю. — Он провел пальцами по ее шелковистым волосам, заправляя их за ухо. — Но собираюсь выяснить. Хочу я этого или нет. — Он улыбнулся.

Симона внимательно посмотрела на него, изучая взглядом. Данте покачал головой, и она вздохнула.

— Если ты решил...

Нагнувшись, он поцеловал её, упиваясь запахом магнолий и крови.

— *Mercibeaucoup, chérie*^[7], — прошептал он.

Симона снова вздохнула и посмотрела на Сильвера.

— Пойдём, *petit*^[8].

Она протянула руку Сильверу и пошевелила пальцами. Мальчик взял её ладонь и помог встать. Они спустились по ступенькам на танцпол.

Данте встал и поднялся на помост. «Under Pressure» неистовствовала в клетке, их музыка яростно грохотала. Данте закрыл глаза. Каждый аккорд, каждое выкрикнутое слово, каждый удар по барабанам отдавались дрожью в его позвоночнике.

Легкий толчок от Люсьена открыл связь между ними.

<Она из ФБР. Постарайся держаться от нее подальше>.

В саркастическом тоне Данте слышалась улыбка.

<Да, да. Я не должен здесь оставаться. Я знаю. Merci^[9]>.

Открыв глаза, Данте обернулся. Публика взревела. Пара его *tayeaux* отделились от толпы, чтобы подняться на пару нижних ступеней. Крошечные татуировки летучей мыши на впадинках их ключиц мерцали, видимые только созданиям ночи, показывая, что они под запретом. Темные эмоции сочились из толпы, такие как зависть, обида, злость, и окутывали края сознания Данте. Он посмотрел в каждое бледное лицо, заглянул в подведенные глаза, изгибая губы в улыбке, как всегда задаваясь вопросом: *Что им от меня нужно?*

Вспыхнула боль, и Данте покачал головой, потянувшись к виску. Глубоко вдохнув, он втянул в себя запахи гвоздики, корицы и пота, витавшие в воздухе, и потянулся мыслями наружу.

Сильвер и Симона танцевали, прекрасные и грациозные, они дрожали, почти мерцая внутренним светом — кровавой-луны и голода. Смертные окружили их в надежде, что их выберут, мечтая, чтобы гладкая холодная рука обхватила их запястья и вытянула на танцпол.

За ними шепталась толпа, расступаясь перед Люсьеном, когда он проходил мимо.

Агент ФБР сделала первый шаг на пути к помосту. Люсьен шел сразу же за ней. Он посмотрел на Данте, предупреждая взглядом. Данте пожал плечами, рассматривая женщину, поднимающуюся по лестнице. Стройная, в черном плаще и слаксах, в модных черных скечерсах^[10], с темно-рыжими волосами, заплетенными сзади во французскую косу.

Выбившиеся пряди завивались возле ее щек, гладкого лба и полных губ. В глазах горели ум и решительность.

<Милая>, — отметил Данте.

Взгляд Люсьена потемнел, предостерегая, когда он прошел мимо женщины, становясь за тронем.

<Опасная>, — вернул он.

Данте усмехнулся.

Агент поднялась на помост.

— Данте? — закричала она.

Несмотря на музыку, Данте прекрасно ее слышал, но был не против ее крика. Он кивнул. Она полезла в сумочку и, достав тонкий бумажник, открыла его.

— Специальный агент Уоллес, — прокричала она. — ФБР.

Наклонившись, Данте коснулся бейджа, посмотрел сначала на фото, затем на серьезное лицо агента, опять на фото и снова обратно. От неё исходил чистый и тонкий аромат, как от шалфея или как от города после сильного дождя.

— Хорошее фото, — убрав руку, он заглянул ей в лицо. — Однако я уже говорил с полицией.

Агент Уоллес бросила значок обратно в сумочку.

— Я понимаю. Но это другое расследование, — прокричала она. — Я считаю...

«Under Pressure» закончили свой сет долгим пронзительным фидбэком и заключительной барабанной дробью, после чего клуб погрузился во мрак, чтобы группа могла ускользнуть из клетки незамеченной. Шум в набитом клубе — визги, крики и гул сотни разговоров — нарастал в темноте. Слабый свет включили снова, чтобы показать опустевшую клетку.

Агент Уоллес снова заговорила нормальным тоном.

— Я нахожу любопытным то, что мистер ДеНуар позволил мне думать, что вас здесь нет. — Ее взгляд испытывал.

Данте пожал плечами.

— За мной трудно уследить. Я то прихожу, то ухожу.

— Есть более уединенное место, чтобы мы могли поговорить?

— Возможно, — ответил Данте. — Но я не хочу... поэтому нет.

Изогнув бровь, она спросила, понизив напряженный голос:

— Это проблема?

— Имеете в виду ваше пребывание здесь? — уточнил Данте. — Нет.

<Осторожней, дитя. Не стоит играть в эти игры>.

Данте проигнорировал Люсьена и тяжесть его взгляда, сосредоточившись на вспышках гнева в голубых глазах агента Хэзер. Его пульс ускорился.

— Это расследование убийства, — сказала агент Уоллес, подойдя ближе, слишком близко. — Я не понимаю, почему вы отказываетесь сотрудничать.

— Да, сотрудничество с законом — это не про меня, — ответил Данте, не двигаясь с места, отказываясь поступить так, как она рассчитывала, посягнув на его личное пространство.

Он слышал быстрый ритм сердца федерала, слышал, как кровь мчится по венам, чувствовал насыщенный и сладкий запах.

— Я не отниму у вас много времени. Мне просто нужно проверить пару деталей.

Данте провел рукой по волосам.

— Все, что я сказал, есть в полицейском отчете, — он развалился на троне, вытянув перед собой ноги. — Почитайте его.

— Уже прочла, — ответила Уоллес, встречаясь взглядом с Данте. — Но с вашего позволения я бы хотела осмотреть помещение, в частности внутренний двор.

— Не без ордера, — сказал Данте, понизив голос.

<Дитя...>

Она долгое время смотрела на него, наклонив голову, изучая своим пристальным взглядом.

— Послушайте, мы не должны преодолевать такой тяжелый путь.

— Это единственный путь, который я знаю, — отрезал Данте.

— Вы знали, что жертва была из Лафайетта? — спросила Уоллес напряженным голосом.

Подтянув ноги, Данте сел. *Лафайетт*. Боль вспыхивала, пульсируя. Он прикоснулся пальцами к своему левому виску и массировал до тех пор, пока она не исчезла.

— Черт, — прошептал он.

— Что-то не так? — спросила Уоллес.

— Да, — громко ответил Люсьен из-за трона. — Он страдает от мигрени. Я боюсь, что вам придется задать свои вопросы в другой раз.

<Проблема, — передал Вон. — *Этьен уже в пути*>.

— Нет, я... — Уоллес внезапно замолчала, когда по залу эхом пронесся возбужденный шепот.

Данте смотрел, как Этьен, одетый в *Armani*, разрезает толпу. Его кожа цвета цикория со сливками, казалось, светилась, он излучал гнев. Вон следовал за ним на расстоянии шага, медленно сокращая дистанция между ними.

Этьен остановился на первой ступени. Кобальтовые волосы, заплетенные в косу, оттеняли равнодушное точеное лицо. Вместо того чтобы встать рядом с Данте, Вон остался справа от новоприбывшего вампира, исполняя обязанности *llygad*.

Данте подался вперед, положив руки на подлокотники, напрягая мышцы.

— Тебе приказано предстать перед Советом, — сказал Этьен.

— Да ты, черт возьми, шутишь. — Данте усмехнулся.

Этьен напрягся.

— Совет проводит расследование.

— У Совета нет никакой власти над Данте, — заявил Люсьен.

— *Je regrette*^[11], Вестник Ночи. — Этьен склонил голову, выражая уважение. — Дело не касается Падших.

— Готов поставить на это свою жизнь? — глубокий голос Люсьена разнесся по клубу.

Расследование ФБР. Запросы Совета. Здорово.

— Что может быть лучше популярности, — пробормотал Данте. Затем обратился к Этьену: — Если это *опять* о стрельбе, скажи, чтобы они не тратили свое время зря. *Savautraslapaine*^[12]. Я ничего не знаю...

Этьен взлетел по лестнице, но на третьей ступени Вон,двигающийся со сверхскоростью создания ночи, схватил его за руку.

— Высокомерный лживый ублюдок, — зашипел Этьен, его прищуренные глаза потемнели от гнева, — ты должен быть на привязи! Стоять на коленях!

Холодный воздух всколыхнул волосы Данте, когда Люсьен двинулся из-за трона. Данте выставил руку, перехватывая его.

— Бросаешь мне вызов, Этьен? — тихо спросил он.

Этьен вырвался из хватки Вона и поправил костюм. Он коснулся каждой круглой запонки, вырезанной из слоновой кости, от Armani на манжетах.

— Нет, — сказал он, сжимая кулаки. — Пока нет.

— Очень жаль, — ответил Данте, опуская руку.

— Но однажды ночью, — добавил Этьен, его губы изогнулись в улыбке. — Я буду ждать.

Данте встал.

— Удачи тебе, — сказал он.

— Я передал приказ, — произнес Этьен, — и надеюсь, ты проигнорируешь его, *щенок*.

Развернувшись, он двинулся сквозь притихшую, заинтересованную толпу. Вон следовал за ним по пятам. Смертные расступались перед ним, словно он был в огне.

Данте опустил на трон. Боль пульсировала в висках и затылке. Его живот скрутило. Он сжал подлокотники так, что побелели костяшки пальцев.

— Что это было?

Данте посмотрел на агента Уоллес, которая опустилась на одно колено рядом с ним. Она изучала его лицо. Ему казалась, она упускает из виду лишь самую малость.

— Ничего особенного, — вздохнул он. — Отказался лизать задницы. За это следует суровое наказание. Как обычно.

— Забавно, — пробормотала Уоллес так, словно ее слова ничего не значили. — ДеНуар действительно сказал правду о головных болях?

— Действительно, агент Уоллес, — сухо сказал Люсьен. — Я прямо здесь.

Взгляд Уоллес метнулся от Данте к Люсьену и обратно.

— Мне жаль, — ее голос был низким, не как у представителя закона. — Моя сестра тоже страдает от мигрени.

Данте посмотрел на нее. Маска агента исчезла. Выражение ее лица было искренним, взгляд голубых глаз твердым. На мгновение он подумал, что увидел ее сердце, теплое и сочувствующее, жесткое, объятые пламенем и сталью.

— Неужели? — спросил он.

Уоллес кивнула.

— Данте, послушайте, я могу избавить нас от пустой траты времени и многих проблем. Просто дайте мне разрешение...

— Нет, — ответил Данте.

Ее маска вернулась на место. Возможно, она всегда была там, может, то, что он увидел, было лишь иллюзией. Белый свет раздражал его зрение. Причиняя боль глазам.

Улыбка Уоллес исчезла. Она смотрела на него с отчаянием. Встав, она сказала:

— Это бессмысленно. Я могу получить ордер на обыск за час.

Сняв очки с ремня, Данте надел их.

— Хорошо. Я буду ждать.

— Так и сделаю, — произнесла Уоллес и сошла вниз по ступеням, в толпу.

Чистый свежий запах дождя от Уоллес остался, так же как и горячий аромат крови. Но ощущение ее власти исчезало с каждым ее шагом, и Данте понял, что ему стало чуточку легче дышать. Она была сильной, настойчивой и ослепительной. Как жаль, что она гребаный

коп.

Холодная рука на мгновение успокаивающе коснулась волос и виска Данте, замораживая боль. Он закрыл глаза.

<Не дай мне уснуть>.

<Тебе нужен отдых. Кровь. — Мысли Люсьена ранили. — Я отвезу тебя домой до того, как боль усилится>.

— Нет. — Данте убрал руку Люсьена от виска. — Я собираюсь спуститься в клетку.

Люсьен встал перед ним. Данте посмотрел в золотистые глаза.

— Не сегодня, — сказал Люсьен. — Ты не в форме...

— Я в *превосходной* форме, — отрезал Данте.

— Привет, сладкий.

Люсьен обернулся, и Данте увидел улыбающихся Джину и Джея, они стояли на шаг позади, держась за руки. Корсет Джины был все еще расшнурован, открывая ложбинку между грудями. Она пахла спелой вишней. Все это пробудило его голод и всколыхнуло боль, соединяя их воедино.

Освободив руку, Джина прошла мимо Люсьена и села на колени к Данте. Она сжала его лицо руками, запрокинула голову и поцеловала. Губами и языком он почувствовал вкус Джея, ощутил и её вкус — насыщенный и пикантный. Он укусил её губу и попробовал кровь, сочащуюся из раны. Она вздохнула и застонала.

Пылающий. Беспокойный. Опасный.

<Дитя...>

Дрожа, Данте закончил поцелуй. Он облизывал ее нижнюю губу, пока не остановилась кровь и не затянулась рана. Джина смотрела на него из-под полуприкрытых век. Томная. Счастливая. Он ласково провел по линии ее скулы дрожащими пальцами. Пот стекал по его виску.

Джина коснулась пальцами его губ.

— Мы должны идти, секси, — шепнула она и соскользнула с его колен. — Завтра ночью?

Боль была словно ледокол, таранящий его мозг, контроль ускользал. Он отпустил ее без слов, Джей наклонился и поцеловал его.

— Завтра, — пробормотал Джей.

Схватив Джину за руку, он повел ее вниз по лестнице. Джина помахала с озорной улыбкой на губах.

Завтра ночью.

Данте смотрел, как они уходили.

Глава 4

Продолжая падение

Темно-янтарный в тусклом свете бурбон выплеснулся в низкий стакан Томаса Ронина. Бармен забрал кредитку, оставленную Ронином, затем неспешно направился к следующему посетителю, подошедшему к длинной полированной стойке бара. Ронин взял свою выпивку и повернулся.

— Похоже, ты облажался, — протянул Э.

Вытряхнув сигарету из плена помятой пачки Marlboro, он зажал ее между губами и прикурил серебряной Zippo. Ронин выхватил сигарету Э и, бросив на пол, заглушил тлеющие угольки носком своих сапог из змеиной кожи.

— Удиви меня, — сказал он. — Расскажи, каким же образом?

Э бросил взгляд на Ронина, его глаза были скрыты темными очками, губы растянуты в усмешке. Он вытряс из пачки еще одну сигарету, сунул в рот и, прикурив, выдохнул серый дым Ронину в лицо.

— Думаешь, ты все знаешь, да, малыш Томми?

Ронин кивнул, сделав глоток бурбона.

— Многое.

— Да? — Ухмылка Э стала шире. — А ты знал, что разговаривающая с Данте девица — спецагент Хэзер Уоллес?

Ронин помахал рукой, отгоняя сигаретный дым. Подняв свои темные очки, он посмотрел на женщину в плаще, стоящую на помосте. Да, это была она — профайлер, работающая по делу Странствующего Киллера.

— Даже смена почерка, подпись и прочая херня не одурачат ее, — самодовольно сказал Э, его слова отдавали джином. — Я знал, что это не сработает. Хэзер здесь.

Восхищенный тон привлек внимание Ронина. Э уставился на Уоллес, его лицо светилось любовью. Или чем-то, что может сойти за любовь для такого извращенного и унылого существа, как Э.

Ронин прикончил бурбон, огнем разлившийся по венам и пробудивший совсем другой голод. Он следил за Данте и женщиной. Мальчишка был совершенством. Его оценка основывалась не только на сногшибательной внешности Данте. Ронин читал досье. Он знал, кем мальчишка был и кем мог стать.

ДеНуар стоял позади трона, словно одна из статуй, охраняющих усыпальницы на кладбище Сент-Луис №3^[13]. А кем был ДеНуар? Не вампиром, нет. Кем-то абсолютно иным. Кем-то, как подозревал Ронин, намного более древним и темным.

Несмотря на гнев, сделавший ее движения напряженными, Уоллес сохраняла спокойствие на очаровательном лице. Она развернулась и сбежала по ступеням на танцпол, после чего исчезла в толпе.

Ронин снова повернулся к бару и легко подтолкнул бармена с помощью своего сознания. Бармен заново наполнил стакан Ронина. Его пульс ускорился. *За все века я никогда не видел и не чувствовал кого-либо похожего на Данте. Ни разу.* Он залпом выпил бурбон. Жидкость скользнула в горло и дальше по пищеводу, обжигая так, что Ронин даже не почувствовал вкуса.

Э помнит свое прошлое. Данте нет. Почему? Была ли Джоанна безжалостной к Данте из-за его родословной? Толкнула ли она его за грань, пребывания за которой не выдержит ни один смертный?

Ронин наблюдал, как Данте откинулся на трон, пальцами поглаживая бледную кожу на виске.

Или, быть может, он все-таки не выдержал? Возможно, он пал ниже, чем кто-либо. И это падение все еще продолжается.

Ронин повернулся к своему спутнику.

— Кто-нибудь уже пришелся тебе по вкусу?

— Может быть, малыш с фиолетовыми волосами или светловолосая вампирша рядом с ним.

Э продолжал смотреть прямо перед собой, изучая толпу. Красные сигналы от инфра или тепловых индикаторов, вероятнее всего установленных Э, светились на боковой поверхности очков.

Ронин покачал головой.

— Слишком для тебя.

— У меня есть идея, — сказал Э жизнерадостным голосом и обернулся, чтобы посмотреть на Ронина. — Как насчет Данте? Он чертовски прекрасен и невероятно опасен. Бьюсь об заклад, это будет *охрененно* весело.

Ухмылка исчезла с лица Э.

— Что скажешь? Могу я поиграть с Данте?

Послышался звук металла, скользящего по джинсовой ткани, когда нож, который Э тайком протащил в клуб мимо *lygad*, оказался в его руке. Ронин резко схватил Э за запястье, фиксируя в районе бедра. Хватка усилилась. Лоб Э покрылся каплями пота, когда Ронин вывернул его руку, он скривился, обнажая зубы. Запах его боли, горячий и горький, словно желчь, ударил в нос Ронину. *Нож* со звоном упал на скрытый туманом пол.

— Попробуй, и я скормлю тебе твои собственные кишки, — процедил Ронин сквозь зубы. — Тронь его до срока и увидишь, сделаю я это или нет.

Э уставился на него сквозь темные очки, его ненависть мерцала в тусклом освещении, словно радиация, вытекающая из ядерной бомбы. Ронин вывернул запястье Э еще немного, затем отпустил.

— Ты забыл, что он из себя представляет?

— Нет, придурок, не забыл. Грёбаные кровососы.

Э потер запястье.

Он наклонился и подобрал свой нож с пола. Затем, словно фокусник на дешевом ресторанном шоу в Лас-Вегасе, заставил его исчезнуть. Сжав зубы, он развернулся и ткнул пальцем в бармена, затем указал вниз на свой стакан, на случай, если бармен был придурком.

— Ясно? — спросил Ронин.

— Куда уж яснее, — буркнул он.

Хорошенькая темноволосая девушка плюхнулась на колени к Данте, в то время как светловолосый юноша в бархате, кружевах и с темной подводкой на глазах стоял на ступенях и смотрел, как они целуются.

— Не забывай нашу цель, — пробормотал Ронин. — Помни, кто действительно заслуживает твоего... *профессионального*... обращения.

Взявшись за руки, темноволосая девушка и светловолосый юноша спустились по ступеням и растворились в толпе.

— Меченые. Они — то, что нужно.

Залпом допив остатки джина с тоником, Э с грохотом поставил стакан на барную стойку. Его губы растянулись в улыбке. Он посмотрел на Ронина.

— Увидимся позже, Том-Том.

Он покинул бар и затерялся в толпе.

— Веселись, — сказал Ронин сухо.

После того как Э исчез из поля зрения, он снова обратил свое внимание на постамент.

Не похоже, чтобы Э понял, что Данте представлял собой нечто большее, чем просто «кровосос». Он был *рожден* вампиром — редкая Истинная кровь. Факт, о котором, кажется, не знал даже сам Данте; невежество, которое Ронин надеялся использовать в своих целях.

Он наблюдал, как ДеНуар легко прикоснулся пальцами к вискам Данте. Мальчишка закрыл глаза, но лишь на мгновение. Высвободившись из-под опеки ДеНуара, он встал. Сбежал вниз по ступеням и исчез среди взволнованной, боготворящей его, тяжело дышащей толпы. Свет ламп стал тусклым, а затем и вовсе погас.

Ронин снова вставил беруши. Толпа гудела и вибрировала. Он вздрогнул, когда предвкушение толпы накрыло его, словно теплая морская волна. Сквозь тьму он всмотрелся в клетку. Чисто-белая кость, красное перо и кожаные амулеты свисали с ее металлических прутьев.

— Данте! Прекрасный ангел! — воскликнул тонкий женский голосок.

— *Mon beau diable*^[14], — прокричал мужской.

Тихий рев прокатился по толпе, прежде чем голоса начали скандировать: «Inferno! Inferno! Inferno!»

Амулеты раскачивались и крутились от тепла, излучаемого телами, забравшимися в клетку. Серебристо-голубой ореол света окружал одну стройную фигуру.

Истинная кровь. Ронин глубоко вдохнул дымный пьянящий воздух клуба. *Когда наши пути пересекутся, только один из нас уйдет в ночь.*

Снова зажегся свет. Толпа взревела.

— Не могу поверить, что хотел этого, — прошептал Данте в микрофон.

Темные глаза скрывали очки. Микрофон покоился в его ладонях, словно лицо возлюбленной.

— Нуждался в этом. Привязанный к кровати. Не в силах освободиться.

Верхний свет мерцал серебряным огнем на кольцах Данте и вспыхивал на рядах пирсинга, украшающего каждое ухо. Данте раскачивал стойку микрофона взад и вперед, наклонял ее, затем отступал и снова дергал. Когда Данте снял микрофон со стойки, Ронин заметил, что его пальцы трясутся, поймал отблеск света, отразившийся от капель пота, пробежавших по вискам.

«*Ему больно,* — подумал Ронин, потягивая свой бурбон. — *И он использует это.*»

Позади Данте оставшаяся часть «Inferno» молотила по своим инструментам — косы и дреды, мелькающие в воздухе, яростные движения, расплывшиеся очертания татуировок, пирсинг, кожа, сталь, миндалевидные глаза; кожа цвета ириса; острые носы; и крепкие гибкие мускулы.

Сбив ударом ноги стойку микрофона на пол клетки, Данте повернулся спиной к ревущей толпе.

— Твои обещания, словно черви, извиваются в моей душе... ласковый паразит...

Развернувшись, он упал на одно колено и скрестил руки над головой. Из зажатой в кулак руки, побелевшей от напряжения, свободно свисал, по-видимому, забытый микрофон.

— Я хочу больше... больше...

Несколько человек забрались на решетчатую крышу клетки и легли лицом вниз, раскинув руки и ноги в стороны, предлагая себя в жертву своему темному прекрасному божеству. Они выкрикивали его имя и, используя бритвы или канцелярские ножи, быстрыми резкими движениями перерезали себе запястья, предплечья и даже горло. Кровь стекала вниз, забрызгивая пол клетки и бледное лицо Данте.

Руки тянулись сквозь прутья, цепкие пальцы были готовы схватить одежду, плоть, волосы — все, до чего могли дотянуться. Три других члена «Inferno» отходили в сторону и отпिनывались от них, продолжая играть, не сбиваясь с ритма.

Данте, однако, находился в опасной близости от прутьев и тянувшихся к нему рук.

Ронин задавался вопросом, было ли это намеренно? Наказание? Или рассеянность?

— Мне нужно больше... — наполовину спел, наполовину прорычал Данте низким и надломленным голосом, кипящим от негодования.

Он остановился. И когда Данте внезапно запнулся, Ронин стал свидетелем того, как боль расцвела в полную силу. Глаза зажмурены, голова откинута назад, мышцы шеи натянуты, он прокричал:

— *Больше вашей гребаной лжи!*

Руки схватили его, рванули прямо на стальные прутья клетки. Данте сильно ударился плечом и был прижат спиной к бушующей толпе. Микрофон выпал и ударился об пол с пронзительным резонансным визгом. Дикая голодная толпа взревела. Пальцы сомкнулись вокруг Данте, сжимая его руки, ладони, бедра; хватаясь за одежду, цепляясь за волосы. Чужая плоть сковала его, словно заключенного.

Данте стряхнул свои неплотно сидящие очки, и они приземлились на пол прямо под ботинки клавишника. Темные осколки пластмассы и стекла разлетелись по клетке. Остальные члены «Inferno» продолжали яростно играть свою тяжелую и гневную музыку.

Ронин подался вперед, мышцы, словно пружина, очки сдвинуты на кончик носа. Почему Данте позволил им держать себя? Может он *уступил* боли? Смутное движение привлекло внимание Ронина. ДеНуар бросился от постамента к клетке со скоростью, Ронин был уверен, недоступной человеческому глазу.

Подпитываясь яростью и мукой Данте, толпа пульсировала, словно огромное сердце, его неистовый первобытный ритм подстегивал голод Ронина.

Его жажда вонзилась в него, подобно одному из ножей Э. Он шагнул в толпу. Горячие потные тела с силой толкались рядом с ним, кровь оглушительно неслась по венам, сердца молотом ударялись о грудную клетку. Не здесь. Он утолит свой голод в каком-нибудь промозгом переулке, наслаждаясь кем-то забытым и ненужным. Как чужак в этом городе, Ронин не хотел привлекать к себе внимание. Выскользнув из толпы, он вышел в прохладную туманную ночь.

Llygad кивнул ему. Его глаза, скрытые темными очками, без сомнения подмечали каждую деталь, язык тела говорил о настороженности. Ронин кивнул в ответ. Еще одна удивительная вещь. Почему *Llygad* отказался от своей беспристрастности и объединился с одним Домом? *И работает в качестве гребаного фейсконтроля?*

— Данте, — прошептал Ронин. — Истинная кровь.

Прогуливаясь по сырой вымощенной улице, Ронин дошел до Канал-стрит. За каждую исчезнувшую этой ночью душу, ставшую для него кормом, несомненно, нужно благодарить Данте, подстегнувшего голод, спавший в нем долгие годы.

Глава 5

Сложный Путь

Хэзер отпила кофе с молоком из бумажного стаканчика, который, наконец, остыл настолько, что его стало возможным держать. Рассвет раскрасил горизонт оранжевым и персиковым цветами, позолотив низ облаков. Она зевнула и потёрла лицо. Ордер на обыск трепыхался на вентиляторе приборной доски арендованного Subaru Legacy. Она выключила обогрев. Двигатель машины щёлкал и потрескивал, остывая.

Хэзер припарковалась напротив загородного дома Данте. Забор из старого речного камня и чёрного металла окружал здание. По документам дом принадлежал Люсьену ДеНуару, но она подозревала, что, как и в случае с клубом, настоящим владельцем был Данте. Стены увивала густая зелень с благоухающими цветами. Массивные дубы дарили тень. На подъездной дорожке стояли фургон, навороченный Harley и маленький чёрный MG.

Хэзер взглянула на часы. Шесть тридцать. Около часа назад она видела, что на подъездную дорожку въехал фургон, а следом Вон на Harley. Из фургона вышли блондинка и симпатичный мальчик-панк. ДеНуар нёс Данте на руках, как ребёнка. Перепил? Или из-за мигрени? Все зашли в дом. Дверь закрылась, с тех пор никакого движения не было.

Хэзер почувствовала укол совести. Мигрени. Расширенные от боли глаза Энни, её безысходность. Покачав головой, она посмотрела на стаканчик с кофе в руке, потом взглянула в окно. Данте — *не* Энни, и с этим ничего не поделаешь. Он не оставил ей другого выбора.

Что-то странное было в отношениях между ДеНуаром и Данте. Любовники? Она прокрутила в памяти события в клубе «Преисподняя» в поисках зацепки. Вспомнила, что ДеНуар лгал об отсутствии Данте, затем, как он ринулся из-за нелепого трона, когда Пиджачок от Армани поднялся по ступенькам. Вспомнила, как ДеНуар сказал: «*Он страдает мигренями*», — и как услышала нотки защиты в его глубоком голосе.

Нет, наконец, решила Хэзер. Не любовники. ДеНуар защищал и заботился, но она не почувствовала ни сексуального подтекста, ни любовных флюидов между ними. Наоборот, они себя ощущали вполне комфортно друг с другом. Старые друзья, как-то так.

Хэзер вздохнула, затем сделала большой глоток быстро остывающего кофе. Хотя нет, что-то ещё было между Данте и ДеНуаром. Неразделённая любовь? Что-то в этом роде тайная и скрытая, но только со стороны ДеНуара. Он неотрывно смотрел на Данте, когда они были вместе. По крайней мере, этой ночью.

Допив кофе, Хэзер бросила стаканчик под переднее сидение. Ей пришлось потратить немало времени и много обаяния, чтобы убедить судью выдать ордер на обыск. По правде говоря, она считала, что детектив Коллинз должен был приложить больше усилий, нежели обаяния. Несмотря на всё, ордер предназначался только для обыска внутреннего двора.

Хэзер посмотрела на затихший загородный дом. Темные шторы закрывали окна. Должно быть, все уже уснули. Самое время начинать обыск. Для Данте это будет тяжело, прекрасно. Гравий захрустел под её скетчерсами, когда она вылезла из машины и пошла к открытым воротам.

Хэзер проследовала вдоль дома по разбитой, с торчащими корнями деревьев дорожке к главному входу. Ступеньки скрипели под её весом, когда она поднималась. Она взялась за чёрный металлический дверной молоток в виде горгульи, закреплённый в центре, и

несколько раз постучала по крепкой древесине.

Через некоторое время Хэзер постучала по двери ещё три раза. Звук пролетел по загородному дому и исчез в тишине.

Хэзер опять потянулась к дверному молотку, когда изнутри щёлкнули замки, и дверь со скрипом отворилась. ДеНуар оглядел Хэзер с непроницаемым лицом. До сих пор не переоделся. «Ещё не ложился», — сообщила она. Подвеска с острыми краями в форме «X» на его груди блестела розовым в лучах восходящего солнца.

— Чем могу помочь? — спросил ДеНуар, его голос был глубоким и сдержанным.

Хэзер подняла ордер на обыск.

— Разбудите Данте.

ДеНуар нахмурился.

— Может, обыск будет произведен в более удобное время? Вечером, например?

— Нет.

Золотые искорки сверкнули в прищуренных глазах ДеНуара. Он хлопнул дверью, закрывая ее. Щёлкнули замки.

Улыбнувшись, Хэзер расслабленно прислонилась к дверному косяку и посмотрела на часы. Она дает ему 15 минут на то, чтобы разбудить Данте, затем возьмет молоточек в виде горгульи и снова его использует. Она разбудит всех в этом проклятом доме, если потребуется.

Послушайте, мы не должны преодолевать такой тяжелый путь.

Это единственный путь, который я знаю.

Его выбор. Хэзер убрала ордер на обыск в сумочку. Его слова.

Пятнадцать минут прошли, и Хэзер ударила горгульей по двери. «Еще пятнадцать минут — плюс двадцать ударов», — подумала она, снова прислоняясь к дверному косяку. Светящееся небо превратило орошенную траву в море, сверкающее бриллиантами.

Только Хэзер собиралась снова схватить молоток, замки щёлкнули, и дверь открылась. Данте выскользнул из дома на крыльцо, застегивая ремень. Определенно, прямо из постели.

Хэзер пристально посмотрела на него, внезапно затаив дыхание, задержавшись на его бледном лице — темные глаза, размазанный карандаш для глаз с прошлой ночи, высокие скулы, полная нижняя губа... Она чувствовала отвращение к себе, потому что вела себя словно малолетка, выбитая из колеи красивой внешностью.

— Люсьен не лучшего мнения о тебе, — сказал Данте, проходя мимо неё и спускаясь по ступеням.

Он натянул серый капюшон толстовки, надетой под кожаной курткой, лицо осталось в тени.

Хэзер шла за ним по вздыбившимся каменным плитам.

— Жаль это слышать. С добрым утром, кстати, — сказала она. — Я получила ордер на обыск.

Данте поднял вверх руку в перчатке и, продолжая идти, очертил круг указательным пальцем.

— Моя машина на улице, — сказала Хэзер.

Данте прошел через кованые железные ворота.

Ошеломлённая увиденным, Хэзер встряхнула головой. Даже в это время дня Данте выглядел так, будто вырядился для сходки готов. Стильные солнечные очки, кожаные перчатки, кожаные штаны и сетчатая чёрная рубашка с длинными рукавами, под ней такого

же цвета футболка, обе наполовину заправлены в штаны. Образ завершали чёрные байкерские ботинки с серебряными пряжками. На спине кожаной куртки надпись «БЕЗУМНЫЙ ЭДГАР». Аккуратно прикрепленные буквы были словно вырезаны из журнала как в анонимной записке.

Ускорив шаг, она прошла мимо Данте, пересекла улицу и остановилась у припаркованного Subaru. Она разблокировала обе двери и, прежде чем сесть, подождала, пока Данте, сгорбившись, заберется на место пассажира.

— Ремень безопасности, — сказала она, пристегиваясь.

— На это тоже есть ордер?

— Нет, — ответила Хэзер, понизив голос. — Вот значит, как ты собираешься себя вести?

— Весьма вероятно.

Хэзер долго смотрела на него. Она открыла рот, потом закрыла. *Не нужно ввязываться в спор. Оно того не стоит.*

— Буду знать, — наконец, сказала она.

Включив зажигание, Хэзер перевела рычаг переключения передач в рабочее состояние и выехала на улицу, от колес во все стороны полетела галька. Данте опустил защитный козырёк вниз.

Она молча вела машину, пока не умерила злость и раздражение. *Он устал. Я устала. Нервный — слово дня.* Хэзер ослабила хватку на руле и легко повела Subaru по автостраде в Новый Орлеан.

Она поморщилась, озадаченная заполняющим машину маслянистым запахом, похожим на крем от загара.

— Это пахнет *солнцезащитный* крем?

— Угу.

Хэзер посмотрела на пассажира.

— Судя по слухам, ты играешь роль вампира?

— Не играю, — прошептал Данте.

— Ну да.

Хэзер смотрела перед собой, сфокусировав внимание на дороге. У неё возникло чувство, что Данте не шутил. Его сонный голос прозвучал искренне.

Она уже имела дело с подобным типом в психиатрической клинике за пределами Бойсе, где работала волонтером с целью лучше понять разницу между психически *больным и социопатом*. И в надежде понять Энни. Готы, фанаты вампиров. Хотят быть особенными. У него, вероятно, зубные имплантаты, а в холодильнике он хранит кровь в пакетиках. Все это части бредовой идеи.

Хэзер посмотрела на Данте. Он спал, откинувшись на спинку сидения и повернув голову. Капюшон скрывал лицо, руки в перчатках расслабленно лежали на ногах.

— Эй, Данте, проснись!

Он не повернулся. Похоже, спал мёртвым сном. Продолжая следить за дорогой, она легонько хлопнула его по плечу.

— Ну же, просыпайся.

— *Tais toi*^[15], — прошептал Данте, отворачиваясь, скрещивая руки на груди и располагаясь поудобней.

А он говорит по-французски. Или это каджунский? Он из Лафайетта, это территория

каджунов, и говорит с лёгким акцентом.

Дождь начал накапывать на лобовое стекло, ничего серьёзного, просто утренняя морось. Хэзер включила дворники. Что происходит с этим городом? Вампиры. Вуду. Города мёртвых. Она взглянула на Данте, он всё ещё сидел, свернувшись, дыхание было медленным, трудноуловимым.

— Ты правда считаешь себя вампиром?

К её удивлению, Данте пошевелился, сел ровно. Он надвинул капюшон дальше на лицо.

— Созданием ночи, — произнёс он, зевая. — Кем себя считать, не имеет значения. Разве ты смертная только потому, что считаешь себя таковой?

— *Смертной?* Конечно нет, — ответила Хэзер, посмотрев на него и пытаясь разглядеть лицо, — *яродилась* человеком. Как и все остальные.

Данте снова развалился на сидении, скрестил руки на груди и отвернулся к окну.

— Ммм, рад, что ты это выяснила.

Хэзер погрузилась в молчание. Она проигрывала ему. Возможно, он правда верил во всю эту ерунду с вампирами, может, просто хотел, чтобы она раскусила его. Или, но это лишь предположение, всё было только рокерским троллингом, лапшой на уши, и нечего накручивать себя.

Она устала, и это влияло на её способность размышлять. Она бросила взгляд на Данте: он спал или, по крайней мере, прикидывался спящим.

Въехав в город, Хэзер направила машину к Канал-стрит, затем от Канал до Ройал и, наконец, повернула на Сент-Питер-стрит. Повсюду на мокром от дождя бульжнике мостовой виднелись остатки вечернего веселья: яркие бумажки, бусины, пустые пластиковые стаканчики, чёрный лифчик. После буйства и безумия прошлой ночи квартал выглядел опустошённым и покинутым.

Хэзер припарковала машину напротив клуба. Она наклонилась и почти коснулась плеча Данте, чтобы разбудить его, когда он внезапно выпрямился и направил взгляд куда-то на верхние этажи. Нагнувшись, она выглянула через пассажирское окно, чтобы посмотреть, что привлекло его внимание. На четвёртом этаже была открыта пара балконных дверей.

Хэзер вспомнила шторы, колыхавшиеся на ночном ветру, жёлтый отблеск свечей.

— Что-то не так?

— Надеюсь, нет. — Данте потянул дверную ручку.

Хэзер моргнула. Данте стоял на тротуаре, разглядывая окна. Она не видела, как он открывал дверь и выходил. Всё, что она успела заметить, — руку в кожаной перчатке на ручке, а затем услышала звук захлопывающейся за ним двери.

Что за хрень? Хэзер потёрла глаза. Он выскочил за секунду? Она *настолько* устала? Она присоединилась к Данте на тротуаре и проследила за его взглядом. Шторы медленно покачивались.

— Кто был там вечером?

— Я, — ответил Данте, но голос звучал издали.

Опустив голову, Хэзер поняла, что Данте уже у входа в клуб возится с замком.

Проснись, Уоллес, ради бога. Она поспешила за ним, так как он уже толкнул тяжёлую дверь и шагнул внутрь.

Спертый запах дыма, разлитого пива и секса заполнял коридор. Данте стоял рядом с панелью безопасности системы сигнализации клуба. Красный свет от включенной таблички «ПЛАМЯ» освещал коридор, мерцая поверх его капюшона. Опустив капюшон, он поднял

очки на макушку. Зеленые лампочки светились на панели безопасности. Он больше не выглядел сонным.

— Что-то не так? — спросила Хэзер, сделав шаг к нему.

— Сигнализация выключена, — ответил он.

Затем оглянулся на гудящую неоновую вывеску. Красные блики мерцали на бледном лице.

— Не думаю, что Люсьен мог забыть.

Хэзер выпрямилась, адреналин заструился по венам. Сердце забило быстрее. Она сунула руку в карман плаща, нащупав пистолет.

— Оставайся здесь, — сказала она.

— Отвали, — ответил Данте.

И ушёл.

— Данте, нет, — прошипела она в мерцающую красным темноту, но его уже давно не было.

Как он так быстро двигался? Стероиды? Стимуляторы?

Достав 38-й кольт, Хэзер побежала по коридору, спиной придерживаясь стены, в клуб. По ту сторону от освещенных жутким красным светом пустых столов, стульев, клетки и трона она увидела Данте, на лестнице, огибающего третий этаж.

Пока она мягко ступала между столами, ее взгляд метался от тени к тени. Леденящее чувство тревоги, которое охватило ее у панели безопасности, не уменьшалось. Что-то было не так. И Данте шел прямо туда. Шел, черт, скорее телепортировался. Но он был гражданским под ее защитой, ее ответственностью.

Хэзер поднялась по ступенькам, спиной к стене, двумя руками взявшись за 38-й. Ее тусклая тень следовала впереди, и она вздрагивала каждый раз, когда ступени скрипели под ногами. Поднявшись на лестничную площадку второго этажа, она пригнулась, повернулась направо, затем налево, прежде чем снова выпрямиться. Она прислушалась. Старое здание скрипело. Мягкие шаги раздались на третьем этаже, потом затихли.

Она поднялась на следующий пролет, взглядом окидывая пространство от темной лестничной площадки третьего этажа до освещенного красным клуба за перилами из кованого железа. Ничего не двигалось в тени.

На площадке она снова пригнулась, поворачиваясь вправо, потом влево. Данте стоял в дверном проеме, рукой в перчатке опираясь на косяк. Хэзер выпрямилась. Подсвечники в форме горгулий, напоминающие произведения искусства, висели на стенах. Старый восточный ковер скрадывал ее шаги. Данте не пошевелился, никак не показал, что услышал ее или понял, что она подошла.

Тяжелый медный запах заполнил нос Хэзер, запах, который она слишком хорошо знала. В ее животе затянулся узел. Настойчивое кап-кап стало различимей, стоило ей приблизиться. Она шагнула к Данте, все еще держа пистолет обеими руками, и заглянула в комнату.

Все было хуже, чем она могла себе представить.

Намного хуже.

Глава 6

Магия и Тайна

Джоанна Мур стояла около окна своего офиса, наблюдая, как идет снег. Снег всегда заставлял ее думать о Рождестве и юности; она помнила магию, тайну крошечных блестящих окошек в рождественском календаре и сюрпризы, которые они находили, когда их открывали. В феврале в Вашингтоне были только скользкие тротуары и обледеневшие ветки деревьев, ему не хватало магии и таинственности.

— Э в Новом Орлеане, — сказала она, наконец.

— Совпадение, — ответил Гиффорд.

— Я так не думаю, — возразила Джоанна, — и мне это ни капельки не нравится.

Она отвернулась от окна, от снега и воспоминаний.

Гиффорд сел в мягкое кожаное кресло напротив стола Джоанны из вишневого дерева и нахмурился, посмотрев на увесистую папку на своих коленях. Он залез во внутренний карман пиджака и вытащил тонкую коричневую сигариллу.

Гиффорд покачал головой, не отрывая взгляда от папки.

— *Невозможно*, чтобы он знал об С или Плохом Семени. — Щелкнув зажигалкой, он поднес пламя к сигарилле.

Джоанна слышала, как табак сторал и иссыхал. Сладкий вишнево-ванильный аромат вился в воздухе.

— Интересно. — Она подошла к столу.

На его поверхности были разбросаны несколько папок и дисков с пометками: «**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**» и «**ИССЛЕДОВАНИЕ — ТОЛЬКО ДЛЯ СПЕЦ-СЛУЖБЫ**».

— Последняя жертва встретилась с С. — Джоанна присела на край стола и пристально посмотрела на Гиффорда. — И ее зарезали во внутреннем дворе рядом с клубом.

Он посмотрел вверх, взгляд серых глаз был задумчивым.

— Опять совпадение.

— И снова я так не думаю. Э выжиг знак С на груди жертвы.

Потянувшись, Джоанна выдернула сигариллу из пальцев Гиффорда. Поднесла к губам. Затянулась.

В его глазах появилась заинтересованность.

— Может, Э любитель музыки, — сказал он, — черт, может, он фанат «Inferno». У каждого серийного убийцы есть любимые группы.

Джоанна выпустила струйку ароматного дыма, наслаждаясь запахом табака и ванили. Она покачала головой.

— Нет. Он оставил сообщение. — Она протянула сигариллу Гиффорду, он забрал ее, на мгновение его пальцы коснулись ее, теплых и гладких. — Меня пугает до чертиков сама мысль, что у него может быть личная заинтересованность в ком-то.

— Оставил сообщение? — спросил Гиффорд и снова мельком посмотрел на папку на коленях. Прочитав пару страниц, он нахмурился. — Кому?

— Я не знаю, — тихо ответила Джоанна. — Может, С.

— Если это так, мы не должны волноваться, — сказал Гиффорд. Листы зашелестели. — С ведь не знает всего этого дерьма?

— Не после того как его память разорвали на части. Нет. — Поднявшись, Джоанна

задела колени Гиффорда и вернулась к окну.

Снег продолжал падать. Приближающееся зимнее утро окрасило темно-серое небо в светло-серое. Плотная белая тишина, похожая на ту, что окружала ее сердце, опускалась на мир за окном.

Звук перелистываемых страниц прекратился.

— *Заблокировали и разделили на части,* — произнес Гиффорд, — согласно истории.

Джоанна слышала, как палец Гиффорда скользил от строчки к строчке в отчете.

— Я была там, Дэн, с начала и до конца, — сказала она. — Разорвали — *более точное описание.*

Образы проскользнули сквозь ее защиту, молчаливую белую баррикаду.

Худой двенадцатилетний мальчик в забрызганной кровью смиренной рубашке, подвешен вверх ногами к потолку, цепи крепились к его лодыжкам. Длинные черные волосы каскадом струились вниз, не касаясь его лица, кроме нескольких пропитанных кровью и потом завитков прилипших ко лбу и бледным щекам. Он висит неподвижно, борьба, ярость и горечь покинули его, как кровь, вытекающая из трупа.

Наказание закончилось, но никто не хочет опустить его вниз — кровь на стенах и искореженные тела на цементном полу заставляют их держаться на безопасном расстоянии за стальной дверью.

Джоанна заходит одна и сама вкалывает шприц с транквилизатором в шею мальчика. Она снимает цепи с крюка мясника и опускает мальчика на пол. Одурманенный и погруженный в сновидения, красивый ребенок-вампир, потерявшийся в безумии полового созревания.

Подняв его на руки, она относит его к другой клетке. Она дрожит, волшебство и таинство импульсами проходят по ее венам, сверкая в ее памяти, как и на Рождество. Душа мальчика для нее словно рождественский календарь; и с каждой новой частью, которую она обнаруживает, с новым витком или спусковым механизмом, появляется замечательный сюрприз.

Джоанна провела пальцами по коротко стриженным волосам, смотря на свое слабое отражение в окне. Привлекательная, около тридцати, блондинка с голубыми скандинавскими глазами, высокая и подтянутая. Полная противоположность *père de sang*^[16] во внешности. Но она и Ронин разделяли тягу к знаниям. В этом они были очень похожи.

Усталость накатывала на нее. Ей нужна была кровь, затем Сон. Она давно использовала весь лимит таблеток. И могла только откладывать Сон как можно дольше.

— То, что сделали с памятью С, не проблема, — ответила она, повернувшись к Гиффорду. — Волна убийств Э по всей стране и участие Бюро в этом деле — вот проблема. Я не знаю как, но Э привел их более или менее прямо к С.

— Ты хочешь остановить Э?

Джоанна покачала головой.

— Я хочу продолжить изучать его прогресс. Но меня нервирует то, что Бюро так близко.

— Понятно, — сказал Гиффорд.

Он наклонился вперед. Его взгляд задержался на Джоанне.

— И что ты хочешь сделать?

Люсьен сидел в темной гостиной, выпрямив спину, закрыв глаза, так он охранял тех, кто спал в комнате наверху. Глубоким сном. За исключением одного. Одурманенные сном мысли Данте коснулись разума Люсьена. Он почувствовал борьбу Данте, который хотел оставаться в сознании, настороже. Проклятая женщина и ее чертов ордер на обыск. Люсьен вцепился в подлокотники кресла. Он сделал глубокий вдох и разжал пальцы. *Успокоившись.*

Он знал, насколько сложным и упрямым может быть Данте — дитя часто проверяло его железное терпение — и Уоллес просто среагировала на нежелание сотрудничать.

Но... почему Уоллес захотела обыскать внутренний двор? Что она надеется найти? И что из *всего* этого имеет отношение к Данте?

Люсьен открыл глаза и уставился в крошечный мрак. Тени обволакивали диван, книжные полки и напольные светильники, поглощая цвета. Снаружи чирикали птицы, оживившись с рассветом.

На какой-то момент Люсьен захотел подняться в небо и почувствовать теплые лучи на своем лице, спеть *небесную песнь* в золотом восходе солнца и услышать в ответ арию Падшего.

Но его *небесная песнь* не должна быть воспета. Дитя, которое он защищал, нужно было скрывать от Падших. Люсьен коснулся кулона, висящего на шее. Провел по краям буквы «X», металл был гладким и теплым.

Руна Соглашения, дарованная ему Данте четыре года назад, — теплый и неожиданный знак их дружбы. Пальцы Люсьена сжались вокруг кулона. Грубые края впились в плоть. Он склонил голову и прикрыл глаза. Вспомнил неистовую и тяжелую *Песнь Создателя*, услышанную в ответ пять лет назад... вспомнил приземление на пристань рядом с Миссисипи.

Юноша в потертых кожаных штанах, изношенных ботинках и футболке сидит со скрещенными ногами на искореженном и выветренном деревянном причале, что-то извивающееся, светящееся синим зажато в его руках.

Люсьен легко ступает на причал, последний раз взмахнув крыльями, прежде чем сложить их у себя за спиной. По воде идут круги, и брызги осыпаются на пристань. Сильный запах рыбы, мутной воды и грязи заполняет воздух.

Юноша не смотрит вверх. Черные волосы скрывают его лицо, склонив голову, он сосредотачивается на предмете, извивающемся в его руках.

Люсьен делает шаг вперед, дерево по-прежнему остается теплым под его босыми ногами. От юноши исходят волны боли и силы, острые, жгучие и лихорадочные. Кровь течет из его носа, капая на тыльную сторону ладони.

Искрящийся синий свет исходит из рук подростка. Песня хаоса вихрем кружится вокруг него — мучительная и тоскливая, разбивающая сердце — притягивая Люсьена ближе. Его мышцы натягиваются, обжигающий жар струится по венам. Последний раз, когда он видел этот синий свет или слышал Песнь Создателя, был за тысячи лет до Создателя, который давно уже мертв.

Наконец, родился другой? Скрытый в мире смертных?

Люсьен прячет крылья за спиной, когда присаживается рядом с юношей. Боль пронзает его. Плотно возведя щиты, Люсьен закрывается от нежеланной агонии.

— Дитя.

Юноша с волосами цвета ночи не отвечает. Его открытые ладони дрожат, и голубое свечение меркнет, затем исчезает, словно затушенное пламя. Нечто, что он держит в

руках, мчится прочь, темные глаза мерцают в лунном свете.

Люсьен с удивлением понимает, что на причале крыса. Или нечто, что раньше было ею. Прежде, чем крыса подбегает к краю пристани, множество пар полупрозрачных и хрупких, как у стрекозы, крыльев уносят ее в ночь. Она улетает.

Навсегда измененная прикосновением Создателя.

— Дитя, — снова говорит Люсьен и приподнимает лицо юноши надетым на палец когтем.

Он слишком ошарашен, чтобы узнать темные умные глаза, линию скул, изгиб губ, даже, чтобы оттолкнуть мальчишку, когда тот ринулся по пристани. Люсьен подает на спину, когда парень обретает силы и, сцепившись в его плечи руками, вонзает клыки в шею.

Тепло исходит от юноши, когда он пьет кровь Люсьена, тепло, голод и глубокая, глубокая скорбь. Люсьен поддерживает его на мгновение, позволяя питаться, прижимать себя к старой деревянной пристани одетыми в кожу бедрами. Он пахнет осенним дымом от костров и ноябрьскими морозами, пронзительный, чистый и опьяняющий аромат. Боль и почти что безумие юноши обрушиваются на щиты Люсьена, словно безжалостная кувалда.

Он так похож на нее.

Невероятно.

Ее сын.

Нежно, Люсьен разжимает стальной хват юноши и кладет руку на его воспаленный висок. Он вливает в него целительную энергию, гася огонь, опустошающий его разум, и погружая в сон. Парень расслабляется, его испачканное лицо оставляет красный след на плече и груди Люсьена.

Люсьен убирает в сторону запутанные черные волосы и всматривается в бледное лицо мальчика. Он всматривается в чудо. Проследив пальцем линию подбородка, приподнимает его губу и смотрит на небольшие клыки. Холод проникает в Люсьена.

Где его мать?

Женевьева...

Люсьен открыл глаза, все еще сжимая кулон. Так много неизвестного и недосказанного. Он должен был сказать Данте правду, когда они встретились. Теперь было уже слишком поздно. Момент упущен. Вздохнув, Люсьен отпустил подвеску, последний раз коснувшись.

Он прислушивался к неподвижному дому, тиканью маятниковых часов в холле, треску старого дерева и фундамента, утренней суете за пределами затемненных окон.

Люсьен расслабился в удобном кресле, позволяя себе задремать. Прошло несколько минут. Полчаса. Ясный свет зари сменился на серый. Шторы потемнели. Дождь застучал по черепицам крыш. Заморосил на дорожки, выложенные из камня.

Укол ярости, глубокая боль от старой, вновь открывшейся раны, разбудили Люсьена. Он поднял голову. Предчувствия скрутились, словно колючая проволока, вокруг его позвоночника.

Его дитя недолго боролось со Сном. Он проснулся.

Глава 7

Ближе, чем она когда-либо была

Обнаженное тело лежало лицом вверх на смятой постели, руки были прикованы наручниками к изголовью, ноги раздвинуты, черный чулок обернут вокруг горла и завязан. Колотые раны покрывали грудь и живот. Лицо, повернутое к двери, частично скрывали черные длинные волосы. Губы и язык были испачканы кровью и пеной. Тушь, подводка для глаз и слезы оставили сухие дорожки на лице. Взгляд из-под полуприкрытых век, казалось, был направлен прямо на Хэзер. На молочно-белой внутренней поверхности каждого бедра был вырезан символ анархии.

Кровь капала на ковер. Хэзер окинула взглядом пропитавшиеся кровью простыни и руки, вертикально исполосованные от запястья до локтя. Остановившись на падающих каплях. *Смерть наступила только что. Считанные минуты назад? Максимум полчаса?*

Позади кровати неровными косыми буквами было написано сообщение, занимающее большую часть стены:

«Просыпайся С».

— Джина, — прошептал Данте.

Хэзер резко посмотрела на него.

— Ты знал ее?

Данте кивнул, неверие, шок и что-то ещё, что Хэзер не смогла определить, омрачили его лицо. Он нащупал свои солнечные очки на макушке и опустил их вниз.

Переложив кольт 38-го калибра в другую руку, Хэзер достала сотовый из сумочки и набрала номер восьмого округа.

— Агент Уоллес, — сказала она в трубку. — На Сент-Питер-стрит 666 произошло убийство. Клуб «Преисподняя».

Выключив телефон, Хэзер положила его обратно в сумочку, взгляд ее зацепился за влажные от дождя шторы рядом с открытым французским окном.

Возможно, убийца сбежал, когда они вошли в клуб. Или...

Хэзер оттолкнула Данте от дверного косяка.

— Оставайся на месте.

Или у него не было даже шанса...

Держа 38-й обеими руками, Хэзер пересекла комнату, пройдя мимо кровати к французским окнам. Выйдя на балкон, она пригнулась и повернулась влево. Пусто. Она перегнулась через черные железные перила, опустив оружие, и посмотрела вниз на улицу. Несколько гуляк шатались по мокрому тротуару в преддверии Марди Гра. Смех, словно дым, поднимался вверх.

Стерев капли с лица, Хэзер на мгновение закрыла глаза. Две смерти в одном месте. *Еще одно изменение почерка. Потребность убивать возросла. Почему сейчас? Почему здесь?*

От рева автомобильных двигателей Хэзер открыла глаза. Две полицейские машины мчались вниз по узкой улице, сопровождаемые еще одной без опознавательных знаков с синей мигалкой. Все три, издав резкий звук, затормозили перед клубом. Когда офицеры вышли, Хэзер взмахнула рукой.

— Наверху, — позвала она. — Дверь открыта.

Посмотрев наверх, один из полицейских помахал.

Хэзер отодвинула занавески в сторону и вошла в комнату. Данте не остался на месте. Он сидел на окровавленной кровати рядом с телом девушки, его кожаная куртка укрывала тело жертвы — *Джинны*, он сказал, ее имя *Джина*.

Хэзер не могла видеть лица Данте, все его внимание сосредоточилось на порезанных запястьях жертвы. Его руки были сжаты в кулаки. Зловоние крови, сохранившийся отголосок насилия и страха, пустой стеклянный взгляд девушки — ничто из этого не пугало Данте. Большинство людей не смогли бы просто оставаться в комнате с телом своего друга, не то что сидеть рядом на окровавленной кровати.

Но Данте отодвинул на задний план свои чувства, чтобы прикрыть ее, вернуть немного достоинства.

— Она все еще теплая, — сказал он.

Присев на корточки рядом с кроватью, Хэзер коснулась плеча Данте.

— Я знаю, это сложно, — произнесла она. — Я знаю. Но ты должен убрать куртку. Мне нужно сохранить место преступления.

Данте обернулся, чтобы посмотреть на нее, его взгляд скрывали темные очки.

— Он отнял у нее все, — его голос был низким и надломленным. — Куртка останется.

— Я понимаю, — сказала Хэзер. Хоть кто-то сделал тоже самое для ее матери? Или хотя бы захотел сделать? — И я бы хотела *оставить* ее на ней. Но это может уничтожить улики.

Она слышала, как из зала поднимаются полицейские Нового Орлеана, тяжело ступая по лестнице. Данте встал. Хэзер потянулась и сняла его куртку с тела.

— Мне жаль, — произнесла она.

Данте убрал куртку.

— Знаешь, я верю, что это так.

Хэзер коснулась его локтя.

— Давай поговорим в коридоре, — ее голос звучал ровно, и она надеялась, что успокаивающе. — Ты не можешь оставаться здесь, и мне нужно задать несколько вопросов.

Она хотела, чтобы он снял очки. Из-за невозможности заглянуть в глаза, его выражение лица ускользало от нее. Но плотно сжатые челюсти, напряженность и лихорадочный язык тела говорили о многом. Хэзер не хотела заставлять его уходить из комнаты, но если придется, она это сделает.

Коротко кивнув, Данте вышел в коридор. Он смотрел в конец коридора в направлении лестницы. Облегченно вздохнув, Хэзер последовала за ним.

— Какие вопросы?

— Когда ты в последний раз видел Джину?

— Прошлой ночью.

Уоллес смотрела на Данте с чувством, будто ее только что окатили ледяной водой.

— Прошлой ночью? Ты уверен?

Еще одно изменение почерка. СК, если это был СК, всегда держал жертв несколько дней. Интуиция подсказывала, что это, *несомненно, он*.

— Да, я уверен, — ответил Данте. — Мы даже были в этой комнате.

Никаких совпадений. Данте должен был найти ее. Хэзер посмотрела на измазанную кровью стену позади кровати. «*Просыпайся С*». В прошлый раз он написал просто «*Просыпайся*». Что означает С?

Могла ли одержимость Данте быть причиной изменения почерка? Сообщение

предназначалось ему? Лафайетт. Выжженный автомобильным прикуривателем символ на груди Дэниела Спаррелла. Фото, где Данте в капюшоне с символом анархии на цепочке на шее или вокруг запястья. Что если Данте предназначалось найти тело... Ее пульс ускорился.

Он общается. С Данте.

Она была близка к убийце. Ближе, чем когда-либо.

— Надпись «Просыпайся С» значит что-либо?

Хэзер повернулась к двум полицейским, появившимся из-за угла лестничной площадки.

— Специальный агент Уоллес, ФБР, — сказала она. — Я собираюсь достать удостоверение.

Когда она скользнула рукой в сумочку, первый коп, покрасневший от волнения и адреналина, сфокусировал внимание на Данте и положил ладонь на кобуру.

— Ты, — рявкнул он. — На пол! Живо!

— Скажи своему напарнику отступить, — сказала Хэзер, показывая значок второму офицеру, старшему и более мощному мужчине, надежнее, чем тот, который тьякал, как терьер, на Данте. — Он владец клуба и знал жертву.

— Джефферсон, — вздохнул коп, — достаточно. Прекрати.

Покачав головой, он остановился перед Хэзер.

— Мэннинг, — сказал он и кивнул в сторону своего напарника. — Новобранец и все еще зеленый, как задница крокодила.

Хэзер улыбнулась.

— Без шуток.

Она посмотрела на Данте. Он стоял расслабленно, делая вид, что не замечает замолчавшего новобранца. Он даже зевнул. Однако ее это не обмануло: по тому, как расправились его плечи и напряглись мышцы, она заметила, что он взвинчен и готов к нападению.

— Иисусе...

Хэзер посмотрела на Джефферсона. Он застыл в дверях, глядя на связанное тело и послание на стене, его рот был открыт, когда он вдыхал вонь от крови и смерти. Джефферсон побледнел. С трудом сглотнув.

— Не вырви здесь, мудака.

Двое мужчин поднялись по лестнице в коридор. Говоривший протиснулся мимо Джефферсона и вошел в комнату. Упрек в его низком голосе, помятый костюм и легкая уверенная походка дали понять Хэзер, что вновь прибывший — детектив, как и мужчина, следовавший за ним. Напарники, без сомнений. Скучающим взглядом он осмотрел место преступления, глаза, словно объектив камеры, запоминали каждую деталь, запечатлевали каждую тень и каплю крови, оставляя след в памяти.

Его напарник кивнул Хэзер, с незажженной сигаретой зажатой между губ и камерой в руках. Он шагнул в комнату, остановившись в проеме двери. Камера защелкала, когда он стал снимать место преступления.

Мэннинг и его новенький напарник стояли по другую сторону от входа, охраняя место преступления. Цвет лица Джефферсона стал зеленоватым, а взгляд был прикован к полу.

— Вы, должно быть, федерал, о котором говорил Коллинз, — сказал первый детектив.

— Верно, — ответила Хэзер. Она вошла в комнату, пройдя мимо фотографа. — Специальный агент Хэзер Уоллес. А вы?

— ЛаРусс, — сказал он, поворачиваясь к ней. — Отдел по расследованию убийств. —

Он наклонил голову в сторону своего напарника. — Это Дэвис.

— Привет, — кинул Дэвис, убирая сигарету за ухо.

Он повесил камеру себе на шею. И, вытащив из пиджака блокнот с закрепленной ручкой, начал делать заметки, царапая ручкой по бумаге.

ЛаРусс прошелся взглядом по всему телу Хэзер.

— Коллинз никогда не упоминал, что вы красотка. — Он подмигнул. — Предполагаю, он хотел оставить эту информацию при себе.

Улыбаясь, он встряхнул головой, каштановые волосы упали на глаза, придав ему смущенный вид.

— Должно быть, он профессионал, — голос Хэзер повысился. — Возможно, он больше заинтересован в поимке плохих парней, чем во флирте.

Улыбка ЛаРусса исчезла. Он указал пальцем в направлении Данте.

— А вот эта рок-звезда подходит для флирта?

Хэзер взглянула на Данте. Он стоял в дверном проеме, куртка висела на одной руке, взгляд за очками следил за ней и ЛаРуссом. *Мог* он убить девушку до того, как ДеНуар привез его домой в фургоне? Не потому ли ДеНуар соврал о присутствии Данте в клубе?

Она была все еще теплая.

Кровь капала на ковер.

Ошеломлённое выражение его бледного, очень бледного лица.

Слишком много времени прошло с момента, когда Данте прибыл в загородный дом, и они вернулись в клуб. Окна оставили открытыми. Холодный воздух охладил бы тело; кровь свернулась бы за это время. Нет, Джину убили, когда Хэзер везла Данте в Новый Орлеан.

Она посмотрела на ЛаРусса, в его холодные глаза. Вся непринужденная доброжелательность исчезла, и во взгляде появился бледно-голубой лед.

— Нет, — сказала Уоллес, — но я хочу получить объяснение от него.

Вынув мини-диктофон из сумочки, Хэрез прикрепила его к воротнику плаща.

— Данте, почему бы тебе не подождать внизу? Я хочу...

— У меня есть идея получше, — прервал ее ЛаРусс, ткнув пальцев в Данте. — Мэннинг отведи Прейжона в участок. Я думаю, мы сможем найти пару старых ордеров.

— Какого черта вы делаете? — Хэзер с недоверием уставилась на ЛаРусса.

— Преступное причинение ущерба. Вандализм, — сказал ЛаРусс, взгляд застыл на Данте. Жесткая улыбка искривила его губы. — Эти чертовы символы анархии, нарисованные баллончиками повсюду.

Данте бросил куртку, которая упала на ковер с приглушенным звоном.

— Ничего подобного, разве что ваши личные счета, — сказал он. Его руки в перчатках сжались в кулаки.

— Подождите минуту... — начала Хэзер, но ЛаРусс кивнул Мэннингу.

Коп в форме отцепил наручники с пояса и двинулся к Данте.

Данте переместился.

По крайней мере, Хэзер только мельком увидела движение; потом Мэннинг пролетел через всю комнату и врезался в стену. Его голова стукнулась об шпукатурку, оставляя вмятину. Наручники выпали из рук. С выражением боли на лице ошеломленный Мэннинг схватился за пистолет в кобуре.

Данте стоял в дверном проеме, одна рука все еще поднята, тело напряжено.

— Замри, ублюдок! — завизжал Джефферсон, наставляя на него пистолет.

Скрытый за очками взгляд Данте застыл на Джефферсоне. Наклонив совсем немного голову, он опустил руку только затем, чтобы обе сжать в кулаки. Хэзер достаточно видела уличных боев, чтобы понять, что он собирается атаковать новичка.

Вытянув руку, Хэзер закричала:

— Нет! Подождите! — не понимая, кому именно, Джефферсону, Данте или обоим.

Она побежала вперед, но время замедлилось. Ее обзор сузился на пистолете Джефферсона. Его палец коснулся курка. Взвел его. Боковым зрением Хэзер заметила движение — Дэвис и ЛаРусс помогают? Пытаются помешать? — и выхватила свой пистолет.

В момент, когда она это сделала, поняла, что не успеет.

Джефферсон выстрелил.

* * *

Э сделал еще один глоток виски, затем поставил охлажденный стакан на тумбочку около наполовину пустой бутылки Canadian Hunter. Лед треснул. Он растянулся на кровати, поворачиваясь на груди подушек.

Э скрестил щиколотки, взял заляпанный кровью томик поэзии «*Внутри Сердца монстра и другие стихи*» Хуана Алехандро Наварро и принялся читать. Он читал одни и те же строфы снова и снова, но не вникая в смысл. В течение нескольких минут смотрел на страницу, не переворачивая её, после чего захлопнул книгу и швырнул на кровать.

Ему нужно было поспать, но он не мог. Был слишком взвинчен. Ему не терпелось что-нибудь сделать. Он услышал её голос, умоляющий почитать ей, и начал. Вежливым тоном.

— ...обожженное морозом и иссушенное временем, это сердце

черные края которого сморщились

как лапки мертвого паука...

И при этом она рыдала.

Он залез в карман брюк и вытащил новый сувенир. Закрыв глаза, натянул на лицо шелковую эластичную подвязку. Она шуршала, соприкасаясь со щетиной на коже. Он чувствовал её аромат, вишнёво-мускусную сладость. Открыл глаза и взглянул на мир через тёмную пелену.

Она просила его продолжать чтение, чтобы не дать добраться до сумки с острыми безделушками? Или правда хотела услышать его голос, музыку прочитанного слова?

— *Пожалуйста, нет, нет, читай для меня, пожалуйста... продолжай читать.*

Всматриваясь в темный мутный свет, Э снова слышал ее шепот, он слышал ее голос — низкий, дрожащий и соблазнительный.

— *Читай мне, пожалуйста... пожалуйста...*

На мгновение, читая Джине, он внезапно ощутил тепло в груди. Подняв глаза от страницы, увидел золотой луч, тянущийся от её сердца к его. Золотой луч задрожал и превратился в бледный туман, растворяющийся между ними, разливаясь как горячий мёд между губ Джини. Когда она снова открыла глаза, они стали золотыми.

— *Пожалуйста... читай мне... Будь моим богом.*

Ладно, возможно, она не говорила последнего. Все равно он это видел в ее изменившихся глазах.

Отбросив книгу, Э опускается на колени перед кроватью и целует её в обнажённое плечо. Она вздрагивает, дыхание становится прерывистым. И, присмотревшись, он

замечает вымученную, искусственную улыбку, осыпанную золотистым свечением, покрывшим её губы и затуманившим взгляд.

Лед крепнет у него в животе, замораживая внутренности и подавляя огонь, бушующий в венах.

— Назови имя того, кого ты любишь, — говорит он, присев на корточки, чтобы видеть ее лицо.

Ее взгляд пробегает по его лицу в поисках каких-нибудь подсказок. А он все так же ничего не показывает.

— Он придет за мной, — наконец, выдыхает она, — он создание ночи.

Э засовывает дрожащую руку в свою сумку; холодное оружие касается его ледяной кожи. Пальцы обхватывают рукоятку ножа.

— Назови его имя.

Она рыдает. Закрывает глаза. Возможно, знает, что он может заглянуть в них и увидеть ложь. Ее предательство.

— Он придет.

— За тобой? — заканчивает Э. — Нет, не придет.

Он вытаскивает нож из сумки; лучи восходящего солнца вспыхивают на лезвии.

— Данте не заботится о тебе. Почему он должен? Ты всего лишь иллуха.

Ее глаза распахиваются, когда она слышит имя, которое не произносила. И в этот момент Э вонзает нож в ее живот.

Э повернулся набок, вокруг его руки был обмотан чулок Джины, который он использовал как четки для размышлений о тайнах вращающихся сук.

Она предлагала ему любовь в своем золотом взгляде, соблазняла его обожанием и мольбами. Но он был умнее и сильнее. Он видел ложь, извивающуюся под ее кожей. И под ее ароматом черной вишни он чувствовал обман, переспевший и омерзительный.

Он, возможно, дал ей слишком много. Он, возможно, стал ее богом.

Поэтому появился интересный вопрос: будучи богом, зачем ему нужен этот чертов кровопийца Ронин, чтобы вести его... *контролировать?*

Он разбудит С сам.

* * *

Пуля вылетела из дула пистолета, резко разрезав воздух, и, от ricochetив от стены, раскололась. Сердце Хэзер остановилось на секунду, а затем события пронеслись с оглушительной скоростью.

Она прижала Джефферсона к стене, удерживая своим телом. Схватив его запястья, вздернула руку с оружием вверх. Дэвис выкрутил пистолет из пальцев Джефферсона.

— Твою мать, придурок, — его голос был резким. — Ты хотел всех нас убить?

— Не о чем беспокоиться, — сказал ЛаРусс, — он промазал.

Хэзер посмотрела в дверной проем. Данте там не было. На самом деле он стоял в центре комнаты. И она наблюдала, как он возвращался к двери, прижимая руки в перчатках к бокам. Выглядел он при этом так, будто был готов напасть на Джефферсона. Опять.

Хэзер почувствовала себя так, словно груз упал с ее плеч. Она сделала глубокий вдох, затем медленно выдохнула, ощущая, как облегчение забирает ее силы, оставляя с ослабшими ногами.

Она поймала мрачный взгляд Данте, или ей показалось... и покачала головой. *Не двигайся. Больше никаких глупостей.* Данте остался стоять, облокотившись на косяк, тело напряжено. Она почти чувствовала запах адреналина и ярости, исходящий от него. И тестостерона. *Не забывай об этом.* Со всеми находящимися в комнате мужчинами воздух трещал только из-за него.

Хэзер повернулась к Джефферсону.

— Какого черта вы делаете?

Джефферсон встретился с ней взглядом, открыл рот, затем снова закрыл. И опустил глаза вниз.

— Защищал своего напарника, агент Уоллес, — вмешался ЛаРусс. — Или вы в Бюро этого не делаете? Здесь мы делаем то, что необходимо.

Хэзер закрыла на секунду глаза, затем повернулась. ЛаРусс стоял на коленях около Мэннинга, одна рука лежала на плече полицейского.

— Прейжон был безоружен, — сказала она напряженным голосом. — *Не было* необходимости стрелять на поражение. И вы знали это.

ЛаРусс фыркнул. Покачал головой. Он помог Мэннингу с ногой.

— Отведи его в отделение скорой помощи, — сказал ЛаРусс Джефферсону, — и напиши детальный рапорт.

— Я в порядке, — сказал Мэннинг, его лицо покраснело, — Господи!

Джефферсон обхватил протестующего напарника рукой и повел к выходу. Данте все еще стоял там, опираясь на косяк. Уголок его рта приподнялся в кривой улыбке. Опустив руку, он вошел в комнату.

— Je va te voir plus tard^[17], — сказал он Джефферсону.

Краски отхлынули от лица копа.

— Я не знаю канжунский диалект, — заикаясь, ответил он.

Проводя Мэннига сквозь дверной проем, Джефферсон поспешил в коридор.

Хэзер откинула волосы с лица и сердито посмотрела на Данте.

— Так ты не шутил о проблемах с сотрудничеством?

— Он сказал Джефферсону, что встретится с ним позже, — ответил ЛаРусс, — звучало как угроза.

— Это не угроза, — произнес Данте, — просто то, что обязательно произойдет.

Развернувшись, чтобы оказаться перед ЛаРуссом, Хэзер уточнила:

— Прейжон не соучастник. Я думаю, его нужно перевезти в безопасное место и приставить охрану.

— Нет, спасибо, — ответил Данте, — и мое имя не Прейжон.

— Заткнись, — сказала Хэзер. — Ты не помогаешь.

— Он будет помещен под предварительный арест, — произнес ЛаРусс, натянутая улыбка исказила его губы. — В тюрьму. За нападение на офицера и сопротивление аресту.

— Давайте расставим все на свои места прямо сейчас, ЛаРусс, — сказала Хэзер подходя ближе к детективу, мышцы напряжены, руки сжаты. — Я отвечаю за это расследование...

Он наклонился и встретился с ней лицом к лицу.

— Тут вы ошибаетесь, агент Уоллес, — возразил он. — Вы *не ведете* это дело. Вы *консультант*. Черт, вы даже не сказали нам, здесь ли проклятый Странствующий Киллер или нет.

Слова ЛаРусса ударили Хэзер, словно пощечина. Ее щеки горели, но она не отвела взгляда и не отступила, ногтями впиваясь в ладони.

— Я жду подтверждения анализа ДНК, — ее голос звучал ровно.

— Даже если он здесь, и вас поставят во главе, я этого просто так не оставлю, — ответил ЛаРусс. — *Этот мудака*, — он ткнул пальцем в Данте, — *напал на одного из моих офицеров.*

Все еще удерживая взгляд Хэзер, ЛаРусс продолжил:

— Дэвис, надень на этот кусок уличного мусора наручники и передай его копам внизу.

— Мы еще не закончили, — произнесла Хэзер низким голосом и развернулась.

Дэвис подошел к Данте осторожно, держа наручники в свободной руке.

— Полегче, — проговорил он, словно общался с рычащей собакой. — Не обязательно должно быть трудно. Мы можем сделать все просто.

Настороженное лицо Данте и его напряженное тело говорили, что все будет не так просто.

Послушайте, мы не должны преодолевать такой сложный путь.

Это единственный путь, который я знаю.

— Подожди. Отойди, — попросила Хэзер. — Я надена на него наручники.

Подняв руки в знак капитуляции, но по-прежнему смотря на Данте, Дэвис сдался:

— Хорошо. Он весь ваш.

Прекрасно осознавая, что ЛаРусс следит за каждым ее шагом, Хэзер взяла наручники из протянутой руки Дэвиса и сделала пару шагов по ковровому полу. Данте наблюдал за ней с настороженным выражением лица, сжав руки в кулаки.

— Что ты сделал? — пробормотала Хэзер, когда остановилась перед ним. — Продинамил ЛаРусса на выпускном? Что за осел.

Улыбка тронула уголки губ Данте. Он, расслабившись, разжал руки. Но его пальцы остались согнуты, словно в любой момент могли сжаться в кулак.

В этот момент Хэзер осознала, что на лице Данте было выражение жажды, такое же, как когда он смотрел на Джину, жажды смешавшейся с шоком и неверием.

Комната пахла кровью, кровать пропиталась ей. Он верил, что вампир... Была ли это вампирская жажда? Или что-то более темное...

— Просто расслабься, ладно? — попросила Хэзер. — Доверься мне. Я все улажу.

Пот выступил на висках Данте, челюсть сжалась. Мигрень? Энни постоянно выглядела так перед появлением головной боли.

— Я никогда не верил копам, — сказал Данте хриплым голосом.

— Я не прошу тебя доверять копам, — возразила Хэзер. — Я прошу доверять мне.

Данте надолго задержал на ней взгляд. Внезапное головокружение накрыло Хэзер, зарождаясь водоворотом в черепе и проходя через весь позвоночник. Как только паника коснулась ее, ощущение исчезло.

Не говоря ни слова, Данте стянув перчатки, бросил их в кресло. Затем развернулся и завел руки за спину.

Глава 8

Разрушитель

С резким металлическим щелчком наручники застегнулись вокруг запястий Данте. Древние демоны, он даже не мог назвать того, что в нем проснулось. Горячий сухой шепот обжег мысли.

Сломай наручники. Прикончи их. Всех. Ты будешь за окном раньше, чем кровь забрызгает пол. Хочешьжаждешьсделайхочешьжаждешь...

Мышцы свело, Данте склонил голову, пытаясь не слушать.

Под густым ароматом крови Джинны он поймал слабый запах бензина и обугленной плоти. Услышал потрескивание огня. *Нет, не здесь. В другое время. В другом месте.* Он содрогнулся. Боль усилилась. Взгляд затуманился.

— Эй, — сказала Уоллес. — Дыши. Просто дыши. Давай, вдох. Выдох. Вдох.

Слушая приятный успокаивающий низкий голос Уоллес, Данте потянулся к Люсьену, пытаясь передать мысли через ментальную связь.

<Джина мертва. Вытащи меня, когда остальные проснутся>.

— Дыши, Данте. У тебя есть какие-нибудь медикаменты?

<Вытащить тебя?.. Дитя, почему ты позволяешь себя арестовать?>

<Хочешьжаждешьсделайхочешьжаждешьсожги>, — вырвалось прежде, чем он смог остановиться.

<Шшшш>.

Внезапно холодный свет залил разум Данте, замораживая боль и заглушая голоса. Он дернулся, когда подошла Уоллес, осторожно снимая солнечные очки, и отвернулся, изумленный серостью утреннего света. Она схватила его за подбородок и развернула лицом к себе.

— Лекарства? Ты принимаешь что-нибудь?

— Морфин. Иногда опий, — сказал он, смотря из-под ресниц в ее глаза.

«Сумеречно-синие, — подумал он. — Цвета неба, когда появляются звезды».

Она выдержала его взгляд, хмуря брови. Локоны рыжих волос обрамляли лицо и завивались на висках.

— А ты бы не мог назвать что-нибудь легальное? — прошептала она, надевая ему обратно солнечные очки. — Господи...

Данте пожал плечами.

— Ты спросила. Я не соврал.

— А может быть стоило? — Уоллес потрясла головой.

— Арестуй его, — сказал придурок ЛаРусс. — Запри его. Он тут же заснет. Я гарантирую.

Данте кинул взгляд через плечо. Придурок моргнул.

Он знает, что я создание ночи.

— Держись. — Уоллес натянула на Данте капюшон, закрывая лицо. — Не хочу, чтобы ты загорелся, или нечто в этом роде, — прошептала она. Мимолетная улыбка изогнула ее губы.

— *Merci beaucoup*^[18], — ответил он.

Действия Уоллес удивили Данте. Черт, они *сбили его с толку*. Она не вела себя как коп, как минимум, не все время, даже когда будила ото сна создание ночи, достав ордер на обыск. Данте не видел ничего циничного или издевательского в ее взгляде, наблюдая, как агент развернулась и пересекла комнату, направляясь к кровати.

Прохладный утренний ветерок трепал волосы Джины, обвивая их вокруг шеи. Он в последний раз посмотрел на нее.

Мы должны идти, секси. Завтра ночью?

Она не сказала ни слова. Было уже поздно.

— Да, — прошептал он. — Завтра ночью.

Он проследовал за Приятелем в коридор и спустился по лестнице. Лед растаял, боль возобновилась. Лоб покрылся бисеринками пота.

Мы...

Где был Джей?

* * *

Нехватка сна, накопившаяся в Данте, склонила его в дрему, несмотря на всю решимость оставаться бодрствующим. Сев на колени в углу камеры, он как будто дрейфовал среди разговоров нарушивших закон сокамерников.

— Леди-вуду сказала: «Остерегайся», знаешь ли, — быстро пробормотал Потный Придурковатый Чувак высоким голосом, сидевший на скамье напротив решетки. Он был чем-то похож на шарик для пинг-понга, напичканный кофеином.

— Заткни пасть, — прорычал Недружелюбный Парень, скрючившийся на лавке позади.

А пьяный Зеленый Парнишка, схватившись за края унитаза, блевал... снова... так сильно, что заработал полусочувствующее ворчание от Недружелюбного. Придурковатый заткнулся от резких звуков, послышавшихся из толчка, и от кислого мерзкого запаха, распространяющегося по камере.

Данте радовался, что в камере не было окон, поскольку его солнечные очки и толстовку с капюшоном конфисковали вместе с ремнем и украшениями. Хотя немного свежего воздуха не помешало бы. Глаза его закрылись, голова склонилась.

Данте стукнулся затылком о стену и заставил себя открыть глаза, сощурившись от флуоресцентного освещения. *Не спать!*

Придурковатый не смутился прервавших его Зеленого Парнишу и Недружелюбного, продолжая с того места, где остановился.

— «Для Создателя — Разрушитель», — говорит она...

— Да кого это нахрен волнует, болван?

Маленький коричневый таракан выполз из трещины в стене, волоча свою задницу к тени, отбрасываемой коленями Данте. Схватив его с пола, Данте зажал насекомое в ладонях. Тонкие ножки и усики таракана щекотали руки.

Сконцентрируйся. Давай же... не спи.

Слабое голубое свечение исходило от его ладоней, и, несмотря на все усилия, глаза закрылись. Песнь манила его: генетическая песнь, колеблющаяся волна, поддерживаемая ритмом ДНК. Данте дернул струны ритма и изменил ее. Сон все также затягивал. На секунду он задремал, струны распустились, затем переплелись, и уже другая песнь полностью завладела его разумом — хаос кошмаров и ярости.

Образы замелькали в голове: маленькая девочка, плюшевая черно-белая касатка с красными пятнами... насыщенный красный...

И пропали.

Боль возобновилась. Он так *много* не помнил. Но каждый раз, когда пытался вспомнить, чудовищная мигрень выводила его из строя.

Открыв глаза, Данте опустил сложенные ладони между ботинок. Голубое свечение отблескивало на ремешке с пряжкой и отражалось от жесткой черной поверхности того, что он выпустил из дрожащих рук. То, что когда-то было тараканом, уползло от своего Создателя, хныкая.

Данте ударился затылком о стену раз, другой. Все это *чертовски* неправильно. Зажмурившись, он дотронулся до висков. Руки тряслись. Пот заскользил по пальцам.

— *Что это*, черт возьми?

— Твою мать! Убей его!

Вибрация от топота нескольких пар ног прошла отбойным молотком по позвоночнику Данте к черепу. Боль вспыхнула, как сверхновая звезда — раскаленная и нескончаемая. Желание спать ударило по нему и унесло в глубину тьмы.

* * *

— Так... смерть от удушения? — спросила Хэзер.

— Неофициально, да, — ответил Адамс. — Я точно узнаю после вскрытия.

Он задвинул покрытое простыней тело Джини в холодильную камеру. Дверь закрылась с *глухим* щелчком, отдавшимся эхом в комнате.

Хэзер заметила тени от усталости под глазами у судмедэксперта и складки в уголках рта. Напряжение сковало его мышцы шеи. Тяжелая неделя в Big Easy^[19] в офисе патологоанатома, — Марди Гра и серийный убийца. Она не завидовала мужчине.

— Когда у тебя будут результаты по образцу спермы? — спросила Хэзер, посмотрев на стальную квадратную дверь, за которой покоилась Джина.

Странствующий Киллер незаметно двигался все ближе в сторону Данте. Почему он играет в игры?

— В середине недели, в лучшем случае. Я буду держать тебя в курсе, — голос Адамса был низким и напряженным.

Хэзер резко подняла взгляд. Адамс хмурился, плотно сжимая челюсти.

— Этот твой образ куда милее обычного, — продолжил он.

— Извини? — Хэзер осторожно разглядывала судмедэксперт, застигнутая врасплох враждебностью в его взгляде.

— Почему ты не сообщила нам? Мы могли бы оповестить, предупредить. Серийный убийца в Новом-Орлеане, агент Уоллес, — сказал Адамс. — Ты знала это. И ничего не ответила.

Усталость охватила Хэзер.

— Мне жаль. Но я *обязана* была удостовериться.

— Скажи это *ей*, — перебил Адамс, кивая на холодильник. Он прошел по кафельному полу и вышел в коридор, дверь за ним закрылась.

Хэзер одиноко стояла в морге, окруженная безмолвными умершими. Она дотронулась рукой до холодной металлической двери. Представила Джину под простыней. Вспомнила,

что сказал Данте: «Он забрал у нее все».

У Хэзер сжалось горло. Правда. Все до единого. Если бы она поймала этого ублюдка, у Джини была бы последняя возможность высказаться.

Слабое утешение.

После трех долгих лет, она наконец-то нашла звено в цепочке к Странствующему Киллеру — Данте.

Но чего это стоило?

Убрав руку от холодильника, Хэзер пересекла комнату. По спине пробежал холодок. Но она отказывалась оборачиваться. Выскользнула за двери морга и подождала, пока они за ней захлопнутся.

Прости меня, Джина.

* * *

Люсьен стоял в центре гостиной, глядя в потолок. Старые половицы скрипнули, стоило ноге их коснуться. Его кулаки разжались. Когти удлинились. Стоило ему это сделать, и раны исцелились. Он поспешил к двери и распахнул ее. Угасающий серый свет залил комнату. День умирал.

Люсьен тут же послал сообщение пробудившимся единой мыслью-образом: новости об убийстве Джини и аресте Данте. Ошеломленные и растерянные ответы обрушились на защиту Люсьена. Он заглушил их и шагнул в розово-дождливый вечер.

* * *

Глаза Ронина открылись. Цвета — оранжевый и фиолетовый — сочились в комнату из-за занавешенного окна. Закат.

Резкий звук нарушил тишину и привлек внимание Ронина к тумбочке около кровати. Дисплей телефона мерцал желтым светом из-за нового сообщения. Перекатившись на бок, он взял телефон, раскрыл его и просмотрел сообщение. Номер министерский.

«Прейжон в 8-м участке».

Ронин улыбнулся.

* * *

Звук разбудил Данте. Он открыл глаза и убрал волосы с лица. Коп ударял дубинкой по прутьям камеры. Сталь пела.

— Эй, Спящая Красавица, — проговорил коп, растягивая слова. — За тебя внесен залог.

— Отлично. — Данте потянулся, распрямляя мышцы, и встал на ноги. Голод проснулся и распустился в нем. Ему нужна еда.

Зеленый Парниша и Недружелюбный уже ушли, Придурковатый же сидел на скамье, подогнув под себя ноги. Он нервно смотрел в пол.

— Где-то там внизу... следят...

— Заткнись, Уилсон, — сказал коп, трясая головой. — Ты что, до сих пор не проспался, ради всего святого? — Он открыл камеру.

Придурковатый *Уилсон* посмотрел на Данте. Его глаза расширились. Он обнял себя

руками так сильно, будто хотел уменьшиться, словно маленький садовый гном, сидящий на железной скамейке.

— Создатель здесь. Разрушитель.

Данте замер, его взгляд сфокусировался на Уилсоне.

— О чем ты?

Дверь камеры открылась с громким лязганьем.

Уилсон взглянул на Данте.

— Красивый.

— Похоже, тебе тут весело, пьянь, — сказал коп со злобной ухмылкой.

— Разрушитель, — повторил Уилсон.

Покачивая головой, Данте шагнул из камеры. Дверь с таким же лязгом закрылась. Он прошел за копом по коридору, слова Уилсона охладили его кровь.

* * *

— Где он? — Хэзер остановилась перед захламленным столом ЛаРусса.

— За него внесли залог, — ответил ЛаРусс. Он продолжал печатать на клавиатуре, сосредоточившись на мониторе. — Мы обязаны были его освободить.

Хэзер перегнулась через стол и положила руку на клавиатуру. Компьютер издал несколько странных звуков. ЛаРусс поднял глаза, метая молнии. Она встретила его взгляд. Все это выходило за рамки обычного пассивно-агрессивного бреда, с которым она смирилась, когда шагнула на путь расследования убийств; даже за рамки напыщенных-альфа-мужиков-отказывающихся-подчиняться-женской-власти. Это было только между ней и ЛаРуссом — личное.

— Я хотела получить заявление от него, — сказала Хэзер. — Вы *знали* это.

— Так позвоните ему домой и назначьте встречу.

— Кретин. — Хэзер убрала руку с клавиатуры. — Ты хотя бы опросил его? Он *знал* жертву.

Болтовня в других отсеках прекратилась. Замедлился стук пальцев по клавиатуре.

— Мы *пытались* получить от него заявление целый час, — сказал ЛаРусс, откидываясь на спинку кресла и закидывая ноги на стол. — Но получили только «отвали».

— Он такой же милый, как ты? — Хэзер фыркнула, скрещивая руки на груди.

— ЛаРусс? Милый?

Хэзер посмотрела на говорящего. Коллинз стоял в дверном проеме, держа по пластиковому стаканчику кофе в каждой руке. Значит, только что пришел на дежурство. Она кивнула.

— Трент.

— Агент Уоллес уже уходит, — сказал ЛаРусс, спуская ноги на пол и усаживаясь по-нормальному. Он выключил компьютер, посмотрел на Коллинза. — Если ты, конечно, не хочешь, чтобы твой питомец составил тебе компанию.

— Как я и говорила, милый.

Коллинз медленно подошел и встал рядом с Хэзер. Глубокая складка появилась по центру его лба — мама Хэзер называла такую морщину *задумчивой*.

— Что происходит?

— У меня есть повод полагать, что Данте Прейжон — следующая цель Странствующего

Киллера, — пояснила Хэзер.

— Правда? — поинтересовался ЛаРусс. — Ну да, это может быть Прейжон, я полагаю.

— Почему Прейжон? — спросил Коллинз. Он протянул Хэзер один из стаканов.

Хэзер взяла его, улыбнувшись. Резкий аромат свежесваренного кофе прочистил голову.

— Ну, последние две жертвы были связаны с ним, одна из них — интимно. Первый же был из Лафайетт, так же как и Прейжон.

Коллинз кивнул.

— Слышал об этом сегодня утром.

Хэзер сделала паузу, чтобы глотнуть кофе.

— Странствующий Киллер, если это Странствующий Киллер, добавил в свою подпись логотип анархии Прейжона. Одна жертва была убита *рядом* с клубом «Преисподняя», другая — *внутри* клуба. Мне кажется, убийца кружит, подбираясь все ближе и ближе. Рано или поздно он решит взять Прейжона.

— Ты уверена, что это не сам Прейжон? — спросил ЛаРусс.

— Я следила за его домом в то время, когда была убита вторая жертва, — ответила Хэзер. *Джина. Ее звали Джина. Она дышала всего несколько часов назад.*

— И, конечно, он был там? — уточнил ЛаРусс с легкой ухмылкой на губах.

— Да, — сказала Хэзер спокойно. — Я видела, как он зашел внутрь. И вышел, когда я достала ордер.

— Тебе, должно быть, доставляет удовольствие наблюдать за ним, Уоллес, — проговорил ЛаРусс, снова отклоняясь на спинку кресла. — Он похож на привлекательную рок-звезду.

— Звучит, будто *ты* положил на него глаз, и он не рок-звезда, — ответила Хэзер. — А персонаж тайного культа. И да, он привлекательный, что дальше?

— Привлекательный отброс с *улицы*, ты имеешь в виду, — пробубнил ЛаРусс. — Ты не знал честной работы, если она не пнула тебя под зад.

Коллинз застонал.

— Избавь нас от этого, Преподобный.

Хэзер не могла поверить своим ушам. Ублюдок *завидовал* Данте. Хотел ли ЛаРусс так называемой славы, денег или поклонниц? Хотел он внешность Данте или его жизнь — это не имело значения. Единственное, что было важно: он отказался предлагать защиту потенциальной жертве убийцы, позволив Данте уйти.

Пульс стучал в висках, Хэзер схватила подлокотники кресла ЛаРусса и развернула его лицом к себе.

— Слушай сюда, — сказала она. — Если с ним что-нибудь случится, ответственным за это будешь *ты*.

ЛаРусс встретил ее взгляд, на его лице отразилось крайнее недовольство. Через секунду он отвернулся, сомкнув губы в тонкую плотную линию.

Хэзер отпустила кресло и повернулась спиной к детективу. Коллинз встретился с ней взглядом, изогнув брови, морщинка на лбу разгладилась. Предупреждение мелькнуло в его глазах. *Осторожно. Очень тонкий лед.*

— Я знаю, — пробормотала Хэзер. — Мне нужно, чтобы ты связался с Прейжонами и Спарреллами в Лафайетте, посмотри, имеют ли семьи какие-либо связи.

— Будет сделано. Куда ты направляешься?

— Искать Прейжона.

Глава 9

Непройденные дороги

Блондинка с длинными завитыми волосами открыла дверь.

— *Oiii?* — спросила она, осматривая темный двор позади Хэзер, прежде чем сосредоточиться на ее лице. Едва заметная улыбка скользнула по ее губам.

— Я должна поговорить с Данте, — сказала Хэзер.

Девушка покачала головой, и Уоллес уловила слабый запах цветов — роз, возможно, магнолий.

— Данте нет дома, — ответила она, начиная закрывать дверь.

Хэзер остановила дверь рукой.

— Я хотела бы подождать, — сказала она, держа свой значок на уровне лица.

Блондинка рассмотрела его внимательными карими глазами, затем отступила на шаг и распахнула дверь.

— *S'il te plaît*^[20], — произнесла она, изящным движением руки приглашая Уоллес внутрь.

— Спасибо.

Блондинка провела Хэзер в гостиную.

— Чувствуйте себя как дома, — сказала она, остановившись около дивана.

Хэзер села на край, все ее мышцы были напряжены. Ей нужен сон и еда. Она взглянула на руки, которые немного дрожали. И сжала их в кулаки. Последние двадцать четыре часа — не без помощи гребаного кофе — давали о себе знать.

— С вами все хорошо, *M'selle* Уоллес?

Хэзер посмотрела вверх. Блондинка изучала ее с нейтральным выражением лица, но ее карий взгляд был пронизывающим.

— Простите, — Хэзер улыбнулась. — Вы знаете мое имя, но я не знаю ваше.

— Симона, — ответила она. — Вы выглядите уставшей. Может быть, кофе?

— О да, было бы прекрасно.

Хэзер разжала руки и прижала пальцы к слаксам. Кивнув, Симона прошла через комнату. Она остановилась в проходе в виде арки и обернулась так, что длинные светлые волосы качнулись около обтянутых в джинсы бедер.

— Я скоро вернусь, — предупредила она.

Хэзер улыбнулась в ответ на заявление, которое подразумевало под собой: *никуда не уходи*.

После того как Симона покинула комнату, Уоллес откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Последнее, что ей сейчас было нужно, так это еще больше кофе, но она боялась, что просто уснет без него. Трудно защищать кого-то, засыпая на диване.

Перед глазами поплыло, и Хэзер потрясла головой. Она не связывалась со Стёрнсом... ох... со вчерашнего дня, одиннадцати часов, а сейчас уже... Открыв глаза, она взглянула на часы и вздохнула. Восемь сорок вечера. Воскресенье.

Что ж, отказаться от сна — это ее решение, хотелось вручить Данте ордер в самый неподходящий момент.

Но интуиция подсказывала, что человек, убивший Джину, был тем, кого она

преследовала на протяжении последних трех лет.

Первое убийство, о котором стало известно, произошло в Сиэтле. Серийные убийцы всегда начинают в своей зоне комфорта, которую расширяют, когда становятся уверенней.

Разве Данте как-то связан с Сиэтлом?

— Не совсем, — раздался низкий голос. — Только парой концертов.

— Что? — Хэзер резко посмотрела вверх и выпрямилась. Ее взгляд остановился на говорившем — подростке, который пил вино в клубе. Она что произнесла мысли вслух?

Он прислонился к стене внутри арки, его волосы с фиолетовым оттенком были растрепаны в стиле рок-звезды. Поразительные серебристые глаза, казалось, светились изнутри, а лицо за счет того, что он прикусил нижнюю губу, выглядело задумчивым. На вид ему было не больше шестнадцати.

— Прости... — произнесла она. — Но что ты сказал?

На нём были джинсы в металлических заклёпках и цепочках. Широкий, низко посаженный ремень опоясывал узкие бёдра, а потрёпанная и полинялая черная футболка с надписью «ДВИГАТЕЛЬ ПОРОКА Т» настолько обтягивала худой торс, что казалась нарисованной.

Симона шагнула в комнату. Она мгновение смотрела на мальчика, затем перевела взгляд на Хэзер.

— Это Сильвер, — сказала она, сжимая его плечо. — Сильвер, это агент Уоллес.

Хэзер отметила акцент на слове «агент». Сильвера только что предупредили или, возможно, напомнили, кто она. Почему?

— Кофе будет готов через пару минут, — сказала Симона, выпустив плечо Сильвера. — Вы не хотели бы освежиться?

Не оглядываясь, мальчик вышел из комнаты.

Хэзер встретила взгляд Симоны и улыбнулась.

— Хотела бы, спасибо.

Симона привела ее в узкий зал с выстроенными в линию произведениями искусства и старомодными подсвечниками. Вдоль всего зала лежал темно-коричневый ковер с вышитыми листьями в золотом и алом цвете. Хэзер мельком увидела лестницу, возвышающуюся в противоположном конце. Слабый голубоватый свет пробивался через приоткрытые двери около лестницы.

Симона показала на ванную и собралась уходить, когда Хэзер задала вопрос:

— Вы знали Джину?

Блондинка остановилась.

— *Oiii*, она была подругой Данте.

— Вы знаете кого-нибудь, кто мог бы причинить ей вред? — спросила Хэзер. — Может, вы что-нибудь слышали?

Симона покачала головой.

— Нет.

— Что насчет Этьена? — поинтересовалась Хэзер. — Он был довольно зол на Данте прошлой ночью в клубе. Как вы думаете, он мог бы?

— Убить Джину? — закончила Симона. — *Oiii*.

Ее взгляд скользнул мимо Хэзер вверх.

— Что ты думаешь, *llygad*?

Хэзер напряглась, так как поняла, что кто-то стоял за ней. Хуже того, у нее было

чувство, что он там уже какое-то время. Поворачиваясь, она отступила к стене и посмотрела направо.

Вышибала стоял внизу лестницы, одетый в потертые джинсы и черную рубашку на пуговицах, его темно-каштановые волосы касались плеч. Зеленые глаза, больше не скрытые за очками, казалось, смотрели сквозь Хэзер. Он задумчиво погладил свои усы и, наконец, ответил:

— Нет, это не в стиле Этьена. Он причинил бы вред Данте, без сомнения. Но не через смертного, или хотя бы заставил Данте смотреть на это.

Хэзер перевела взгляд от Вона к Симоне. Они смотрели друг на друга дольше одного удара сердца, затем Симона опустила глаза с улыбкой на губах.

С волчьей усмешкой показав клыки, Вон двинулся по залу широкими уверенными шагами. Он подмигнул Хэзер, проходя рядом. От него исходил свежий морозный запах, как от первого холодного дыхания осени. Поравнявшись с Симоной, он коснулся пальцами ее бледной щеки, а затем ушел.

— Вот опять, — заметила Хэзер, — это слово. *Смертные*. Данте верит, что он вампир. У Вона есть клыки. Что насчет тебя?

Симона долгое время ее рассматривала, все веселье исчезло из темных глаз.

— Что вам нужно запомнить, *m'selle*, так это то, что Данте никогда не говорит и не прощает ложь. — Развернувшись, Симона ушла, покачивая бедрами. — Я принесу ваш кофе.

— Все лгут, — прошептала Хэзер.

Это главное правило в работе детектива, которое ей вбили, когда она была в Академии. Все лгут. Виновные лгут. Невинные лгут. Копы лгут. Плохие парни определенно лгут. Отличаются только причины — скрыть, защитить или прикрыть кого-то, но все лгут.

Хэзер зашла в ванную и закрыла дверь. Она рассмотрела свое утомленное отражение в зеркале. Завитки волос прилипли к лицу и шее. Под глазами были темные мешки. Повернув кран, она плеснула холодной водой в лицо.

Так... У Данте репутация человека, который никогда не врет.

Хэзер насухо вытерлась синим махровым полотенцем и снова посмотрела в зеркало. Все указывало на то, что Данте *верит*, что он вампир. Если друзья, черт, да даже враги поддерживали его сумасшедшие взгляды, то он говорил правду.

Заведя руки за голову, Хэзер вынула шпильки и расплела французскую косу. Волосы, вьющиеся от влажности, упали за плечи.

Что если он был вампиром? Что если каждый в этом доме *был тем*, кем пытался казаться — вампиром, избегающим солнца? Какие слова использовал Данте? *Создание ночи*.

Хэзер порылась в сумке в поисках расчески и косметички и выложила их на тумбочку.

Но она забрала Данте вскоре после рассвета.

Было пасмурно. На нем был солнцезащитный крем и очки, и перчатки. Лицо он прикрыл капюшоном.

Его уму непостижимая скорость. Джефферсон нажал на курок. Пуля никак не могла пролететь мимо. Но так и было.

Жажда на его лице. Все еще капающая кровь и пропитанный ею воздух.

Тогда почему он позволил себя арестовать? Были ли вампиры настолько сильны, чтобы разорвать наручники?

Хэзер провела расческой по волосам. Ей не нравилось направление, в котором двигались мысли, но придется следовать по нему. За многие годы она поняла, что нужно

проверять каждую зацепку, какой бы абсурдной та не была.

Что насчет сцены в клубе? Мрачных обещаний Этьена?

Прислонившись к тумбе, Хэзер подправила помаду на губах. Она могла допустить, что все это игра. К некоторым ролевым играм героини относились очень серьезно, особенно группы вампиров и оборотней. Она несколько раз видела такое в Сиэтле.

Но что если это не было игрой?

Что Этьен сказал ДеНуару?

Это не касается Падших.

Внезапно Хэзер пробил озноб, она убрала помаду в косметичку, которую кинула в сумку. Взглянула на себя в зеркало, отражение смотрело на неё почти чёрными глазами, с расширенными от скудного освещения зрачками, окружёнными васильковым ободком.

Она опустила взгляд на руки. Они снова дрожали. Падшие. Как ангелы? *Вестник ночи*. Все связанное с ДеНуаром казалось неземным: его сила, золотые крапинки в черных глазах, скорость, с которой он бросился к Этьену.

Уоллес отряхнула плащ и повесила его на руку так, чтобы было удобно дотянуться до 38-го. Поправила свитер и вышла в пустой холл. Как только она оказалась в передней комнате, вошел ДеНуар, закрывая за собой входную дверь.

Нехорошее предчувствие холодком прошло по позвоночнику.

— Где Данте? — спросила она.

* * *

Старший спецагент Крейг Стёрнс потягивал кофе, неизвестно какой по счету за день, и смотрел из офисного окна в дождливую ночь в Сиэтле. Он пытался связаться с Уоллес с утра, но безуспешно. Она не отвечала ни на его электронные письма, ни на звонки.

Уоллес никогда не исчезала на долгое время, не отчитавшись. Ее последнее сообщение говорило, что она проверит информацию и свяжется с ним сегодня.

Вернувшись к столу, он опустился в кресло. Просмотрел несколько действующих отчетов, сложенных на столе. Каждый был прочитан уже несколько раз.

Если что-нибудь... *случилось бы...* с Уоллес, он бы уже знал. Если только о *случившемся* не знал еще никто.

Стёрнс сделал последний глоток кофе. Он собирался позвонить детективу из Нового Орлеана, который консультировал Уоллес, — Коллинзу. Но когда добрался до телефона, тот зазвонил, и Стёрнс отдернул руку, сердце ускоренно забило. Огорченный, он включил спикер и видеомонитор. Возможно, он *должен* сократить количество кофеина.

Но лицо, появившееся на мониторе, убедило его, что его инстинкты так же остры как всегда: элегантно подстриженные светлые волосы, миндалевидные голубые глаза и обманчиво теплая улыбка. Он знал на своем опыте, что сердце в ее пышной груди вырезано из льда.

— Я знала, что найду тебя в офисе, Крейг, — сказала заместитель начальника отдела Джоанна Мур.

— Чем удивишь, Мур?

— Хорошими новостями, я надеюсь, — произнесла она, улыбаясь еще шире. — У нас есть мертвый преступник в Пенсаколе и причина верить, что он Странствующий Киллер.

— Что заставляет тебя так думать?

— Всего не перечислить, но мы нашли его. Осталось дождаться результатов ДНК, но это просто формальность. — Мур покачала головой. — Это наконец закончилось, Крейг. Возвращай назад своего агента.

Стёрнс улыбнулся, несмотря на холодный озноб, пробравший его до костей. *Что-то тут не так.*

— Как это произошло?

— Один из моих агентов поймал его на месте преступления. Это убийство во благо, — улыбка Мур исчезла. — К сожалению, жертву спасти не удалось.

— Досадно, — сказал Стёрнс. — Я думаю, что отправлю своего агента в Пенсаколу, получить результаты ДНК. Так как это не относится к вашему отделу.

Особенно к заместителю отдела Спецопераций и расследований, которая, по слухам, имела связи в «несуществующей» теневой организации.

— Нет необходимости, — ответила Мур с теплой улыбкой, — сейчас там мой агент.

— Тогда к черту, я скажу своему агенту, чтобы он расслабился и наслаждался Марди Гра.

— Отзови Уоллес, — произнесла без улыбки Мур.

— Вот оно что. — Мозг Стёрнса усиленно работал, прокручивая все возможные варианты действий. — Что ты прячешь в Новом Орлеане?

— Ты препятствуешь не тем людям. Забери своего агента.

— Один из ваших *проектов* должен быть там. Не так ли?

Мур печально улыбнулась.

— Из всех людей, ты не настолько глуп, чтобы спрашивать, Крейг.

Это так поразило Стёрнса, словно его ударили под дых. СК был одним из проектов Мур. Почему Мур позволила ему работать над этим делом? Может, это было не важно, потому что они никогда не подбирались так близко, но сейчас... Уоллес села на хвост плохому парню. Приблизилась к нему.

— С Уоллес все должно быть хорошо, — сказал он глухим голосом.

— Забери ее, — мягко ответила Мур, — и все будет хорошо.

Она отключилась, монитор стал синевато-серым, а потом полностью потух.

Стёрнс вскочил на ноги, пнув стул. Он прокатился по полированному деревянному полу и стукнулся о стенку. Думай! Уоллес никогда не купится, если он просто скажет ей вернуться. Она захочет поехать в Пенсаколу, проверить все доказательства. Мур, возможно, ожидает этого.

Дать Уоллес знать, что дело официально закрыто. СК мертв. Конец истории.

Опершись руками об окно, Стёрнс уставился в глубокую ночь. У него скрутило живот. Вниз по улице вспыхнул неоновый свет; огни автомобильных фар пронеслись вдоль влажного тротуара. Требования Мур были просты.

Все, что он должен сделать — это вернуть агента. И дать убийце уйти. Снова.

Глава 10

Непредвиденное

Ронин припарковал Сагао и, выключив двигатель, посмотрел на портативный GPS приемник. Данте двигался, а потом остановился, затем возобновил движение, но куда медленней... Что ж... сейчас он шел пешком.

Выйдя из машины, Ронин вставил платежную карту в паркометр и выставил его на два часа. Затем проверил GPS приемник и пошел вдоль освещенной неоновым светом Канал-стрит к Миссисипи. Даже здесь туристы и торговцы переполняли тротуары, и все четыре полосы дорожного движения светились фарами. Водители сигналили, предупреждая прогуливающих пешеходов, когда те задерживались на переходе.

Ронин подстроил свой темп под шаг смертных, присоединившись к небольшой группе туристов, чтобы не привлекать к себе внимание. Смешаться, слиться, становясь обычным, а значит, невидимым. Он не хотел, чтобы Данте заметил его. По крайней мере, не сейчас. GPS показывал, что молодой вампир находится впереди на несколько домов.

Э не знал о GPS передатчиках размером с чип, внедренных в головы каждого объекта Плохого Семени. Джоанна хотела следить за своими экспериментами, даже когда их выпустили на свободу.

Конечно, большинство объектов — не знающие друг о друге и о существовании Плохого Семени, не говоря уже о собственном участии — были либо мертвы, либо сидели в тюрьме. Только Э и Данте еще бродили по миру.

Ронин посмотрел поверх голов людей, окружающих его. Он увидел Данте у дома впереди, стоявшего напротив светящейся и сверкающей вывески «Narrah's»^[21] рядом с изгородью из темного чугуна, около входа.

Мышцы напряглись в ожидании, Ронин снизил темп, позволяя маскировочной группе двигаться дальше без него. Около уличного фонаря на складном железном стуле сидел торговец. Весь его товар — яркие майки с надписью «Марди Гра!», пластиковые бусы и другие дешевые украшения — лежал на простыне на тротуаре.

Ронин остановился и посмотрел на товар, притворяясь заинтересованным. «Что собирался делать Данте?» — задался он вопросом, скользя взглядом от надписи «Пьяница на Бурбон-стрит» к чарм-браслетам с аллигаторами. Встретиться с кем-то? Или хочет поиграть в автоматы?

— Эта сейчас очень популярна, — рьяно заговорил торговец, черный мужчина за двадцать. Он держал футболку с надписью «Покажи свои сиськи!». — Новая поставка. Я продал много таких.

— А, — пробормотал Ронин, — без сомнения, — и посмотрел вверх по улице.

Данте прислонился к изгороди, заведя руки за спину и держась за ограду. Он стоял около двойного фонаря, но не под ним, его лицо оставалось скрыто капюшоном. Свет падал на кожаные штаны и мерцал на его кольцах, браслетах и пирсинге. Голова опущена, взгляд устремлен на тротуар.

Люди входили, выходили и сновали мимо «Narrah's», пялясь на него. Большинство даже останавливались, пока их не подталкивали менее ослепленные партнеры.

— Может, эта вам понравится? Сэр?

Ронин отвел взгляд от Данте. Торговец держал футболку, которая провозглашала: «Laissez les bons temps rouller». Пусть хорошие времена продолжаются. Ронин кивнул.

— Эту. Одну. Сколько?

— Десять, сэр. Только наличными.

Ронин достал свой бумажник из заднего кармана, бросив еще один взгляд вверх по улице. Двое мужчин в джинсах и толстовках со знаком Сэйнтс^[22] остановились около Данте. Они близко наклонились друг к другу, жестикулируя и активно переговариваясь. Один указал через Канал-стрит на французский квартал. Другой покачал головой и посмотрел на казино.

Данте поднял голову, бледной рукой стянув капюшон. Он снял солнцезащитные очки и зацепил их за ремень с шипами. Смертные замерли, открыв рты. Улыбка изогнула губы Данте, злобная, но такая привлекательная. Мужчина схватил своего приятеля за предплечье и сжал. Тряхнув головой, тот посмотрел и подошел ближе, загипнотизированный залитой лунным светом сексуальной фантазией, прислонившейся к ограде.

Ронин отвел взгляд. Руки дрожали от волнения, когда он вытаскивал десять долларов из бумажника и отдавал их торговцу.

Данте охотился.

Выхватив футболку из рук торговца, Ронин сунул ее в задний карман и пошел вверх по тротуару. Он заставил себя идти медленно. Поскольку все еще не мог привлечь внимание, особенно рядом со слишком бдительным и охотящимся на своей территории вампиром.

Оба смертных слегка оправились после первого взгляда на захватывающую дыхание красоту Данте и скользнули по обе стороны от него, их тела почти соприкасались. Их голодные, отчасти хищные позы позабавили Ронина. Они говорили с Данте, улыбались, дружелюбно жестикулировали. Один достал пачку налички.

Ронин остановился у витрины магазина. Достаточно близко, чтобы Данте почувствовал его, если он не будет проявлять осторожность. Он плотно стянул свою ауру, утихомирив ищущий ответы разум. Кровь, текущая по венам, словно наэлектризовалась, наполняясь адреналином. На мгновение его мысли запутались, и он потряс головой, сбитый с толку. Что на него нашло? Он ценил контроль — саму сущность силы и владения собой.

Данте. Истинная кровь. Вампир аристократ.

Он снова посмотрел вверх по улице. Данте отошел со смертными, которые все еще двигались по обе стороны от него. Мужчины переглянулись. Подмигнули. Один сжал руку в кулак. Ронин наблюдал, как они втроем завернули за угол Тчаупитаулас-стрит. Смертные, несомненно, планировали что-то нехорошее для молодого гота, идущего между ними, планировали использовать его, затем сделать больно. И не обязательно в таком порядке.

Теперь Ронин знал, почему Данте поднял голову и позволил тем двоим посмотреть на себя и попасть под чары.

Он почувствовал их отвратительные маленькие сердца, нервно бьющиеся внутри грудных клеток. Услышал лихорадочный шепот. Увидел испорченные мысли.

Ронин усмехнулся. Данте охотился на преступников. Или, по крайней мере, на хищников. Иронично? Да. Захватывающе? Да. Могла ли Джоанна со своей командой псевдоученых предположить что-то такое? Черт, нет.

Ронин остановился у другого магазина, что позволило Данте и его новым друзьям вырваться вперед. Кое-что его беспокоило — спецагент Хэзер Уоллес. Почему она расследует дело Данте? Возможно ли, что она уловила связь с ним. Поняла, что послание

было для него?

Ронин взглянув на GPS приемник. Данте остановился. Посмотрев вверх по улице, он понял, что Данте и фанатов Сэйнтс не было в поле зрения. Ронин сбросил с себя маску смертного и *переместился*. Промчался через переполненный тротуар с легкостью человека, идущего по пустынной улице, не коснувшись никого. И, возможно, только немногие смертные ощутили легкое дуновение воздуха, когда он прошел мимо.

Навигатор показал, что Данте спустился вниз к центру переулка и повернул направо. Ронин замедлился до ходьбы. Сердце тяжело колотилось в груди. Он *чувствовал* Данте, его острый, словно лезвие меча, голод. Но под всем этим ощущалась ярость, глухая, без слов; раскаленный поток, разливающийся по венам.

Отгородившись мысленными щитами и призрачными иллюзиями — *Здесь никого нет. Посмотри мимо. Здесь никого нет. Посмотри мимо* — Ронин взглянул вниз на заполненную тенями аллею.

Фанат Сэйнтс стоял напротив Данте, прижимая карманный нож к бледному горлу, пока его приятель заковывал руки вампира за спиной. Порочная улыбка коснулась губ Данте, когда нож порезал кожу. Кровь сочилась из крошечной раны, стекая по шее на воротник рубашки в сеточку.

Ронин вдохнул аромат крови, втянул его в свои легкие: богатый, насыщенный феромонами и вкусом сладких спелых ягод. Им завладел голод. Он схватился за угол здания, вцепившись пальцами в истертый погодой кирпич, и стал наблюдать.

— *Viens ici*^[23], — сказал Данте смертному, державшему нож у его горла. — *J'ai faim*^[24].

Фанат Сэйнтс сузил глаза, его улыбка стала нервной.

— Черт, что он только что сказал?

Его приятель схватил бедра Данте и сильно прижал к себе.

— Да кого, блядь, волнует, что он сказал? Разговоры не входят в меню.

— Ты можешь так же хорошо отдавать, как и брать? — пробормотал Данте.

Он наклонился вперед и уткнулся носом в шею смертного, лизнул плоть над быстро пульсирующей артерией. Карманный нож скользнул от горла Данте, кровь капала с его острия. Смертный закрыл глаза. Вампир погрузил клыки в его шею.

Со стоном фанат Сэйнтс отшатнулся к стене. Нож выпал из его пальцев и ударился о бетон с резким звоном. Данте прижался к нему, втиснув одно затянутое в кожу колено между ног, удерживая на месте.

Второй смертный двигался вместе с ними, одной рукой все еще сжимая бедро, а другой скользя между их телами, чтобы расстегнуть ремень Данте.

Мышцы Ронина напряглись, дыхание стало тяжелым и быстрым. Рот приоткрылся. Он почувствовал щетину под своими губами, вкус горячей крови, хлынувшей в горло. Закрыл глаза, слушая оглушительный стук собственного сердца.

Истинная кровь. Судьба.

Открыв глаза, Ронин улыбнулся, затем присел на корточки. *Позволь мне увидеть Истинную кровь, дитя, выпусти ее здесь, в переулке...*

Смертный, которым пировал Данте, внезапно начал сопротивляться. Его глаза распахнулись. Он поднял дрожащую руку, схватился за плечо Данте и толкнул его. Но тот даже не сдвинулся.

— Энди, — нечленораздельно произнес человек, в хриплом голосе звучала паника, — помоги мне. Энди...

Легко дернув плечами, Данте разорвал наручники. Металл *звякнул* о камень и кирпич. Его руки схватили смертного и удерживали, пока клыки погружались все глубже в горло, разрывая плоть.

Когда Данте сломал наручники, другой смертный, Энди, отскочил назад с потрясенным видом.

— Что за...

Поняв, что у фаната Сэйнтс, который рухнул на землю кучей костей, глаза уже остекленели, Данте слизал кровь с губ, повернулся и взглянул на Энди. Он поднял руки и многозначительно посмотрел на браслеты от наручников на запястьях.

С пронзительным криком Энди развернулся и побежал...

Прямо к Данте.

Ронин покачал головой, восхищенный такой скоростью. Он задался вопросом: есть ли у мальчишки еще сюрпризы?

Данте схватил Энди, притянув к себе рукой, вонзил клыки ему в шею. Ноги Энди подкосились, и они оба осели вниз, смертный растянулся на мокром асфальте переулка. Данте сидел верхом на его животе, прижав руки к бетону, питаясь, глоток за глотком поглощая горячую кровь.

Ронин понял, что стоит на одном месте уже некоторое время, и неосознанно двинулся в переулок. Его взгляд пожирал напряженное жилистое тело, разум наполнил лихорадочный голод, жажда горячей крови, текущей по венам Данте.

Ронин резко остановился, отчего грязь вылетела из-под его сапог из змеиной кожи. Он затаил дыхание, надеясь, что мальчик этого не услышал.

Но он услышал. Данте посмотрел вверх, его темный взгляд скользнул по Рониному. Вытерев кровь с губ тыльной стороной ладони, он слез с тела смертного и встал. Энди дернулся и затих позади.

Ронин поймал на мгновение, которое, казалось, растянулось, горящий враждебный взгляд, а затем мальчик *переместился*.

Ронин отпрыгнул в сторону, используя специальную технику перемещения тела, взметнувшись словно вихрь. Данте прошел мимо так близко, что сетка прощуршала по джинсам, и тепло наполнило ночную прохладу рядом с Ронином. Запах Данте заполнил ночной воздух: насыщенный аромат крови и темной земли, пьянящий, резкий. И опасный. Ронин заставил себя сосредоточиться. В ожидании следующей атаки он расслабил натренированные в айкидо мышцы.

— Эй... — послышался низкий хриплый голос справа.

Обернувшись, Ронин снова встретился с темным взглядом Данте. Мальчик остановился менее чем в пяти футах на другом конце переулка. Он смотрел из-под опущенных ресниц, сжимая руки в кулаки, напрягая мышцы. И принял позу уличного бойца, обманчиво спокойную. Его боевой стиль будет подлым, грязным и жестоким, но с ним легче справиться, чем с невозмутимой сосредоточенностью айкидо.

— Кто ты, мать твою, такой? — Данте запрокинул голову, и вдруг осознание загорелось в его глазах. — Ты был в клубе прошлой ночью, ты тот, о ком рассказывали мне Люсьен и Вон.

Ронин улыбнулся, кивая головой в подтверждение.

— Это был я.

— Где твой смертный приятель?

— Ты имеешь в виду моего помощника? — спросил Ронин. Кулаки Данте все еще не расслабились. — Я дал ему сегодня выходной.

— Помощник? — Губы Данте изогнулись в полуулыбке. — Это что-то новое.

— Я журналист, — сказал Ронин, — криминальный журналист на самом деле.

Достав свой бумажник, он посмотрел в темные покрасневшие глаза. Теперь, стоя на расстоянии около фута, Ронин понял, что не слышал, как Данте двигался, не чувствовал его. Он достал черную карточку из бумажника и протянул мальчику, зажав между двумя пальцами.

Данте забрал ее и прочитал серебряную надпись.

— Томас Ронин, — пробормотал он. — Так что ты здесь делаешь, Любопытный Том^[25]?

Он щелчком выкинул карточку в заполненную дождем сточную канаву.

Ронин смотрел, как намокшая карточка плавает в канаве, наполовину зацепившись за канализационную решетку. Он встретился с взглядом Данте и выдержал его. В тот момент жалея только об одном: Джоанна нашла этого ребенка, рожденного матерью, которая ненавидела вампиров, раньше.

Каким бы он мог его сделать?

Было ли слишком поздно? Возможные сценарии вертелись в голове с невероятной скоростью.

— Эй, Любопытный Том, еще не уснул? — теперь голос Данте раздался сзади.

Ронин обернулся. Все еще на расстоянии фута, Данте изучал его немного отсутствующим взглядом черных глаз.

— Прости, — сказал Ронин, покачав головой. — Я работаю над делом Странствующего Киллера. И хотел бы поговорить с тобой, потому что тело было обнаружено во дворе пиццерии, а теперь...

— Как ты нашел меня здесь? — спросил Данте спокойным голосом.

— Чисто случайно, — ответил Ронин. — Я шел в клуб, но он был закрыт. И, ради забавы решив заглянуть в «Narrah's», увидел тебя. — Ронин пожал печами и развел руками. — Подумал, какого черта? И решил проследить.

Руки Данте все еще оставались плотно прижатыми к бокам, взгляд был настороженным.

— Ты зря потратил свое время, *M'sieu*^[26] Любопытный Том, — сказал он, на мгновение отвернувшись, но прежде Ронин успел заметить выражение его лица — боль, страдание, может быть, и то, и другое.

— Я знаю, мы не с того начали, — сказал Ронин. — И я полностью понимаю твоё нежелание говорить со мной... сейчас. Но через день или два ты передумаешь. Я действительно хочу увидеть, как арестуют этого сукиного сына.

— Мы вообще *ничего* не начинали, — отрезал Данте. — И я не собираюсь говорить с тобой через день, два, пять или вообще когда-либо. — Он отступил назад, поворачиваясь, но все еще следя за Ронином. — *Foute ton quant d'ici*^[27].

— Ты выгоняешь меня из города? — спросил Ронин напряженным голосом, изгибая бровь.

Данте засмеялся.

— Черт, нет! Иди куда хочешь. Можешь даже катиться в ад. Только оставь меня в покое.

Ронин сделал несколько больших шагов к нему, затем остановился.

— Подбросить домой? — предложил он. — Никаких вопросов, обещаю.

Данте отвернулся и пошел вверх по тротуару. Ничего не ответил, но когда дошел до

угла, остановился и повернул голову.

— А для какого журнала ты пишешь?

— Я фрилансер. Но скорее всего отправлю историю в «*Rolling Stone*» в первую очередь.

Данте снова засмеялся, затем завернул за угол.

Ронин подождал мгновение, прислушиваясь к сердцебиению города: шуму машин, стуку трамвая, болтовне туристов — всему, связанному с земным ритмом, влекущим сюда музыкантов со всего мира.

Данте ушел.

Их встреча закончилась слишком быстро.

Ронин посмотрел вниз по переулку. Первый фанат Сэйнтс все еще лежал, растянувшись на бетоне, тепло его тела растворялось в ночи. Энди... Энди же ногтями выкарабкивался из переулочка.

Закрыв глаза, Ронин вспомнил запах крови Данте, почувствовал, какой он горячий и беспокойный, еще раз увидел насмешливую улыбку и тлеющие темные глаза.

Ронин распахнул веки и зашагал по переулку. Он схватил смертного за шиворот и поднял. Вонзил клыки в оставленные Данте раны. Энди стонал и слабо дергал ногами. Ронин пил то, что осталось, смакуя каждый горячий глоток, до последней капли.

Сжав руку, Ронин свернул шею Энди, отпустил бездыханное тело и потянулся, чувствуя новую кровь, струящуюся по венам. Он вытащил из заднего кармана футболку, которую купил у уличного торговца, и бросил ее на остывающий труп. Она упала на лицо смертного.

Пусть хорошие времена продолжают.

* * *

Э выпрямился, когда желтое такси притормозило, остановившись у ворот дома. Одетая в черное фигура в капюшоне выскользнула с заднего сидения машины, закрыла дверь и плавно двинулась в сторону ворот, что Э нашел возбуждающим. Данте. *Без Том-Тома*. Такси отъехало, мерцание задних фар осветило ночь красным.

Э усмехнулся. Видимо, все пошло не по плану Томми. Э был уверен, что Ронин сказал, что вернется с Данте, и между ними возникнет крепкая дружба. Э улыбнулся шире.

Черт возьми. Ничего не вышло.

Данте проскользнул через приоткрытые ворота и исчез в скрытом тьмой дворе. И только свет из нескольких окон заливал желтым цветом заросли у дома.

Прикоснувшись к дужке своих очков, Э переключился из режима ночного видения на инфракрасный. Данте излучал голубовато-серебристый свет, когда открыл дверь и вошел внутрь.

Э снова переключился на ночное видение и стал барабанить пальцами по рулю джипа. Почему Данте окружало голубовато-серебристое свечение? У других кровососов оно было желтое/оранжевое или красное, в зависимости от того, как давно они питались. У Ронина было оранжевое, но Э думал, что это больше зависело от возраста Том-Тома, чем от чего-либо еще.

Но Данте... мальчик сиял, словно лунный свет на снегу, излучая голубовато-серебристый блеск с фиолетовым ободком. Забавно, учитывая, насколько *горячим* он выглядел.

Даже для кровососа.

Вытащив ключи из замка зажигания, Э выскочил из джипа. Гравий хрустел под его найками. Положив ключи в карман, он прислонился к машине, осматривая тихий двор через дорогу.

Вампиры. Какое гребаное откровение. Когда Ронин появился на месте убийства в Нью-Йорке, Э пырнул его ножом. Но ублюдок не упал. Кровь растекалась по его дорогой рубашке темно-красным пятном, а затем...

Ублюдок усмехается.

Что-то переворачивается внутри Э при виде этих заостренных белых клыков, скручивается у него в животе и замораживает мысли. Он чувствует какой-то ужасный запах, как будто наступил на собачье дерьмо где-то по дороге. Но тяжелое тепло в джинсах не скрывает правду: Э наложил в штаны. А затем он снова набрасывается на улыбающегося черного ублюдка с финкой.

И оказывается прижатым к земле, финка уже не в его руках, а у вампира, который вращает ее между длинными пальцами, словно заостренный осколок луны.

Да. Откровение. После того как Э пришел в себя и отмылся от собственной вони, они с вампиром очень долго говорили.

Э оттолкнулся от джипа и неторопливо пошел к дороге. *Вампиры среди нас. Черт, они всегда были и, по мнению малыша Томми, всегда будут. И они будут кормиться от нас до конца времен. Аминь.*

Э размашистым шагом перешел дорогу. Он тихо приблизился к черным железным воротам, затем, протиснувшись внутрь, скользнул вдоль каменной стены к задней части дома. Он шагал осторожно, избегая опавших листьев, дорожек из гравия и старых торчащих корней. Его сердце билось быстро и взволновано. *Э любил ночные вылазки. Он остановился рядом с изогнутым старым дубом и провел рукой по грубой коре.*

Ронин объяснил ему, насколько важным он в действительности был. Э и так это знал, у него особая цель, он был рожден не просто, чтобы следовать со стадом овец. Он был рожден, чтобы *отбирать* их.

Пригнувшись, Э пробежал через пустой двор к ближайшему окну, откуда лил свет, и присел на корточки рядом.

Малыш Томми также сказал ему, что его *запрограммировали*, запрограммировали, отметили на карте, обозначили графически и спрогнозировали поведение, а затем выпустили на волю.

Э сжал челюсти. *Спрогнозировали? Запрограммировали? Мать вашу, нет!* Тогда Малыш Томми предоставил ему возможность вернуться к той, что была настолько глупа, чтобы думать, будто контролирует его. Возможность стоять перед ней с финкой в руках.

Возможность сказать: *Я дома. Это ты, черт возьми, предвидела?*

Приподнявшись, Э повернул голову и посмотрел в окно. Мерцающий синий свет от тонкого монитора падал на лицо фигуры, сидящей в черном кожаном кресле и уставившейся в потолок. Информация мелькала на мониторе с уму непостижимой скоростью. Пальцы с металлическими наконечниками щелкали и танцевали в воздухе. Данные замелькали еще быстрее. Дреды длиной до пояса почти касались пола, извиваясь, словно щупальца, от движений фигуры. Тонкий кабель, подсоединенный к компьютеру, тянулся к основанию черепа, где был разъем, спрятанный под дредами.

Дерьмо! У Данте был не только веб-раннер, у него был *вампир* веб-раннер. С его рефлексам и — как говорил Том-Том, но Э все еще в это не очень верил — превосходными

способностями мозга этот кровосос мог править миром. Или сжечь компьютер с поразительной скоростью. Э ставил на последнее.

Блондинка вамп из клуба проскользнула в приоткрытую дверь и села рядом с креслом веб-раннера. Ее мини-юбка обтягивала задницу, а черные колготки — ножки. Она коснулась руки веб-раннера и что-то сказала, но слова были нечеткие, хотя Э слышал достаточно и разобрал, что это французский или каджунский, или какой-то блядский язык. Единственное, что он отчетливо услышал — имя веб-раннера: Трей.

Трей продолжил игнорировать блондинку, его пальцы подрагивали в воздухе. Отчего на ее лице отразилось недовольство.

Э оторвался от окна, затем лег на живот на траву. Довольно глупо со стороны Трея игнорировать такую горячую цыпочку. С ее красивым бледным лицом и изящными формами она была бриллиантом в унылом мире. Он коллекционировал бриллианты. Джина — бриллиант. Или была им. Э прижал свое разгоряченное лицо к траве, мокрой от ночной росы, его сердце билось так сильно, он почти ожидал, что от такой вибрации из-под земли вылезут черви.

Вдыхая аромат дикой мяты и мокрой травы, Э прополз на животе до следующего клочка желтого света, надеясь увидеть единственную человеческую женщину в доме полном вампиров — его любимую Хэзер, самую яркую овечку.

Повернувшись лицом к дому и спиной к лесу, Э приподнялся и снова заглянул в окно. И вот, она была здесь, сидела за кухонным столом, руками обхватив кружку, устремив взгляд на кофе. Рыжие волосы сильно вились. Ее кожа почти мерцала в тусклом свете, а губы покраснелись, приобретя глубокий оттенок. Фиолетовый свитер облегал изгибы, обтягивающие черные брюки подчеркивали спортивную фигуру.

Э прикоснулся пальцем к окну на долю секунды, а затем убрал руку. Она думала о нем? Он часто посещал ее мечты? Скрывался ли в безликих рваных гранях кошмаров, в отражении финки? Заставлял ли ее пульс ускоряться?

Надеялась ли она, как и Э, что эта погоня никогда не кончится?

Кухонная дверь распахнулась, и вошел Данте. Хэзер подняла голову и посмотрела на него. Он на минуту остановился, встретил ее взгляд. Она что-то сказала низким и тихим голосом. Он ответил, его голос тоже был низким и неразборчивым, затем открыл шкаф и достал черную кружку. Когда он наливал кофе, Хэзер наклонилась вперед, опираясь на стол, и заговорила с ним настойчивым, но ровным тоном.

Данте поставил кофейник назад на горячую подставку, а потом замер, наклонив голову набок, прислушиваясь.

Э не мог разобрать все, что говорила Хэзер, но уловил слова «опасность», «преследование», «серийный убийца». Доказательство того, что она действительно думала о нем. Факт, который при обычных обстоятельствах вызвал бы мерзкий оскал на его лице.

Но не в этот раз. Э отодвинулся от окна, сползая по стене дома. Сердце колотилось в бешеном рваном ритме. Картина отпечаталась в его уме, картина, которая выжгла и окутала тьмой самоконтроль.

Хэзер смотрит вверх. Ее взгляд скользит по худому и твердому телу высокого гребаного кровососа, надолго задерживается на его лице. Губы изгибаются в улыбке. Кажется, она светится изнутри и дрожит, затем берет себя в руки, приглушает свет и снова становится Мисс ФБР.

Хэзер чертовски запала на этого гребаного кровососа.

Мышцы Э напряглись. Он вытянул руки по швам и посмотрел в ночь. Тень появилась среди света на лужайке, и Э затаил дыхание.

Он *понял*, что Данте стоит у окна. Понял, что тот ощутил что-то яростное снаружи, прямо под его чертовым носом.

Тень исчезла.

Э вскочил на ноги и побежал. Бедра пульсировали. Легкие горели. Адреналин зашкаливал. Сердце бешено стучало. Дрожащая каменная стена становилась все ближе с каждым шагом.

Затем на его пути встало дерево, и Э врезался в него. Мир закружился. Зрение затуманилось. Ноги внезапно стали ватными, свалив его на землю. Живот скрутило в рвотном позыве.

Глубокий голос прогрохотал:

— Он знал, что ты обнаружил его.

Ах. Большой парень. Другими словами, дерево из ниоткуда.

— Я *чувствовал* его, — сказал низкий голос — Данте, — но я его не видел.

Вдалеке раздался крик Хэзер, резкий, ясный и предупреждающий.

— Отойдите от него, он может быть вооружен.

— Помощник Любопытного Тома, — пробормотал Данте, — значит, так он проводит свои свободные вечера. Шпионя.

Пальцы пощупали его лицо. Маленькие электрические разряды прошли под кожей; обжигающие, синие и прохладные вдоль позвоночника. Мир закружился еще быстрее. Его зрение затуманилось.

Кто-то обыскивал его. «ДеНуар», — подумал он. Пальцы ощупывали. Раз. Два. Три. Нет... нет. Не найди... их.

— И что, ножи так необходимы помощнику журналиста? — громко спросил ДеНуар.

— Зависит от журналиста, — сказал Данте.

Внезапно тошнота-накатила-свет-померк-мир-накренился-голова-разболелась. И Э провалился в крошечный мрак.

Глава 11

Живая связь

Люсьен бросил бесчувственное тело помощника на диван в гостиной. Огромная сиренево-голубая шишка росла у человека на лбу. Данте опустился на колени возле дивана и обыскал карманы, действуя уверенно и быстро.

«Уже делал это раньше, — размышляла Хэзер. — *И выглядит так, словно не один раз*».

Данте бросил на пол небольшую связку ключей вместе с мобильным телефоном, парой монет и упакованной в фольгу пачкой жевательной резинки. Еще один острый нож *полетел* к куче хлама.

ДеНуар втянул воздух. Хэзер взглянула на него. Он тряхнул головой, челюсть сжата, очевидно, злился, что пропустил оружие.

Когда она снова посмотрела на Данте, тот держал в руках тонкий черный кошелек. Открыв его, он достал пару кредиток и несколько квитанций.

— Элрой Джордан, — сказал Данте. — По крайней мере, согласно его ID.

— Откуда? — спросила Хэзер, опускаясь рядом с ним на колени, чтобы заглянуть через плечо и прочесть.

— Нью-Йорк.

Данте подобрал телефон помощника.

— Посмотрим, с кем последним разговаривал Элрой, — сказал он, нажимая кнопку обратного вызова.

Хэзер изучила фото Джордана. Редящие волосы, безумная улыбка — типичное фото из досье Департамента регистрации автотранспорта.

Данте предупредительно поднял палец, затем ухмылка осветила его лицо.

— Не Любопытный ли это Том? — проговорил он в трубку. — Я встретил твоего помощника, Извращенца Элроя. — Какое-то время Данте слушал, ухмылка стала еще шире.

Хэзер уставилась на его клыки, которые, как она себя уверяла, были имплантами. Были, так ведь?

— Не думаю, — сказал Данте, ухмылка исчезла. — Он сейчас слегка без сознания. Раз он был не на работе, должно быть, занимается вуайеризмом в свободное время?

Данте снова слушал, пропуская волосы сквозь пальцы. Посмотрел на Хэзер и улыбнулся. Затем засмеялся низким, спокойным смехом, полным черного юмора.

— Не волнуйся! Я освобожу его, когда очнется.

Он нажал кнопку отбоя и кинул телефон обратно к куче Джордановского барахла.

— Как зовут журналиста? — спросила Хэзер.

— Ронин. Томас Ронин.

— *Ронин?* Этот ублюдок здесь?

— Видимо, ты тоже не впечатлилась его крутой черной визиткой, — произнес Данте, один уголок его губ приподнялся в улыбке. — В чем проблема?

— Он оказывается на месте преступления еще до того, как у нас появляется возможность отработать его, — сказала Хэзер резким голосом. — Он делает снимки жертв и продает их бульварной прессе или некро-порно страницам в интернете. Надо отдать ему должное, он хорошо пишет, но постоянно обвиняет полицию и Управление в некомпетентности. Или хуже, заявляет, что мы подделали улики и арестовали невиновного.

А статьи его всегда заканчиваются тем, что уж он-то знает, кто же «настоящий» убийца.

Хэзер встала, отряхивая брюки на коленях.

— Где ты с ним столкнулся?

— На улице, — ответил Данте, поднимаясь на ноги с текучей неосознанной грацией. —

Сказал, что хочет взять у меня интервью.

Он вытащил водительское удостоверение из кошелька и засунул в задний карман штанов. Бросил кошелек на кучу барахла, сваленного на полу.

— Ты ведь не согласился, правда? — спросила Хэзер.

— Черт, нет, — Данте фыркнул, широким шагом пересек комнату, толкнул кухонную дверь и зашел внутрь.

Хэзер вздохнула и потеряла переносицу. *Отлично. Обидела человека.*

Небольшая толпа собралась вокруг них в гостиной. Сильвер развалился в кресле рядом с диваном, свесив ноги с подлокотника. Симона стояла рядом с входом в вестибюль возле мужчины с дредами до пояса и дисплейными очками, надетыми на макушку. Симона кивнула Хэзер.

— Мой брат Трей, — сказала она, прикасаясь к его руке.

— Трей, — тихо проговорила Хэзер. — Кто-нибудь желает присмотреть за этим придурком, пока я буду разговаривать с Данте? — Она перевела взгляд с Симоны на ДеНуара.

— Я присмотрю, — ответил тот. — Только побыстрее, агент Уоллес.

— Дайте мне знать, когда он очнется, — сказала Хэзер и вышла из комнаты.

Данте сидел за кухонным столом, кружка кофе и бутылка бренди стояли перед ним.

— Слушай, — начала Хэзер, — я в курсе, что ты обычно не даешь интервью музыкальным журналам, и не собиралась проверять твою честность, я...

— Забудь, — отмахнулся Данте. — Я уже.

Хэзер села за стол напротив. Пар поднимался от ее кружки, и она подумала, что Данте, должно быть, подогрел кофе в микроволновке. Мысль заставила улыбнуться.

— Так... ты говоришь, что меня преследовал... *серийный убийца*? — Данте плеснул бренди себе в кофе. Затем посмотрел на Хэзер и поднял бутылку.

Она покачала головой.

— Полагаю, что так. Где-то по ходу дела он зациклился на тебе. Может быть, он фанат.

Хэзер сделала небольшой плоток кофе из цикория с сахаром и сливками. Она рассматривала Данте, пока тот размешивал бренди в своей кружке, замечая, что плечи его напряжены. Казалось, он знает, что она смотрит на него, и выражение его лица было сдержанным.

— Ты знал Дэниела Спаррелла? — спросила Хэзер. — Жертва, найденная во дворе пиццерии, что рядом с клубом, — уточнила она, когда Данте нахмурился.

— Так его звали? Дэниел? — Он покачал головой. — Я видел его в клубе, разговаривал с ним о последнем альбоме «Inferno», но я не знал его.

— Как долго ты знал Джину?

Данте посмотрел в сторону. Его пальцы с силой сжали кружку.

— *Знал*? Не могу привыкнуть думать о ней в прошедшем времени.

— Понимаю, это трудно. Но я должна спросить.

Пропуская пальцы сквозь волосы, Данте откинулся на спинку стула, наклоняя его.

— Мы зависали вместе... ох... около шести месяцев или вроде того. — Он поднял

взгляд. — У меня хреново с датами и временем. Всегда так было.

— И... вы с Джиной встречались? Были парой?

— Нет. Мы были друзьями. У нее есть... *был* — блядь! — парень.

— Фраза « Проснись С » тебе о чем-то говорит?

Мускулы Данте напряглись, ладони сомкнулись вокруг чашки.

— Нет, — прошептал он, закрыв глаза.

Хэзер поставила кружку с кофе на стол. Она *ненавидела* эту часть своей работы, тормозящую горе, возрождающую боль. Поскольку знала, сколько страданий это причиняет, когда осознаешь, что любимый человек был убит. Не умер во сне или даже в какой-то ужасной автомобильной аварии. *Убит*, его жизнь умышленно украдена, и он уже никогда больше не вернется.

Как ее мама.

Она потянулась через стол и прикоснулась к руке Данте. Он поднял голову и посмотрел на нее. Дыхание перехватило, и она застыла, почувствовав, что ее затягивает в его темные глаза, словно кровь в иглу. Сердце трепетало со скоростью взмахов крыльев колибри, Хэзер отвела взгляд, отдернула руку и трясущимися пальцами обхватила кружку с кофе.

Что в нем такого? Он, несомненно, красив, но она же не школьница; более того, она была практически уверена, что на несколько лет старше. Так какого черта она стала из-за него косноязычной и возбужденной?

Хэзер потянулась к бренди. Данте передал ей бутылку. Его пальцы задели ее, и электрический разряд прошел от руки к животу, отчего она чуть не уронила бутылку.

— Ты упомянул, что у Джины был парень, — сказала Хэзер. — Думаешь, *он*... как его зовут?.. мог...

— Черт, нет! Джей любит... любил ее...

Хэзер подняла глаза и поставила бутылку с бренди на стол. Выражение лица Данте все еще оставалось сдержанным, а язык тела — избегание зрительного контакта, крепко зажатая в руках кружка — раскрывал степень напряжения.

Смягчив голос, Хэзер продолжила:

— Может быть, из ревности? Ты *проводил* время с *его* девушкой.

— Нечего было ревновать. — Данте встретил взгляд Хэзер. — Он всегда участвовал.

— Во всем?

— Во всем. Да.

Отодвинув стул, Данте поднялся. Он подошел к стойке, схватился за край.

Хэзер развернулась на стуле.

— Где я могу его найти? Как его фамилия?

— Насколько я знаю, Джей пропал, — сказал Данте. Он обернулся, облокотившись спиной о стойку, и скрестил руки на груди. — Вчера вечером он ушел с Джиной. Я планировал поискать его. Как только мы тут закончим.

— Он *ушел* с ней? Откуда ты знаешь, что он не мертв? Или что он не убийца? Тебе надо, чтобы я это доходчиво объяснила? — спросила Хэзер, подчеркивая сказанное ударами пальца о стол. — Убийца изучает тебя. Он знает, кто близок к тебе. Дай мне фамилию Джея.

Данте выдержал ее взгляд, но ничего не сказал. Хэзер вздохнула. Привлекательный, сексуальный, но упертый.

— Ты не можешь пойти искать его в одиночку. Позволь мне помочь. Я могу привлечь полицию.

— К черту копов.

— Я преследовала этого психопата в течение трех лет, — проговорила она тихо. — И ты моя единственная живая связь с ним.

Данте шагнул к столу. Дотянулся до бренди. Когда его пальцы сомкнулись на горлышке бутылки, Хэзер сжала его запястье. Его кожа была теплой и мягкой, как бархат.

— И я хочу, чтобы ты остался живым, — сказала она. — Так что в ближайшее время тебе от меня не отделаться.

Данте посмотрел на нее, лицо уже не столько безразлично, глаза задумчивы и серьезные.

— Ты доверился мне в клубе сегодня утром, — произнесла она. — Что изменилось теперь?

Данте осторожно освободился от ее хватки. Держа бутылку в руке, он прислонился к стойке. Свет вспыхнул на пирсинге в его ушах.

— Черт, я не знаю. Все. Ничего. И как же мне звать тебя? Спецагент Уоллес? Леди Закон? Госпожа? Как?

Откатившись на стуле по линолеуму, Хэзер поднялась и присоединилась к Данте возле стойки, сцепив руки за спиной.

— У меня предчувствие, что ты и вполнину не такая задница, какой пытаешься казаться.

Улыбка скользнула по губам Данте.

— И насколько надежны твои предчувствия? — Он быстро глотнул бренди прямо из бутылки.

— Достаточно надежны, — ответила Хэзер. — Для тебя у меня есть лишь имя, без фамилии, потому предлагаю использовать имена. Мое Хэзер.

— Справедливо. Хэзер.

— Знаешь, я не могу найти твою официальную фамилию, — сказала она, внимательно смотря на Данте. — Только ту, что дала приемная семья в Лафайетте — Прэйжон. Дэниел Спаррелл тоже был из Лафайетта.

Данте оставался безмолвным, настороженное выражение лица, напряженные мышцы.

— У местной полиции есть материалы на тебя, — продолжила Хэзер. Она знала, что давит, но, возможно, причина появления посланий кроется в его незаписанном прошлом. — Кроме прикрепленных записей о юношеских правонарушениях, я не смогла найти на тебя *никакой* информации — ни водительского удостоверения, ни номера социального страхования, ни кредитной истории — ничего. Почему?

Данте сморщился от боли и прикоснулся рукой к виску. Испарина внезапно покрыла лоб. Хэзер встревоженно коснулась его плеча. *Опять* мигрень? Спровоцированная ее вопросами? Как это возможно?

— Эй. Ты в порядке?

Данте отшатнулся от нее и прислонился к холодильнику, тело практически тряслось от напряжения.

— Если твой псих хочет меня, — рвано произнес он. — Позволь ему меня взять.

— Ты debil? — Хэзер шагнула к нему. — Тебя нужно поместить под охрану.

— К черту. Расставь сети, ладно? Расставь сети. Я — создание ночи, помнишь?

Бутылка бренди выскользнула из пальцев Данте и вдребезги разбилась об пол. Янтарная жидкость забрызгала шкафы и ноги Хэзер. Данте упал на колени, одной рукой продолжая держаться за висок, второй оперся о холодильник. Обогнув его, Хэзер опустилась перед ним

и схватила за плечи. Кровь тонкой струйкой потекла у него из носа, глаза закатились.

ДеНуар влетел в кухню, с грохотом *распахнув* дверь, которая, ударившись о стену, оставила после себя вмятину на штукатурке.

Данте обмяк в руках Хэзер, уронив голову. Она села на линолеум, крепко держа его, пульс шумел в ушах. Кровь текла из его носа, покрывая ее руки, ладони, штаны.

На лице ДеНуара, добравшегося до Данте, отразилось что-то очень похожее на страх.

Глава 12

Забытое прошлое

ДеНуар нес Данте на руках через затемненную спальню, с природным изяществом огибая коробки для CD дисков, одежду и книги, нагроможденные на полу. Постель была разобрана и помята, белье — черным. «Или, может быть, темно-синим», — подумала Хэзер, следуя за ДеНуаром.

Он встал на колени перед кроватью и положил Данте на простыни, затем опустил его голову на подушки и вытер текущую из носа кровь полотенцем, которое нашел на кухне. Лунный свет смягчил угловатые черты лица ДеНуара, изменив мрачное выражение на грусть.

Хэзер наклонила голову, изучая его, то, как он заботился о Данте, наблюдая, как большая рука нежно скользнула по волосам, убирая их с лица. Что же было между ними?

— С ним все будет в порядке? — спросила она. — У него есть медикаменты от головных болей? Врач?

— Все, что ему нужно, — это отдых, — ответил ДеНуар.

— Ты спрашивала о его прошлом? — голос раздался со стороны дверного проема. — Так всегда, когда он пытается вспомнить. Ему становится плохо, как сейчас.

Хэзер обернулась и посмотрела на Сильвера. Он прислонился к дверному косяку, одной ногой опираясь на порог, серебристые глаза сверкали в лунном свете.

— Я только задала пару стандартных вопросов, — произнесла Хэзер.

— Данте рос в штате Луизиана, агент Уоллес, — пробормотал ДеНуар, протягивая пропитанное кровью полотенце.

— Угу, угу, — проворчал Сильвер.

Оторвавшись от двери, он, сутулясь, вошел в комнату и забрал полотенце. Затем ушел.

Хэзер удивленно моргнула. Сверхчеловеческая скорость была обыденностью в этом доме. Сделав глубокий вдох, она сфокусировалась на ДеНуаре.

— Да, я знаю, — сказала она, — он рос в приемной семье Прейжонов.

Люсьен покачал головой.

— Это одна из последних. Он годами переходил от одной приемной семьи к другой.

Хэзер замерла. ДеНуар только что дал ей информацию, которая не значилась в файле Данте. Почему только последняя семья была записана?

— Данте плохо помнит прошлое, — спокойно сказал ДеНуар. — И, возможно, это к лучшему.

Он протянул руку.

Прохладный порыв воздуха подул мимо Хэзер, всколыхнув ее волосы. Сильвер появился перед ней и положил смоченное полотенце в протянутую руку ДеНуара. С мимолетной не скрывающей острые клыки усмешкой мальчик снова исчез.

— Может быть, ему *необходимо* вспомнить? — предположила Хэзер. — Может, в этом причина мигреней.

— Нет, — прошептал ДеНуар, размазывая медленно стекающую кровь под носом Данте влажным полотенцем. — Нет.

Внезапно сочувствие проступило сквозь усталость Хэзер, и она поняла, что ДеНуар любит Данте, и что *сожаление* тенью легло на его лицо и сделало голос грубым.

Сожаление. Из-за чего? Забытое прошлое, которое должно остаться забытым? Независимо от того какова цена?

— Данте сказал мне, что он вампир, — произнесла она.

ДеНуар закрыл глаза. На его челюсти заходили желваки.

— Вы верите в существование вампиров, агент Уоллес?

— Нет. Но я чувствую, что Данте верит.

Глаза ДеНуара открылись. Золотые искорки блеснули в них.

— Действительно, — пробормотал он.

Расстегнув ботинки Данте, он стянул их с его ног. Они упали на пол с глухим стуком.

— Он думает, что неуязвим, и это убьет его, — продолжила Хэзер, приближаясь к матрасу.

ДеНуар промолчал, переместил руку с виска Данте на волосы, затем убрал. Он поднялся с пола и застыл.

— Я не позволю, чтобы это произошло, — сказал ДеНуар, повернувшись к ней.

Она уставилась на него, ошеломленная таким пренебрежением. Сделала шаг вперед и схватила его за предплечье. Оно было твердым и прохладным, как мрамор. Но огонь прошел сквозь нее, натянув мышцы.

— Там есть человек, который хочет... который *жаждет* замучить его, — голос звучал низко и твердо. — Насилие. Увечья. Убийство. Это не в вашей власти. Не *вам* принимать решение.

Она отпустила его руку.

ДеНуар застыл на некоторое время, завитки его длинных волос приподнялись, вокруг тела вспыхнул едва заметный синий свет. Кожу Хэзер начало покалывать. В воздухе появился острый запах озона. Данте пошевелился на кровати, внезапно чем-то обеспокоенный, на бледном лице появилась тревога. Сильвер выпрямился в дверном проеме, сверкая настороженными глазами.

Затем словно удар грома или взрыв высосали весь воздух из комнаты, и все закончилось. Никакого синего света. Никаких шевелящихся волос. Только высокий мужчина, неподвижно стоящий около кровати. Голос Этьена прошептал в голове Хэзер: «Падший».

— Я не позволю, чтобы это произошло, — снова сказал ДеНуар.

Наклонившись, он накрыл Данте пледом, потом сел на край кровати. Коснулся рукой его виска.

— Спокойной ночи, агент Уоллес, — пробормотал ДеНуар.

Хэзер вышла из комнаты, задев Сильвера, ее тело было так же напряжено, как и кулаки. Она сказала Данте, что не бросит его. И именно это имела в виду. ДеНуар мог засунуть свое «спокойной ночи» подальше. Она стремительно спустилась вниз по лестнице, скользя одной рукой по отполированным деревянным перилам.

Когда Хэзер вошла в гостиную, Симона, сидящая в мягком кресле, подняла взгляд от книги на коленях. Джордан все еще лежал, растянувшись на диване с приоткрытым ртом, одна его рука свисала на пол.

— Спасибо, что приглядели за ним, — сказала Хэзер.

Симона закрыла книгу, затем поднялась.

— Я искала время почитать, — ответила она, пожав плечами. — Как Данте?

Хэзер покачала головой.

— Он без сознания, но хотя бы кровотечение из носа прекратилось. ДеНуар, кажется,

думает, что все, что ему нужно, это отдых.

— А... — вздохнула Симона.— Ему нужен не отдых,— пробормотала она, двинувшись в сторону зала.

— Сколько вы знаете Данте? — спросила Хэзер.

— Три, четыре года.

— Его головные боли стали хуже?

Симона застыла на пороге.

— *Oiii*. Почему вы спрашиваете? — Она бросила взгляд через плечо с настороженным выражением лица.

— Ему нужна помощь.

— *Мы* поможем ему, — сказала Симона, — *вы* не сможете. Он говорил вам правду, *m'selle*. Он создание ночи.

Симона вышла из комнаты.

Вздыхнув, Хэзер опустилась в кресло напротив дивана и спрятала лицо в руках. Они все безумны. Помешанные.

Или они все были вампирами. Как она напишет об этом в отчете?

Объект не прислушался к предупреждению, потому что он вампир. Когда я проинформировала объекта, что серийный убийца способен прострелить его сердце, он рассмеялся.

«*Расставь сети*», — сказал он.

Отведя руки от лица, Хэзер уставилась в пол, ее пульс участился. *Поставить ловушку*. Вампир он или нет — а она еще не была готова признать это, но если есть такая *возможность* — может ли план сработать? После трех лет, могла ли она выманить ублюдка? Реально ли выманить его и накинуть сети? Если это сработает...

А если нет? Если ее преступник будет извиваться в сетях с зажатым в челюстях Данте? Она встала и направилась на кухню, открыла дверь и замерла, остановив взгляд на полу, забрызганном кровью и бренди. Напряженный голос Данте всплыл в памяти: «*Позволь ему меня взять*».

Что если ее плохой парень верит, что Данте вампир?

Большинство фан-сайтов «Преисподней», казалось, верят в это. Журналисты спрашивали, и Данте ушел от ответа.

Просыпайся. Просыпайся С.

Что если *он* хотел, чтобы Данте проснулся? И что если С в первом послании — это настоящая фамилия Данте? Он все время думал, что Данте соответствует своей вампирской репутации? Хотел ответ, который никогда не получали журналисты?

По привычке обойдя пятно крови, Хэзер поспешила к столу и сумочке. Вытащила свой мобильный и, вернувшись в гостиную, открыла телефон. Нет заряда. А ее зарядное устройство осталось в отеле. Может быть, здесь у кого-нибудь есть такое же.

Ее взгляд упал на телефон дремавшего Джордана, лежащий на полу около бумажника. Подойдя, она нагнулась и подняла сотовый. Четыре деления. Хэзер плюхнулась назад в кресло и набрала номер Коллинза.

Он ответил после второго гудка.

— Коллинз, — отрывисто сказал он, — кто это?

Хэзер поняла, что его телефон показывает входящий номер Элроя Джордана.

— Коллинз, это Уоллес. Я одолжила телефон.

— Проклятье, Уоллес, — в его голосе явно чувствовалось облегчение, — я пытался найти тебя...

— Слушай, — Хэзер прервала детектива на полуслове, стараясь скорее поделиться своим открытием, — я нашла Данте Прейжона и останусь с ним, если наш преступник появится.

— Но...

— Нет, послушай, ты можешь поехать в Лафайетт и поговорить с семьей Прейжон — разузнать что-нибудь о Данте? Контактировали когда-нибудь друг с другом Прейжоны и Спарреллы?

— В этом нет необходимости, — сказал Коллинз, — наш преступник больше никогда ни на кого не нападет.

— Что? — Хэзер резко выпрямилась.

— Как я понимаю, ты не говорила со своим куратором, — продолжил Коллинз, — ублюдка прихлопнули в Пенсаколе.

— Пенсакола? — повторила Хэзер. — Это невозможно. Он здесь. Самое меньшее, он был здесь утром, когда убил...

— Путешествующий мужчина. Уоллес, — прервал Коллинз, — ведь поэтому его называли Странствующим Киллером?

— Верно, верно. Ты сказал, его прихлопнули. Ты имеешь в виду, убили?

— Ага. Другой агент сделал это, когда поймал его на месте преступления, — Коллинз замолчал, на заднем плане зашелестела бумага. — Жертву все же не спасли.

— Было ли другое сообщение?

Еще шелестение бумаги.

— Нет, но он так и не закончил, понимаешь?

Мертв. Во Флориде. Как она могла так сильно *ошибиться*? Мысли закрутились — Лафайетт, знак анархии, клуб «Преисподняя», Данте — все эти зацепки были верны.

— Они получили положительный ответ, что это он? Я имею в виду, они еще не получили все лабораторные анализы...

— Я улетаю в Пенсаколу утром, — сказал Коллинз, — полагаю, ты хочешь присоединиться, так что я зарезервировал тебе место.

Хэзер улыбнулась.

— Хороший мальчик, — пробормотала она, — встретимся в аэропорту. Во сколько?

— Восемь утра, солнышко, — ответил Коллинз, — увидимся.

И положил трубку.

Хэзер выключила телефон, затем снова включила. Набрал номер, она позвонила Стёрнсу. Ответа не было. Только голосовая почта. Возможно, проклятый идентификатор абонента сыграл с ней злую шутку.

— Это Уоллес, сэр, — сказала она после сигнала, — я направляюсь в Пенсаколу утром, проверить мертвого подозреваемого и улики. После этого я буду на связи.

Хэзер опустила руку в кресло, положив телефон на подлокотник. Провела рукой по волосам. Она хотела рассказать Данте о повороте событий. И немного поговорить с мистером Джорданом о том, как опасно заглядывать в окна ради лучшей журнальной статьи.

Она закрыла глаза. Пенсакола. Усталость утягивала ее, словно бетонные ботинки. После убийства Джинны перед самым рассветом убить другую женщину в этот же день?

Джек Потрошитель убивал двух за одну ночь — двойное происшествие — и даже

меньше чем за один час. Джека так никогда и не поймали — по крайней мере, официально.

Она была уверена, что Странствующий Киллер тоже не пойман. Официально или как-либо еще.

Хэзер погружалась в черный океан, бетонные ботинки тянули ее на дно. Где-то в темноте пел Ли Стэнз, его хриплый голос струился под волнами.

Я жажду предоставить все судьбе и как пустая лодка плыть по морю в штиль/ Мне не нужен свет / Я не боюсь тьмы...

«Ты должна», — подумала Хэзер, погружаясь все глубже, глубже, глубже.

Пошатываясь, она стоит на краю шоссе, выставив большой палец и всматриваясь в темноту. Машина не заводилась, и ее пришлось оставить на парковке закуской. Но ей действительно нужно вернуться домой. Она только зашла пропустить пару бокалов после всех дел. Дети на тренировке по футболу или на уроке игры на гитаре, или в лагере бойскаутов, и оставалось немного времени на саму себя.

Следующее, что она помнит, — темно, на небе луна. Новые друзья пытаются уговорить ее остаться, на мгновение она задумывается об этом. Но, вырвавшись из рук умоляющих друзей, сбегает в холодную октябрьскую ночь. Не может найти свой мобильник. Может, она забыла его на работе? В баре?

Оставив машину, она решает добраться до дома на попутке. Вдруг отступает, и ее каблук цепляется за неровный край асфальта. Хихикает. Хорошо, что она не за рулем. Очко в ее пользу. Облизав кончик пальца, она проводит воображаемую единицу в воздухе. Сняв обувь, осматривает каблук.

Свет фар разрезает ночь. Она обращает на себя внимание, держа туфлю вместо большого пальца, перенося свой вес на одну ногу и улыбаясь. Машина останавливается, под шинами хрустит гравий, из глушителя вылетает струйка выхлопа, горячий запах бензина наполняет воздух.

Шатаясь, она пытается надеть обувь, но, отпрыгнув на одной ноге, оказывается на заднице. Откидывает голову назад и смеется. Хорошо, что она не идет сейчас по прямой линии для копов. Еще одно очко в ее пользу. Нарисовав вторую воображаемую единицу в воздухе, она стягивает другую туфлю и поднимается на ноги, немного спотыкаясь. Стряхивает грязь с попы, когда водительская дверь открывается.

Мужчина выскальзывает из урчащего автомобиля. Что-то сверкает в его руке.

Данте стоял в дверном проеме, упираясь руками в косяки. Уоллес — Хэзер — спала, сгорбившись в мягком кресле, ее голова была повернута влево. Рыжие волосы лежали на щеке, обрамляя приоткрытые губы. Дыхание было медленным и легким. Свет свечи мерцал оранжевым и золотым на ее лице.

«Красивая, — подумал он. — Легко забыть, что она коп».

Он бесшумно вошел босиком в комнату. Взял сложенное одеяло со спинки пустого дивана и, встряхнув его, укрыл ее. Его браслеты звякнули друг об друга при движении, но она не пошевелилась.

Данте сел, скрестив ноги, возле кресла. Она встала на его сторону перед другими копами. Даже остановила шестерку с оружием.

«Почему она поддержала меня? Что это дает?»

Он вдохнул ее свежий аромат дождя, учуял намек на сирень и шалфей. Он слушал глубокий спокойный ритм ее сердца.

Спящая, она выглядела еще моложе, чем на двадцать восемь или даже тридцать лет,

которые он ей дал. Свернувшаяся и теплая, она была не копом или агентом ФБР, а скорее женщиной с сердцем; женщиной со стальным стержнем. Женщиной — до сих пор верной своему слову.

«Доверься мне. Я прошу доверять мне».

Как много раз он слышал эти слова? Одинаково говорили смертные и создания ночи, слова были пустые и бессмысленные: «Доверься мне».

Но не с Хэзер. Он изучал ее, и она встретила его взгляд своим, открытым и спокойным, ничего не скрывающим. На мгновение, когда он смотрел в ее синие глаза, голоса, бушующие внутри, утихли.

И поэтому он завел руки за спину и дал ей надеть на себя наручники.

Потолок скрипел. Переместившись на карниз на крыше, Люсьен смотрел в ночь. Слушая ритм, который порой слушал Данте, чувствуя, как он пульсирует в такт с кровью, текущей по венам.

Хэзер заерзала в кресле, слегка скривив губы. Сердце учащенно забилося. Плохой сон? Встав на колени, Данте наклонился и убрал волосы с ее лица. В ее запахе появилась нотка адреналина. Брови нахмурились, лицо выглядело обеспокоенным, может быть, испуганным. На лбу выступили капли пота.

— Хэзер. — Данте осторожно потряс ее за плечо. — Проснись, Хэзер.

Она резко проснулась, широко раскрыв глаза. Выпрямилась и оттолкнула его руку в сторону, одеяло соскользнуло с ее колен и собралось складками на полу. Она свела обе руки вместе так, словно держала пистолет.

— Нет, — прошептала она. — Не садись в машину.

— Эй, — сказал Данте. — Все в порядке.

От звука его голоса Хэзер вздрогнула, а потом наклонилась вперед, поставив локти на колени и обхватив голову руками. Она глубоко вдохнула. Постепенно ее неистовое сердцебиение стало замедляться.

Через некоторое время она опустила руки. Ее лицо было мертвенно-бледным, широко распахнутые глаза светились синим.

— *T'est blême comme un mort*^[28], — произнес Данте. — Ночной кошмар?

Хэзер взглянула на него. Ее сердце забилося быстрее. Дыхание перехватило. Данте напрягся, сжимая пальцы в кулак. Он почти отвернулся, не желая видеть разочаровывающую смесь обожания, похоти и удивления, которая загоралась на лице у каждого, кто смотрел на него. Но она вглядывалась ему в глаза, пульс успокоился, дыхание выровнялось. Она изучала его.

— Да, — прошептала в ответ. — Кошмар.

— Я многое знаю о кошмарах.

Хэзер наклонила голову, пристально глядя на него.

— Уверена, ты знаешь, — ответила она. — Как твоя голова? — и коснулась пальцем собственного виска.

— Хорошо, — пробормотал он, пожимая плечами.

Она осмотрела комнату, остановившись на диване.

— Где он? — спросила она, вскакивая на ноги.

— Ищешь помощника-извращенца Тома? — поинтересовался Данте, посмотрев вверх на нее. Она кивнула. — Он ушел, когда я спускался по лестнице.

— Его вещи... — сказала она, — которые ты вытащил из карманов.

Хэзер обыскала кресло, на котором спала, просовывая руку под подушку, чтобы осмотреть низ.

— И телефон, — продолжила она, убирая волосы с лица. — Я оставила его на подлокотнике кресла.

Данте уловил ход ее мыслей.

— Он стоял над тобой, пока ты спала.

Хэзер покачала головой, сложив губы в тонкую линию. Разочарование и вновь навалившаяся усталость отразились на ее лице.

— Я бы порекомендовала ему найти менее сомнительного босса, но...

— *Bon à rien*^[29], оба, — сказал Данте, вставая. — Идеальное совпадение.

Хэзер улыбнулась, но затем улыбка исчезла с ее лица. Ее ум был незащищенным, широко открытым, и он мог бы проникнуть в него, уловить каждую мысль — если бы захотел.

Но если бы в *его* разум проникли без приглашения — используя силу или обольщение — и взяли бы то, что *хотели*... он бы напрягся. У него не было никакого желания заглядывать в незащищенные мысли Хэзер.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказала она. — Мы можем где-то уединиться?

Он кивнул.

— Конечно.

— Все выглядит так, как будто ты излечился от проблемы с сотрудничеством.

Он фыркнул.

— Продолжай так думать.

Она снова улыбнулась.

Данте повел Хэзер из комнаты по коридору в студию. Как только он открыл дверь, Трей выбежал из веб-комнаты, очки покачивались в его руке. Он остановился напротив, источая запах адреналина.

Внезапно страх впился в Данте шипами, когда он взглянул на лицо Трея.

— Плохие новости, *mon ami*, — сказал Трей, его каджунский акцент был более выражен, чем у сестры. — Они нашли Джея в реке. С перерезанным горлом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ошеломленный, Данте прислонился к стене.

— Твою мать, — прошептал он.

— Это еще не все, — добавил Трей. Он колебался, смотря на Данте, мыслями коснувшись его ментальных щитов.

— Я в порядке, — сказал Данте.

Трей кивнул, но выглядел при этом печальным. Он сглотнул.

— Копы думают, что ты мог совершить оба убийства.

* * *

Хэзер отступила, когда темные глаза Данте сверкнули, и, развернувшись, он ударил кулаком в стену. Штукатурка осыпалась на пол крупными рваными кусками.

— Вы что взломали систему ПДНО^[30]? — спросила она Трея.

Он пожал плечами и кивнул.

— *Oui*.

Внезапно Симона, словно ее призвали, появилась рядом со своим братом и обеспокоено посмотрела на Данте. Над ними заскрипел и застонал потолок, а затем стало тихо. Хэзер услышала звук похожий на сильный взмах крыльев. Очень больших крыльев.

Она посмотрела на Данте. Тот стоял неподвижно, каждый мускул в теле был натянут, одной рукой он опирался на стену, а вторая все еще была в дыре, которую он пробил. Голова наклонена, черные волосы скрывали лицо, казалось, он вибрировал от ярости.

— Мне жаль по поводу Джея, — Хэзер коснулась его плеча. — У них ничего нет. Ты этого не делал. Они это знают. Вот, о чем я хотела с тобой поговорить.

Пыль от штукатурки осыпалась на пол, когда Данте вытащил кулак. Подняв голову и убрав волосы, он посмотрел на нее. В его взгляде смешались ярость и тоска. Мышцы напряглись под ее пальцами. Она взглянула ему в глаза, не в силах отвернуться, притянутая и захваченная водоворотом эмоций.

Он изучал ее, его темный блестящий взгляд был таким же теплым, как и потребность в ласке. Убрав руку, она посмотрела вниз, ее лицо пылало.

— Тогда поговори со мной, — сказал он.

Входная дверь открылась, затем коротко щелкнула. ДеНуар.

— Наедине, — ответила Хэзер, шагнув в комнату, в которую он вел ее. Данте последовал за ней, закрыв за собой дверь.

Хэзер осмотрела комнату — *студию*, поправила она себя. Несколько различных инструментов — синтезатор, микшер, усилители, компьютер и монитор — заполняли пространство. Черная гитара в углу. Полупустая бутылка французского абсента на компьютерном столе, окруженная наушниками, разбросанными бумагами и текстами песен.

Ее взгляд остановился на противоположной стене, где был нарисован краской из баллончика символ анархии цвета засохшей крови.

Изображение символа, выжженного на Дэниеле Спаррелле, вспыхнуло в голове Хэзер. Убийца — будь это СК или нет — пытался доказать, что они с Данте родственные души, разделяющие те же верования. Но вместо того чтобы рисовать символ на стенах, зданиях или полицейских машинах, убийца выгравировал его на живой плоти.

Убийца Джини дал пощечину Данте. Вызов. *Посмотри, как далеко я готов зайти. Можешь меня превзойти? Не тонка ли кишка соответствовать этому символу?* Если убийца чувствовал себя выше Данте, чувствовал, что у него все под контролем, значит, ему было вполне комфортно. Он думал, что достаточно силен, чтобы бросить Данте вызов и сделать его своей собственностью.

Но если он был мертв... то никаких угроз. Хэзер отвернулась от стены и посмотрела на часы. Четыре тридцать четыре утра. Убрав волосы с лица, она повернулась к Данте.

— Пару часов назад я узнала, что наш подозреваемый был убит в Пенсаколе, — сказала она. — Я не понимаю, но...

— Ты не думаешь, что это он. Не так ли?

— Я на полпути во Флориду, чтобы выяснить это.

Данте прошел мимо Хэзер, легко задев ее своим телом.

— Ты не знаешь, как он выглядит, — сказал он, взяв очки с компьютера, и потер их. — Так как ты...

— Я изучала его... *работы*... в течение трех лет, — ответила она. — Я узнаю.

Данте подошел ближе.

— Это то, о чем ты мечтаешь?

Застигнутая врасплох, Хэзер отвернулась. *Близко. Слишком близко.* Подняв голову, она встретила темный взгляд.

— Что этот символ анархии для тебя значит?

Данте пожал плечами.

— Помимо того что посылает общество нахрен?

Хэзер покачала головой.

— Ты можешь делать больше, чем это.

Данте снял очки. Вокруг темной радужки его глаз появился красный ободок. Его взгляд, глубокий, ясный и до смерти серьезный, поймал ее взгляд.

— Хорошо. Ярость. Огненная буря. Правда.

— Правда?

— Да. Свобода — это результат гнева.

Хэзер уставилась на него, горло сжало. Это было сказано настоящим выжившим в системе государственных приютов. Сказано осознанно и с умом. И посеяло в ней семя сомнения.

Что могло породить такую ярость? Разжечь ее?

Данте надел очки снова.

— И что теперь?

Она вздохнула, пропустив волосы сквозь пальцы.

— Я хочу, чтобы ты избегал неприятностей, пока я не свяжусь с тобой.

Один угол рта Данте приподнялся в усмешке.

— Это станет моим приоритетом.

— Постарайся, — сказала Хэзер, — я хотела бы, чтобы ты продолжал дышать.

Ее взгляд переместился на знак анархии позади него. На один удар сердца он стал частью символа — черным кинжалом, пронзающим плоть, хаосом, окутанным тьмой и непредсказуемостью.

Убийца бы покинул Новый Орлеан только в случае, если бы Данте был мертв или близок к этому. Кто бы ни лежал в морге Пенсаколы, он — не ее преступник. Но она должна удостовериться. Коллинз ожидал ее в аэропорту, а ей еще нужно было заехать в отель.

— Пройдись со мной, — попросила Хэзер, поворачиваясь и открывая дверь студии.

Она чувствовала Данте позади себя в холле; его молчание нервировало, даже если он и шел по ковру босиком, то должен был издавать хоть *какие-то* звуки.

— Что если это не твой парень в Пенсаколе?

— Тогда я вернусь.

* * *

Хэзер открыла Subaru, затем скользнула внутрь. Запустив двигатель, она включила до упора стеклообогреватель и печку. Данте стоял напротив открытого окна с водительской стороны, босиком в холодный поздний февраль, очки находились на его голове.

«*Ему должно быть холодно,* — подумала Хэзер. — *Я бы замерзла.*»

— Я позвоню тебе, как узнаю что-нибудь, — сказала она.

Данте наклонился и протянул кусок бумаги. Хэзер взяла его и посмотрела — телефонные номера. Написанные с уклоном левши; один подписан как КЛУБ, другой — ДОМ. Она взглянула на него.

Сложив руки на груди, Данте пожал плечами.

— На всякий случай, — сказал он.

Его взгляд зацепился за что-то за ней.

— Это моя куртка.

— А? — Хэзер посмотрела в направлении его взгляда. Скомканная кожаная куртка Данте лежала на пассажирском сидении.

— О! Да. — Она взяла ее и передала через окно Данте. — Я хранила ее, пока ты был арестован.

Данте встряхнул куртку. Металл звякнул.

— *Merci*, — сказал он, — ты проверила карманы?

Хэзер улыбнулась.

— А ты как думаешь?

— Я думаю... — Он остановился на мгновение и посмотрел на нее. — Да, я бы это сделал.

Улыбка Хэзер стала шире.

— Ты выглядишь довольно опытным в обыске карманов.

Он усмехнулся, и Хэзер заметила тонкие изогнутые клыки. Он был либо помешанным, либо мертвецом, но почему-то все равно заставлял ее чувствовать себя подростком, теряющим голову от зловещего одетого в кожу плохого парня.

— Послушай, когда все это кончится...

— Да? — Данте наклонился еще ближе. Слабый зеленый свет блеснул на стальном кольце ошейника.

Она могла чувствовать его запах сухих осенних листьев и темной земли — теплая постель, запах секса. Ее щеки покраснели, в животе разливалось тепло...

— Эм... Я позвоню тебе сразу, как что-нибудь узнаю.

Заставив себя улыбнуться, она закрыла окно.

Он выпрямился, затем сделал шаг назад, когда она нажала на газ.

Она аккуратно ехала по извилистой дороге, проезжая мимо фургона и MG. Harley исчез.

«Я хотела бы спросить, смогу ли снова увидеть его».

Больше объективности. Больше профессионализма. Она посмотрела в зеркало заднего вида. Данте все еще стоял на дороге, наблюдал, как она уезжает. Ветер бросил пряди волос на его затененное лицо.

Внезапно около Данте показалась фигура. Хэзер ударила по тормозам. Subaru остановилась с визгом. Света от красных горящих задних фар было недостаточно, чтобы увидеть, кто это, и она была готова развернуть машину назад или выйти наружу и вытащить свой 38-й, когда Данте приобнял фигуру за плечо.

Луна плавно появилась из-за облака. Холодный лунный свет коснулся деревьев, железных ворот, очертаний особняка, волос шипами и серебряных глаз Сильвера. Свет позолотил улыбку мальчика. Он прижался к талии Данте.

Выдохнув, Хэзер оторвала взгляд от зеркала заднего вида. Слишком много адреналина и слишком мало сна оставили ощущение дрожи и слабости в ногах. Она нажала на газ и выехала в открытые ворота.

Может, она уже расставила сеть, просто уехав.

В этот мрачный момент она действительно хотела, чтобы Данте был вампиром.

Может быть, тогда у него будет шанс на выживание, если убийца захватит наживку.

Глава 13

Сувениры

Ронин открыл засов металлической двери, которая скрипнула, стоило распахнуть ее, и звук эхом пронесся по пустому складу. Он щелкнул выключателем рядом с дверью и вошел внутрь.

Съежившись на койке и обхватив ноги руками, дрожащий парень посмотрел вверх, моргая от резко включенного яркого света. Жужжание флуоресцентных ламп нарушило тишину. При виде Ронина парень забился в угол спиной к стене.

Улыбаясь, Ронин покачал головой.

— Это не меня нужно бояться, — сказал он. — А моего помощника, который привел тебя сюда. Помнишь его?

Парень кивнул, смотря на Ронина подведенными карандашом глазами. Он вжался в стену еще сильнее, словно мог раствориться в ней и исчезнуть. Улыбка Ронина стала шире. Взгляд парня остановился на обнажившихся клыках. Он застыл.

Ронин присел на край койки. Быстро бьющееся сердце подростка заинтриговало его. Он почувствовал наполненный адреналином запах горячей пульсирующей крови. Посмотрел на горло над краями кружев. На нем переливалась татуировка летучей мыши. Как часто Данте целовал эту белую плоть? Погружал свои клыки? Пил темную кровь, которая текла по венам?

Наклонившись, Ронин убрал прядь светлых волос с лица парня, зеленые глаза которого не отрывались от вампира.

— Я слышу все твои мысли, мальчик, — сказала Ронин, — можешь просто произнести их.

На мгновение опустив веки, парень сделал глубокий вдох. Все еще вжимаясь в бетонную стену, он старался успокоиться и привести в порядок разум. Его сердце колотилось в груди.

— Позволь мне помочь, — продолжил Ронин. — Джина мертва. Да, я знаю, что у тебя есть метка Данте. Но ты *умрешь* от рук серийного убийцы — *если* я оставлю тебя здесь.

Парень отвернулся, словно ему нанесли неожиданный удар сказанными напрямую словами.

— О, а насчет того, *почему* все это происходит с тобой — назовем это просто судьбой.

— Я не верю тебе, — произнес подросток низким и напряженным голосом.

Открыв глаза, он повернулся лицом к Ронину.

— Джина не мертва. Данте найдет ее, он...

— Он *нашел* ее, — прервал Ронин, довольный внезапной вспышкой огня в глазах парня, — после того как мой компаньон закончил с ней.

Парень сморгнул непролитые слезы. Сглотнул.

— Ты кусок дерьма.

Схватив тонкое горло одной рукой, Ронин резко оторвал парня от стены и притянул к себе.

— Я? — прошептал он. — Данте сейчас ищет тебя. Решать тебе, найдет ли он тебя *до* того, как вернется мой компаньон, или *после*.

Подросток изо всех сил пытался вырваться, дергая кисть Ронина одной рукой, другой упираясь в грудь. Прикрыв глаза, Ронин слушал учащенное биение его сердца. Ощущал гнев,

страх и отчаяние в равной мере.

— До или после, — сказал Ронин и посмотрел в полные эмоций зеленые глаза, — выбор за тобой.

Подросток прекратил бороться. Он снова застыл, затем встал на колени на койке. И погрузился в свой внутренний мир. В какой-то момент Ронин не мог его слышать. Ни шепота мыслей, ни слов или картинки. Между ними будто появился барьер, и только стук сердец нарушал тишину.

— До, — с дрожью ответил он, встретив взгляд Ронина.

— Правильный выбор.

Схватив горсть светлых волос, Ронин дернул голову парня назад и погрузил клыки в шею.

* * *

Э вошел в темный дом, закрыв дверь на замок. Он осмотрел комнату. На журнальном столике возле раскладного кресла стояла бутылка виски Wild Turkey и стакан. В пепельнице лежал единственный окурок. Э фыркнул, скривившись. Воздух был пропитан сигаретным дымом, чертов Ронин любил курить.

Самого не было. И малыша Томми тоже.

Просто прекрасно. Он был не в настроении выслушивать вампирское дерьмо. Он коснулся шишки на лбу. Боль запульсировала под пальцами, и Э отдернул руку. Его улыбка исчезла. Если бы Большой Парень не был сделан из камня, он бы смог сбежать. Господи!

Э пересек комнату, затем потащился по коридору в свою спальню. Возможно, викодин и немного виски облегчат боль. Открыв дверь, он вошел в комнату. Плюхнулся на край разваливающейся кровати. Голова пульсировала. Желудок сжимался.

Э выдвинул ящик тумбочки и порылся в содержимом — несколько красно-синих упаковок Marlboro, зажигалка, ручка со стриптизом — пока пальцы не сомкнулись вокруг пакетика с таблетками.

Э открыл его слегка дрожащими руками и высыпал таблетки на тумбочку. Персиковые, синие и желтые пилюли подпрыгнули и покатались по гладкой поверхности.

Э закинул пять или шесть в рот. Взял с тумбочки бутылку виски и запил их большим обжигающим глотком Canadian Hunter. Тошнота накатила с новой силой, сотрясая тело. Поставив бутылку на пол рядом с кроватью и развалившись на матрасе, Э устался в темноту, ожидая, пока таблетки подействуют.

Закрыв глаза, он прижался лицом к подушке. От нее пахло Джинной: темной вишней и сладким сексом. Э спрятал чулок в наволочке. Он любил оставлять сувениры на память, мелочи, которые говорили: «Помнишь когда?» Коснувшись пальцами правого переднего кармана джинсов, он погладил гладкий прямоугольник нового сувенира.

Он просыпается в доме полном вампиров, растянувшись на диване. Приоткрывает глаза. Свечи мерцают, оставляя движущиеся тени на стене. Только постоянное тиканье маятника в часах нарушает тишину.

Голова болит, он переворачивается на другую сторону. Взгляд падает на фигуру, свернувшуюся в мягком кресле напротив.

Он задается вопросом, что если она притворяется, играя с ним, наблюдая за ним из-под длинных черных ресниц. Но ее глубокое дыхание убеждает его, что она спит. Он

никогда не был так близко к ней — даже когда подсматривал через окно.

Если он коснется ее, что произойдет?

Его любимая Хэзер, собственный сталкер, спит в его присутствии. Оставаясь уязвимой перед богом.

Он смотрит на нее несколько минут, упиваясь цветом волос, линией скул, приоткрытыми губами.

Над ним скрипит потолок. Он внезапно вспоминает, где находится — в доме полном кровососов. Теплое, золотое, богоподобное чувство исчезает.

Встав, он почти на цыпочках пересекает короткое расстояние до кресла, не отрывая взгляда от Хэзер — его маяка. Стараясь не думать о том, кто еще ходит по дому.

Он наклоняется к Хэзер до тех пор, пока его дыхание не касается ее волос. Дотрагивается до пряди, и она скользит как шелк между пальцами. Поднимает сотовый с подлокотника кресла. Наклонив голову, он всматривается в Хэзер на мгновение. Какое послание она пыталась ему отправить, достав его телефон?

Потолок снова скрипит. Он отступает от кресла и женщины, уютно устроившейся в нем. Нехотя отворачивается. Рядом с диваном лежат его бумажник, финки и вся мелочь, что он носил в кармане.

Присев на корточки, он собирает вещи, но когда снова оказывается на ногах, то понимает, что направляется на кухню. Голос в его подсознании говорит: «Чертов идиот! Выбирайся, выбирайся, выбирайся», но уже слишком поздно, правда, он уже заявил права на сувенир.

Плащ и кошелек Хэзер висят на спинке стула. Он обыскивает и то, и другое, пока не находит то, что хочет взять. Его взгляд скользит по кухне в поисках следов Данте — что-нибудь на память о горячем, горячем, горячем вампире, получившем страстные взгляды от его Хэзер. Знак от его брата Плохого Семени.

Наконец, он забирает кружку черного кофе и выскользывает из кухни.

Он останавливается рядом с креслом, финка бессознательно скользит в руку. Сердце колотится. Он заставляет себя отойти. Заставляет себя подойти к двери. Открыть ее. Выйти. Просто закрыть дверь. И убежать, как ублюдок.

Э улыбнулся и открыл глаза. Он вытащил из кармана свой сувенир. На ладони блестел магазин от 38-го кольца.

* * *

Данте опустился на колени рядом с креслом Трея. Свет от монитора мерцал на спокойном лице заядлого компьютерщика, танцевал на проводах, подсоединенных к шее и кончикам пальцев.

— Ты можешь войти в систему морга? — спросил Данте.

Изображения и страницы замигали на экране. Пальцы Трея мелькали в воздухе. Данте слушал электронное потрескивание и гул. Ему было интересно, горели ли данные как огонь в венах Трея, постоянно меняющиеся и раскаленные.

На мониторе застыла страница. МОРГ-ВХОД.

Данте сжал руку Трея.

— *Très bien, mon ami*^[31].

Улыбка мелькнула в уголках рта Трея, и тут же исчезла. Данте нежно дернул его за

дреды.

Просматривая скачанные фото, Трей остановился на наиболее свежем — молодой мужчина с разрезанным горлом. Данте наклонился вперед, изучая фотографию. Волосы, возможно, русые, но из-за того, что они были влажными, трудно сказать точно, какого цвета. Закрытые глаза. Лишенные красок лицо и губы. Зияющая бескровная рана вдоль горла.

Данте сел назад на пятки, облегчение обрушилось на него, как горячая свежая кровь. Кого бы ни вытащили из Миссисипи, это был не Джей.

А значит, он все еще у того, кто убил Джину.

— Кто идентифицировал тело как Джея?

<Детектив ЛаРусс>, — мысленно ответил Трей. Его веки были прикрыты.

Данте тоже это чувствовал, растекающийся по венам Сон.

— Проверь его данные и связи, *top atі*, — сказал Данте.

Заснув руку в задний карман, он вытащил водительские права Извращенца Элроя и бросил на стол перед монитором.

Трей посмотрел на них и кивнул.

<Проверь его тоже. И Томаса Ронина>.

<После Сна>, — Трей выдергивал кабели из тела, отключаясь от сети.

Симона в полусне вошла в комнату, чтобы отвести брата в постель. Наклонившись, она поцеловала Данте в щеку, мягкими холодными губами коснувшись его кожи.

— Сладких снов, — прошептала она.

— *Et toi*^[32].

Он накрутил на палец ароматный локон волос.

Симона выпрямилась, и волосы выскользнули из его захвата. Она подняла Трея на ноги. Поддерживая друг друга, они, покачиваясь, вышли из комнаты.

Сон охватил Данте, замедляя сердцебиение. Схватившись за подлокотник кресла, он боролся с сонливостью.

Джей все еще был где-то там, ждал спасения. Данте надеялся всем сердцем, что Джей не чувствует боли, истерзанный, как Джина. Ярость взорвалась в нем, на секунду Сон пропал. Данте поднялся на ноги.

Шепот Джинины отдавался в его сознании и сердце: «*Завтра ночью?*»

Боль давила на глаза Данте. Пронзала виски. Но Сон подкрадывался ближе, оставляя его словно под кайфом и действием снотворного или морфина. Он покачнулся.

Руки коснулись висков, замораживая боль в его голове. Он отступил от Люсьена. Но, казалось, тот окружил Данте со всех сторон, надежный и защищающий. Безмолвная, бессловесная песня текла из сердца Люсьена в Данте. И что-то внутри него пело в таком же бессловесном ответе.

Данте почти мечтал о крыльях. О полете.

<Прекрати бороться, дитя, Спи. Хватит увеличивать боль>.

Встряхнувшись, Данте схватил крепкое запястье Люсьена.

<Я ценю то, что ты делаешь, *top atі*. Но пожалуйста...>

Что-то, чему Данте не мог дать название, сжало его сердце. Дыхание перехватило; внутренняя боль ощущалась странно знакомой.

<Я хочу этого>.

Оттолкнув Люсьена, Данте отошел от него. Но вся ярость и боль в этом мире не могли удержать его ото Сна.

Падая, он почувствовал, как его подхватили руки Люсьена.

* * *

Такси уехало, оставив белый выхлоп, поднимающийся клубами в серое предрассветное небо. Стёрнс аккуратно наступил на расчищенный от снега тротуар. На бетонной поверхности мерцал ночной лед. Он взял портфель в другую руку.

Из дождливого Сиэтла в снежный и холодный Вашингтон. Почему никогда не отправляют проверять факты на Гавайи или во Флориду?

Стёрнс подошел к заднему входу элегантного и, несомненно, дорогого особняка. От каждого шага снег, покрытый коркой льда, хрустел, издавая резкий звук в умирающей ночи. Стёрнс заскрежетал зубами в надежде, что соседи либо спят глубоким сном, либо думают, что это всего лишь разносчик газеты.

Стёрнс остановился, осмотрел маленький дворик, его взгляд переключился от особняка позади к другим, стоящим по бокам. Желтый свет лился из пары окон, поскольку люди начали просыпаться. Он прислушался, дыхание клубилось белым паром, пальцы покалывало сквозь перчатки.

Он позвонил в Бюро, чтобы проверить местонахождение Джоанны. В прошлом она принимала специально разработанные таблетки, которые помогали ей бодрствовать в течение дня, практически нейтрализуя наркотический эффект Сна. Конечно, она делала это достаточно долго, пока не заплатила свою цену. Стёрнс готов был поспорить, что она принимает их в большом количестве, чтобы быть в курсе всех новостей в Новом Орлеане. Он знал, что Джоанна была полуночником, но для нее не редкость работать днем.

Стёрнс пересек дворик, подойдя к лестнице, ведущей к задней двери. Он мог только надеяться, что Джоанна еще не превысила свой лимит. Но даже если так, то ее можно было бы поймать на контрабанде таблеток, что давало ему не намного больше времени.

Поставив портфель вниз на первую ступень, он изучил дверной замок. Индикатор красной бегущей строки «ЗАКРЫТО» мигал в угасающей тьме. Стёрнс хмыкнул. Меньшег он не ожидал. Сложной частью будет любая охранныя или вторичная системы.

Стёрнс опустился на колени и открыл портфель. Достав очки, он надел их. Затем вытащил из портфеля электромагнитную импульсную бомбу, завернутую в бумагу. Используя кусачки, он убрал изоляцию с проводов. Взломал корпус панели и посмотрел на закрученные провода в коробке. Очки обнаружили синие линии, переплетенные с проводами. Вторичная система.

Снайпер забирается на крышу позади тебя, и, как только он поймает тебя в прицел, ты труп. Поторопись и попади внутрь. Двигайся! Двигайся! Двигайся!

Больше не чувствуя холода, не думая об оптимальном следующем шаге, Стёрнс, под действием адреналина, позволил инстинктам взять верх. Его руки, уверенные и быстрые, выбрали провод и перерезали его. Он прикрепил бомбу к проводам в коробке замка. Для вторичной системы.

Он представил, как снайпер двигается вниз по крыше на животе. Затем отрезал главный провод от основной системы и, отвернувшись, выключил бомбу.

Когда Стёрнс спустя удар сердца снова посмотрел — *снайпер прицеливается* — надпись «ЗАКРЫТО» исчезла, экран стал черным и пустым. Нет безумного электронного завывания от вторичной системы. Стёрнс повернул ручку. Дверь открылась. Схватив портфель, он

нырнул внутрь.

Стёрнс представил высокоскоростную пулю, влетевшую со свистом в кирпич, где была его голова секунду назад.

Он закрыл дверь. Заперев старым способом, нажав на кнопку в центре ручки.

Он был внутри.

Глава 14

Потерянный в системе

Хэзер посмотрела на часы. Час пятнадцать дня. Раздраженно вздохнув, она подошла к застекленной регистратуре, где двое занятых служащих игнорировали ее, и постучала по стеклянной перегородке.

Стук пальцев по клавиатуре остановился. Мужчина-служащий с недовольством посмотрел на Хэзер, приподняв бровь.

— Вы уверены, что доктор Анзалоне знает, что я здесь? — спросила Хэзер. — Я жду уже около двух часов.

Хэзер отметила уложенные гелем волосы клерка и белую с короткими рукавами рубашку а-ля супер компьютерщик, которую он надел вместе с тонким коротким галстуком. Ретро. *И он хочет, чтобы я сдалась или испарилась, или засохла и умерла.*

— Да, мэм, она знает, — сказал он, голос звучал приглушенно из-за толстой перегородки, — но сейчас очень занята.

— Я тоже. Свяжитесь с ней снова.

Вернувшись к скамейке, от которой немела задница, Хэзер уселась на край. *Посмотрим, может, у Коллинза дела обстоят лучше.* Вытащив сотовый из сумочки, она набрала номер детектива. Он ответил после второго гудка.

— Привет, Уоллес, — сказал он напряженным голосом.

— Привет, Коллинз. Полицейский отчет все еще не готов?

— Только послушай. Он *потерялся* в системе. Они, твою мать, не могут его найти.

Тревога покалыванием прошла по позвоночнику Хэзер. Она понизила голос.

— Потерян... Ясно. А письменный отчет офицера?

— Смешно, что ты спросила. Пропал. Они ищут, но...

— Сам офицер?

— Ушел в отпуск. Начисления. Должен израсходовать их...

— Или потеряет, — закончила Хэзер.

Тревожное покалывание усилилось.

— Здесь не намного лучше. Я ожидаю с тех пор, как прибыла.

— Буду действовать им на нервы. Посмотрим, что получится.

— Я тоже. — Хэзер нажала отбой и бросила телефон в сумочку.

Что, черт возьми, происходит? Хэзер потерла лоб. Она прокрутила мысли назад, пытаясь выудить детали из беспорядка, понять общую картину.

Отказ в доступе к файлам СК; ППНП^[33] и НЦАНП^[34].

Кровавые сообщения, оставленные на двух местах преступления. Символ анархии.

Мертвый преступник — предположительно, сам СК, пойманный на месте преступления.

Пропавшие отчеты, потерянные доказательства, коп в отпуске.

Утерянная связь с РСА. Неотвеченные звонки.

Но головоломка продолжала меняться каждый раз, когда она старалась вставить кусочек на место. Спрятав лицо в руках, Хэзер закрыла глаза. Ей нужен сон. Несколько часов в кресле, в доме Данте, было явно недостаточно. Мысли так же путались, и рефлексыв

остались вялыми.

— Агент Уоллес?

Хэзер опустила руки и выпрямилась. Супер компьютерщик стоял рядом. На его губах подрагивала нервная улыбка.

— Доктор Анзалоне попросила, чтобы вы подождали в ее офисе, — произнес он.

Хэзер встала.

— Отлично.

Служащий проводил ее вниз по коридору мимо двойных металлических дверей, ведущих в морг, к офису с надписью «КОРОНЕР». Открыв дверь, мужчина отступил пропуская Хэзер в кабинет.

— Спасибо, — улыбаясь, сказала она.

Быстро кивнув, служащий поспешно удалился.

Проигнорировав стулья, стоящие напротив стола, Хэзер вернулась к дверному проему и выглянула в тихий коридор, где напротив располагался морг.

Учитывая, что Анзалоне, кажется, не собирается быть очень вежливой и действовать по протоколу... Хэзер вышла из офиса и быстро двинулась по коридору широким шагом, надеясь, что идет тихо. *Я лишь верну любезность.*

Она толкнула двери в морг. Удивленный ассистент в белом халате поднял взгляд от тела, которое зашивал.

— Эй! — воскликнул он с недоверием на лице. — Вам нельзя здесь находиться!

Хэзер улыбнулась.

— Я главный следователь по делу Странствующего Киллера, — сказала она, доставая значок из сумочки и щелчком открывая его, — доктор Анзалоне ожидает меня.

— Она ничего не говорила мне, — возразил ассистент.

— Правда, вы не можете находиться здесь.

Ткнув иголку с нитью в живот трупа, он поспешил через комнату. Остановившись перед Хэзер, посмотрел на ее значок. И нахмурился.

— Я не думаю...

— Это жертва? Роза Бейкер? — Хэзер кивнула в сторону тела.

— Да, она. Но, серьезно...

— Где тело преступника? — Обойдя ассистента, Хэзер подошла к столу с лежащей на нем жертвой. Она остановилась около подноса с окровавленными инструментами, стоящего у изголовья.

— Тело преступника? — повторил ассистент неуверенным голосом. — Эм... Вы должны спросить у доктора Анзалоне, но я думаю, его отправили в похоронное бюро.

Хэзер замерла. Она никак не могла ослышаться. *Никак.* Она повернулась к ассистенту, встретилась с ним взглядом, оценила позу и крепкие мускулы, то, как тревожно он потер руки.

— Вы сказали, похоронное бюро?

— Э... да. Его, вероятно, отправили туда. Случайно.

Потерянный. Не на месте. Пропавший. Ассистент переступил с ноги на ногу, смотря в сторону. Хэзер чувствовала, как губы искривились в натянутой улыбке. *Боже мой, это уже слишком.*

— Только не говорите мне, — сказала Хэзер ровным голосом, — что он был кремирован. Случайно.

Не глядя на нее, он кивнул.

— Скорее всего.

— Вам лучше позвать доктора Анзалоне.

С трудом сглотнув, ассистент развернулся, подошвы кроссовок скрипнули об кафельный пол. Он толкнул двойные двери.

Хэзер глубоко и медленно вдохнула. Гнев свел ее мышцы и затуманил разум. Глубоко и медленно. Через несколько минут она снова посмотрела на тело: женщина средних лет, полноватая, пепельные волосы, глаза приоткрытые и пустые. Колотые раны, кровоподтеки на горле и бедрах.

Взгляд Хэзер упал на хирургический шов. Учитывая Y-образный разрез, который зашивал ассистент, вскрытие уже провели. Шов заканчивался чуть ниже пупка.

День назад Роза Бейкер была живой, дышащей женщиной: она умывалась, складывала белье, готовилась к обеду. Теперь... Хэзер переключила внимание на дряблое бледное лицо Розы с пустыми глазами. Теперь ничего не осталось от Розы Бейкер. И ничего не оставалось ей, кроме могилы или огня.

Могла ли я предотвратить эту смерть?

Один убийца всегда заменяет другого, а она так и будет стоять у металлического стола с порезанным/застреленным/забитым/задушенным телом очередной жертвы.

На кого-то столь ужасная смерть обратила больше внимания, чем они когда-либо получали. Мертвых и убитых, их заметили в первый раз, но так же быстро забыли.

Но *она* помнила. Всех и каждого. Держала образы в уме: мысленный альбом мертвых, ежегодник закончившихся жизней.

Пустые обещания. Молчаливые жертвы.

Она хотела быть пальцем, который укажет на убийц; быть ртом, через который они могли бы говорить в последний раз: «*Это он. Он убил меня*».

Хэзер посмотрела на потолок, яркие лампы, свисающий микрофон. Одна жертва все еще не умерла. Он дышал в Новом Орлеане и — она посмотрела на часы — спал. Еще можно было сдержать свое обещание Данте. Но для начала ей нужно выяснить, почему здесь пахло жареным.

Расправив плечи и убрав непослушные пряди волос со лба, Хэзер ходила по комнате, пока не нашла диктофон, к которому был подключен микрофон, записывающий комментарии и наблюдения коронера. Хэзер включила его, выбрав «самое раннее», затем снова вернулась к столу.

Глубокий голос судмедэксперта нарушил молчание.

«Жертва — упитанная женщина кавказской национальности около 45 лет».

Хэзер продолжала смотреть на лицо Розы, пока Анзалоне подтверждала то, что она и так уже подозревала: не тот тип жертвы, не тот почерк, другое место преступления. Ее уверенность росла с каждым словом.

* * *

Джоанна ввела код и открыла дверь. Закрыв ее за собой, она сбросила блокировку. Панель запищала. Красная надпись «НЕДОСТУПНО» пробежала в узком окне. Она смотрела на слово, пытаясь разобрать его. Должно быть, набрала не ту цифру. Нахмурившись, она внимательно ввела код еще раз.

Панель снова запищала. «НЕДОСТУПНО».

Джоанна застыла. *Прислушалась*. На кухне гудел холодильник. Из крана в ванной капала вода. Снаружи под шинами машин хрустел снег и лед, покрывший улицы.

Не было слышно другого дыхания в доме, кроме ее. Другого сердцебиения, кроме собственного.

Тем не менее... отложенный Сон ограничивал возможности, притуплял чувства.

Отвернувшись от двери, Джоанна осмотрела пустую комнату: диван с ворсом, кожаные кресла, темный камин, фотографии и маленькие сувениры на отполированной деревянной каминной полке, низкие лампы. Никаких следов на ковре.

Поставив сумочку на столик, она вытащила свой 36-й глок. Затем сняла туфли и тихо двинулась по ковру, держа пистолет обеими руками. Пройдя по коридору, она остановилась, когда заметила следы на ковре. Слишком большие для того, чтобы быть ее.

Грабитель? Дорогой район. Необычные игрушки. Вполне вероятно.

Резко завернув в ванную, она включила свет и провернулась вправо, затем влево. Пусто. Ни тени за стеклянной дверью душевой кабины. Аптечный шкафчик был закрыт. Незапятнанный. И нетронутый.

Не за наркотиками.

Выключив свет, Джоанна вернулась в коридор и прислонилась спиной к стене. След вел дальше.

Что если Э вернулся домой? Что если он взял с собой С?

Джоанна застыла, сердце колотилось в груди. Кровь стремительно неслась по венам, но была холодной, холоднее, чем слой льда снаружи на бетоне.

Она шагнула в спальню для гостей, включила свет. Никого.

Если Э или С *были* здесь, то пули помогут только против Э. Чтобы сдержать ее дитя Истинной крови, понадобится нечто большее, чем свинец.

Кто бы ни вломился в дом, нарушив его границы своим незванным присутствием, они ушли. Она чувствовала только собственную панику.

Джоанна вышла из гостевой спальни в коридор, держа пистолет с одной стороны. Вошла в офис и включила свет. Присела рядом с черной картотеккой, потянула за ручку. Ящик открылся.

Он был заперт, когда она выходила из дому.

Несмотря на завязавшийся в животе узел, она спокойно встала и, повернувшись к своему столу, начала открывать ящики. Все *были* закрыты — как и должна была картотека. Она просмотрела содержание самого нижнего, казалось, все файлы и диски были на месте. Но это не значит, что файлы не сфотографировали. А диски не скопировали.

Ничего не взломано. Ничего не повреждено. Здесь поработал профи.

А значит, это либо ФБР, либо ЦРУ, либо Министерство обороны.

Она провела рукой по волосам. Кто и почему? У кого были такие крепкие яйца? А главное, для чего? Развернувшись, она пошла обратно в гостиную и достала сотовый из сумочки. Затем быстро набрала номер Гиффорда, прилив адреналина начал затухать. Он ответил после первого же гудка, но ничего не сказал, ожидая, пока заговорит она.

— Меня взломали, — сказала она глубоким из-за Сна голосом. — Позвони в охрану. Скажи им проверить офис. Затем приезжай сюда.

— Считай, уже сделано, — его тон был спокойным и невозмутимым.

Она отключилась. Глок выскользнул из пальцев и с глухим стуком упал на ковер. Сон.

Она ждала слишком долго.

Джоанна плелась из комнаты в коридор, опираясь на стену, взглядом сосредоточившись на двери в спальню. Казалось, та никогда не станет ближе. Ее голова ударилась о стену, и она распахнула глаза, осознавая, что лежит на полу.

Она свернулась в прихожей, приоткрыв губы, выпивая Сон, словно кровь. Перед тем, как сознание ускользнуло, ей стало ясно, что чего-то не хватало. Что она пересматривала — ради удовольствия — дома? Файлы С и документы на CD, об опытах и его участии в Плохом Семени.

* * *

Доктор Анзалоне со стуком распахнула двойные двери в морг. Хэзер бросила на нее быстрый взгляд, затем накрыла простыней Розу Бейкер. Запись резко оборвалась, когда судмедэксперт нажала на кнопку «стоп» на диктофоне.

— Вы не имели права заваливаться сюда, — сказала Анзалоне, — и мне все равно, если вы из ФБР...

— Кто потребовал изменить судебную экспертизу для этого дела? — Отвернувшись от стола, Хэзер поймала взгляд судмедэксперта. — Изменить, чтобы почерк соответствовал Странствующему Киллеру?

Ореховые глаза, каштановые вьющиеся волосы, немного полноватая — как Роза — Анзалоне нахмурила темные брови, ее руки сжались в карманах халата. Защищалась.

— Как вы *смеете* предполагать...

— Мой преступник был левшой, — сказала Хэзер, шагая по полу, — эти колотые раны нанес правша.

Она остановилась перед судмедэкспертом.

— Но запись, которую я только что слушала, говорит, что убийца — левша.

Анзалоне напряглась.

— Прежде чем предъявлять какие-либо обвинения, вы должны согласовать все со своим начальством.

Она развернулась и вышла из морга.

Хэзер смотрела ей вслед, даже когда двери качнувшись, закрылись. *Согласовать со своим начальством.*

Данте все еще преследовали.

И ее выманили оттуда.

Был ли Стёрнс замешан?

Почти бегом покинув морг, Хэзер достала мобильник и набрала Коллинза.

— Нам нужно возвращаться в Новый Орлеан, срочно. Оставайся на месте. Я заеду за тобой.

Выйдя из главного входа, Хэзер бросилась на парковку, набирая домашний номер Данте на мобильнике. Телефон звонил и звонил. Она открыла Stratus и скользнула внутрь. *Давай! Ответь!* Посмотрела на часы. Почти четыре в Пенсаколе, а значит почти три в Новом Орлеане. Возможно, Данте все еще спал.

Заведя машину, Хэзер дала задний ход и нажала на педаль газа. Шины завизжали, когда она резко выехала с парковки, крутя руль одной рукой и переводя рычаг коробки на пониженную передачу. Ей хотелось, чтобы сейчас у нее был Trans Am с его разгоном.

Гудки прекратились. Глубокий голос ДеНуара произнес:

— Агент Уоллес.

— Мне нужно поговорить с Данте. — Хэзер вдавила педаль газа. Stratus выехал на трассу. — Это срочно.

— Он спит.

— Черт, ДеНуар! Разбуди его!

— Это невозможно. Но я могу передать сообщение.

— Я, мать твою, тебе не верю. — Ее горло сжало, голова закружилась от гнева, Хэзер сильнее вдавила педаль.

Она посмотрела через плечо, так как перестраивалась на другую полосу, плавно вливаясь в интенсивный поток.

— Он все еще в опасности. Убийца не мертв. Не позволяй Данте выходить из дома и не оставляй его одного.

— Данте поступит так, как захочет, — сказал ДеНуар, в голосе послышалось веселье. — Но я передам ему ваши опасения, когда он проснется.

— Замечательно, — прорычала Хэзер и бросила трубку на пассажирское сидение.

Либо ДеНуар ничего не передаст, либо он ей не верит, либо думает, что может защитить Данте. Любой из этих причин будет достаточно, чтобы позволить Данте умереть.

Наблюдая за движением, Хэзер нащупала телефон, а потом набрала номер Стёрнса.

— Уоллес, — сказал он, отвечая после первого гудка.

Хэзер не знала, чувствовать облегчение или беспокойство.

— Сэр, я уезжаю из Пенсаколы прямо сейчас. Нас намерено ввести в заблуждение. Результаты судмедэкспертизы сфальсифицированы.

— Дело закрыто, — ответил Стёрнс. — Расследование закончено.

Кто-то посигналил, и Хэзер поняла, что включился зеленый. Она нажала на газ. Ее сердце колотилось в груди.

— Кто закрыл дело, сэр, — наконец проговорила она.

— Это уже не имеет значения, Уоллес.

Голос Стёрнса был ровным. Ее куратор повторял слова, которые не хотел говорить? Или он был причастен? Хэзер почувствовала усталость.

— Я думаю, что имеет. СК *не убит*, сэр. Кто может защищать его?

— Расследование закончилось, — голос Стёрнса был усталым и пустым. — Возвращайся в Сиэтл как можно скорее.

— Он нацелен на следующую жертву.

— Забудь о Данте Прейжоне, Уоллес. Он не тот, кем кажется.

От имени Данте кровь Хэзер похолодела.

— Что вы имеете в виду?

— Он больше не твоя забота.

— При всем уважении, сэр, но вы замешаны в сокрытии преступления?

— Хэзер, послушай внимательно, — в голосе Стёрнса появилось отчаяние. — Держись подальше от Нового Орлеана. От этого зависит твоя безопасность. Ты не среди друзей.

— Очевидно, здесь нет ничего нового, не так ли, Крейг? — Она повесила трубку.

Что произошло? Был ли СК сыном какого-то знаменитого политика? Братом дипломата? И почему расследование приостановили именно *сейчас*?

Это как-то связано с Данте. Думай. Кто-то хочет, чтобы он умер. Тогда почему бы не

застрелить его во сне? Связано ли все с прошлым, которое он не помнит?

Кровавый символ анархии привлек внимание Хэзер. При виде него дыхание перехватило, сердце быстрее забилося в груди. Символ светился в окне музыкального магазина.

Над ним было написано: «Прямо сейчас! Последний релиз от Новоорлеанской группы «INFERNO»! *Специальный выпуск!*». А снизу: «Проснись и вдохни огонь».

«Проснись» — написано кровью на двух разных местах преступления. Данте не помнил прошлого. Хэзер повернула направо, затормозив напротив полицейского участка. Коллинз ждал на ступеньках.

Данте не помнил, нет. Но кто-то *хотел*, чтобы он вспомнил.

— У нас проблема, — сказала Хэзер, прежде чем Коллинз забрался в машину. И нажала на газ до того, как он захлопнул дверь.

Оставаясь невозмутимым, детектив пристегнул ремень безопасности и посмотрел на Хэзер.

— Ублюдок не мертв, да?

— Они сделали тебя детективом не просто так, — пробормотала Хэзер, вдавив педаль газа, Stratus проехал на большой скорости через два переулка. — Все еще хуже. Это преднамеренное сокрытие.

— Дерьмо, — Коллинз смотрел прямо перед собой, со сжатыми челюстями и мрачным выражением лица.

Глава 15

Вихревое движение

Э прокрался через холл к комнате Том-Тома и прижался к закрытой двери. Малыш Томми спал? Солнце еще не село, серый день задерживался, угрюмое небо «писало» дождем.

Э прислушался. Ничего. Даже храпа. А вампиры *хранят*? Он вообще был там? Что если он стоит позади? Наблюдает? Усмехается? Сердце подскочило к горлу, Э развернулся с финкой в руке.

Никого.

Он стоял неподвижно, глядя на пустой зал, залитый грязным светом из переднего окна. Его сердцебиение замедлялось. Движением обеих запястий он вложил финки назад в наручные ножны.

Развернувшись, Э снова уставился в запертую дверь. Все еще никакого храпа. Если он там, то крепко спит. Если нет, то Э не придется беспокоиться из-за шума. Его пальцы сомкнулись на латунной дверной ручке и повернули ее.

Ронин лежал на кровати, словно мертвый. Полностью одетый. Не дышал. Руки вытянуты по швам. Из-под прикрытых век были видны только белки. Э передернуло. По коже ползли мурашки, словно он вступил в муравейник. Он боролся с желанием отряхнуться и похлопать себя.

Сощурившись, Э мысленно вычеркнул предположение об отсутствии дыхания. Ублюдок действительно дышал. Едва-едва.

Он вошел в спальню, взглядом остановился на вытянутой фигуре Ронина и задержал дыхание. Ничего. Сделал еще пару шагов.

Э обошел кровать и склонил голову, *словно плакальщик над трупом*. Хотелось провести ножом по его горлу. Возможно, это бы не *убило* ублюдка, но вся эта вытекшая кровь доставила бы приличные неудобства.

Почему Ронин не запер дверь? Считал ли он способности и работу Э настолько незначительными, что чувствовал себя в *безопасности*? Думал ли, что справится с ним даже во сне?

Мышцы напряглись, в животе образовался ком, Э сунул финку в руку, приближаясь к кровати. Лицо Ронина было таким же гладким, как у младенца, несмотря на то, что ему якобы несколько столетий.

Как много времени понадобится, чтобы убить его? Если срезать плоть и сжечь кости, это *прикончит* ублюдка?

Он склонился над Ронином, держа финку под углом к горлу, но потом вспомнил про файлы. Э, сомневаясь, напрягся, желая порезать. Файлы — его и Данте — были нужны. Нужны, чтобы узнать, где найти Маму-Суку Плохого Семени. Нужны, чтобы узнать ее имя. Нужны, чтобы узнать почему.

Больше информации о Данте — маленьком брате Плохого Семени, родственной душе — больше, чем чертов Том-Том скармливал ему по чайной ложке. Э вызвал образ Данте, но вместо него увидел голодный взгляд Хэзер, которым она скользила по его телу. Э вздрогнул, испытывая боль, спрятал финку, его кровь вскипала от жажды их обоих. Но он мог претендовать только на одного.

Э заставил себя отойти от Ронина. Выпрямившись, он убрал финку. Дневной свет угасал. Обойдя кровать, Э обыскал тумбочку, аккуратно выдвинув ящик. Пусто.

Приблизившись к комоду, он открывал ящик за ящиком. Сложенная одежда, женское белье — хм... шелк — скрученные носки, но никаких файлов. Втянув воздух сквозь стиснутые зубы, Э прислонился к комоду. Он мельком видел файлы в Нью-Йорке, толстые отчеты, фото и CD. У Малыша Томми также была сумка, набитая разными приспособлениями — приспособлениями для Данте — на случай, если понадобится его сдержать.

Э направился к шкафу, но краем глаза заметил отблеск золота в углу. Он остановился. Подкравшись, заглянул под кровать. Прелестный мальчик-гот Данте свернулся на твердом деревянном полу, очки лежали рядом, глаза были закрыты, а лицо бледным. Запястья пристегнуты наручниками. Одна лодыжка прикована к ножке кровати.

Э усмехнулся. Томми ворвался в его чулан и прихватил игрушку. Закуску и игрушку. Собирался ли Том размахивать малышом-готом, как мешком с кровью, перед носом у Данте? Или намеревался послать Э за еще одним?

Э подполз к шкафу, ослепленный золотыми волосами мальчика-гота, представляя, что пряди — это золотые нити, мерцающая катушка, нуждающаяся в тепле его рук.

Э открыл шкаф. Картонные коробки с потрепанными краями стояли на полу среди сапог Том-Тома и дорогих туфель. Сумка на молнии лежала за коробками.

Э рылся в коробках, руки дрожали, во рту пересохло, пока не нашел файл, помеченный как Э, и еще один — как С. Засунув их подмышку, он взял черную сумку и закрыл дверцу шкафа. Развернулся на коленях, желая посмотреть на золото, но все, что увидел — тонкую прядь белокурых волос.

«Пусть мальчишка побудет у Том-Тома», — подумал он, вставая на ноги. Меньше вероятность, что тот заметит пропажу, пока будет занят игрой.

Э вышел из комнаты и ох-так-осторожно закрыл дверь. Он зашагал по коридору и растворился в умирающем дне.

Ему нужно было многое изучить.

* * *

Осы ползали по телу Данте, выгибая тяжелое брюшко, чтобы воткнуть жало с ядом в плоть. Парализованный Сном, пойманный в сотканые сети кошмара, он не мог двигаться, не мог вскочить на ноги, стряхнуть и прихлопнуть тысячу занятых ос. Яд заползал под его кожу, проникал в вены и сердце.

За сильным шумом, издаваемым осами, звучал голос. *Данте-ангел? Ты в порядке?*

Он горел.

Оса извивалась в его носу. Другая, протиснувшись между губ, царапалась в горле. Жала кололи веки, но он молчал. Крик рвался сквозь запреты и ограничения. Крик рвался косым солнечным светом, пересекающим деревянный пол.

Его веки вздулись и распухли. Сердце гулко билось в груди. Горло сжалось. Воздуха стало совсем мало. Легкие горели.

Он молчал.

Окна окружили его. Некоторые он едва ли мог узнать, их искаженную форму и изменившееся стекло. Он отвернулся, сердце колотилось — *несмотринесмотринесмотри.*

Несколько окон пошли рябью, словно вода от ветра, и он посмотрел, хотя знал, что не стоит.

Горящий дом.

Маленькая смеющаяся девочка с рыжими волосами держала игрушечную касатку.

Кто-то подвез металлический операционный стол с наручниками.

Улыбающаяся женщина показала клыки, оказавшись рядом.

Данте попробовал двинуться, но яд и Сон сковали его. Пот тек по вискам.

Данте-ангел?

Голос, детский, низкий и знакомый, медленно угасал, слова сжали сердце. Боль пронзила голову, поджигая мысли. Если он будет молчать, она выживет. За этой мыслью пришла другая. Если он не пошевелится, она умрет.

Свежий запах дождя и шалфея скользнул в его сознание, и на мгновение он забыл о боли, забыл о надвигающейся необратимой потере.

На мгновение она никогда не умирала.

На мгновение он никогда не убивал ее.

Затем правда окунула его в бензин и подожгла.

Он закричал.

* * *

Ронин прошел через зал в гостиную. За окном мерцала звездная ночь. Он взял сотовый и набрал номер своего информатора в полиции Нового Орлеана.

— ЛаРусс.

— Томас Ронин. Я наблюдал вчера ночью интересный обмен любезностями между Этьеном и Данте Прейжоном. Думаю, Этьен затаил обиду на Данте.

— Да, вы не зря так думаете, — сказал ЛаРусс, — его дом однажды утром сожгли. Дотла. Там погибли самые близкие и дорогие Этьену люди, он верит, что это сделал Прейжон.

— Ох. А почему он так думает?

— Не могу сказать, да и все равно.

— Не могли бы вы связаться с Этьеном?

— Могу. Но для чего?

— Поговорить о возможности отомстить. Дайте ему мой номер, детектив. Я ценю вашу помощь в этом деле.

Ронин нажал отбой. Вытряхнув тонкую черную сигарету из пачки на журнальном столике, он вставил ее между губ и прикурил. Вдохнул душистый дым, наслаждаясь богатым вкусом табака на языке.

Держа телефон в руке, он прошел назад через холл в комнату Э и открыл дверь. Пустая помятая постель, но это не стало сюрпризом. Горький запах Э задержался в воздухе, Ронин знал, что он ушел после пробуждения. Никакой вспльчивой ауры. Никакой осторожной напряженности.

Свет от уличных фонарей проникал в комнату через частично открытые жалюзи. Темнота здесь чувствовалась плотной, замкнутой и спертой, отрезанной от дикой ночи снаружи.

В тот момент, когда Э вылез из джипа и перешел улицу к дому Данте, он стал обузой. Звонок Данте заставил Ронина увидеть истину. Любопытный Том и его помощник,

Извращенец Элрой. Улыбка мелькнула на губах Ронина. Мальчик подбирал слова остроумно и язвительно.

Что ж... посмотрим, насколько остроумным он будет сегодня.

Ронин затаился. Серый дым за клубился и поднялся вверх, затуманив воздух в комнате. Э сорвался, другого варианта нет. Ронин не был уверен, сможет ли долго его контролировать, и спрашивал себя: «Контролировал ли когда-либо?»

Социопат. Серийный убийца. Сексуальный маньяк. Как должна быть довольна Джоанна. Вся ее тяжелая работа привела к кровавому и разумному результату. Но для чего она спасла Данте? Почему позволила забыть? Как он пережил все, что она сделала с ним?

Опять-таки, он — Истинная кровь. У Джоанны были столетия, чтобы направлять его, изменять, запрограммировать подсознание и внедрить датчики. Данте только двадцать три года. Он был ребенком. Его дар, способности, вероятно, не проявятся в полной мере еще в течение десятилетий или даже столетий.

Что нужно сделать, чтобы разбудить его? А затем накинуть Данте, словно спрятанную сеть, на *fille de sang*^[35], женщину, которая посмела изменить и испортить Истинную кровь.

Медицинские и психологические процедуры, которые Джоанна и смертный доктор Уэллс проводили над разумом и мозгами Данте, вероятно, были изъяты из файлов Плохого Семени, и какой-то безымянный донор заменил его. Поэтому, честно говоря, ему пришлось экспериментировать. Ронин ожидал, что подсознание Данте среагирует на послание, но потерпел крах. Возможно, более прямой подход — используя неожиданное сентиментальное отношение Данте к смертным — взломает его прекрасную черепушку.

Ронин вошел в комнату. Простыни и одеяла лежали кучей на не заправленной кровати. Книга, пепельница и пустой стакан стояли на прикроватной тумбочке.

Потушив сигарету в пепельнице, Ронин сел на край кровати. Посмотрел на книгу «*В сердце монстра и другие поэмы*». От стакана исходил слабый запах виски. Он уловил аромат темной вишни от постели. Запах шел от подушки. Подняв ее, он вытащил черный кусок нейлона. Чулок Джинны, ловец снов для ее убийцы, спрятанный прямо у сердца монстра. Ронин бросил подушку на кровать.

Телефон зазвонил, он ответил.

— Да?

— Это Этьен. Я слушаю.

Глава 16

Кровавая клятва

Данте открыл глаза. На потолке мерцал бело-золотой свет свечи. Тени покачивались. Он учуял запах воска с ароматом ванили и почувствовал вкус крови. Голова пульсировала, но боль была сдержанной, как после приема морфина или облегчения от холодных рук Люсьена.

Было тяжело глотать. Кровь, что он почувствовал, оказалась его собственной. Еще один приступ мигрени? Еще одно кровотечение из носа? Что это была за *ночь*? Он попытался отмотать события назад, чтобы вспомнить, что делал перед Сном, но наткнулся на большую черную стену.

Внезапно яркие картины закружились в голове — оса, цепи, свисающие с крюка для мяса, бейсбольная бита в крови — превратив сознание в ночной кошмар наяву.

Шипы колючей проволоки сдерживали. Осы жужжали. Данте потряс головой. Он почувствовал Трея, аккуратно коснувшегося его защиты. Сделав глубокий вдох, Данте позволил ему проникнуть.

<Сообщение для тебя на e-мэйле клуба>.

<Oii>.

<«Я знаю, где спрятана твоя милая игрушка. Он жив и почти здоров. Играй по правилам, и тогда он останется в таком же состоянии. Я оставлю тебе послание в клубе». Сообщение проследили до интернет-кафе. *Счет липовый. Тупик>.*

Пульс ускорился, Данте сел. Кровь застучала в висках.

— Звонила агент Уоллес, пока ты Спал, — сказал Люсьен, входя в комнату. — Убийца не мертв, и она советует тебе оставаться дома.

— Она права, — сказал Данте. — Но я не останусь. Я держу обещания.

<Ты доверишь этой информации?>

— Черт, нет. Но это все, что у меня сейчас есть, — Данте отбросил простыню и встал.

Я иду за тобой, Джей. Дыши. Борись.

* * *

Хэзер глубоко вдохнула сладкий дымный воздух «Преисподней» с ароматом пачули и гвоздики и погрузилась в толпу. Она продолжала смотреть на Данте, пока сливалась с народом и протискивалась сквозь горячие и потные тела.

Он, наклонившись вперед, сидел на краю своего крылатого трона, мышцы напряжены. На нем были кожаные штаны и латексная кофта с металлическими пластинами. Свет отражался от колец на пальцах и кольца в ошейнике. Черноволосая принцесса готов уселась у его ног, покрытые сеткой руки обернулись вокруг его икры, она улыбалась кроваво-красными губами.

Пальцы Данте поглаживали волосы гот-чики, жест отстраненный, но нежный, его темный взгляд был прикован к Хэзер. Бледное лицо ничего не выражало. Ни намек на дружелюбие. Только бдительность.

Музыка ударяла и пинала в ребра слэм-толпу^[36]. Тяжелые басы заставляли вибрировать

стены и окутанный дымом пол, звук был словно дефибриллятор для сердца.

«Неплохо, — думала Хэзер, поднимая предплечье, чтобы защититься. — *Напоминает старую группу Энни*». Руки вытолкали одного из толпы слева от Хэзер. Опустив руку, она начала поворачиваться, когда заметила, что кто-то встал перед ней, загораживая проход. Нахмурившись и сжав кулаки, она подняла взгляд — и ее сердце пропустило удар.

— Ты знаешь, как постоять за себя, — сказал Данте. Тень улыбки коснулась его губ.

— Да, моя сестра была фронтмэном группы, — прокричала Хэзер. Глядя на него сейчас, она увидела дружелюбие в темных глазах, часть ее напряжения спала.

— Что за группа?

— «WMD»^[37].

Люди вокруг них расступились, народ внезапно понял, кто стоит рядом. Всевозможный голод отразился в их глазах. Голоса перешептывались. Трясущиеся пальцы тянулись. Взгляд Хэзер перемещался с одной персоны на другую, выискивая, нет ли среди них убийцы. Она вздрогнула, когда рука схватила ее плечо. Данте нагнулся, губами почти касаясь ее уха.

— Тебе не обязательно кричать, — прошептал он. — Я отлично тебя слышу. А «WMD» были чертовски хороши. — Он выпрямился, пальцы на мгновение задержались на ее плече.

— Были. — Хэзер выдержала взгляд Данте, только наполовину осознавая, что окружающие жужжали и гудели, как мухи.

Худой паренек с дредами и в камуфляже протянул Данте диск «Inferno» — новый, *специального выпуска* — и маркер.

— Пареньслитыможешьэтобылобывеликолепно, — проговорил он, его глаза расширились.

Данте протянул диск с автографом и маркер обратно.

Он моргнул.

— Уф... спасибо.

Хэзер не видела, чтобы Данте брал диск и подписывал его. Она поймала размытое движение, возможно, его рук, но ничего больше. Данте посмотрел на нее. Протянул руку. Она взяла ее, обхватив пальцами теплую ладонь.

Данте вел их через толпу. Дорога открывалась перед ними, имя Данте прокатывалось волнами среди слэмеров, каждый шепот, как брошенный камень. Жаждающие взгляды провожали его. Пальцы норовили дотронуться. В мольбе. Один золотоволосый паренек в старомодном сюртуке осмелился встать перед Данте. Он закрыл подведенные черным глаза, расставил руки и умоляюще протянул губы.

Данте остановился, удивив Хэзер. Продолжая держать ее за руку, он подошел к пареньку, оказавшись с ним лицом к лицу так, что их дыхания соединились, и поцеловал предложенные губы.

Наблюдающие задержали дыхание. Хэзер встала рядом с Данте, изучая каждое потное раскрашенное лицо. Некоторые рыдали, слезы были черными от подводки и туши, оставляя полосы на лицах.

Они обожают его. Очень сильно. Это все его вид? Кто он такой?

Что из себя представляет тот, кем, по его мнению, он является?

Поцелуй прекратился. Золотоволосый паренек отшатнулся, потом поклонился, обвивая рукой талию и вытягивая одну ногу. Элегантность жеста не испортили даже трясущиеся руки.

— *Merci beaucoup, mon ange de sang*^[38], — он поднял взгляд, лицо вспыхнуло от

потрясения. — Ты оказал мне честь.

— *Pour quoi? Sa fini pas*^[39].

Хэзер услышала напряжение в голосе Данте. «У него не было времени горевать, — думала она. — Слишком многое случилось в последние несколько дней».

Все еще кланяясь, паренек отошел с дороги. Вздохи и бормотание усилились. Данте снова двинулся вперед, его пальцы обвилились вокруг руки Хэзер. Тропинка позади них сомкнулась и исчезла. Когда они дошли до ступеней, ведущих к возвышению, Данте сжал руку Хэзер, потом отпустил.

Она проследовала за ним, минуя лордов и принцесс готов, свернувшихся на ступенях подобно довольным котам. Черноволосая кошечка, что ютилась у ног Данте немного раньше, возвышалась на краю помоста, ее голодный взгляд был сфокусирован на его лице. За тронном стоял ДеНуар в кроваво-красной рубашке, кулон с руной Х мерцал на его шее, лицо оставалось невозмутимым.

Данте встал на колени около ожидающей гот-чики. Скользнув пальцами по ее подбородку, он наклонился и заговорил ей в ухо.

Хэзер заметила, какими черными были в тусклом свете клуба волосы Данте, черные, как самая глубокая часть ночи; натуральные и блестящие — не плоские, как крашенные волосы девушки, что слушала его слова.

Принцесса готов опустила глаза; ее нижняя губа задрожала. Данте поднял ее лицо и поцеловал. Она обвила руками его талию.

Большинство людей жмут руку. Данте целует. Это могло бы вызвать реальный интерес в компании на пикнике. Хэзер скрестила руки на груди.

Когда поцелуй закончился, принцесса в сетке неохотно отпустила Данте, ее ладони скользнули по его бедрам. Улыбаясь, она провела большим пальцем по его губам, стирая губную помаду. Затем смерила Хэзер презрительным взглядом от головы до пят, сбегая с лестницы.

Хэзер улыбнулась и прошла мимо нее.

Данте сидел, скрестив ноги, на возвышении перед тронном, жестом приглашая Хэзер присоединиться. Она села, пронося над головой ремешок от сумки, чтобы надеть ее на другое плечо и не беспокоиться о возможном исчезновении.

Музыка ударяла и пульсировала. Она отдавалась в позвоночнике и затылке Хэзер. Кто-то в клетке взвыл от боли. Отклик пронзительно зазвучал через усилители. Хэзер вздрогнула. Ее взгляд метнулся к фетишистской клетке. Группа пиналась и пыталась вырвать упавшего фронтмэна из сжимавших его рук. Окровавленные пальцы качались в воздухе, высоко держа оторванные куски материи и длинные пряди рыжих волос.

Наконец, группа высвободила своего фронтмэна, который схватил микрофон, встал на ноги и продолжил петь, кровь стекала по его лицу.

— «Dark Cloud 9», из Портленда, — сказал Данте, наклоняясь, чтобы говорить прямо ей в ухо.

— Он не мертв, — произнесла она.

— Люсьен сообщил мне. Ты была права. Что теперь собираешься делать?

— Охранять тебя.

Веселая улыбка мелькнула на губах Данте.

— Ох, ты не думаешь, что тебе это нужно? Мистер Неуязвимый? Вампир?

— Я никогда не говорил, что неуязвим.

— Но, должно быть, ты в это веришь, — сказала Хэзер, сцепляясь с ним взглядом. — Ты не остался дома. Какого черта ты здесь делаешь?

Улыбка Данте увяла.

— Я должен сдержать обещание.

— Обещание? Как насчет обещания избегать риска?

— Черт, Хэзер, — пробормотал Данте. — Я никогда ничего тебе не обещал. Но я *обещал* Джею, что защищу его, и я сделаю это.

— Джей мертв, Данте, слишком поздно, — сказала Хэзер, касаясь его колена.

— Нет, он не мертв. Тело, что вытащили из воды, не его. Я проверял. — В темных глазах Данте вспыхнул огонь. — Я получил сообщение сегодня ночью. Кто-то знает, где спрятан Джей. Было сказано, что они оставят мне здесь послание. Я жду.

Хэзер безмолвно уставилась на него. Что Данте говорил прошлой ночью? Наживка на крючке? Но было различие между этим и бросанием наживы в пасть акулы. И не было ли интересным то, что сообщение отправили уже *после* того, как она покинула Новый Орлеан?

— Единственный, кто, *возможно*, мог знать, где...

Данте поднял руку и посмотрел сквозь скачущую толпу в направлении входа. Хэзер затихла. Проследовав за его взглядом, она оглядела помещение.

— Любопытный Том здесь, — сказал Данте. Он встал, движение было грациозным и плавным. — И хочет, чтобы я уделил ему время.

Хэзер встала на ноги, от мрачных опасений скручивало живот. Танцующая толпа разделилась, как амеба, как только две фигуры шагнули от двери на танцпол. Вон шел впереди свободной размашистой походкой, руки с боевыми шрамами по бокам. Его кожаная куртка слегка выпячивалась, и она поняла, что снизу надета двойная кобура.

Ее взгляд переместился к человеку, следовавшему за Воном. Томас Ронин. Она видела его фотографии в интернете и на обложках книг, но это был первый раз, когда они встретились лично. Она ожидала, что он будет необыкновенным человеком — высокий, с атлетическим шагом, с кожей чуть светлее ночи под огнями домов, коротко постриженный, и с аккуратной бородой — но не ожидала такого магнетизма. Даже через всю комнату он привлекал внимание, приковывал взгляды.

Взгляд журналиста скользнул по Хэзер. Удивление мелькнуло на лице. Удивление и узнавание. «Он знает, кто я, — думала она. — И он не ожидал увидеть меня здесь». Она кивнула. Натянутая улыбка коснулась губ Ронина, затем исчезла.

Вон поднялся по ступеням к помосту. Он остановился перед Данте. Тату в виде полумесяца под глазом бродяги в тусклом свете выглядела живой.

— *C'est bon*^[40], — сказал Данте. — *Gètte le*^[41].

Быстро кивнув, Вон шагнул мимо Данте и встал справа, боком, словно ему надо было видеть всех.

Ронин шагнул на помост. Обернувшись, он наполовину поклонился Вону.

— Честь быть сопровождаемым тобой, *llygad*.

Вон не отреагировал на слова журналиста. Он стоял неподвижно, ноги врозь, руки по швам.

Очевидно, Ронин и не ждал ответа, потому что повернулся к Данте без промедления. Его взгляд скользнул от Данте к ДеНуару, стоящему позади трона, и обратно.

— Я удивлен, увидев вас здесь, агент Уоллес, — сказал Ронин ровным голосом.

— Почему же?

Ронин пожал плечами.

— Я читал в газете, что СК был убит в Пенсаколе. Бюро и местные власти говорят, что случай закрыт.

— Так почему *вы* не в Пенсаколе, как следует хорошему журналисту? — Хэзер постучала по виску. — Ах. Я забыла. Вы *не являетесь* хорошим журналистом.

Ронин улыбнулся, изгибая бровь, и сказал:

— Ауч.

— Ты получил свое время, Любопытный Том, — произнес Данте.

— Скажи, это что-либо значит, или просто чушь собачья, — Ронин засунул руку в карман джинсовой куртки.

Волосы встали дыбом на шее Хэзер. Посмотрев через плечо, она увидела ДеНуара стоящего около Данте, его взгляд сосредоточился на Ронине.

Стена индустриальной музыки «Dark Cloud 9» усилилась ударными и басами, удары были шаманские и гипнотические, перекликающиеся с гроулом в припеве фронтмэна, повторяющего снова и снова: *На шаг ближе к концу / на шаг ближе / на шаг ближе к концу...*

Ронин вытащил сложенный лист бумаги из кармана. И протянул его Данте.

— Я нашел это сегодня вечером в своей газете.

Данте вытянул кусок бумаги из пальцев Ронина, развернул и стал изучать. Хэзер нагнулась, читая через плечо.

«джей макгрегор посылает это приветствие, спросите данте, почему. спросите данте, сколько крови нужно, чтобы он проснулся. сколько? напишите правду. скажите данте, чтобы он посмотрел в своей машине».

Стучали барабаны, били басы, пульсировал бит. *На шаг ближе к концу / на шаг ближе / на / шаг / ближе / к концу...*

Данте засунул кусок бумаги в задний карман.

— *Merci*, — сказал он низким голосом. — Но это ничего не меняет.

Ронин покачал головой и шагнул ближе.

— Чего ты боишься... Истинная кровь?

Волосы Хэзер встрепнулись в потоке воздуха в тот же момент, когда она поймала периферическим зрением *движение* Данте. Он отреагировал на вторжение Ронина в личное пространство, переместившись еще ближе; двое стояли на расстоянии ладони. Темная кожа журналиста сильно контрастировала с бледностью Данте — полночная тьма и снежная белизна — изображение символа Инь-Ян загорелось в ее мыслях.

— Не тебя, Любопытный Том. — Руки Данте сжались в кулаки. — Что, черт побери, ты имеешь в виду под «Истинная кровь»?

— Ничего, — сказал ДеНуар. Он шагнул мимо Хэзер к Данте. — Абсолютно ничего, — его взгляд впился в Ронина. — Он играет в игры.

Хэзер глянула на Вона. Его бровь слегка приподнялась от реплики ДеНуара. *Кажется, бродяга, не разделяет его мнения. Интересно.*

Неожиданно Данте содрогнулся и закрыл глаза.

— *T'es sûr de sa?*^[42] — прошептал он.

На лице ДеНуара мелькнуло беспокойство, его брови изогнулись.

— Время вам нас покинуть, *M'sieu* Ронин.

— Еще нет. — Руки Ронина поднялись и коснулись плеч Данте.

Со все еще закрытыми глазами, Данте парировал захват журналиста, его руки промелькнули со скоростью удара сердца. Пальцы обхватили запястья Ронина. Глаза открылись. Ронин уставился на него, открыв рот, не двигаясь.

Он не был удивлен скоростью Данте, поняла Хэзер, но застигнут действиями врасплох. Как долго Ронин и его жуткий помощник наблюдают за Данте?

Отпихнув запястья Ронина, Данте дотянулся до журналиста, обхватил его бородатое лицо и коснулся губами рта.

На лице Ронина промелькнул шок, когда Данте отступил, руки висели по швам. Голова Ронина отвернулась, взгляд был опущен. Желваки заходили. Руки сжались в кулаки и разжались.

Данте остановился рядом с Хэзер, глядя на нее. Полуулыбка коснулась его губ, но темные радужные оболочки были с красными прожилками.

— Будь осторожен, — сказала она. — Ты играешь с огнем.

— Я люблю огонь. — Его взгляд вернулся к Ронину.

— Почему ты не отдал записку копам, Ронин? — спросила Хэзер. — Чего *ты* хочешь?

Подняв взгляд, Ронин повернул голову к Хэзер. Он улыбался, но что-то темное и презрительное появилось в его глазах на достаточно долгое время, чтобы она успела это заметить.

— Все, что я хочу, — это история, — сказал он.

— Ложь, — бросил Данте.

Веселье заплясало в глазах Ронина.

— Я развлекаюсь. Я описываю все, что происходит.

— Почему бы нам не отдать эту записку копам?

Подняв бровь, Ронин посмотрел на Данте.

— *Нам?* — Он покачал головой. — Даже если вы позвоните в полицию, агент Уоллес, я получу историю.

Басы били постоянным ритмом, ударные пульсировали, гроул фронтмена усилился, превращаясь в крик.

На шаг ближе к концу / На чертов шаг ближе...

— Я расскажу вам, что имел в виду под «*Истинная кровь*», — произнес Ронин.

Данте пожал плечами.

— А кто сказал, что я хочу это знать?

— Я, — Ронин оскалился.

Хэзер уставилась на клыки журналиста. В нее пробрался холод, замораживая кровь. «Черт, я единственный человек в мире, у кого нет клыков и иллюзий, что я вампир?»

Она посмотрела на Данте. Захватывающий дух. Креативный. С нечеловеческой скоростью. *Такой он?*

ДеНуар потянулся к локтю Ронина, очевидно, готовясь увести журналиста с помоста, но остановился, рука повисла в воздухе, взгляд ушел внутрь.

Музыка остановилась. Лампы в здании приглушились, а затем погасли.

— Ты слышишь это? — голос Данте был полон удивления. — Я чувствую ритм... как огонь, как *твоя* песнь, Люсьен, как...

Хэзер шагнула на голос Данте. В темноте могло случиться что угодно. Убийца мог подобраться. Один быстрый порез горла... Не утешит и то, если убийца захочет, чтобы Данте остался живым... на некоторое время. Протянув руку, она нащупала руку Данте. Ее

пальцы прошили по латексу и сжались вокруг его предплечья.

— Слушай меня внимательно, — сказал ДеНуар, его голос был натянутым и настойчивым.

Данте зашипел от боли.

— Что? — проговорила Хэзер, тело напряглось. — Что не так?

Свет включился.

Ронин, нахмурившись, стоял неподвижно на краю помоста, его взгляд напрягся, когда он увидел Данте и ДеНуара. Рука ДеНуара держала Данте за плечо, как показалось Хэзер его ногти проткнули латекс. Данте встретил взгляд ДеНуара, он был ошарашен.

Хэзер ослабила хватку.

— Что не так? — повторила она.

— Слушай меня, — сказал ДеНуар. — Закрой свой разум. Поставь щиты, — он коснулся подбородка Данте своим *когтистым* пальцем. — Я должен идти. Обещай мне, что не последуешь за мной.

Данте выдержал сияющий золотой взгляд ДеНуара, хотя не сказал ни слова, Хэзер чувствовала, как много происходило между ними.

— Позволь мне помочь, — прошептал Данте, на его лице отразилось отчаяние.

— Обещай мне.

Вырвавшись из пальцев, что держали его подбородок, Данте отвернулся, челюсти сжались. Потом он поднял руку и провел двумя пальцами под воротником, где коготь проколол его. Он вытащил окровавленные пальцы и прижал их к губам ДеНуара.

— Я обещаю.

— Клятва крови, — выдохнул Ронин. Его темные глаза блестели.

С кровью Данте на губах, ДеНуар спустился в наблюдающую толпу.

Данте смотрел, как тот уходил, обхватив себя руками, бледное лицо было встревожено.

— Что это было? — спросила Хэзер.

— Не знаю, — ответил Данте сухим голосом. — Он бы не сказал мне.

Хэзер проследила за его взглядом, скользящим по толпе.

ДеНуар уже поднимался по лестнице на третий этаж. Он стянул с себя кроваво-красную рубашку. Сильные мышцы бугрились. Рубашка слетела вниз, как лепесток розы падает с букета влюбленного.

Силуэт метнулся вверх по лестнице, как только ДеНуар завернул за угол и скрылся из вида. Рыжеволосая принцесса готов в черном кринолине и сетке подняла брошенную рубашку. Она приложила ее к щеке и спустилась вниз.

— ДеНуар тоже вампир... *Создание ночи?* — Хэзер повернулась к Данте.

Опуская руки по бокам, Данте покачал головой.

— Нет, он Падший.

Когти. Золотые глаза. Голубой огонь.

— Как из ангелов?

Это не касается Падших.

Данте пожал плечами.

— Это одна из историй.

— Вот и *все*, — пробормотал Ронин.

— Тебе пора, Любопытный Том, — сказал Данте. — Мы закончили.

— Окей, — Ронин поднял руки. — Я приходил сюда не для того, чтобы завести врагов.

Губы Данте изогнулись в усмешке.

— Ложь.

Уголком глаза Хэзер заметила мелькнувшее движение, внезапный запах дыма и холода в порыве воздуха, и уже Вон стоял рядом с Ронином. Эти двое — *вампиры?* — были одинакового роста и смотрели глаза в глаза.

— Я тебя впустил, — протянул Вон. — Я тебя и выпровожу.

— И снова, *llygad*, я удостоен чести.

Бродяга спустился, минуя Ронина. Ронин встретил темный взгляд Данте.

— Истинная кровь, — сказал он. — Дай мне знать, если поменяешь решение.

Повернувшись, он проследовал за Воном вниз. Хэзер наблюдала за ним, пока он не вышел в коридор, бродяга исчез следом.

— Истинная кровь?

Данте потряс головой.

— Он может наплести что угодно.

— Но что это значит?

— Не имеет значения, — сказал Данте. — В записке упоминалась моя машина. Я пойду проверю.

Хэзер шагнула ближе, вдыхая его теплый земной аромат.

— Не в одиночку. Слишком опасно.

— Я не спрашиваю разрешения, — сказал Данте. — Я не буду просиживать задницу и не позволю кому-либо еще, о ком я забочусь, умереть.

— Конечно, нет. Но я пойду с тобой.

Удивление мелькнуло в глазах Данте.

— Как друг или как коп?

— Как оба, — ответила Хэзер, понижая голос. — Я — они оба.

— Правда? — улыбка изогнула губы Данте.

— Правда. Тебе нужен друг и немного удачи.

Данте обхватил ее лицо, его руки были теплыми по сравнению с ее кожей.

— На удачу, — пробормотал он рядом с ее губами и поцеловал.

Ее глаза закрылись. Его губы, мягкие и твердые, растопили огонь, бурлящий в венах, расшевелили угольки, тлеющие в животе.

Слишком скоро поцелуй закончился, руки Данте соскользнули с лица Хэзер. Она открыла глаза. Но не увидела веселости в его выражении лица или улыбки на губах. Он просто смотрел на нее, совершенно открыто.

Ее вращающиеся мысли замедлились. Жар прилил к щекам, когда она осознала, что была так ошеломлена поцелуем, что даже не дотронулась до него, стояла с руками, висящими по бокам. Как будто до этого никогда не целовалась.

Это, определенно, лучшие рукопожатия.

— Пойдем, — сказал Данте. Он протянул руку.

Хэзер схватила ее и последовала за ним вниз. Лица и запахи смешались — дреды, ирокезы, золотые кудри Клодии^[43], резкий запах табака, гвоздики, пачули. Она невесомо летела с теплой рукой Данте в своей.

Снаружи внезапно вес Хэзер вернулся, Данте отпустил ее руку. Она прошла за ним через узкую аллею между пиццерией и «Преисподней» к улочке за клубом.

Данте подошел к MG, припаркованной на обочине. Хэзер остановилась с пассажирской

стороны.

— У тебя же нет водительских прав, — сказала она.

— Нет. — Он открыл дверь и скользнул на водительское сиденье. — Это проблема?

Хэзер потянула на себя пассажирскую дверь, затем нагнулась и заглянула внутрь.

— Ты не запираешь машину?

Данте не ответил. Он уставился на что-то привязанное к рулю, лицо исказило страдание. Он развязал это трясущимися пальцами. Вещица отпустила руль. Абсолютно черный чулок.

Такой же, что был обмотан вокруг горла Джины.

Глава 17

Рождение Социопата

Кровь потекла по пальцам Э. Он заскрежетал зубами и протолкнул финку чуть глубже. Кончик стукнулся обо что-то твердое. Он замер, ожидая боли. Ничего. Отведя другую руку назад, скользнул пальцами в рану у основания черепа. Осторожно коснулся чего-то, что царапнула финка. Мягкие края. Никаких ощущений.

Смех вырвался из горла Э, низкий, напряженный и злой.

Так вот как он нашел меня в Нью-Йорке. Как долго ублюдок следил за мной? Интересно, что он никогда не упоминал о чипах.

Э потянул. Его пальцы соскользнули, выпуская чип. Теплая кровь стекала за воротник по холодной коже. Переложив окровавленную финку в другую руку, Э вытер вспотевшую ладонь о джинсы. Снова поменяв руки, усилил хватку и вернулся к работе.

Захватил край чипа. Поддел лезвием. Помогая пальцами. Он был в одном из дешевых мотелей, которые сам же и презирал, сидел на шатающемся стуле в мини-кухне, вытаскивая спутниковый чип из собственной гребаной плоти одной из своих чертовых финок.

Спасибо, Том-Том.

Сморгнув пот с глаз, Э засунул конец финки под чип. Надавил. Внезапная острая боль огнем стрельнула по позвоночнику, затем устройство выскочило наружу.

Ощущая холод и дрожь, несмотря на огонь, бушующий в основании черепа, Э опустил руку на стол. *Воткнул* окровавленную финку в дешевую пластиковую поверхность. В ладони лежал крошечный измазанный в крови передатчик. Он ткнул его указательным пальцем. Ничего.

Кулак Э сомкнулся вокруг чипа. Он развернулся на стуле и посмотрел на содержание папки, брошенной на грязное покрывало, на изображение, светившееся на мониторе дешевого ноутбука. Данте, тринадцати или четырнадцати лет, разрывает пальцами горло приемного отца, кровь брызгает на его бледное великолепное лицо. Миссис Прейжон уже мертва, раздавленная на кухонном полу, ее голова представляет собой смесь белых костей, спутанных волос и вытекающих мозгов.

Черт, прекрасно! Давай, братишка, давай!

Приемные родители, хмыкнул Э. Да, конечно. Если вы считаете, что у сутенеров есть родительские инстинкты.

Конечно, Мамочка и Папочка Плохого Семени знали все о Прейжонах, знали, как они используют детей, переданных государством. Знали, как они писались кипятком от восторга, когда Данте попал в их дом.

Прейжоны поимели *много* денег с Данте. Конечно, даже с усиленным контролем за ним несколько клиентов получили серьезные травмы. Например, откушенный член или что-то типа того.

Он усмехнулся. Встал и пошел в сортир. Остановившись около унитаза, разжал кулак и бросил туда чип. Тонкие завитки крови окрасили воду в красный цвет. Он смыл.

Теперь пусть Том-Том выследит его.

Теперь Джоанна Мур попотеет.

Мамочка, я возвращаюсь домой и приду не один.

Вернувшись в комнату, Э встал на колени перед кроватью. Достав CD из ноутбука,

закрыв его. Он убрал документы, отчеты и фотографии в папку.

Одно фото привлекло внимание, и он достал его из кучи. Маленький мальчик, лет двух или трех, улыбался в камеру, короткие песочного цвета волосы торчали у него на затылке. Позади него мужчина и женщина лежали на украшенной узорами софе, кровь испачкала диванные подушки. Темная дыра зияла в мужском — *Папочкином* — виске и в женском — *Мамочкином* — лбу. Пистолет лежал на полу, сразу же за свисающей мужской рукой.

Э не мог вспомнить, видел ли, как его папа застрелил маму, а потом убил себя по стандартной схеме убийца-самоубийца. Но даже если так, его это не особо беспокоило. Он не мог вспомнить ни сам инцидент, ни мучительных кошмаров.

Что ж, в любом случае, не из-за родителей.

Э засунул фото обратно к бумагам и спрятал в папку. Так, его родители умерли, когда ему было почти три, и с тех пор его жизнь направляло Плохое Семя. Мать Данте схватили, когда она была беременна, затем, сразу же после рождения, отняли его.

Э покачал головой. Рожденный кровососом. Кто бы мог подумать?

Вернувшись к кухонному столу, Э смешал еще джина с тоником. И сделал длинный холодный глоток, который смысл неприятный привкус во рту.

Созданный социопатом. Так Плохое Семя назвало его.

Рожденный социопатом. Так Плохое Семя назвало Данте.

Но они ошибались. Он опрокинул остатки напитка, чистый вкус джина прочистил голову. Очень ошибались. Он поставил стакан и пошел в ванную. Флуоресцентная лампа гудела. Зеркало отражало его мрачный взгляд. Он улыбнулся. Выключил свет. Включил. Улыбнулся снова.

Намочив полотенце для рук под краном, Э вытер кровь с шеи. Данте был не единственной Истинной кровью. Плохое Семя не создало Э из маленького улыбающегося Элроя. Э уже существовал и был занят, вытесняя улыбающегося Элроя из общей картинки.

Э сполоснул полотенце в раковине. Кровавая вода стекала водоворотом в сток. Он хлопнул полотенцем по месту, где был чип и втянул в себя воздух сквозь стиснутые зубы. Черт его подери, оно *охрененно* жгло.

Маленькая сестричка Э не умерла от СВДС^[44]. Он прижимал одеяльце к ее лицу, пока она, перестав извиваться, не затихла. Он понял, что это было одно из самых ранних воспоминаний. Странно, что Э не помнил своих близких, но, с другой стороны, все так и было. Возможно, если бы он прикончил кого-то из них, то запомнил бы.

Повесив окровавленное полотенце на край раковины, Э закрутил кран. Ему нужно купить Band-Aids^[45]. Он спрашивал себя, понадобится ли Данте повязка, после того как он вытащит из него чип. Вампиры должны были исцеляться быстро, и будет дерьмово, если это не так.

Плохое Семя облажалось. У них был не один рожденный социопат, а двое — Истинная кровь — вампир и человек, и они полностью потеряли контроль над своим маленьким проектом.

Э взял коробки с файлами и черную сумку, которую позаимствовал у Том-Тома из шкафа, открыл дверь комнаты в мотеле трясущейся рукой и пинком найка захлопнул. Он пересек полупустую парковку, гравий шуршал под ногами. Удерживая коробку и сумки на приподнятом бедре, Э удалось снять сигнализацию джипа и открыть дверь. Он запихнул коробки на заднее сидение и бросил сумку рядом.

Черная сумка была забита предметами для контроля кровососов. Наркотики —

полученные из натурального дерьма или разработанные для организма кровососов, действующие на них; наручники — о, не ваши обычные, предназначенные для людей, о нет; и смирительная рубашка, *особенная* смирительная рубашка.

Сначала, Э решил, что нанесет Ронину неожиданный визит днем и испробует некоторые вкусняшки на черной заднице кровососа. Но затем появилась другая идея.

Идея *получше*.

Он притворится, что ничего не знает. Вернется на съемную квартиру. Уберет игрушки подальше. Сделает вид, что не в курсе всего этого дерьма. Пока не наступит нужный момент... момент, когда Том-Тому удастся привести Данте домой, или когда Данте решит пробраться через окно комнаты Ронина, чтобы заняться делом.

В любом случае. Э будет готов.

Э скользнул на водительское сидение и вставил ключ в зажигание. Джип сразу завелся, выпуская острый запах бензина и белый выхлоп в холодное небо. Он посмотрел на газету, лежащую на пассажирском сидении, и перечитал заголовок.

«Странствующий киллер убит во Флориде!»

Действительно?

Звук скрежета, похожий на звук валуна, скатывающегося с горы, заполнил салон джипа. Э разжал челюсть. Звук прекратился. Он был так зол, что скрипел зубами. Какой-то идиот посмел скопировать его работу и был прихлопнут во время убийства...

Или кто-то хочет убрать с дороги Бюро... увести от него *Хэзер*. И этот кто-то Мамочка Плохого Семени, Джоанна.

Если продолжить убивать, будет очевидно, что он не умер, если только Плохое Семя не планирует удостовериться, что Э больше никого не убьет.

На лбу выступил пот. Они думали, что умнее его? Они думали, что знают о смерти больше, чем настоящий социопат, рожденный, но не созданный?

Э поднял сумку с безделушками с пола машины и достал инвентарь: длинная веревка, скрученная проволока, плоскогубцы, латексные перчатки, клейкая лента, маленькая горелка-резак. Только одна вещь пропала — его книга поэм Новарро. Он заберет ее, когда избавится от штучек Ронина.

Сегодня ночью он докажет свою независимость. Сегодня он найдет кого-то особенного. Кто оценит его умения и поэзию...

После недолгих уговоров.

* * *

Сон освободил Джоанну, и ее кошмары рассеялись, как ночной туман, пойманный в солнечном свете. Жирные жужжащие пчелы, звук вибрации, проходящий сквозь пальцы. Она открыла глаза. Никаких пчел. Никакого солнечного света. Только ковер под ее щекой и вибрирующий телефон.

Она приподнялась на колени. Как долго она спала? Пару часов? Дней? Таблетки сбили ее биологический ритм. С каждым использованием они действовали дольше, но требовалось больше времени на восстановление.

Найдя телефон на полу, она открыла его.

— Да?

— Я проверил все рейсы за последние 24 часа, — сказал Гиффорд. — Крейг Стёрнс

прилетел в Даллас в пять тридцать этим утром.

— Когда он улетел?

— В семь вечера. В Новый Орлеан.

Джоанна запустила пальцы в волосы. Она недооценила Стёрнса, а точнее, его привязанность к Уоллес.

— Позвони своим людям в Новый Орлеан, — сказала она. — Дай описание Стёрнса и Уоллес. Чрезвычайное положение.

— Понял.

Джоанна закрыла сотовый. По правде говоря, она совершила со Стёрнсом больше чем одну ошибку. Следовало убить его в тот день, когда он обнаружил Плохое Семя. Но она подумала, что ее знание о его темном прошлом заставит Стёрнса молчать.

Она была права насчет молчания.

Но забыла, что Стёрнс человек действия, а не слов.

Глава 18

Все это для тебя

Пульс стучал в ушах. Данте держал в руках черный чулок. Желтый стикер был приклеен к тонкой ткани. Он сорвал его.

1616 Чарльз-стрит.

Данте поднес чулок к лицу. Понюхал. От Джины не осталось ничего. Никаких следов ее аромата спелой вишни. Вместо него он уловил чистый аромат мыла и острый запах резины от латексных перчаток. Он опустил чулок, в горле образовался ком. Все, что осталось от Джины, исчезло.

Пальцы сжались вокруг чулка. Он сильно зажмурился. Огонь стремился по его венам, ярость прожигала мысли и сердце. Где-то далеко жужжали осы.

Был ли Джей все еще жив?

Осы зарылись под кожу Данте. Забрались в его разум. Тело дрожало от их протяжного жужжания. От этого раскалывалась голова.

Данте-ангел? Она доверяла тебе? Она верила в тебя?

Боюсь, да, принцесса.

Теперь она знает больше, да, Данте?

Рука обхватила его подбородок, повернула голову. Данте открыл глаза. Хэзер смотрела на него, заглядывая *внутрь*, удерживая его взгляд. Он слышал, как сильно и быстро стучит ее сердце.

— Дыши, Данте, — позвала она его, отпуская. — Ты в порядке?

Данте сжал чулок.

— Как, *черт возьми*, я должен «проснуться»?

Понимание отразилось в голубых глазах Хэзер, но что-то еще тенью легло на ее лицо. Она вытянула чулок из его руки, ткань зашуршала в ладони. Он втянул в себя воздух, когда увидел дорожки от слез. Посмотрел на свои руки и ноги. Сжал кулаки. Раздутое осиное брюхо исчезло между пальцев – блестящее, влажное и биомеханическое. Он вздрогнул.

— И он не просто помешан на тебе, но и втягивает тебя в это.

Данте посмотрел на Хэзер и понял, что она говорила уже некоторое время до того, как он услышал. Жужжание исчезло.

— Позволь ему получить меня.

Хэзер нахмурилась.

— Опять, — пробормотала она. — Он знает то, чего не знаешь ты, — твое прошлое. Он знает, как играть тобой. Хотела бы я понять, зачем.

— Мне по барабану.

Данте повернул ключ зажигания MG и нажал на педаль газа. Машина сорвалась с места. Он схватился за рычаг переключения передач.

Хэзер обхватила его запястье рукой, сильной и теплой. Он посмотрел на нее.

— У него есть преимущество, — сказала она.

— Да, возможно и так, — ответил Данте. — Но ты гонялась за ним три года. Собираешься его упустить?

Он удерживал ее взгляд, прислушиваясь к ровному сердцебиению. Ее аромат был чистым и свежим, как воздух после дождя, на мгновение жужжание исчезло, пока он

смотрел ей в глаза.

Хэзер отпустила его руку и убрала волосы с лица. Затем сделала медленный глубокий вдох.

— Мы сами по себе, — сказала она, пристегивая ремень безопасности. — Дело закрыто. Я не смогу вызвать подкрепление.

— И я тоже.

Данте потянулся мыслями к Люсьену. Он отгородился. Страх узлом завязался в животе. Внезапная тревога в глазах Люсьена взволновала Данте, потрясла его неизвестной песней, обрушившейся на ночь и пульсирующей в такт с кровью, текущей по венам.

Что могло напугать Люсьена? Этот вопрос заставил Данте похолодеть.

Включив первую скорость, Данте вырулил в поток машин. Тусовщики толпились на улице, нехотя расступаясь, когда MG задевал кого-то из них.

— Могут ли ножи тебя ранить? — спросила Хэзер. — Пули?

Данте удивленно посмотрел на Хэзер.

— Конечно, *все* из этого может. Пуля в голову или в сердце на некоторое время вырубит меня... как мне говорили. — Он снова сконцентрировался на дороге. — Я раньше никогда не ловил полю.

— Ты быстрее. Сможешь схватить его?

— Да, если он смертный. Если нет, то возможно, — сказал он, повернув руль вправо, и посигналил. На лице тусовщика мелькнула пьяная улыбка, он отшатнулся в сторону и показал средний палец.

— Все ДНК были человеческими.

— Тогда проблем не должно возникнуть.

Данте вёл машину по запруженной улице — его реакция позволяла маневрировать среди пешеходов и конных полицейских — прибавляя газ каждый раз, когда появлялось свободное пространство.

— Что имел в виду Ронин под Истинной кровью?

Данте посмотрел на нее.

— Это спрашивает мой друг или коп? — Он переключил MG на вторую передачу, когда они выехали на Канал-стрит.

— Оба, Данте. Это ничего не меняет.

Данте кивнул. Увеличил скорость, переключился на третью передачу. Неоновый свет плясал на лобовом стекле. Свет фар бил по глазам, как огни взлетно-посадочной полосы. Боль терновым венцом охватила голову. Перед глазами поплыли цветные круги.

Он снял очки со своего ремня и надел их. Свет встречных фар стал приглушенной, боль исчезла. Данте сделал глубокий вдох, пытаясь расслабить плечи, но мышцы не слушались.

Хэзер все еще ждала ответа. Она молчала, но он чувствовал ее ожидание.

Четвертая передача. Скорость набирала обороты. Фары размыло.

— Истинная кровь — это тот, кто родился вампиром.

— *Родился?* Разве это возможно?

— Как мне говорили.

— Почему он назвал тебя так? — голос Хэзер был мягким и выражал недоумение. — Если ты вампир — а я готова признать такую вероятность — кто-то сделал тебя таким, верно? Кто обратил тебя? И когда?

Боль пронзила висок Данте. В голове что-то разбилось, как стекло. Он вцепился рукой в

руль. Белый свет вспыхивал в глазах. Он стиснул зубы, мечтая, чтобы боль прекратилась. *Не сейчас. Не сейчас, мать твою.*

Послышался рёв клаксонов и визг шин, когда Данте пролетел на MG на красный свет. Уличные фонари, старые тенистые дубы и мерцающие трамвайные пути слились в одну размытую картинку.

— Иисусе!

Данте услышал скрип винила, когда Хэзер вцепилась руками в приборную панель.

— Помедленней, — сказала она ровным тоном. Успокаивающим. — Возможно, ты и выживешь в аварии на такой скорости, но я — нет.

Осы жужжали. Яд прожигал вены. Теплые пальцы сомкнулись вокруг его руки на коробке передач.

— Пожалуйста, Данте. Помедленней.

Успокаивающий голос Хэзер был похож на водопад, поглощающий огонь, отбрасывая ос назад в разрушенные глубины. Он сделал судорожный вдох и ослабил давление на педаль газа. Переключаясь на третью скорость. Огни и цвета перешли из размытых пятен в четкие изображения: дома, деревья, машины. Пот тек по вискам.

— Послушай, — сказала Хэзер, все еще держа его за руку. — Сети расставлены на тебя. Ты знаешь это. Я знаю это. Твой план — идти прямо в них. Но что дальше?

Данте посмотрел на нее. Тень и свет мерцали на лице. Волосы блестели от уличного освещения. Он пожал плечами.

— Нет никакого плана. Я все равно буду играть в эту игру. Но я выйду с Джемом.

Хэзер, вздохнув, потеряла переносицу.

— Ага.

Вернув внимание на дорогу, Данте разглядывал адреса зданий.

— Я думаю, он верит, что ты создание ночи, — продолжила Хэзер, — так что он предусмотрит это. Но в его планы не вхожу я. Даже Ронин думал, что я в Пенсаколе.

1500. Они были уже близко. Данте снизил скорость. Его взгляд скользил от одного тускло освещенного склада к другому. Следующий квартал. Справа стоял каменный дом с истертой надписью, которая гласила: «МЯСО НА ЗАКАЗ». Заколоченные окна Заброшенный. Его взгляд вернулся к надписи. «МЯСО НА ЗАКАЗ». Беспокойство прошло через него.

— Езжай дальше, — пробормотала Хэзер.

Данте проехал еще несколько домов, затем повернул налево, вырвав MG на следующую параллельную улицу. Двигаясь вдоль обочины, он остановился на низкой передаче и выключил зажигание. Забрав ключи, резко открыл дверь. Рука схватила его, пальцы сжали предплечье.

Одно движение, и он сможет уйти.

Оставив позади своего друга или копа?

Он сел назад на сидение и посмотрел на Хэзер. Он оставлял обоих.

— Я последую за тобой, — сказала она. Адреналин усилил ее аромат, разогревая кровь. — Я твое прикрытие.

Внезапная сила засветилась в ее синих глазах. Она излучала темную, отчаянную, почти неистовую эмоцию, которой Данте не мог дать название.

— Пообещай, что не станешь рисковать.

Он выдержал ее взгляд, вдыхая возбуждающий аромат, слушая ровный стук сердца.

Провел пальцами по щеке. Кожа словно горела.

— Нет.

Хэзер кивнула, сжав челюсть, и отпустила его.

Он выскользнул из машины.

Доверяет ли она тебе тоже, Данте-ангел?

Боюсь, да, принцесса.

Он побежал.

* * *

Ронин припарковал Camaro у тротуара, выключил двигатель и посмотрел на GPS приемник. Данте двигался, бежал, судя по скорости, прямо к складу с надписью «МЯСО НА ЗАКАЗ», как шаровой таран.

Надеюсь, Этьен готов.

Ронин открыл водительскую дверь, выбрался с места и пошел по улице. Конечно, Этьен не знал самого главного. Он был так ослеплен своим гневом и горем, желая заставить Данте почувствовать хоть малую часть своих страданий, что не узнал Истинную кровь. Не узнал смерть, принявшую форму худощавого парня ростом пять футов девять дюймов, не увидел опасность в красивом бледном лице.

Поджог ли Данте дом Этьена? Если да, то это был не первый раз, когда он играл в поджигателя. Или кто-то другой сделал всю грязную работу и повесил вину на Данте? Кто знал? Всё, что имело значение: Этьен верил, что Данте виновен, и был готов сделать что угодно, чтобы наказать его.

С GPS приемником в руке Ронин *переместился*, словно порыв ночного ветра, через пустую улицу. Он наблюдал за агентом Хэзер. Ее присутствие в клубе застало его врасплох. Внимательные голубые глаза. Она стояла рядом с Данте на помосте, как будто на своем месте.

Как равная. Смертная.

Он недооценил ее. Она поняла послание, когда не понял Данте, не поверила в подделанные Джоанной улики — что вызывало вопрос: как долго еще проживет Уоллес?

Он знал свою маленькую *fille de sang* — возвращение Уоллес в Новый Орлеан было смертельным приговором. Э будет скучать по ней, с другой стороны, ему тоже недолго осталось.

Ронина беспокоило, что он не видел Э в последнее время. Нашел ли тот доказательства того, что бумаги поддельные? Обиделся? Тот факт, что он не мог отследить нервного психопата по GPS, заставил Ронина похолодеть. Неужели Джоанна уже, скажем так, добралась до него? Или Э открыл правду, которую Ронин скрывал?

Ронин скользнул в тень между зданиями, очки скрывали его блестящие глаза. Периферийным зрением он уловил движение выше. Замер. Посмотрел вверх.

Данте карабкался на крышу здания «МЯСО НА ЗАКАЗ», лунный свет отражался о кожи и металла. Он пробежал по краю крыши, быстрый и гибкий, его чуть рассеянное внимание было сосредоточено на бетоне под ногами.

Ронин уплотнил свои щиты. Успокоил ищущий ум. Данте выглядел как часть самой ночи: черные волосы, освещенное лунным светом лицо, как грань мечтаний, непреодолимое прошлое.

Он вспомнил ощущение губ Данте, неожиданно теплые ладони на своем лице. Вспомнил его запах — дыма, мускуса и мороза.

Вспомнил, что Данте прошептал в губы.

Ты никогда не попробуешь мою кровь.

Руки Ронина прижались к стене позади, ладони пробили кирпич и грубый цемент.

Посмотрим, дитя, посмотрим.

Данте остановился. Наклонил голову, прислушиваясь. Подошел к центру крыши, замер, затем сделал еще один шаг. И исчез. Звук бьющегося стекла раздался эхом по всей улице.

Улыбка коснулась губ Ронина. Предугадать действия мальчика трудно.

Данте просто прыгнул в стеклянный люк на крыше.

* * *

С сохранившимся ощущением его пальцев на своем лице Хэзер смотрела, как Данте бежит по улице, словно размытое пятно, слишком быстро для человеческого глаза. Он исчез в ночи. Или слился с ней.

Она уставилась на пустой тротуар. Двигатель MG стучал и звенел, остывая. Плохое предчувствие свернулось в ее животе, щупальца сомнений сжимались вокруг позвоночника. Она открыла пассажирскую дверь.

И подумала о том, чтобы вызвать Коллинза, но поняла, что это означало бы попросить его рискнуть своей карьерой. И он, вероятно, сделал бы это, тоже.

Хэзер вышла из машины и тихо закрыла дверь. Ничего не двигалось на улице. От гудящих ночных фонарей тянулись тени. Большинство домов стояли в темноте, как и большинство соседних предприятий. Семейный магазин. Букинистический магазин. Антиквариат.

Она побежала по улице, скетчерсы на резиновой подошве почти не издавали звуков, касаясь тротуара. Ее сумка билась о бедро, и она остановилась; но было уже поздно возвращаться в MG. Повернувшись, она размашистым шагом пошла по гравию в переулок между антикварным и букинистическим магазинами.

Где был Данте? Уже внутри?

Пообещай, что не станешь рисковат.

Нет.

Его низкий голос коснулся ее сердца, так же как пальцы касались лица. Гнев поднимался в ней, разжигая огонь внутри. Великолепный, сексуальный, но упрямый. Слишком верный.

Голос Симоны прошептал в ее мыслях: *«Что вам нужно запомнить, m'selle, так это то, что Данте никогда не говорит и не прощает ложь».*

Тогда как он мог обещать избегать опасностей, если это может стоить жизни Джею? А если Джей уже мертв? Она прогнала эти мысли.

Хэзер вышла из переулка в сгустившуюся тень на тротуаре. Через улицу напротив «МЯСО НА ЗАКАЗ» окна были заколочены досками, красная краска выцвела из-за погоды и приобрела ржавый цвет.

Острый звук разбивающего стекла нарушил тишину. Хэзер выдернула 38-й из внутреннего кармана плаща. Перебегая через улицу, она поняла, что вес оружия был не правильным. Оно не заряжено. Она только бросила взгляд на пистолет, когда какое-то

движение привлекло внимание, заставляя ее обернуться.

Хэзер упала на мокрый тротуар, перекатившись влево. Она схватила обеими руками пустой 38-й, направляя его между согнутых коленей на тьму, которая мчалась на нее со скоростью, от которой замирало сердце. Она нажала на курок. 38-й выстрелил, пронзая ночь, пуля вошла в плоть. Хэзер выдохнула. Магазин был пуст, но одна пуля все еще оставалась в барабане.

Томас Ронин стоял в шаге от нее, прижимая руку к телу. Сквозь пальцы сочилась кровь. Он нахмурился, смотря на рану.

— Черт.

Хэзер поднялась на ноги, подняв 38-й вверх. У нее лежал другой магазин в кармане, но на перезарядку не было времени.

— Не двигайся. — Она нацелилась пустым пистолетом на лоб журналиста, надеясь, что он купится на блеф. — Пуля в голове на некоторое время свалит тебя.

Ронин посмотрел на нее. Улыбка изогнула его губы.

— Непослушный Данте. Рассказал тебе секрет фирмы. Что более удивительно, ты поверила ему.

Он покачал головой и отвел руку от раны. Что-то выскользнуло из пальцев и звякнуло об бетон.

— Он говорил тебе, что это больно? Очень.

Ладони Хэзер вспотели.

— Если не хочешь снова почувствовать много боли, стой на месте.

Вытерев окровавленные пальцы об джинсы, Ронин фыркнул.

— А ты самоуверена.

— Ты здесь для истории? — спросила Хэзер, держа прицел на лбу журналиста, надеясь, что тот не слышит, как громко стучит ее сердце. — Или специально выманил нас?

Ронин наклонил голову.

— Вот опять... *нас*. Я выманил *Данте*. И не могу помочь тебе, ты ведь сама приехала.

Он *переместился*.

Что-то ударило Хэзер в висок, в глазах замерцали синие огни. Она пошатнулась. Пистолет выскользнул из хватки, сорвав ноготь с указательного пальца. Боль пронзила до локтя. Мерцающее колесо закрутилось в воздухе. Кольт полетел на крышу «МЯСО НА ЗАКАЗ». Грубые руки развернули ее, коснулись горла. Сжимая.

— Время Данте проснуться, — сказал Ронин ровным спокойным голосом, — и время отправить тебя спать.

В глазах Хэзер потемнело. Она отвела локоть, надеясь ткнуть в рану Ронина, и в то же время ударила ногой.

Он сжал сильнее.

Она хватала воздух. Ногти царапали его руку.

Темнота поглотила ее.

* * *

В остром граде из стекла Данте приземлился, присев на бетонный пол. Старый запах пролитой крови и мучений пронзал здание, приликая к нему, как голодная пиявка. Он выпрямился, осколки падали с плеч и волос, рассыпаясь по грязному пыльному полу.

Толстые изогнутые крюки и цепи блестели в темноте. Ни электричества. Ни света. Только немного лунного света проникало через разбитое окно в потолок. Но для него и этого достаточно.

Мелькнуло изображение: брызги крови на белых стенах, пустые лица, окно. Какой-то голос спрашивал: «*Что он говорит?*»

Изображение исчезло, но тревога Данте усилилась. Подняв очки на макушку, он слушал. Два сердцебиения. Одно медленное, нестабильное; другое глубокое и ровное. Одно смертного. Другое создания ночи. Адреналин горел в мышцах Данте. Сделав глубокий вдох гнилого воздуха, он побежал.

Цепи звенели следом за Данте, и память цеплялась за него холодными пальцами. Боль заколола глаза. Проигнорировав ее, он достиг конца длинного здания, дверь открылась, скрипнув металлом по бетону. Запах создания ночи. Чистый и пряный, напитанный кровью и теплый. Знакомый.

Мерцающий свет, льющийся из открытой двери морозильника — искусственное освещение — и фигура, мчащаяся со скоростью создания ночи. Черная коса, кожа цвета кофе с молоком, глаза черные, как жженный кофе, и озлобленные.

Этьен.

Данте пошел прямо на него, тихо и быстро. Этьен уклонился в последний момент перед столкновением, но Данте повернулся следом за ним, ударя предплечьем в лицо.

Кровь потекла из сломанного носа Этьена. Он тяжело рухнул на пол, Данте оказался сверху. Воздух вырвался из легких. Схватив прядь украшенных голубым бисером волос, Данте ударял голову Этьена об бетон снова и снова. Что-то треснуло — пол или череп, Данте не был уверен. Сильная боль пронзила его правый бок. Посмотрев вниз, он понял, что Этьен бил его кулаком по ребрам.

Данте врезал по сломанному носу Этьена. Глаза вампира закатились, и он обмяк. Данте остановился, подняв измазанный в крови кулак и в другой руке сжимая косу. Он слушал. Волоски на шее зашевелились.

Слишком просто. Чертовски просто.

Хэзер ошибалась. Кто-то другой — Этьен? — имитировал ее убийцу или ее убийца работал не один. «ДНК смертного», — сказала она.

Стекло хрустнуло под ботинками, Данте отпустил косу Этьена и затем кулак. Еще одно сердцебиение. Создание ночи. Его мышцы напряглись. Он соскользнул с бесчувственного тела и выпрямился. Волосы всколыхнулись, когда вновь прибывший пронесся мимо. Данте вдохнул запах темного табака, чернил и песков пустыни. Его руки сжались в кулаки.

Как насчет журналиста создания ночи со смертным извращенцем ассистентом, который любил подглядывать?

Данте развернулся, встав лицом к открытой двери морозильника. Ронин прислонился к стене, одна нога заведена назад, губы растянуты в холодной улыбке. Глаза сверкали. Очки болтались в его руке.

— Лживый ублюдок, — выплюнул Данте.

Ронин протянул руку.

— Ты должен знать, ты *жил* во лжи. — Он коснулся пальцем виска. — Проснись, С. Время проснуться. Все это для тебя.

Он зашел в морозильник, к источнику неровного смертного пульса.

Джей.

Данте бросился к нему, проскочив через порог и оказавшись в мерцающем оранжевом свете. Проехавшись на ногах, он посмотрел наверх. И замер.

Тело подвесили за лодыжки на металлическом крюке, его поддерживали и обвивали тусклые цепи, стянутые поверх белого кокона смиренной рубашки. Светлые волосы касались пола. Бледное лицо. Почти белые губы. Закрытые глаза.

Изображения вспыхнули и замелькали в голове Данте. Рыжие волосы. Зловоние свернувшейся крови. Холодный блеск свечей. Боль пронзила голову, повалив на колени, словно неожиданный удар в висок. Его зрение затуманилось.

Данте — ангел?

Что сказал маленький псих?

— Ты все еще можешь спасти его, Истинная кровь. Все, что тебе нужно, это проснуться.

Осы гудели, сердито заползая под кожу Данте. Шатаясь, с головокружительной болью, он бросился на Ронина.

Журналист увернулся от нападения Данте, отталкивая его. Сбитый толчком Ронина и собственной инерцией, Данте врезался плечом в стену. Когда он повернулся, рука схватила его за горло и вжала в бетон. Перед глазами замелькали разноцветные пятна.

Пальцы сжались вокруг горла. Пытаясь дышать, Данте обхватил рукой запястье Ронина, удерживающее его стальным захватом. Сила врезалась в щиты Данте. Пот стекал по вискам, отчего жгло глаза. Щиты дрогнули и пошатнулись. Хватая ртом воздух, он раз за разом ударял Ронина кулаком в живот.

Ронин согнулся, его пальцы соскользнули с горла Данте. Сделав обжигающий горло вдох, Данте обхватил руками с обеих сторон голову журналиста и долбанул его самодовольное лживое лицо поднятым коленом.

Кость захрустела. Брызнула кровь.

Данте отпихнул его от себя, бросив через весь морозильник. Журналист споткнулся, но сохранил равновесие.

Кровь стекала по горлу Данте. Он вытер рукой под носом. Она выглядела почти черной в искусственном освещении. Морщась от света, он потянулся к очкам и понял, что потерял их в схватке с Этьеном.

Тошнота скрутила желудок Данте. Мигрень пронзила мозг, ослепляя осколками белого света, ломая мысли. Но одна осталась — Джей.

Данте запрятал боль глубже. Оттолкнувшись от стены, он подошел к центру морозилки. Глаза Джея открылись. Облегчение сверкнуло в их зеленых глубинах. Улыбка появилась на губах.

— *Mon ami*, — выдохнул он, — мне жаль...

— Шшш. *Je suis ici*^[46].

Данте обошел вокруг связанного и подвешенного тела Джея, не отводя взгляда от Ронина. Журналист выпрямился, его темные глаза казались спокойными на фоне испачканного кровью лица. Не отрывая взгляда от Ронина, Данте обхватил руками Джея, приподнимая его и снимая с крюка. Когда Данте присел, опуская Джея на бетонный пол, Ронин усмехнулся. И *переместился*.

Поднявшись, Данте расставил ноги по обе стороны от тела Джея и приготовился к атаке. Джинсы коснулись латекса. Когда Данте пригнулся, разворачиваясь, кто-то схватил его за волосы и дернул назад. Боль пронзила голову.

— Попался, отродье. — Этьен, оттолкнувшись от бетонного пола, присоединился к

драке.

Шквал быстрых последовательных ударов пальцами обрушился на Данте, затем Ронин отступил. Боль с каждым ударом взрывалась в нем. Основание горла. Грудь. Живот. Пах. Данте задыхался, но вместо вдоха сжал зубы, потому что горящие внутренности выворачивало наизнанку. Он сплюнул кровь на пол. Его зрение затуманилось.

Ронин развернулся для следующей атаки. Данте поднял руку, блокируя первые два удара. Последние два пронзили его ребра с обеих сторон. От боли перехватило дыхание.

Сдайся или используй ее, черт подери.

— Твой симпатичный маленький агент ФБР не присоединится, — сказал Ронин, встав на колени позади Джея, — действительно стыдно, хотя могло быть забавно.

Хэзер. Мысль причиняла боль, словно острый осколок стекла. Свет закружился перед глазами Данте. Его голова болела. Боль била по вискам. Джей.

Сдайся или используй ее, черт подери.

Данте откинулся на теплое тело Этьена, затем сделал шаг и продолжил двигаться. Боль пронзила голову, когда волосы, все еще намотанные на кулак Этьена, вырвало. Кровь стекала по щеке, теплая и липкая.

— Проснись, С, — пробормотал Ронин, проведя указательным пальцем по горлу Джея.

Кровь полилась на грязный пол, брызнув на лицо Ронина и белую смирительную рубашку. Джей задыхался.

— Нет! — Данте упал на колени около Джея и укусил свое запястье. Хлынула кровь, темная и богатая, наполненная жизнью.

Джей смотрел на него испуганными расширенными глазами. И умирал.

Руки обвились вокруг Данте, словно стальные прутья. Опрокидывая на задницу. Он изо всех сил пытался вырваться, выворачиваясь и ударяя Этьена локтем по ребрам. Дыхание вампира вырывалось болезненными стонами. Данте вытянулся, пытаясь вытащить ноги из-под него. Этьен впился ногтями в кожу сквозь латекс. Данте зашипел.

Поток крови, вытекающий из разреза в горле Джея, замедлился. Вокруг него образовалась лужа, окрасив волосы в красный цвет. Полузакрытые глаза Джея смотрели на Данте.

— Держись, — шептал Данте, — держись.

Улыбка мелькнула на бледных губах Джея.

Подпитываемый адреналином, Данте потащил Этьена по полу, подползая к Джею. Пот стекал на глаза. Боль пронзала виски. Он прокусил клыками свое запястье. Целебная кровь полилась снова.

Я знал, что ты придешь за мной.

Мысли Джея проникли сквозь боль, вьющуюся в мозгу Данте, заставляя замолчать шепчущие голоса.

Я знал, что ты придешь.

Кто-то навалился на Данте, прижимая сильнее к бетонному полу. Потянул его назад на колени, стискивая стальной хваткой. Вжимаясь бедрами. Пальцы сомкнулись на горле вокруг воротника.

Я знал.

Данте напряженно боролся, пытаясь вырваться из удерживающей хватки, чтобы добраться до своего запястья. С усилием тащил всех троих по полу. Он прополз около фута, прежде чем силы его оставили.

С губ Джея слетел выдох. Его сердце остановилось, свет в глазах потух.

Рука отвела волосы Данте в сторону, теплые губы коснулись уха.

— И как себя чувствуешь, *отродье*?

Данте закричал.

Глава 19

Падший

Люсьен летел, прорезая крыльями ночной воздух, закрыв глаза и слушая замысловатую арию, звучащую в его сердце и разуме, сплетающуюся в сознании в неясное послание. Теперь он знал, кто исполнял песню, какой длинный путь он проделал и почему.

Люсьен хранил молчание, его собственная *небесная песнь* оставалась невысказанной. Он отказывался делиться чем-либо с поющим в упоительной новоорлеанской ночи.

Прохладный влажный воздух проносился мимо, покрывая лицо каплями росы, сверкающими в лунном свете. Люсьен все еще чувствовал на губах вкус крови Данте, насыщенный и сладкий. Ощущал его сопротивление и досаду. Улавливал боль, злость и горечь.

Ты всегда поддерживал меня. Что бы ни случилось, позволь мне помочь.

Закрой свой разум. Поставь щиты. Обещай мне.

Пошел ты.

Обещай.

Открыв глаза, Люсьен выбросил все мысли о Данте из головы. Его песнь была не единственной, чем он не хотел делиться. Он пронесся на крыльях сквозь ночь и, достигнув кладбища Сент-Луис №3, спланировал на землю. Мертвые листья, подхваченные порывом ветра от взмахов крыльев Люсьена, вихрем пронеслись по дорожке кладбища. Его босые ноги коснулись холодного камня.

Ангел взгромоздился на окутанную туманом гробницу с именем «БАРОН», его черные кожистые крылья обернулись вокруг тела, скрывая от взглядов все, кроме когтистых ног. Серебристые метки, видимые лишь в свете звезд, были выгравированы на крыльях. Его запах — озон, невозделанная земля и холодная ночная роса — наполнял город мертвых.

Внезапная тоска огнем разлилась по венам Люсьена и сжала горло. Одиночество затопило сердце, которое билось в такт звучащему повсюду ритму *небесной песни*. Прошло *столько* времени. Но это был его выбор.

— Здравствуй, Локи. Отлично исполнено, — сказал Люсьен. — Твое приглашение получено.

Песнь неба резко прекратилась, и густая тишина, молчали даже насекомые, накрыла кладбище.

— Получено, но осталось без ответа. Очень интригующе, брат. — Крылья ангела отодвинулись назад, открывая склоненную голову.

Серебристые метки вились и петляли по всей правой стороне обнаженного тела Локи, через шею, торс и когтистую руку. Наручи с золотой шнуровкой обхватывали оба жилистых запястья и правый бицепс. Толстая гривна^[47] окольцовывала шею. Длинные рыжие волосы скрывали лицо, словно вуаль. Несколько прядей развевались на ветру.

Локи поднял голову. Золотые глаза мерцали в темноте.

— Предвидишь проблемы для своего гнездышка?

— Проблемы? — Люсьен фыркнул, скрестив руки на груди. — От тебя? — Его крылья выгнулись за спиной. — Ты пытаешься уморить меня смехом, брат?

Складывая крылья, Локи взглянул на луну с многострадальным выражением лица.

— Пхах! Старый добрый Самаэль. Никакого чувства юмора.

— По крайней мере, побольше, чем у Лилит. — Даже спустя тысячу с лишним лет, он все еще чувствовал угрызения совести, произнося ее имя.

— Говоришь, как истинный бывший возлюбленный.

Шагнув вперед, Люсьен вытянул руку и схватил Локи за лодыжку. Дернул. Испуганное выражение лица, взмахи крыльев, и Локи рухнул на землю со своего насеста.

— Она уже простила тебе шутку с ангелом Моронием? — спросил Люсьен.

— Ну, более-менее, — пробормотал Локи. Стоя на коленях на окутанной туманом земле, он свирепо смотрел на Люсьена. — Это было так необходимо?

— Несомненно. Расскажи, она все еще правит Геенной? — Образы черных струящихся волос, темных глаз и бархатистой кожи вспыхнули в сознании Люсьена. Он застыл, осознав, как же Женестьева была похожа на нее. *Была?*

Продолжая сидеть на коленях, Локи сорвал несколько желтых гвоздик из вазы, стоящей перед запертой на висячий замок железной оградой гробницы.

— Я удивлен, что тебя это волнует после всех веков, что ты скрываешься в мире смертных, — пробормотал он. — Но да. А Габриэль объединился с Люцифером, чтобы начать очередную кампанию против нее.

Люсьен присел перед ним.

— А ты, естественно, играешь на два фронта.

Локи вдохнул сладкий аромат гвоздик, прикрыв глаза от удовольствия. Туман вился вокруг его обнаженной фигуры, ключьями повисал на крыльях.

— Ммм. Естественно. Но я здесь не поэтому.

Люсьен дотронулся когтем до подвески в виде рунической «X», висевшей на шее.

— Нет, не поэтому. Ты ищешь потомков Падших, которых больше нет, ибо род прервался со смертью Яхве.

Открыв глаза, Локи пытливо смотрел на него.

— Нет? Я тебя умоляю. *Мыоба* знаем, что Создатель здесь, — он впился в желтые лепестки острыми зубами. — Я слышал его *песнь хаоса*, брат, — дикая, *юная*, мужественная. Он могущественен. Но ты тоже должен был ее слышать.

Люсьен выдержал взгляд *ангела* и ничего не сказал. Он верил — *он надеялся* — что раз Падшие так давно покинули мир смертных, то *песнь Данте* никто не услышит; что первого со времен Яхве рожденного *Создателя* — и первого в истории Создателя-полукровку — не обнаружат.

Тщетная, отчаянная надежда.

Локи опустил гвоздики и окинул Люсьена долгим взглядом.

— Впрочем, я даже не надеялся найти тебя. О тебе все еще говорят шепотом.

Люсьен покачал головой, отвращение сковало мышцы. *Говорят шепотом*. Потому что он пытался защитить истерзанного *Создателя*. Отзвуки наполненных болью слов Яхве все еще звучали в его памяти спустя все это время.

Позволь им взять меня.

Его мысли обратились к Данте. Сердце сжалось в комок. Он встретился с внимательным взглядом Локи. *Ангелобрывал* лепестки гвоздики и отправлял их в рот. Свет звезд мерцал на его родовых метках.

— Вместе мы могли бы подчинить этого *Создателя*, — предложил Локи. — Оградить его от безумия. Подчинить и *обучить*. Мы могли бы объединить Падших, а ты вновь смог бы

править Геенной.

— Править, — выплюнул Люсьен. — Подумай дважды, прежде чем снова оскорбить меня. — Он стоял, прижав сжатые в кулаки руки к бокам. — Я никогда не позволю сковать этого *Создателя* волей Падших. Хорошенько запомни, я *убью* его прежде.

Лицо Локи стало непроницаемым. Он вернулся к кладбищенскому букету в руках.

— Ты не сможешь оградить его от безумия, брат. Не в одиночку, — задумчиво проговорил он. — Если ты не подчинишь его, быть может, смерть *станет* лучшим выбором.

— Я не могу подчинить его один, — горечь сквозила в голосе Люсьена, горечь, удивившая Локи. Он посмотрел в сторону.

— Я нужен тебе.

Люсьен рассмеялся.

— До этого момента я отлично справлялся в одиночку. — Он посмотрел на Локи и встретил взгляд золотых глаз. — Оставляю это тебе — кидаться правдой мне в лицо.

Локи стер пыльцу с губ, стараясь скрыть улыбку.

— Наш секрет, — промолвил он. — Лилит и Люцифер *никогда* не узнают. Ни один из них. Можешь доверить это мне, — фальшивая искренность светила в его глазах. — Я клянусь, Самаэль. Своим именем.

— Ах... — Люсьен поднял ладони и осмотрел кровь, текущую из ран, оставленных его когтями.

— Я заинтригован твоей подвеской, — проговорил Локи с полным ртом гвоздик. — Руна партнерства. Подарок?

— Да. От моего сына. В высшей степени особенный ребенок.

Локи подавился, откашлялся и улыбнулся.

— *Сын?* Мои поздравления...

Люсьен опустил свои кровоточащие ладони на голову Локи. Тусклый неземной свет вился от его рук, смешиваясь с туманом. Кровь капала на рыжую копну волос *ангела*, а затем на скрытую туманом землю. Удар сердца.

Глаза Локи распахнулись от пугающего осознания.

— *Особенный? Создатель!*

Не в силах сдвинуться с места, Локи изогнул свои крылья вперед, пытаясь защититься. Белёсый туман обвился вокруг сгорбившегося *ангела*, образуя сплошную стену.

— Землей, кровью, воздухом и силой твоего истинного имени, Drwg из рода Падших, требую исполнения твоей клятвы и запечатываю тебя в камень, — произнес Люсьен глубоким голосом, уносящимся в ночь. — Ни голоса, ни взгляда, ни вдоха до тех пор, пока я не сломаю печать и не верну тебе плоть. Именем моим, да будет так.

Усталость жгла глаза, Люсьен упал на одно колено и кровью начертил символы на каменном лбу Локи. Он внимательно посмотрел на низко склонившуюся статую. Изогнутые вперед крылья, открытый в нескончаемом крике рот, частично съеденные цветы, зажатые в одной когтистой руке, Локи охранял железные врата гробницы позади — невольная горгулья.

— *Теперь* я верю тебе, брат.

Крылья подняли Люсьена в ночь. Он постепенно набирал высоту над сверкающим городом и широкой рекой, мерцающей гладью уходящей вдаль. Он глубоко вдохнул морозный воздух. Но страх, черный и твердый, словно камень, поселился внутри.

Песнь Хаоса Данте — уникальная песнь *Создателя* — пробила брешь в тонкой стене

между Геенной и миром смертных.

Только ли Локи слышал песнь Данте? Пришел ли он один? Или его послали?

Высоко над Люсьеном самолет набирал высоту сквозь ночь, огни прорезали тьму. Постепенно исчез драконий рев двигателей этого рейса.

Сколько еще он сможет скрывать своего сына от Падших? Как ему оградить Данте от использования своего дара *Создателя*? Дара? С каких пор безумие стало даром? Последний Создатель превратил свое лицо в опаляющий столб света. Сжигая все вокруг одним лишь взглядом.

Я.

Древнее горе сжало горло Люсьена. Он не смог защитить Яхве от придворных интриг Падших. От его собственного раздробленного сознания.

Яхве тоже звал его другом.

Пальцы Люсьена сомкнулись на развевающейся по ветру подвеске. Время сказать Данте правду; время дать Данте его имя. Его мысли плавно перешли к Женевьеве, прекрасной юной смертной, которую он любил так недолго. Данте был Истиной кровью, рожденным вампиром. А значит, Женевьеву обратили, когда она была беременна.

Люсьен отпустил подвеску. Где Женевьева теперь? Кем бы она ни была — созданием ночи или смертной — она бы никогда не бросила своего сына. Не бросила бы до последнего вздоха.

Мрачная уверенность поселилась в сердце Люсьена. Женевьева — веселая, любознательная маленькая выпускница Академии Святой Урсулы — больше не дышала. Он помнил аромат жимолости ее черных волос, тепло объятий, вопросы в темных глазах.

Ели ты существуешь, то и Бог должен.

Яхве умер, дитя. Смертные должны сами стать богами.

Церковь хочет быть господом. Но она пуста. Я почувствовала это в тот момент, когда впервые преклонила колени у стасидии. Зато любовь есть. Любовь и вера.

Вера в мертвого Бога?

Нет, toncheri. Друг в друга.

Холодный ветер жег глаза Люсьена и замораживал влагу на лице. Данте никогда не простит его. За ложь. За то, что не знал о его существовании. *Достаточно ли это наказание, моя Женевьева? Если наш сын возненавидит меня, но при этом останется жив и в здоровом уме, будет ли этого достаточно?*

Я всегда хотел вернуться к тебе...

Люсьен разблокировал свою связь с Данте и открыл ее резким потоком энергии. Острая, кристально чистая боль взорвалась в его разуме. Ярость, первобытная и разрывающая сердце на части, взревела в самом его существе. Внутренние щиты Данте рухнули и разбились вдребезги.

Ошеломленный, оглушенный какофонией, Люсьен быстро терял высоту и падал на сверкающий город.

Глава 20

Самое темное сердце

*Под толщей спокойной воды
Пальцы матери удерживают меня за волосы
У фарфорового дна
Она — рябь надо мной
Не женщина
Богиня
Пытается отмыть кровавое пятно
Моя мать, мой якорь
Я закрываю глаза
И делаю вдох
Под толщей спокойной воды*

Э вслух читал стихотворение, перекрывая своим голосом булькающие, свистящие звуки, доносящиеся с дивана. Он закрыл книгу и сунул ее обратно в сумку.

— Чертовски люблю работы Наварро, — произнес он, обращаясь к задыхающемуся существу на пропитанном кровью диване. — Он говорит с самым темным сердцем.

Откинувшись на спинку кресла, Э наклонил голову, рассматривая свое последнее творение. Существо получилось удачным. Он удалил все, что делало Кита мужчиной, и художественно разложил это по комнате. На журнальный столик рядом со свечой. На книжную полку возле рамки с фотографией Кита и кого-то еще... любовника... брата... не похер ли?

Он ухмыльнулся. Впрочем, *Киту* может и не похер.

Булькающие, свистящие звуки продолжались. Руками в латексных перчатках Э пригладил на себе окровавленный мясницкий фартук. Под фартуком он был полностью обнажен. Чтобы не запачкать одежду и, откровенно говоря, быть абсолютно свободным. Он наклонился вперед и копался в сумке, пока его пальцы не нащупали искомое. Он достал беспроводную дрель. Нажал на кнопку питания. Дрель зажужжала, набирая обороты. Он надел сварочные очки, покоившиеся у него на голове, и направился к дивану.

Мертв, не так ли?

Дело закрыто, разве нет?

Бессильные судорожные вдохи зазвучали чаще и отчаянней.

— Пришло время зачитать стихотворение и для меня, — пробормотал Э, опуская дрель.

Глава 21

Утерянная Благодать

Люсьен падал. Мир под ним завертелся. Город превратился в единственную точку ослепительного света. Поток холодного воздуха обрушился на него, замораживая щеки, волосы, крылья. Барьеры Данте вдребезги разбились. Фрагменты воспоминаний выныривали из глубин разума и мелькали в сознании. Боль поглощала Данте изнутри, столь сильная, способная сбросить Люсьена с небес.

Темная, искаженная, пульсирующая *песнь хаоса* лилась в выжженном разуме Люсьена. Создатель. Разрушитель. Заблудший и покинутый.

В этот момент он понимал, что подвел своего сына. Так же как и Женевьеву. Так же как и Яхве.

Под ним вырисовывались очертания церкви; в поле зрения попали обветшалые шпили. Он проломил старую крышу, падая сквозь чердак, перекрытия и деревянные балки, с каждым ударом переворачиваясь в воздухе. Его кости ломались. Деревянные щепки пробивали крылья. Боль окутала его раскаленной паутиной.

Как звезда, Люсьен упал в блестящую комнату. Слова SANCTUS SANCTUS SANCTUS DOMINUS DEUS SABAOTH^[48] изгибались на высоких сводах потолка над ним.

Его боль пошатнула связь. Песнь Данте вздрогнула и затихла.

<Люсьен?>

Собрав последние силы, Люсьен оборвал связь между ними и тут же упал на деревянные скамьи. Боль охватила тело в тот же момент, как щепки полированного дерева взлетели в воздух Собора Святого Луи, наполнившегося дымом погасших свечей.

Золотой потолок кружился. SANCTUSSANCTUSSANCTUS расплылось в сплошн янтарные полосы.

Люсьен провалился в темноту.

* * *

Хэзер очнулась от забвения. Ее голова болела. Открыв глаза, она взглянула в облачное ночное небо. Она лежала на земле — на жестком сыром гравии, судя по ощущениям. Мысли вернулись и потоком пронеслись в голове.

Свист ветра. Бьющееся стекло.

Настало время Данте проснуться.

Голос Ронина эхом отдавался в пульсирующем разуме. Хэзер села, по крайней мере, попробовала сесть. Что-то с лязгом дернулось на ее правом запястье, заставив снова завалиться на бок. Она втянула носом запах мокрой грязи, масла, гниющего мусора, и уставилась на свое правое запястье, увидев блеск металла. Ее приковали к водосточной трубе в переулке.

Сколько времени уже прошло? Данте все еще был внутри? А Ронин?

Хэзер проползла вдоль трубы и, опершись спиной о стену, наконец, смогла сесть. Наручники, судя по всему, были ее. Поиски сумочки не увенчались особым успехом. В конечном итоге она заметила ее на другой стороне переуллка, содержимое оказалось

разбросано вокруг, как конфетти. С глухим стуком она прислонила голову к стене.

А как же ее 38-й?

Быстрый осмотр дал понять, что его тоже нет нигде поблизости.

— Черт. Черт. Черт!

Память вспыхнула. Мерцающий металл, вращающийся в ночи. Она посмотрела вверх на крышу «МЯСО НА ЗАКАЗ». Хорошо. Где-то должен быть вход. В ее кармане полная обойма... Хэзер коснулась плаща и почувствовала магазин под тканью. Ее рука сомкнулась на прямоугольнике.

Выдохнув с облегчением, она посмотрела на боковой вход здания. Дверь была приоткрыта, отбрасывая тень в узкий переулок. Она вслушалась, но ничего не услышала. Ее взгляд перешел от мусора к содержимому опустошенной сумочки: косметичка, значок, бумажник, ключи, мятная жвачка, маникюрные ножницы, телефон, пилка для ногтей, маленький фонарик.

Взгляд Хэзер остановился на пилочке для ногтей. Если бы она смогла достать ее, возможно, тогда засунула бы в замок наручников; засунуть, надавить и открыть.

Наклонившись настолько сильно, насколько позволяло прикованное запястье, она потянулась к пилке, зарываясь пальцами в гравий. Наручники впились в руку, повреждая кость. Ее пальцы скребли грязь, стирая ногти.

Дыхание было тяжелым и хриплым, запястье пульсировало, Хэзер прислонилась спиной к зданию. Слишком далеко. Если бы у нее было что-то, чтобы подцепить ее и подтянуть.

Она вытянулась, насколько позволяла прикованная рука, чувствуя гравий под ногами, подгребая его туфлями вместе с галькой, ракушками и стеклом, окурками и затвердевшими кусками жвачки.

Ее пальцы заскользили по металлу. Хэзер посмотрела вниз на гравий. Покрытая грязью пилочка лежала рядом с рукой. Она взяла ее и крепко сжала в ладони.

Вернувшись в сидячее положение, Хэзер развернула пилочку и схватила ее как нож, затем засунула в замок наручников и попыталась взломать. Пилка царапала краску на водосточной трубе и наручники. Стиснув зубы, она покрутила ее. *Ну же, черт возьми!*

Один браслет внезапно отстегнулся, ударившись о стену. Пилочка прорезала воздух, и Хэзер упала на плечо. А потом, отбросив пилку, стащила наручник с водосточной трубы.

Она вскочила на ноги и побежала к задней части здания. Подпрыгнула, чтобы схватить нижнюю ступеньку пожарной лестницы, и потянула. Лестница скользнула вниз, послышался лязг металла, такой громкий, как от падения крышки мусорного контейнера в четыре утра. Она поднималась, хватаясь обеими руками за холодные ступени, болтающийся браслет ударялся о перекладины.

Когда она влезла на крышу, осколки стекла, блестящие в свете звезд, привлекли ее внимание. Хэзер увидела разбитый люк посередине крыши.

Бьющееся стекло. Данте.

Хэзер останавливалась через каждые несколько шагов, чтобы не создавать ритм. Потому что не хотела, чтобы Ронин знал о ее присутствии, если все еще был здесь. Она присела, ища взглядом отблеск металла, знакомую форму ее 38-го. Затем увидела его рядом с осколками битого стекла.

Она встала, заставляя себя идти дальше, шаг-шаг-шаг-пауза, шаг-пауза — антиритм. Скользнув рукой в карман плаща, Хэзер вытащила магазин. Опустилась на колени так, чтобы не захрустело стекло, и взяла 38-й. С хлопком вставила обойму.

Крик разорвал тишину, отчаянный и наполненный отрицанием. Она замерла, пульс ускорился. Звук угас после нескольких бесконечных секунд, перерастая в низкое рычание закипающего гнева.

Данте.

Сердце бухало. Хэзер вскочила на ноги и побежала к лестнице. Она бросилась к ней и, спустившись до середины, спрыгнула на землю. Завернула за угол и кинулась по переулку к боковой двери, затем проскользнула внутрь «МЯСО НА ЗАКАЗ».

* * *

От мучительного замораживающего кровь крика Данте на шее Ронина зашевелились волосы. Он почти освободил мальчика. *Почти.* В этом отразившемся эхом крике было столько безумия и кровавой ярости, что даже Этьен замолчал — его злорадный шепот прекратился.

Ронин проник в разум Данте, когда щиты, которые он разрушал, пали, его вторжение встретила боль, словно потревоженный рой ос. Картины, сломанные и разорванные, кружились в сознание Данте — картины, которые Ронин не мог расшифровать.

Символ анархии, вырезанный на бледном теле...

Падающая капля крови, которая превращается в металлическую осу и улетает...

Разбитое окно, через которое открывается вид на горизонт...

Ошеломленный, Ронин выбрался из сознания Данте. Джоанна хорошо поработала. Мальчик оказался куда более запутавшимся, чем он себе представлял. Щиты Данте упали, но память все еще оставалась скрытой, замаскированная в символы. Он проснулся, но словно видел только картинки карт Таро — могущественный, но потерянный. Истинная память скрывалась в его подсознании.

Возможно, немного больше стимула?

Запустив пальцы в шелковые волосы Данте, Ронин дернул его голову назад, потянув напряженную шею. Мальчик боролся с жестким захватом его и Этьена, напрягая мышцы.

Ты никогда не попробуешь моей крови.

Ронин погрузил клыки в шею Данте чуть выше ошейника. Горячая кровь, со вкусом темного нагретого солнцем винограда, приправленная адреналином и гневом, хлынула ему в рот. Ронин делал опьяняющие глотки один за другим. Истинная кровь, о да. И больше. Электрическая энергия полилась сквозь вены Ронина. Крепче обхватив сопротивляющегося молодого вампира, он прижался губами еще ближе к разгоряченной плоти. Сильное сердцебиение Данте пульсировало в его сознание.

Ронин услышал взмах крыльев.

Больше невозможно было отличить его собственное сердцебиение от Данте, Ронин оторвал рот от горла мальчика. Вкус крови задержался на языке, закипая в венах, сверкая, как святой огонь, в сознании.

— Ты ошибся, мальчик, — сказал Ронин, — я получил гораздо больше, чем вкус.

— Отпусти меня, *chien*, и мы посмотрим, насколько долго ты это удержишь, — произнес Данте низким и напряженным голосом.

Истинная кровь и ...? Память о темном и земляном аромате Люсьена ДеНуара оживила мысли Ронина. *И Падший?* Интригующая возможность. Если так, это была информация, в которой нуждалась Джоанна. Она никогда не знала или не заботилась о том, кто был

творцом Данте. Небрежно и ошибочно.

Сердце замедлилось, Ронин убрал пальцы из волос Данте. Скользнул еще раз рукой по кожаному ошейнику на горле ребенка. Его пальцы напряглись.

— Все это для тебя. Видишь? — Схватив подбородок Данте другой рукой, Ронин повернул мальчика лицом к мертвому телу в смиренной рубашке. — Для тебя.

Ярость Данте ударила по его щитам, как отбойный молоток. Пальцы Ронина сжались, когда мальчик, хватая воздух, внезапно упал на него. Этьен ударил кулаком по поврежденным ребрам Данте. Одно из них треснуло. Мальчик зашипел от боли.

— Я собираюсь сжечь твой дом и заставлю тебя смотреть, *отродье*, — сказал Этьен, — я выпью досуха... — он замолчал, озадаченно посмотрев на Ронина. — Что *это*?

Слабый синий свет лился из ладоней Данте. Ронин напрягся. Завыли внутренние сирены, заполняя систему адреналином. Действительно, что это? Сила хлынула из юноши, хаотичная и неконтролируемая.

И определенно *не* вампирская.

Данте извивался в его объятиях, пытаясь поднять вверх пылающие руки. Как только Ронин освободил мальчика, оттолкнув его ладони подальше, три события произошли одновременно.

Этьен произнес:

— Ты никуда не пойдешь, *отродье*.

Ронин не успел убрать левую руку, и два его пальца коснулись кожи Данте.

Голова Этьена качнулась вперед, затем назад, косы взлетели, когда выстрел взорвался в здании.

Ронин вскочил на ноги. Хаотичная энергия прошла сквозь его руку. Ослабляя. Разрывая. *Разрушая*. На лбу появились капельки пота. Схватив запястье, он опустил взгляд. Последние два пальца на левой руке исчезли. словно никогда и не существовали. Его рука изменилась, словно на ней всегда были только средний, указательный и большой пальцы.

Он уставился на ладонь, сердце тяжело билось в груди. Боль ослабевала. Разум отказывался принимать увиденное. Быстрое движение привлекло его внимание, и он поднял взгляд.

Данте остановился и с головокружительной скоростью развернулся к Ронину. Даже забрызганный кровью и в синяках, он поражал своей красотой. Ярость тлела в его глазах, в которых внезапно появились желтые полосы, острая ярость, отточенная за двадцать три года. Но под ней — возрожденное старое горе.

Сверкающие *золотом* глаза. Признак Падшего? Или С пробуждается?

— Ее имя Хлоя, — сказал Ронин, — и ты убил ее.

Данте застыл. Боль вспыхнула в его глазах.

Ронин *переместился*.

Хэзер снова нажала на спусковой крючок на 38-ом. Выстрел попал в пустоту, звук разорвал воздух в комнате. Она кружилась, пытаясь отследить Ронина, и поймала его наносящим шквал ударов Данте, стоящему на четвереньках на бетонном полу. Прежде чем она смогла моргнуть, Ронин нанес жестокий удар по ребрам Данте, отбросив его через полкомнаты.

Хэзер выстрелила еще два раза. Мучительный вдох подсказал ей, что по крайней мере одна пуля попала в цель. Она осмотрела комнату, сжимая 38-й побелевшими пальцами, на которых сильно выделялись костяшки.

Данте закашлял, затем послышался удар.

Тишина.

Хэзер опустила 38-й. Ронин исчез. Сделав глубокий вдох, насыщенный запахами крови и свечного воска, она перешагнула растянувшие тело Этьена — Тряпичного Энди^[49].

— Данте, — крикнула она через плечо, — с тобой все в порядке?

Она понимала, как глупо звучит вопрос — *конечно*, он не в порядке; его друг умер, и из него выбили все дерьмо — но ей нужно было услышать его голос, чтобы понять *насколько* ему больно.

— Люсьен... нет! — закричал Данте хриплым обеспокоенным голосом.

Люсьен? ДеНуара не было в поле зрения. Но Данте заговорил, и она узнала, что хотела. Ему было больно. Возможно, плохо. Хэзер присела около Этьена. Она бросила быстрый взгляд через плечо на Данте. Он стоял на коленях на полу, голова опущена, черные волосы скрывали лицо. Пальцы касались пола по обе стороны от него, словно для равновесия.

— Sanctus, sanctus, sanctus.

Он раскачивался.

— Держись, — произнесла она, — ты слышишь меня? Мы уйдем отсюда вместе.

Заживающая дыра украшала бледный лоб Этьена. Кровь испещрила полосами его лицо и стекала из одной ноздри. Глаза прикрыты. Хэзер коснулась горла вампира и ощутила пульс под пальцами. Оказывается, у него есть сердце.

Она ткнула дулом пистолета в грудь Этьена, напротив, где теоретически должно было находиться сердце. Это казнь. *Ты сделаешь это, ты можешь, так как оставила значок и все остальное лежать в грязи снаружи.*

Пот тек по вискам, между грудей. Мышцы напряглись. *И как бы я представила этого ублюдка суду? Он вампир.* Она наконец-то поверила в это. *И он убийца.*

Как и Данте.

Всегда есть выход, Глупышка. Некоторых ты отдаешь под суд. Некоторых — заставляешь замолчать. Некоторых — отпускаешь.

Нет, и нет, и нет. Ее палец напрягся на спусковом крючке, дыхание раздирало горло.

— Мой.

Вздрагнув, Хэзер отдернула ствол от груди Этьена, убрала палец с курка. Она посмотрела вверх в темные, расширенные от боли глаза Данте. Ни капли узнавания не мелькнуло на его лице.

Он не знает, кто я такая. Осознание этого резко уязвило и удивило ее. Как Энни, когда она терялась от головной боли, выпивки и безумия: *Кто ты, мать твою, такая?* Как Энни — злилась. Причиняла боль. Становилась *слишком эмоциональной.*

Хэзер поднялась на ноги, посмотрев на Данте. Он определенно слишком эмоционален. Это горело в его глазах, на лихорадочном бледном лице, в напряженных мышцах. Он встал около простреленной головы вампира, накрутил окровавленную рубашку Этьена вокруг пальцев и резко дернул его тело вверх.

— Уйдем отсюда, — сказала она. — Данте, ты ранен. Позволь помочь тебе.

Но Данте не ответил, и Хэзер не была уверена, слышал ли он ее вообще.

Голова Этьена повисла, его косы волочились по полу, бусы стучали о бетон. Она мельком увидела клыки Данте, когда он кусал Этьена у изгиба шеи. Тело вампира вздрогнуло, и он распахнул глаза. Она слышала его шипение. Данте разорвал горло. Хлынула кровь.

Хэзер продолжала смотреть, ее кровь неслась по венам. Пальцы крепко сжались на 38-м. Данте не просто кормился, нет, в этом было что-то еще. Первобытное. Злое и безнадежное. Все инстинкты, которые она отточила за годы работы в Бюро, кричали, чтобы она подняла пистолет и остановила бойню, развернувшуюся перед глазами.

Но — имела ли она право вмешиваться? Данте не был человеком, теперь она знала; так же как и Этьен. Действуют ли здесь законы людей? Были ли законы у созданий ночи? Суды созданий ночи?

Или их правосудие заключалось в этом — один на один, дикое, кровавое и личное? Был ли прав Данте? Или Этьен?

Наступив ботинками на что-то, Хэзер посмотрела вниз. Она стояла в луже крови, окружающей тело в смиренной рубашке — *нет, Джей, его имя Джей* — окружающей Джея. Неосознанно, она шагнула назад.

Развернулась и посмотрела в пустые зеленые глаза Джея. Присев, коснулась еще теплой щеки. Видел ли Данте, как его убивают? Она помнила тот разрывающий сердце крик, сжимающий горло. Она не должна была позволять ему идти одному.

Мы сами по себе. Дело закрыто. Я не смогу вызвать подкрепление.

Я тоже.

Я твоё прикрытие.

Она убрала руку от лица Джея, сжав в кулак. Паршивое прикрытие. Когда Данте нуждался в ней, ее здесь не было. Не имеет значения, что она не приняла во внимание схватку с вампиром. Имеет значение то, что она подвела Данте и его друга, которого он старался спасти.

Ронин и Этьен похитили и убили Джея. И Джину тоже? Могла ли она ошибиться насчет участия СК? Преступник, которого она преследовала три года, был человеком. Человеческая ДНК.

Затем все встало на свои места.

Ассистент Ронина — Элрой Джордан.

Пара убийц. Парная команда? Возможность, которую она никогда серьезно не рассматривала. Душителю с холмов были двумя мужчинами, кузенами. Ронин и Элрой Джордан вместе — СК? Или только играли в него? Она не была уверена, как Этьен вписывался в картину; возможно, он ходил следом, таская свою ненависть к Данте.

Тогда... Где Элрой Джордан?

Что-то шлепнулось о бетон. Хэзер развернулась.

Данте стоял, вытирая кровь со рта тыльной стороной запястья. Голова Этьена свисала в одной его руке, пальцы крепко сжимали косы. Он бросил голову на грудь Этьена, косы двигались в такт биения сердца. Глаза моргнули.

Перешагнув все еще живое тело, Данте взял свечу с ящика у двери и поднес ее к Этьену, чьи глаза закатились, дикие и белые. Данте коснулся огнем черных кос, дорогой рубашки и дизайнерских слаксов. Дым взвился в воздухе. Волосы и одежда вспыхнули.

Данте встал, движения были мягкими и гладкими. Из-за зловония горящих волос и жарящейся плоти Хэзер не могла дышать. Бросив последний взгляд на Джея, она поднялась и вышла из липкой лужи крови.

Данте смотрел, как горит Этьен.

— Эй, — окликнула Хэзер тихим голосом и подошла к нему, но он резко повернулся, оттолкнув ее руку и крепко схватив за плечи.

Он дернул ее ближе к себе, опустил голову. Хэзер ткнула 38-й ему между ребер, чувствуя стук сердца. В его глазах она увидела одиночество и потерю. Жажущий. Он горел, в теле бушевал внутренний огонь, конкурируя с тем, который уничтожал тело Этьена.

Данте уткнулся носом в ее шею, прошелся губами по коже, и она застыла, хоть внутри и вспыхнул пожар от его прикосновений. Палец на спусковом крючке 38-го напрягся. Данте поднял голову, влажные от пота завитки волос прилипли к лицу, из носа текла кровь. Он закрыл глаза, сжав челюсть. Его натянутые мышцы дрожали, пока он пытался вернуть себе контроль.

Руки Хэзер покалывало, пальцы стали холодными, так как сильная хватка Данте затруднила циркуляцию крови. Она задавалась вопросом, знал ли он вообще об оружии, упирающемся ему в ребра. Ей было интересно, заботило ли его это. Отчаяние скрутилось узлом вокруг ее сердца.

— Данте, не делай этого.

Его глаза, с красными ободками вокруг зрачков, открылись, он изучал ее. Затем отпустив, коснулся дрожащими пальцами лица, убрал назад выбившие пряди волос.

— Хэзер, — выдохнул он.

Руки Хэзер начали покалывать, когда кровь продолжила циркулировать. Она убрала в сторону 38-й. Облегчение и удивление в голосе Данте сказало ей, что он думал, что она умерла. Она могла только представить, что Ронин сказал ему: *Поймал федерала снаружи. Её шея сломалась очень легко.*

Вопрос был в другом, почему он ее *не* убил?

Хэзер коснулась холодными пальцами лица Данте.

— Тебе больно, — произнесла она, — давай...

Она почувствовала гладкую, горячую кожу под кончиками пальцев, а потом воздух.

— Беги от меня как можно дальше.

Его голос был напряженным, обрамленный болью.

Она повернулась на звук. Данте стоял в дверном проеме, упираясь руками по обе стороны. Она открыла рот, чтобы поспорить, но это было бессмысленно.

Данте исчез.

Глава 22

Кровавый Ангел

Песнь Люсьена тлела в мыслях Данте, ее ритм был слабым и неуверенным, будто угасающее пламя, которое горело жарко и устойчиво в течение сотен, нет, *тысяч* лет. Он бросился по ступеням собора к закрытым двойным дверям. Посмотрел вверх. Ставни скрывали окна.

Образ арочной залы — *SANCTUSSANCTUSSANCTUS* — проявился в голове Данте, затем вспыхнул всплеском золотого света. Он потянулся мыслями к Люсьену, но тот отгородился. Данте надавил. Печать удержалась.

Голоса шептали и гудели. Осы выползали.

Люсьен, mon cher ami...

Зеленые глаза Джея, успокаивающие и полные доверия, будто свет исходил из них, заполнили мысли Данте.

Я знал, что ты придешь за мной.

Он подведет и Люсьена? Придется ли ему смотреть, как жизнь будет покидать и его?

Белый свет разъедал таинственные глифы^[50] у краев зрения Данте. Кровь капала на бетон под ногами. Бессмысленные голоса кричали, визжали и бормотали позади. Он схватил дверные ручки и толкнул.

Данте не нужно было оборачиваться, чтобы знать о смертных, окруживших МГ, припаркованную в паре метров от собора; он чувствовал их, кровь и пот, алкоголь и отчаяние. Слышал сердца, бьющиеся и пульсирующие; бессвязный ритм, пронизывающий ночь, звучащий за гулом голосов.

С гулким треском замки сломались. Данте толкнул тяжелые двери и шагнул в золотую залу, которую видел в сознании перед тем, как появилась раскалённая добела боль, чужая, но перехватившая его дыхание и прервавшая песню.

Золотой херувим стоял в проходе рядом с темными мерцающими скамейками. Запахи ладана и свечного воска, резкие и ароматные — сандалового дерева, розового масла и скорби — разносились по собору. Тишина, такая плотная, как хлопок, приглушала звуки извне, но усиливала сердцебиение Данте.

Он взглянул вверх. На арочной потолочной балке были слова, окрашенные янтарным цветом, «SANCTUS SANCTUS SANCTUS». Потолок омрачало неровное отверстие уничтожившее одно из нарисованных овальных изображений Христа или Богородицы, или какого-нибудь гробаного святого. Он бросил взгляд на разрушенные скамьи слева от прохода. Кончик черного крыла торчал за ними, как сломанный парус.

Он побежал через проход, покрытый черно-белой плиткой, к центру собора, затем двинулся к разрушенным скамьям. Люсьен лежал неподвижно, растянувшись на боку на половине сломанной скамейки, одно оборванное крыло было на полу, лицо скрывали длинные черные волосы.

У Данте перехватило дыхание. Острый обломок дерева пронзил Люсьена — сквозь поясницу до грудины. Кровь окрасила кончик, вздрагивающий с каждым медленным биением сердца Люсьена. Свет мерцал на кулоне с рунической «X» на его шее.

Данте бросился к древесно-гипсовому заваленному проходу и опустился на колени

рядом с неподвижным телом Люсьена. Он протянул руку, чтобы убрать волосы друга в сторону. Его пальцы дрожали. Рука тряслась. Челюсть сжалась, когда он дотронулся, и изображения взорвались в голове, ясные и жгучие.

Джина, черный чулок завязан узлом вокруг ее тонкого горла, стеклянные глаза зафиксированы на пустом дверном проеме: *Завтра ночью?*

Джей, кровь разливается, как темные крылья, рядом с ним: *Я знал, что ты придешь за мной.*

Хлоя, задыхаясь от собственной крови, тянется рукой к Орему, плюшевой касатке: *Мой Данте-ангел.* Боль взорвалась в его голове, а это краткое изображение-воспоминание расколосось и исчезло.

Зрение Данте прояснилось. Он сел на замусоренный пол, рука замерла на лице Люсьена, сердце бешено стучало, голова раскалывалась.

Обещай мне, что не последуешь за мной.

— Пошел ты, — прошептал Данте, убирая волосы Люсьена.

Кровь сочилась из нескольких небольших порезов на лице Люсьена и из пореза вдоль горла. Данте дотронулся пальцами до его щеки, удивившись, что рука больше не тряслась. Под пальцами кожа казалась горячей.

Наклонившись, Данте прижался губами к губам Люсьена, пробуя слезы и кровь.

<Я не подведу тебя>, — мысль исчезла, оставшись неуслышанной. — Не подведу.

Данте встал на колени. Схватив окровавленное копьё из дерева, он дернул. Обломок свободно выскользнул, и кровь хлынула из раны, такая темная, что казалась черной. Данте отбросил его в сторону, и тот тяжело ударился о скамейку, звук отразился эхом по собору.

Данте обвил руками Люсьена, потянув на себя, ожидая, что друг окажется тяжелее, и почти опрокинул их обоих на усыпанный мусором пол. Потом вспомнил, как легко ангел взмыл с балкона в ночное небо, раскрывая черные крылья.

Он положил Люсьена к себе на колени, прижал руки к ране на груди. Между пальцами сочилась горячая и липкая кровь. Сердцебиение Падшего становилось медленнее. Тлеющие угольки его песни остывали, огонь ее ритма угасал.

Данте поднес руку ко рту, укусил запястье, затем опустил его к Люсьену. Кровь брызнула на губы Люсьена. Он не проглотил ее, и она полилась из уголков рта.

— Пей, черт возьми. Не упрямься, — слова застыли в горле Данте.

Боль колола виски. Он зажмурился, чувствуя себя так, будто ему врезали кастетом в грудь. Боль зацепила сердце.

Я не собираюсь сидеть на заднице и наблюдать, как человек, о котором я забочусь, умирает.

Но он уже делал это.

Я знал, что ты придешь за мной.

Данте открыл глаза, поднес заживающее запястье ко рту снова, прокусил его клыками и наполнил свой рот собственной кровью. Склонившись над Люсьеном, он поцеловал его, раздвигая холодные ангельские губы языком. Его кровь вылилась как зимний глинтвейн в рот Люсьена.

Данте вдохнул в Люсьена, снова раздувая угли его песни в раскаленную жизнь. Его собственная песнь текла в Падшего, темная, дикая и пьянящая, вращаясь по ангельским венам, нервной системе, наполняя бледно-голубым светом.

Он вспомнил крылья Люсьена, черные и бархатные, с оттенком темно-фиолетового на

концах. Вспомнил силу его костей. Толщину его ногтей. Он переделал Люсьена, как помнил; вплел синий свет в ткань его существа, натянул свободные нити и сплел их вместе.

Вспомнил ту первую ночь на пристани: как он погрузил клыки в горло крылатого незнакомца, как исчезла боль, как проснулся в руках Люсьена, когда тот летел в ночи.

Ты никогда не будешь одинок, дитя.

Казалось, будто кто-то вкручивает боль отверткой в левый висок Данте. Его песнь вспыхнула, и он сгорел с ней. Плоть полностью срасталась сама. Кости вернулись на свои места, неповрежденные; с крыльев исчезли раны.

Исцелен? Переделан? Данте не знал.

Он закончил поцелуй, истощенный и дрожащий. Когда Данте поднял голову, Люсьен открыл глаза, удивление загорелось в них.

— Женестьева.

Имя, которое Данте никогда не слышал прежде, но это было не важно; сердцебиение Люсьена стало сильным и медленным, жизнь сверкала золотом в глазах.

— *Mon ami*, — прошептал Данте.

— Ты так похож на нее, — сонно пробормотал Люсьен, касаясь пальцем пряди волос Данте.

— На кого? — Данте уставился на Люсьена с неожиданным холодом, его радость свернулась, как засохшая кровь.

— На твою мать.

* * *

Хэзер вышла из такси на углу Ройал и Сент-Питер. Она протолкнулась через набитую толпой улицу, проходя мимо гуляк, вдыхая запахи пота, пива и Dentyne^[51].

Дверь клуба распахнулась. Слабый низкий ритм взорвался кричащим звуком. Вышел Вон, рядом шла Симона, ее лицо было непроницаемо, с признаками беспокойства. Вон замер, его скрытый за очками взгляд, казалось, остановился на Хэзер. Он поднял руку, никакой волчьей усмешки на этот раз, только молчаливый жест.

Хэзер двинулась по улице к тротуару, надежда, что Данте вернулся, таяла с каждым шагом. Ее до чертиков пугала мысль, что он бродит по улице в одиночку в поисках Ронина, злой, раненый и не в себе. Она обещала поддержать его, прикрыть, но не сдержала слово.

Данте не вышел из «МЯСО НА ЗАКАЗ» вместе с Джемом, а она не вышла вместе с ним.

Беги от меня как можно дальше.

У нее было чувство, что Данте бежит всю свою жизнь.

Хэзер встала рядом с высоким бродягой. Свет вспыхивал и мерцал на его очках и кожаной куртке. Отражался от тату полумесяца под глазом. Симона кивнула в знак приветствия, но Хэзер заметила ее напряжение и полусжатые кулаки.

— Данте здесь нет, он... — сказала Хэзер.

Вон нахмурился.

— Черт. Я боялся, что ты скажешь это. Я и другие, мы почувствовали какое-то дерьмо. — Он постучал пальцем по виску. — Затем... ничего. Что случилось?

Разочарование ранило Хэзер, и оставшиеся силы иссякли. Закусив губу, она отвела взгляд.

— Ронин выманил его, — наконец, произнесла она, — Джей мертв. Данте...

— Mon Dieu, — прошептала Симона.

— Вот сукин сын! — выплюнул Вон, излучая ярость и презрение. — Он врал мне в лицо.

Вон был больше, чем вышибала, больше, чем бедный бродяга-вампи́р — и этого было достаточно, чтобы мысли Хэзер завертелись. Как другие его называли? Бог Лью? Какая у него была роль в обществе созданий ночи?

Честь быть сопровождаемым тобой, Ilygad.

— Куда пошел Данте?

Хэзер покачала головой.

— Он убил Этьена. — Бродяга и Симона обменялись взглядами, услышав имя. — Затем ушел. Я не знаю куда. Он был слегка не в себе... Джей...

Слова затихли, так как муки сожаления пронзили ее.

Она выходит из «МЯСО НА ЗАКАЗ», оставив Джея лежать на бетонном полу в луже собственной свернувшейся крови, все еще стянутого пропитанной кровью смирительной рубашкой. Идет в переулок и ищет телефон, пока не находит.

Она смотрит на него. Ей нужно вызвать подкрепление. Но она не может ждать копов. Не может ждать, пока составят отчет. Ей необходимо найти Данте. Создание ночи или нет, он не в том состоянии, чтобы ловить Ронина.

По воздуху разносится неприятный запах сгорающего тела Этьена, его сожженных кос. Вонь липнет к ней, как ладан, оседая на плаще и в волосах.

Пойманный в лунном свете, ее значок мерцает, как слюда в грязи. Преданность. Смелость. Верность своим принципам. Горло сжимается. Она набирает номер Коллинза. Когда тот отвечает, она напоминает себе, что не должна втягивать его в это дерьмо. Ее палец тянется к кнопке отбоя.

— Уоллес?

— Совершено убийство на 1616 Чарльз-стрит, внутри здания «МЯСО НА ЗАКАЗ». Два тела.

— Окей, подожди. Я свяжусь с подразделениями здесь...

— Я не могу ждать. Я не могу доказать это... пока, но одну из жертв убил Томас Ронин.

— Ничего себе! Ронин... журналист? Этот Ронин? Доказательства? Свидетель?

— Да. Свидетель, но я должна найти его прежде, чем это сделает Ронин.

— Можешь не объяснять. Прейжсон?

— Я думаю, СК — это парная команда, Ронин и Элрой Джордан.

— Уоллес, подожди. Ты сказала два тела.

— Верно.

— Со вторым тоже Ронин разобрался?

— Нет... неизвестная сторона. Я встречу с тобой позже.

Она нажимает на кнопку отбоя, затем отключает звук. Бросает телефон в сумочку.

Удивляется, что это так просто. Сердце не колотится. Ладони не потеют. Голова ясная...

Она идет вниз по переулку к своему значку, наклоняется и подбирает его. Вытирает грязь, стряхивает гравий с зажима. Преданность. Смелость. Верность своим принципам. Она сжимает значок в руке.

Она помнит душераздирающий крик Данте.

Глаза жжет. Она моргает, пока это чувство не пропадает. Бросив значок в карман, она покидает переулок. У нее есть обещание, которое нужно сдержать.

Рука сжала плечо Хэзер. Она напряглась и, пораженная, посмотрела вверх, в летние зеленые глаза. Вон смотрел на нее поверх очков.

— Ты слышишь меня?

Она тряхнула головой.

— Прости. Нет.

Бродяга отпустил ее.

— Данте что-нибудь сказал? — спросил он.

Да. Беги от меня как можно дальше.

— Он упомянул ДеНуара, но я не знаю почему.

Симона втянула воздух, челюсть Вона напряглась.

— Мы потеряли связь с Люсьеном, — с мрачным лицом произнес он.

— Он еще несколько раз произнес «*sanctus*», — продолжила Хэзер, — я думаю, это латынь из Библии, но не знаю, почему он говорил это. Он был потрясен, ранен.

Вон посмотрел вниз по улице, погладил пальцем усы. Затем наклонил голову, словно слушал что-то. Через некоторое время он произнес:

— Данте просил Трея найти место, где остановился Ронин и его жуткий дружок.

Он сосредоточил свое внимание на Симоне. Она встретила его взгляд, слушая, ее бледное лицо расслабилось.

Они общаются каким-то образом. Хэзер смотрела то на одного, то на другого, чувствуя себя отрезанной, вне команды. И одинокой.

Симона кивнула. Она перевела взгляд на Хэзер и улыбнулась.

— Мы должны поехать домой и поговорить с mon frère. Он узнает, куда направился Данте.

— Ты не можешь позвонить ему? — спросила Хэзер. — Или *поговорить* с ним?

Она постучала по виску.

Симона засмеялась.

— Ты изменилась с того момента, как мы в последний раз разговаривали. Нет. Он не слушает, когда онлайн. Пошли.

— Дерьмо. — Хэзер потерла лицо, усталость ослабляла ее концентрацию. — Хорошо. Но мы собираемся достать адрес Ронина, верно? И последовать за ублюдком?

Огонь загорелся в темных глазах Симоны. Ее губы растянулись, обнажая кончики клыков.

— О да! — сказала она.

* * *

— Ты знал мою мать?

Изумленный энергией Создателя, от которой все еще покалывало тело, Люсьен посмотрел в полные недоверия глаза Данте с золотыми крапинками и понял, что говорил вслух, что когда открыл глаза, ему не привиделось прекрасное лицо сына.

Данте сбросил его руку и, выскользнув из-под него, поднялся на ноги. Кровь текла из его носа. Мышцы дрожали. Ярость пронизывала его ауру, делая почти черной.

— Дитя, послушай...

— Ты знал ее все это время? И ничего не говорил?

Люсьен рухнул на колени, крылья затрепетали позади. Его исцелившаяся — или обновленная — кожа была нежной. Он почувствовал вкус крови Данте во рту, сладкий, темный и пьянящий.

Дитя, как много крови ты влил в меня?

— Я ждал подходящего момента, — сказал Люсьен.

— Как насчет ночи, когда мы встретились? — спросил Данте хриплым голосом, полным ярости. — А? Почему не тогда? — Его взгляд упал на подвеску, висящую на шее Люсьена. — Твою мать! — Он отвернулся, на скулах заходили желваки, и рассеяно вытер нос, размазывая кровь по лицу и тыльной стороне ладони.

Люсьен встал, хлопая крыльями, отчего по залу прошелся прохладный ночной воздух. На мгновение плотный запах ладана и воска испарился.

Люсьен вспомнил боль, которая взорвалась в голове и сбросила его с небес, вспомнил ярость и печаль, которые полились через связь. И с замиранием сердца вспомнил, что щиты Данте были разрушены.

Но как? Был ли это *кто-то* или *что-то*?

— Какого черта ты не сказал мне?

— Тогда тебе со многим нужно было разобраться, — сказал Люсьен тихим успокаивающим голосом. — Я не хотел добавлять тебе проблем.

Данте зажмурился и вздрогнул.

— Позволь мне забрать тебя домой, — сказал Люсьен, подходя ближе. Древесина скрипела под ногами. — Ты ранен и истощен. Данте, *s'il te plaît*^[52].

Данте посмотрел на него, глаза сверкали, лицо оставалась равнодушным. Он отошел назад по проходу.

— Какая у нее фамилия? Женестьева?..

— Позже, после Сна. Я не думаю, что ты понимаешь, насколько сильно пострадал.

— Нет! — закричал Данте. — Скажи мне, черт подери! Какая у меня фамилия?

Люсьен вздохнул.

— Батист.

— Батист, — повторил Данте. Огонь погас в его глазах. Он пошатнулся и схватился за спинку скамьи. — Женестьева Батист.

— Позволь мне забрать тебя домой. — Сделав еще шаг, Люсьен протянул руку.

Данте посмотрел на него, и сердце Люсьена сжалось. Он увидел голодного и раненого незнакомца с пристани: красивого и смертельно опасного мальчика, готового иссушить его до последней капли крови без раздумий.

Его друг, его дитя, его товарищ исчез. Подвеска с руной в форме «X» обжигала кожу, словно лед.

— Моего отца ты тоже знал?

— Данте... хватит. Не сейчас.

Порыв влажного от дождя воздуха, пахнувшего гвоздикой и старой кожей, пронесся по собору. Вон внезапно оказался рядом с Данте. Бродяга посмотрел вверх на дыру в потолке и присвистнул.

— Дерьмо! Кому-то точно не понравится новая система вентиляции.

Взгляд Вона перешел от разрушенного потолка к окрашенным кровью скамьям, затем к Люсьену. Он задумчиво погладил свои усы, долго удерживая взгляд Люсьена, и тот не

сомневался, что *llygad* ощутил и учуял напряжение между ним и Данте. Вопросы светились в глазах бродяги, вопросы, которые он не высказал.

Вон посмотрел на Данте.

— Ты в порядке?

Данте покачал головой.

— *Je sais pas*^[53].

— Я слышал про лживого ублюдка Ронина, — сказал Вон. — И про Джея. Мне жаль парень.

Данте отвел взгляд, плотно сжимая челюсть, напряженное тело практически вибрировало от ярости. Кровь текла из носа.

Люсьен выпрямился, пораженный словами бродяги. Что произошло с тех пор, как он приземлился на кладбище Сент-Луис №3 и разобрался с Локи? Ронин разрушил щиты Данте? Разбудил его воспоминания?

Нахмурившись, Вон коснулся рукой лба Данте.

— Ты горишь.

— Я мог бы гореть вечность, *llygad*, но этого было бы мало.

Люсьен почувствовал, как Вон тянется к незащищенному разуму Данте.

— Нет! — закричал он.

Вон отдернул руку от лица Данте и сделал шаг назад. Бисеринки пота выступили на его лбу. Он прикоснулся дрожащей рукой к виску. Посмотрел на Данте, лицо выражало удивление.

Данте встретил его взгляд. Красные и золотые полосы пронзили его темную радужку. Сделав шаг, он сжал плечо *llygad* измазанной кровью рукой.

— Позже, *mon ami*.

Люсьену он не сказал ничего.

Опустив руку, Данте развернулся и пошел по проходу. Когда он подошел к распахнутым дверям, то остановился и раскинул руки, касаясь пальцами вершин скамей по обе стороны от себя.

Люсьен наблюдал, в горле образовался ком. Ледяной неузнаваемый взгляд Данте пронзил холодом его сердце. Не получив прощения, он не сможет научить Данте использовать дар Создателя. Не получив прощения, он не сможет научить своего сына скрывать дар. Он надеялся, что будет больше времени. Или, скорей, более подходящее время. Но появление Локи означало, что время истекло. Даже оставленный и не прощенный, он сделает все возможное, чтобы защитить и скрыть Данте от Падших.

Вон развернулся и последовал за Данте.

— Постой, — сказал Люсьен. — Пусть он идет. Ему нужно побыть одному.

— Издеваешься? Да он весь рассыпается.

Люсьен сжал плечо бродяги. Надавил когтями. И всмотрелся. Его когти выглядели толще и были пронизаны темно-синим цветом. Он поднял взгляд, когда Данте достиг дверей и толпы, собравшейся на пороге.

Жаркие смертные голоса шептали: «*L'ange de sang. L'ange de sang*^[54]».

— Пусть он выпустит свой гнев, — пробормотал Люсьен. — Потом иди за ним. И забери домой, Спать.

Данте скользнул сквозь смертных, толпящихся в дверном проеме, как будто они были нереальными, как последний неясный сон перед пробуждением. Смертные смотрели, как он

спускается по ступеням и садится в МГ. Они смотрели с растерянностью, но благоговением. Он прошел мимо, как настоящий бессмертный. Как Истинная кровь.

И они любили его за это.

Вон освободился от руки Люсьена, оставив полоски кожи на когтях. Он смотрел на Люсьена, и в зеленых глазах светилось удивление. Свет свечей и тени мерцали на его лице. Он снова взглянул на зияющую дыру в сводчатом потолке собора.

— Должно быть, было чертовски больно падать, — сказал он.

Пальцы Люсьена сжались вокруг руны в форме «X». Он кивнул.

— Так и было.

Бродяга кивнул в ответ, затем развернулся и зашагал по проходу к дверям. Он промчался сквозь толпу — которая смотрела с широко раскрытыми от удивления глазами на существо с черными крыльями, стоящее под разрушенным потолком собора — затем исчез из вида.

Пальцы Люсьена вцепились в гладкий изгиб спинки скамьи. Он мог найти Данте через связь, ответил бы мальчик или нет. Он сказал Вону правду: Данте нужно побыть одному, дать волю гневу. Но сейчас то время, когда больше всего ему нужен тот, кто проведет его сквозь гнев, поможет пережить это.

Но это будет не Люсьен. Возможно, никогда снова.

С резким, отдающим эхом треском скамья раскололась под рукой Люсьена.

Глава 23

Огненная буря

Она стоит рядом с ним, маленькие пальчики сжимают руку, под другой рукой зажата плюшевая касатка. Ее голубые глаза слишком пронизательные для восьмилетнего возраста. Рыжие волосы спадают по бокам веснушчатого лица.

— *Я отправлю их в Ад, Хлоя. Обещаю.*

— *А ты? Что будет с тобой?*

— *Я уже в Аду.*

Тело Хлои дрожит, ее образ меркнет. Теплые пальчики исчезают из его ладони.

— *Этого недостаточно, Данте-ангел.*

— Я знаю, — прошептал Данте, переводя MG на четвертую передачу, и вдавил педаль газа в пол. Двигатель завыл. Фары расплылись в бело-голубые полосы, испещряющие ночь.

Он не помнил, как сел в машину. Не помнил, как завел ее. Не знал, куда направляется. Не узнавал дорогу. Но понимал только одно:

Голоса больше не шептались.

Ты все еще можешь спасти его, Истинная кровь.

Mon ami, мне так жаль...

Каково это, отродье?

Ему было интересно, может ли он двигаться быстрее звука.

Рядом взревел продолжительный гудок. Двойная желтая линия исчезла за стеклом позади MG. Над головой, распространяясь, кружил свет, ярче, чем НЛО. Проревел другой гудок. Данте дернул руль вправо, возвращаясь на свою полосу.

Липкий пот стекал по вискам. Ночь позади MG смазывалась. Рычаг переключения передач вибрировал в руке. Он почувствовал вкус крови.

Ты так похож на нее.

Сердце Данте сжалось. Дыхание перехватило во внезапно сжатом горле. Он выбросил из головы образ Люсьена. Попытался забыть его вид, растянувшегося и изломанного, на полу кафедрального собора.

Хорошо, что он связан... Черт! Что он орет?

Желтые линии, разделяющие магистраль, смазались, а затем раздвоились. Глаза жгло, Данте моргнул. Голубой неоновый прямоугольник мерцал за лобовым стеклом. Ломался. И собирался. Буквы и знаки вились в прямоугольнике, но Данте не мог понять их смысл.

Он делает это очень громко, очень понятно, требовательно.

— *Убей меня.*

Данте прищурился, пытаясь разглядеть вьющиеся буквы внутри расширяющегося прямоугольника. Слова. Знак.

Так сделай это. Он слишком опасен. Чертов маленький психопат.

Голубой прямоугольник превратился в неоновый дорожный знак, гласящий: «ТАВЕРНА».

Скажи это снова, и я отдам тебе чертового маленького психопата.

Выкрутив руль вправо, Данте включил пониженную передачу орущего MG и заехал на стоянку таверны. Гравий и пыль посыпались из-под шин. Пара пикапов, байкерские мотоциклы и старый Chevy с огненным рисунком стояли перед потрепанным зданием.

Над порхающей неоновой вороной красным мерцало «Напрямик»^[55].

Данте с заносом припарковал MG поперек других машин. Выключил двигатель. Засунул в карман ключи. На мгновение все, что он слышал, — стук его сердца. На мгновение он подумал, что может заколотить досками выбитое окно, наглухо забить его с яростью и кровью. На мгновение он подумал, что его сердце заперто в клетке, охраняемой фетишистами.

Я знал, что ты придешь за мной.

Ты так похож на нее.

На мгновение.

А потом доски сгнили, гвозди превратились в ос. Клетка смялась, фетишисты оказались ненастоящими.

Tccc. Jesuisici.

Кровь капала ему на руку, стекала по горлу. Голова болела. Белые пятна прыгали перед глазами, затуманив зрение.

Боль должна быть *больше*.

Я уже в Аду.

Этого недостаточно, Данте-ангел.

Найдя солнечные очки в бардачке, Данте надел их и вышел из MG. *Выпить. Нужно выпить.* Гравий захрустел под ботинками. Пока он шел к главному входу таверны, дверь открылась, проливая свет на парковку.

Два байкера в запыленных кожанках вышли, ругаясь. Хохот и пульсирующая музыка зидеко^[56] проследовали за ними в ночь.

— Долбаные сквоттеры, — пробормотал мужик с гривой на голове, затем сплюнул на землю. Серебро блестело в его брови, ушах, на шее. На правой щеке была татуировка в виде птицы в форме V.

Клан Воронов, подумал Данте, вспоминая, чему учил его Вон. Вороны и Ночные Волки часто путешествовали вместе, прикрывая друг другу фланги.

Женщина с дредами и с чернильной птицей V на правой щеке посмотрела на него, оглядела с головы до пят и обратно. Улыбка изогнула ее губы. В глазах появились искры.

— Место не твоего уровня, ночной гуляка, — сказала она, спускаясь с крыльца. Ее улыбка исчезла, когда она рассмотрела его ближе. — Тебе больно?

Данте поймал дверь прежде, чем та закрылась. Теплый, спиртной, табачный, сладкий воздух вился вокруг него. В голове пульсировало.

— Возможно, — сказал Данте. Затем шагнул внутрь. Дверь за ним закрылась.

Мгновением позже он услышал низкий хриплый рев мотоциклов, когда байкеры выехали с парковки, разбрасывая за собой гравий.

— Терри, ты только посмотри на это! Думаешь, он потерялся?

— Боже ж мой! Сначала байкеры, теперь отброс с Бурбон-стрит. Чем, черт возьми, становится это место?

Данте посмотрел на говорящих, двое смертных в бейсболках и в запятнанных футболках сидели за столом недалеко от барной стойки. Туман от сигаретного дыма неподвижно висел над столом. Один из смертных откинулся на спинку стула и, встретив взгляд Данте, натянуто улыбнулся, словно собирался что-то сказать.

Двое других смертных стояли у бильярдного стола с киями в руках, глядя на Данте; игра прервалась. У одного был пивной живот, другой был накачан, как атлет. Вокруг атлета

виталя энергия брутальности с вкраплениями избытка тестостерона.

— Посмотри-ка на ошейник, а? — сказал Атлет Пивному Животу. — Цепи не видишь? Сбежал, наверное. Лучше позвонить в каталажку. — Он засмеялся, довольный своим остроумием, толкая локтем Пивной Живот. — Позвонить в каталажку. Понял?

Данте отвернулся и поплелся мимо пустых столов к бару. Когда он подошел, барменша подняла взгляд, на ее лице читалась смесь интереса и осмотрительности. Она была чистой новоорлеанкой, со смуглой кожей, зелеными миндалевидными глазами и черными кудрявыми волосами. Гаитянка, испанка, француженка, китайка, кто угодно. Истинное сердце Луизианы.

Барменша дотронулась рукой до полотенца, висящего через плечо. Бутылки с выпивкой впечатляющих цветов и со странными названиями выстроились на полках за ней.

Данте остановился у кассы, взгляд бегал по бутылкам.

— Чем могу помочь? — спросила барменша. Бейдж на ее черной «Напрямик» футболке гласил: «Мария».

— Текила. Бурбон. Что угодно, что поближе. — Данте засунул руку в карман куртки, достал пачку скомканных старых купюр и бросил их на барную стойку.

— Ты в порядке? У тебя идет кровь из носа.

— Тут есть, где умыться?

— Конечно, — Мария указала на маленький проход справа.

Оттолкнувшись от бара, Данте проследовал к знаку «УБОРНЫЕ», в грязную мужскую комнату со свойственными ей заляпанными и разрисованными граффити кафельными стенами и вонью старой мочи.

Маленькое окно было высоко над писсуарами, слишком узкое, чтобы убежать от оплаты по счету или от свидания с отморозками. Данте подошел к треснувшей раковине и открыл кран. Снял солнечные очки и повесил на ворот футболки. Протянул руки под струю, затем нагнулся и плеснул водой в лицо.

Он горел. Он почти ожидал, что вода зашипит и превратится в пар при соприкосновении с кожей. Вместо этого было так холодно, что перехватило дыхание. Данте держался за края раковины, пока окровавленная вода утекала в канализацию.

Данте? Мне холодно. Можно мне поспать вместе с тобой?

Залезай, принцесса. Прижимайся ближе. Я бы обнял тебя, но...

Почему папа Прейжсон пристегивает тебя перед сном наручниками?

Потому что я не сплю ночью. Этот хрен думает, что я убью всех в их же постелях.

Ты сделаешь это?

Да. Возможно.

Данте-ангел, если я найду ключ и выпущу тебя, ты возьмешь меня с собой?

Растекающаяся лужа крови окружает бледное лицо Хлои, как ореол. Ее наполовину открытые глаза слепо направлены на касатку недалеко от нее.

Я никогда не оставлю тебя, принцесса. Только ты и я...

Мясной крюк, опутанные цепью лодыжки, обнаженные ноги. От крюка идет свет.

На веки вечные.

Вода текла, разбрызгиваясь вокруг пальцев Данте. Его мышцы сжались. Он уставился в раковину.

Она доверяла тебе, дитя. Я бы сказал, что она получила то, чего заслуживала.

Боль сжигала его. Он поднял голову и посмотрел в зеркало. Но не узнал свое отражение;

бледное лицо, размазанная подводка и влажные взъерошенные волосы были его, конечно, но выражение лица стало холодным, отстраненным и суровым, красные глаза наполнились яростью.

Это то, что видел Люсьен?

Он уронил голову, потряс ей. Нет, боли, ударяющей по вискам, недостаточно. Ненадолго. Но, как он и обещал, он не будет гореть в одиночку. Любопытный Том прежде других присоединится к нему в огне. Этьен уже стал прахом.

Данте насухо вытер лицо коричневым бумажным полотенцем, надел солнечные очки и вышел из уборной. Когда он приблизился к бару, то учуял знакомый запах, Brut^[57] и мыло, и еще один — запах средств из химчистки и серьезных темных секретов. Он замедлился. Вспомнил ленивую улыбку и подмигивание.

Арестуй его. Запри его. Он тут же заснет. Я гарантирую.

Какого черта они тут делают? Это не совпадение. Ни в коем случае не совпадение.

Данте прошел, не глядя ни на одного детектива. Остановился у бара. Мария наливала что-то золотистого цвета в стопку.

— Ты оставил на барной стойке около восьмидесяти баксов.

— Оставь двадцать себе, — сказал Данте, поднимая стопку. — И дай мне знать, когда я пропью оставшееся.

— Конечно, сладкий. — Мария дотронулась пальцем под носом, многозначительно посмотрев на Данте, и протянула ему носовой платок.

Он взял платок и приложил его к носу. Тот тут же стал красным.

— Черт.

Он выпил. Текила. Она обожгла горло, очистила застоявшуюся кровь. Он почувствовал на висках испарину.

Данте-ангел?

На веки вечные, принцесса. На веки вечные...

Подчеркнуто медленно раздался спокойный голос:

— Abita^[58] мне и Дэвису, дорогая. О, посмотри-ка! Мир так ужасно тесен!

Данте поставил пустую стопку на стойку бара.

— Что такой удрученный, бог кокаина? *Comment Ça va*,^[59] а?

Пока Мария наливала другой шот, он глянул в его сторону. Взгромоздившись на табурет, к бару прислонился Придурок ЛаРусс, губы кривились в глупой улыбке. В одной руке он держал ордер на арест, что выглядело подозрительно.

— Поговорим об удаче, — сказал Придурок. — Мы возвращались с места твоего обитания. Похоже, тебя там не было. А потом мы увидели твою машину на парковке. — Он кинул ордер на барную стойку. — Ты здесь один?

Данте поднял руку и показал средний палец. Переведя внимание на вновь наполненный стакан, он поднял его и опрокинул.

— Паренек грязнее первородного греха, поверь, — обратился Придурок к своему партнеру достаточно громко, чтобы каждый в баре мог услышать. — Я такое дерьмо нашел в его досье малолетнего преступника. Неудивительно, что они сажали его на цепь.

Данте осторожно поставил пустую стопку. Он схватился за край стойки, чтобы руки не дрожали. Даже он не знал, что было в том досье. Помнил только несколько последних лет, и те с пробелами. Черт, он даже не знал, сколько ему лет.

— Господи, — сказала Мария с намеком на злость в голосе, — если хотите его

арестовать, сделайте это снаружи.

— Умные понимают с полуслова, дорогая, — ответил Придурок, его голос источал шарм Юга, — занимайся своими чертовыми делами.

Мария глянула на Данте из-под ресниц, наполняя пивную кружку. Он встретил ее взгляд и покачал головой.

— Шестьдесят приемных семей, два раза попал в психушку, — продолжил ЛаРусс, в его голосе слышался намек на смех. — Везде диагнозы: *шизофрения* и *суицидальные наклонности*. Пропавшая маленькая девочка и... о да!.. последний дом приемной семьи сгорел дотла вместе с приемными родителями. Это были Прейжоны.

Повернув голову, Данте встретил взгляд ЛаРусса. Детектив уставился на него, привлекательное лицо было жестким, глаза лучились холодом.

— Ты хренов лжец, — сказал Данте. Его стучащее сердце говорило «*а может быть нет*».

— Правда? — Придурок пододвинулся ближе. — Так расскажи мне, эта красивая сучка из ФБР знает, что она трахается с холодным как камень психопатом?

Данте врезал кулаком ЛаРуссу в нос.

* * *

— Кто сотворил тебя?

Симона посмотрела на Хэзер, ее бледное лицо оттенялось зеленым в свете лампочек приборной панели фургона, потом вернула внимание на дорогу.

— Создание ночи, *oiii*? Ты об этом спрашиваешь?

— Да, об этом.

Хэзер никогда не думала, что будет разговаривать на такую тему, никогда не думала, что вампиры существуют вне фильмов ужасов или гот-клубов. Никогда не думала, что нежить живет, работает и питается вместе с теми, кто нежитью не являлся.

Но после наблюдения за Данте, после перестрелки с Ронином, после того, как увидела, как части тела Этьена пытаются избежать пламени, которое его пожирало, ее скептицизм и сомнения исчезли, а понимание мира изменилось. Она не хотела смотреть в ночь через пассажирское окно. Не хотела знать, что кто-то может посмотреть в ответ из глубин теней на обочине глазами, наполненными лунным светом, и с полной пастью острых зубов.

Симона вздохнула:

— Подруга семьи обратила меня сразу после похорон отца.

— Ты этого хотела?

Блондинка покачала головой.

— Нет. Но она не оставила мне выбора.

Тень промелькнула на лице Симоны. Ее руки расслабленно лежали на руле. В голосе не было горечи. Если бы подруга семьи сделала бы то же самое с ней, Хэзер бы ее выследила и... что? Убила бы? Заставила бы вернуть все так, как было? Возможно, у Симоны было время смириться с ситуацией.

Как можно смириться с тем, что ты стал вампиром? Как смертные приспособляются к бессмертию?

— А твой брат?

— Он был единственным, кто остался из моей семьи, — сказала Симона натянутым

низким голосом. — Я предоставила ему выбор. Если бы он отказался, я бы, возможно, себя сожгла.

— Ты обратила своего брата? — спросила Хэзер удивленно.

— Я не могла перенести мысли о том, что буду наблюдать, как он состарится и умрет.

Хэзер подумала о Кевине и Энни. Смогла бы она сделать то же самое с ними? Выкачать их человечность? Или позволить им стареть? Похоронить их вслед за другими рядом с мамой? Ее горло сжалось.

— Так как работает эта штука с нежитью? Кожа Данте теплая. У него есть пульс. Он чрезвычайно живой.

Уголки рта Симоны изогнулись в улыбку.

— *Ойй*, Данте чрезвычайно во всем.

Хэзер уставилась на нее. Вспомнила, как Данте склонялся над Симоной на ступенька помоста, шептал ей в ухо и трогал волосы. Она подозревала, что они когда-то были больше, чем просто друзья. Так ли это до сих пор?

— Мы *не* нежить, — сказала Симона. — Мы отдельный вид. И всегда жили бок о бок со смертными, — она улыбнулась.

— А Данте? Ты знаешь, кто сотворил его?

Пальцы Симоны сжались на руле.

— Нет. Он никогда не рассказывал, — она посмотрела на Хэзер. — Я не думаю, что он сам знает. Возможно, это для него потеря. — Печаль заострила черты ее лица.

— Как и многое другое, — произнесла Хэзер. — Спрятанное за его головными болями. — Или он был тем, кем называл его Ронин — Истинной кровью? Рожденным вампиром?

Ее зовут Хлоя, и ты убил ее.

Ровный командный голос Ронина прокрался в мысли Хэзер. Что если Данте не помнит прошлое, потому что совершал нечто ужасное? То, что он не сможет вынести, если вспомнит?

Были ли попытки Ронина разбудить Данте желанием инициировать, взвинтить его и освободить? Но если Данте может быть *иницирован*, не значит ли это, что он может быть *запрограммирован*? И не значит ли это, что его память повреждена *умышленно*? Запустят ли определенные вопросы такую защитную реакцию подсознания, как мигрени? Обмороки? Безумие?

Сердце Хэзер стучало в ушах, заглушая звук колес фургона, несущегося по дороге, отбивая ритм мыслей, пульсирующих в голове — тайные операции экспериментов над разумом, проводимые в течение десятилетий. Государство финансировало, а Бюро защищало.

Она услышала голос Стёрнса: *Он больше не твоя забота*. Но это означает, что он забота *кого-то другого*. Кого? И какого агентства? Как далеко все зашло?

Хэзер посмотрела в пассажирское окно. Ее бледное, печальное и изнуренное отражение скрывало ночь по другую сторону. Тени и то, что они *могли* в себе таить, больше не выглядели такими ужасающими. Не в сравнении с местом, куда привели ее подозрения — место очень темное и очень реальное.

И Данте был пойман в его центре — возможно, потерян. Хэзер постучала пальцами по коленям. Она не могла ничего поделать.

А ее расследование? Если Ронин и Джордан совместно были Странствующим Киллером, доказательства должны их пригвоздить, дать голос их жертвам. Мертвые,

наконец, заговорят.

Доказательства ссылаются на ДНК. Подтверждают, что СК не был убит в Пенсаколе. Не что Ронин? Что может сделать с ним человеческий суд? Если она намекнёт, что он вампир, случай будет отвергнут судом, и ее карьера закончится.

Заботит ли созданий ночи, что кто-то из них убивает смертных? Данте заботит, но что если он исключение?

Может, ей стоит остановиться на Элрое Джордане?

Фургон замедлился, и Хэзер открыла глаза. Симона припарковалась на дорожке из гравия, выходящей перед домом. Хэзер посмотрела на темные окна.

— Твой брат дома? — спросила она, потянув за дверную ручку.

— *Oiii*. — Симона открыла водительскую дверь и выскользнула из фургона. — Ему просто свет не нужен.

Хэзер выбралась из фургона в холодную сырую ночь. Воздух был сладким, с нотками диких роз, цветущей вишни и мха.

— Уоллес.

Хэзер застыла. Она узнала голос. Она слушала его годами. Он вел ее. Того факта, что он находился в Новом Орлеане, было достаточно, чтобы заморозить ее кровь. Тот факт, что он был у дома Данте, ужасал ее до смерти. Она засунула руку в плащ. Сжала свой 38-й кольт.

— Я бы не стал.

Хэзер обернулась, галька на тропинке захрустела под ее обувью. Стёрнс стоял рядом с фургоном с водительской стороны, пистолет с глушителем был приставлен к левому виску Симоны. Он держал руку вампирши крепкой хваткой.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

* * *

Нос Придурка сплюснулся. Он упал с табурета, в глазах промелькнула смесь боли и удивления. Он ударился об пол, кровь потекла из ноздрей.

Его помощник, Дэвис, моргнул, открыв рот. Он потянулся внутрь куртки, но Данте шагнул вперед и удержал его испачканной кровью левой рукой. Схватив ошеломленного детектива сзади за шею, он ударил Дэвиса лицом о полированную поверхность бара. Детектив рухнул на пол.

Стоя между двумя упавшими смертными, Данте поднял взгляд и увидел Марию, прижавшуюся к полкам с бутылками, ее глаза были расширены, рука прижата ко рту. Движение на полу привлекло внимание Данте.

ЛаРусс пытался встать на колени, глаза слезились, нос опух. Он засунул руку под куртку и достал пистолет — кажется, девятимиллиметровый.

— Ты не уйдешь отсюда... — речь ЛаРусса, кровоточащая и грубая, резко оборвалась, когда Данте выпнул девятимиллиметровку из его рук. Запястье детектива хрустнуло и изогнулось под неестественным углом. Он заорал сквозь стиснутые зубы.

Данте склонился перед ЛаРуссом. Боль пронзила его виски, отдавалась в глазах. Зрение затуманилось. Вцепившись в плечо детектива, он взял ЛаРусса за подбородок и заставил поднять голову и повернуть ее в сторону. Кровь пульсировала быстро и неистово в выгнутой шее смертного.

Обнажая клыки, Данте склонил лицо к теплой воняющей плоти ЛаРусса.

— Я работаю на Совет. Я под его защитой, — сказал Придурок, его голос перешел в шепот.

Данте отпустил плечо ЛаРусса, разорвал его галстук и пуговицы на рубашке. Пуговица пролетела по воздуху. Рубашка порвалась. Там, мерцая в полости горла детектива, находилась переливающаяся цветами радуги роза; ее могли видеть только глаза созданий ночи.

— Эй! Засранец! Какого хрена ты творишь?

Данте посмотрел на говорящего. Атлет шел к нему от бильярдного стола с жестким и сердитым выражением лица, размахивая перевернутым кием, как бейсбольной битой. Данте с силой оттолкнул ЛаРусса. Детектив заскользил по паркету и врезался в стену.

Данте выпрямился, перехватывая и сжимая руками кий, когда Атлет замахнулся им. Данте шагнул мимо Атлета с порывом воздуха и вырвал кий из его рук. Выражение лица Атлета сменилось с праведного гнева на замешательство. Он уставился на свои пустые руки.

Каково это, отродье?

С разворота, стиснув зубы, Данте ударил кием по спине Атлета. Тот споткнулся, выгнувшись. Быстрый шаг, и Данте стоял перед застигнутым врасплох игроком в бильярд. Он ударил кием Атлета по виску, наклоняя его голову в сторону. Кий сломался напополам. Один конец прокрутился в воздухе и врезался в настенный телефон за баром, роняя его со стены. Он разбился об пол, успев разочек звякнуть.

Когда Атлет упал на пол, Данте развернулся и посмотрел на Марию. Она отвернула лицо от летящих деревянных щепок, закрываясь одной рукой, другая была протянута к теперь уже бесполезному телефону.

Гортанный крик ярости снова заставил Данте развернуться, другая половина кия все еще была зажата в его руке. Свой Парень Терри ринулся на него с охотничьим ножом. Пивной Живот, с красным лицом и весь в поту, последовал за ним, наступая на пятки Терри, держа кий двумя руками.

— Давай, Эрни! Давай выкинем эту гребаную кучу мусора.

Но Терри наступал в одиночку. Данте заметил, что Свой Парень Эрни остановился, чтобы схватить что-то с пола.

Данте взмахнул рукой, чтобы перехватить руку с ножом Терри, когда ударил сломанным кием по брюху Пивному Животу. Пивной Живот выдохнул гавканьем воздух из легких и упал на колени. Его кий выпал из рук, грохоча по полу.

Образы — Люсьена, упавшего рядом, перевалившегося через сломанные церковные скамьи; штукатурки с золотыми пятнами краски, покрывавшей его волосы; длинной обломанной деревяшки, пронзившей его — вспыхнули в мыслях Данте.

Мопати...

Ты так похож на нее.

Внезапная обжигающая боль раздробила мысли Данте, рассеивая фрагменты образов и половину воспоминаний. Охотничий нож Терри вонзился в его ладонь и вышел с другой стороны. Осы жужжали. Было очень больно. По венам Данте полился яд. Рыча, он отдернул руку, выдергивая рукоять ножа из хватки Терри.

— Да! — закаркал Терри. — Получай, говню...

Данте провел лезвием, торчащим из проткнутой руки, по шее Терри. Кровь брызнула на лицо и солнечные очки Данте, горячая и ароматная. Он слизнул ее со своих губ. Выдернул нож из ладони и бросил его на пол.

Бешеные удары умирающего сердца Терри притягивали Данте, он был не в силах сопротивляться резкому запаху крови, обхватил мужчину, прижал свои разомкнутые губы к разрезанному горлу. Кровь потекла в рот. Вместе, Терри и Данте упали на колени.

Ты ошибся, мальчик. Я получил гораздо больше, чем вкус.

Ты все еще можешь спасти его, Истинная кровь.

Когда Данте допивал уменьшающийся поток, он услышал шепот, шепот шел *не* изнутри.

— Целься в голову и не... черт... промахнись.

Данте *переместился* — нырнул к полу и перекатился на ноги, когда огонь сверкнул из дула пистолета. Пули вошли в скрюченное тело Терри — одна, вторая, третья.

— Черт! — Дэвис завыл.

Данте подхватил сломанную половину кия и бросил ее в Дэвиса, попав в висок, когда тот снова нажал на курок. Бросок был яростным, точным.

— Вэйн! — завопил Эрни.

Данте врезал кулаком в подбородок Дэвиса, откидывая его голову назад. В тот же момент он схватил руку копа с оружием, вырвал из нее пистолет и выбросил. Он снова ударил копа. Спотыкаясь, выплевывая кровь и зубы, Дэвис схватился за стол, чтобы устоять, но у него не получилось. Он упал, ударившись затылком об угол стула с громким треском. Затем сполз на пол, глаза прикрылись. Запах крови и дерьма вился в воздухе подобно дыму.

Данте вздрогнул, когда хриплый крик за спиной достиг его ушей и раскалывающейся головы. За ним последовало «клик-клик-клик-клик». Он обернулся.

Эрни, подняв девятимиллиметровку Придурка, так сжимал ее обеими руками, что костяшки побелели, глаза были зажмурены. Рядом с ним на полу валялся Вэйн — Пивной Живот, с пулевым отверстием в виске.

Данте выдернул пистолет из трясущихся рук Эрни и увидел, что безопасность обеспечена. Он отвел взгляд от девятимиллиметровки, поймал проблеск своего отражения в расширенных глазах Эрни. Потом оба глаза Эрни закатились, и он рухнул на пол в глубоком обмороке.

Засунув пистолет ЛаРусса сзади за пояс брюк, Данте развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть детектива, удирающего вдоль бара в коридор с уборными. Данте двинулся следом, но низкое резкое всхлипывание остановило его у угла бара.

Он перепрыгнул через барную стойку, сгруппировавшись перед черноволосой барменшей, забившейся под прилавок. Ужас прошелся по ее лицу, когда она увидела Данте и закрыла рот рукой. Взгляд сконцентрировался на нем, она нащупала бейсбольную биту, прислоненную к стойке. Данте отбросил ее за пределы досягаемости. Бита бумкнулась об пол и укатилась.

— Мать Мария, Отец Легба, защитите меня от этого злоголоа^[60], — прошептала барменша.

Она пахла жасмином и глубинными водами, но страх обострил запах, скрадывая его сладость. Данте поднял свои очки на голову. Слезы лились из-под ее темных ресниц. Он нагнулся и коснулся ее губ своими. Вытер слезинку пальцем, размазывая кровь по темной щеке.

Он думал о рыжих волосах, васильковых глазах и кремовой коже. Вспомнил друга, сказавшего: «*Я твое прикрытие*».

Данте отстранился. Снова надел очки на глаза.

Он прошел мимо барной стойки в коридор и остановился рядом с дверью мужского

туалета, слушая. Капающая вода. Он пересек коридор и зашел в женский туалет. Писсуаров не было, только следы граффити и грязь, как в мужской комнате. Данте зашагал по каменному полу.

Придурок стоял рядом с маленьким окном, поглаживая руками влажные от пота черные волосы. Синяки темнели вокруг глаз детектива и около переносицы расплющенного носа. Он осторожно наблюдал за Данте, но не пытался бежать.

— Босс Уоллес ищет ее. Он звонил.

Данте схватил ЛаРусса за лацканы пиджака и притянул к себе. Только один дюйм отделял их лица. Воняя кровью и пивом, ЛаРусс уставился на него, свежий пот выступил у него на лбу.

— Что ты ему сказал?

— Искать тебя. — Сардонический блеск сиял в глазах ЛаРусса. — Что ты — все, что ее заводит. Это же так, правда? Возбуждаешь людей. А потом высасываешь досуха.

Детектив вонял завистью и разочарованием.

Этот хрен думает, что я убью всех в их же постелях.

— На кого ты работаешь? — спросил Данте, понижая голос. — Кроме гребаного Совета.

— Слушай, я могу шпионить для *тебя*, если ты хочешь, я...

Пальцы все еще держали лацканы детектива, Данте встряхнул его.

— На кого еще?

Ты сделаешь это?

Да. Возможно.

Все цвета исчезли с лица Придурка.

— Журналист, Ронин.

— Что ты для него делаешь?

— Я способствовал его связи с Этьеном...

Зрение затуманилось, Данте бросил ЛаРусса в одну из кабинок. Дверь ударилась о металлическую стенку. Детектив приземлился на унитаз, его голова и плечи стукнулись о кафельную стену. Боль исказила лицо.

Тот бог кокаина подойдет?

Мы должны идти, секси. Завтра ночью?

Tсс. Jesuisici.

Ты все еще можешь спасти его, Истинная кровь. Все, что тебе нужно сделать, это...

— Проснуться, — прошептал Данте. Жужжание ос стихло.

Войдя в кабинку, Данте придавил рукой плечо ЛаРусса, а колено устроил напротив промежности. Он откинул голову детектива набок, обнажая шею. Татуировка розы мерцала под флуоресцентными лампами.

— Тебя никогда не волновало, кто убил Джину, — сказал Данте, склоняя голову, слушая бешеное сердцебиение ЛаРусса. — Ты просто хотел пригвоздить меня.

— Я под защитой Совета...

— Не от меня, гаденыш. Не. От. Меня.

Данте вонзился в горло детектива, ЛаРусс завопил.

* * *

Хэзер ждала в кармане 38-й. Взъерошенные волосы Стёрнса и тени под глазами сказали ей, что он не спал все это время, а его твердая рука рассказала о том, что он спустит курок глока без колебаний.

— Отпусти ее, — сказала Хэзер. — Если хочешь поговорить со мной, хорошо. С каких пор тебе нужны заложники?

— Я не думаю, что ты осознаешь ситуацию, — ответил Стёрнс. Его взгляд переметнулся к Симоне. — Или, с чем ты связалась...

Симона повернулась и нырнула с поразительной скоростью. Тихий Glock выстрелил с приглушенным *ссфффт* в тот же момент, как она схватила руку Стёрнса и выдернула оружие. Glock упал в блестящую от росы траву.

— Вниз. Или я сломаю ее, — сказала Симона.

Зажмурившись и шипя от боли, Стёрнс упал на колени. Блондинка ослабила хватку на запястье, но продолжала крепко держать.

Хэзер подняла Glock с травы и спрятала в карман. Она вытащила свой 38-й из плаща и направила его на Стёрнса.

— Что ты здесь делаешь?

Он открыл глаза. Кривая улыбка растянула его губы.

— спасаю тебя.

— Ты участвовал в сокрытии? — спросила Хэзер. Ее цель не шелохнулась. — Убийств в Пенсаколе?

— Нет. Но я знаю, кто участвовал. И я знаю, что они защищают.

Она пристально смотрела на человека, который вел ее по карьерной лестнице, который присутствовал на ее выпускном в Академии, и который помог ей с Энни, когда отец отказал. Стёрнс выдерживал ее взгляд непоколебимыми карими глазами. Щетина затемняла его лицо. Небритый. Не выпавшийся. Напряженный. Человек в бегах?

Всю мою карьеру он прикрывал меня.

Изменилось бы это, если бы его попросило Бюро?

Хэзер опустила кольт. *Если так, я бы уже была мертва.* Она кивнула Симоне. Сухо цокнув и покачав головой, Симона отпустила его. Он встал, очищая колени брюк, мокрые и грязные от травы.

— Где Данте Прейжон? — спросил он.

Хэзер уставилась на него.

— Зачем? Что он должен с этим делать?

Стёрнс долго смотрел на нее, на его челюсти заходили желвалки, потом он кинул взгляд в сторону.

— Он не тот, кем ты его считаешь.

— А кем я его считаю... сэр?

— Человеком.

— Я знаю, кто он, — быстро проговорила Хэзер и снова подняла 38-й. — Создание ночи. Возможно, Истинная кровь.

— Истинная кровь?.. — прошептала Симона.

Стёрнс уставился на Хэзер, руки бездвижно висели по бокам. Она думала, что увидела внезапную вспышку страха в его глазах, потом это исчезло, поглощенное тенями.

— Кроме того, он эксперимент, — наконец, сказал Стёрнс. — У меня есть досье в машине и диск, которые тебе надо посмотреть. Потом ты *точно* будешь знать, что такое

Данте Прейжон.

— Его зовут не Прейжон, — пробормотала Хэзер.

Симона ходила вокруг Стёрнса.

— Я никогда не оставлю тебя рядом с ним, — сказала она. Лунный свет блеснул в ее прищуренных глазах и на обнаженных клыках.

Шум от массивных крыльев обратил внимание Хэзер на дом.

Лунный свет мерцал на огромных черных крыльях ДеНуара, когда он приземлился на крышу над комнатой Данте. Его длинные черные волосы свисали, распущенные до талии. Бледно-голубой свет мерцал вокруг обнаженного торса и отблескивал от кулона на шее.

Он упал на корточки, крылья за ним сложились. Легкий ветерок колыхал его волосы, но все остальное было неподвижным. Две точки золотого света светились, как звезды в ночи, когда он смотрел в темноту.

Дыхание Хэзер перехватило. Падший. Голос Этьена скользнул в ее мысли: *Вестник Ночи*.

— Бог Мой! — прошептал Стёрнс.

— Как видите, сэр, — сказала Хэзер, — я *точно* знаю, с кем связалась.

Она развернулась и, глядя в ошеломленные глаза Стёрнса, добавила:

— И сейчас им я доверяю больше, чем тебе.

* * *

Ронин наблюдал, как женщина, бледная и полная ужаса, понеслась из таверны. Она побежала со всех ног к Chevy, раскрашенному пламенем, нащаривая в кармане ключи. В отличие от женщин в фильмах ужасов, она не ошиблась, не упала, и ее Chevy завелся с первого раза, как она повернула ключ. Переведя машину на задний ход, она почти врезалась в припаркованный поперек черный MG, дала по тормозам, дернула рычаг на первую передачу и убралась со стоянки.

Интересно. Что за озорник моя маленькая Истинная кровь? Хотя, Истинная кровь теперь уже не точное определение, так ведь? Рожденный вампиром, но отец — один из Падших.

Возбуждение вилоьсь вокруг Ронина. Столкнуться с гибридом Истинной крови и Падшего... Что за великолепный тест его способностей? Особенно после того, как он *обучил* дитя?

Оставив мотор заведенным, Ронин выскользнул из Camaro. Он уплотнил защиту и спрятал свою энергию. Последнее, чего бы он хотел, — чтобы Данте его почувствовал; нужно подойти к нему раньше, чем он подготовится.

Ронин посмотрел на свою искаженную левую руку. Естественно, этого не было в досье мальчика. Покинув «МЯСО НА ЗАКАЗ», он поймал исчезающий след, оставленный касанием Данте, и последовал за ним.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Лучшая часть? Джоанна не имела понятия, что Данте хранил от нее секрет. Секрет, который может изменить мир.

Дверь таверны открылась, и смертный в бейсбольной кепке, грязной футболке и джинсах бросился на парковку. Почти спотыкаясь о собственные ноги, он скользнул по гравию к одному из пикапов, дернул дверь и увидел Ронина.

— Мистер! — завопил он. — Не ходите туда. Там внутри вампир! Настоящий вампир, чтоб его!

Ронин улыбнулся.

Смертный заорал, глаза его стали больше, чем у кошки, и он со всей дури бросился в пикап. Он завел мотор, но тот заглох. Едкий запах бензина распространился в воздухе. Карбюратор затопило. Бросая тревожные взгляды через плечо, смертный попытался снова завести пикап. Двигатель сцепился, зафырчал, потом стабилизировался в низкий *чух-чух*.

Ронин стоял на парковке, скрестив руки на груди, думая, подаст ли смертный снова слишком много газа, когда будет сдавать назад.

Механизмы зашлифовали, когда включился задний ход, смертный вдавил педаль газа. Пикап проехал назад пару ярдов, чихнул и заглох.

Ронин уже думал избавить его от страданий, когда дверь со стороны водителя открылась, и смертный выпрыгнул. Он пробежал через парковку, сквозь кусты и траву на краю дороги и выбежал на шоссе. А затем бросился в ночь, только его рабочие ботинки стучали по тротуару.

Покачивая головой, Ронин подошел к крыльцу таверны. Он обвил пальцами дверную ручку, прислушался. Тишина. Открыл дверь. Заглянул внутрь. Тела покрывали измазанный кровью пол. Он насчитал четыре.

У Данте были дела. Или, может, следует сказать у С.

Крик прорвался в тишине, потом резко прекратился. Ронин скорректировал число тел до пяти. Он думал, как много тел Данте оставил на полу в «МЯСО НА ЗАКАЗ». Думаешь ли до сих пор агент Уоллес.

Ронин закрыл дверь. Он увидел достаточно и вернулся в Сагао. Пришло время все подготовить к возвращению Данте домой.

Открыв свой телефон, он быстро набрал номер Э. Вместо голоса автоответчика, который ему отвечал всю ночь, Ронин услышал голос мрачного смертного.

— Да?

— Где ты был?

— Выходил. Ты кто? Мой отец?

— Время пришло. Поменяй джип на фургон. Помнишь техническую характеристику?

— А то! Получил Данте, да?

Ронин вспомнил крик, который услышал внутри таверны.

— О да.

* * *

Покрытая кровью рука Данте сжалась вокруг ручки канистры с бензином, стоящей сзади пикапа. Голоса негодовали и визжали. Возобновленная боль горела в голове. Он вернулся в тихую таверну. Разбрызгал бензин на столы, бильярд и барную стойку. Крепкий запах проник прямо в его голову, вызвав головокружение. Он оставил бензиновый след в коридоре и в женской уборной.

Сейчас он тихий. Должно быть, таблетки работают. Я перенесу его.

Он увидел мимолетное видение бледного лица, обрамленного короткими светлыми волосами, потом боль разрушила образ. Данте пошатнулся рядом с дверью в туалетную комнату, схватился за виски. Он изо всех сил старался стоять прямо. Эту боль он не мог

преодолеть или использовать. Эта боль уничтожала.

Глубоко вдохнув воздух, пропитанный бензином, Данте с канистрой пошел обратно по таверне. Он достал в баре с полки со спиртным бутылку текилы. Остановился у стола, где Свои Парни оставили окурки, и взял пачку сигарет и спички.

Все еще плеская бензин вслед за собой, он вышел на крыльцо. Кинул пустую канистру в таверну. Она с отзвуком ударилась об пол.

Вытряхнув сигарету из пачки, Данте зажал ее между губами, затем поджег. Он курил, наслаждаясь табаком, пытаясь не слушать внутренние голоса.

И... о да!.. последний дом приемной семьи сгорел дотла...

Лжец.

Белый свет ослепил Данте. Боль пульсировала. Он швырнул недокуренную сигарету внутрь пропитанной бензином таверны. Она вспыхнула со звуком хуммф, по его спине поползли мурашки. Пламя лизало воздух.

Что этот символ анархии для тебя значит?

Лицо Хэзер завладело зрением. Ее волосы блестели как огонь. Боль кольнула его сердце. *Она ушла. Невредимой.*

Ты все еще любишь меня, Данте-ангел?

Никогда не прекращал, принцесса. Просто на время забыл.

Данте подошел к MG. Облокотился на багажник с бутылкой текилы в руке. Он наблюдал за пылающей таверной, все его внутренности были связаны и скручены, словно колючей проволокой, но его сердце было освобожденным, незащищенным и парящим.

Что этот символ анархии для тебя значит?

Ярость. Огненная буря. Правда.

— Свобода, — прошептал Данте.

Глава 24

Преданное доверие

Люсьен закрыл глаза. Со своего места на крыше он уловил запах Миссисипи — холодной воды, мха и тины. Слушал, ожидая, когда Данте коснется их связи, но этого могло больше никогда не случиться. Связь была закрыта, но не разорвана. По крайней мере, пока. Дитя мог не осознавать, что разрушенная связь причинит вред им обоим.

Несмотря на защиту Люсьена, жажда крови и эйфория прорывались к нему через их узы. Песнь хаоса пела для него, как в тот первый раз, на пристани. Он схватился за край крыши, пронзая черепицу когтями. Его когти стали прочнее и толще. Благодаря воображению *Создателя*.

Мышцы Люсьена перекачивались под кожей. Восстановленная плоть болела. Волосы развеивались позади от порывов ветра. Что если Данте изменился, пытаюсь спасти его?

Кроме того, другая нить уз неразрывно связывала их: отец и сын; друг и компаньон; Создатель и создание.

Возможно ли вернуть доверие, однажды потеряв его?

Внезапная боль, острая, как битое стекло, прорвалась сквозь связь и прорезала защиту. Люсьен согнулся от боли. Его дитя потеряло сознание, освобождая их обоих.

Застывший образ завладел мыслями Люсьена, словно белое пятно на сетчатке после яркой вспышки — бетонная кабина, мерцающий свет, капающая вода; он передал картинку.

<Llygad>.

<Получил>.

Люсьен боролся с желанием подняться в небо, бился с необходимостью найти Данте, взять его на руки и отнести домой. Его крылья раскрылись и захлопали, но он оставался на крыше, напоминая скованную ночью горгулью. Прислушиваясь.

Вьжидая.

* * *

Хэзер зафиксировала второй браслет наручника на ножке стула. Первый был на правом запястье Стёрнса. Она выпрямилась, убирая волосы с глаз.

— В этом нет необходимости, — сказал Стёрнс, — я просто хочу с тобой поговорить.

— Кофе? — спросила она, подходя к кухонной стойке и кофейнику. Аромат кофе, крепкий и темный, наполнил кухню.

Когда она наливала свежесваренный кофе в ту же чашку, из которой пила прошлой ночью, ее горло сжалось. Двадцать четыре часа прошло с тех пор, как она и Данте сидели на кухне и пили кофе с бренди. Разговаривая о серийном убийце, который преследовал его.

И нашел.

Ее мышцы сжались при мысли об Элрое Джордане, растянувшемся на диване в гостиной, а точнее, об убийце, которого она искала в течение трех лет. При мысли о том, как он стоял над ней, пока она спала. Как забрал свой телефон и оставил ее и остальных нетронутыми.

— Сходи к моей машине, возьми папку и посмотри. Ты увидишь, какой Данте монстр.

Хэзер развернулась, хватаясь руками за стойку сзади. Стёрнс поставил стул так, что мог

ее видеть. Его лицо побледнело от того, что он увидел в ее глазах.

— Монстр? Я видела монстров сегодня, — сказала она сухим натянутым голосом, — даже двух.

Память о Джее, лежащем в луже собственной крови, ярко горела в ее сознании.

— Данте, может, не человек, но и не монстр. — Она встретила взгляд Стёрнса. — Я бы поставила на это свою жизнь.

— Ты уже это сделала, — сказал Стёрнс, — ты еще не осознала.

Он отвел глаза.

— Я пришел сюда за тобой, Хэзер.

— За мной? Или за Данте?

Стёрнс снова посмотрел на нее, его лицо, покрытое щетиной, было открытым, уставшим.

— За тобой. Ты помечена на уничтожение. Я тоже.

Даже несмотря на то, что она ожидала чего-то плохого, действительно плохого, с тех пор как узнала о сокрытии, услышать такое вслух — все равно что получить пощечину. Подняв чашку, она подошла обратно к столу и села напротив Стёрнса.

— Потому что кто-то хочет защитить СК? Или потому что расследование привело меня к Данте?

Она положила ложку сахара в кофе твердой рукой, хотя чувствовала себя разбитой.

Помечена на уничтожение.

— И то, и другое. Данте — часть того же проекта, который создал СК.

Хэзер резко втянула воздух, будто ее снова ударили в живот. ПРОСНИСЬ С. Кусочки встали по местам, сформировав картину, до чертиков испугавшую ее.

— Как назывался проект? — пробормотала она. — Кто его вел?

— Джоанна Мур.

— Доктор Мур? Ты серьезно?

— Чрезвычайно серьезно. Она в течение многих лет создает социопатов. Для исследований.

Хэзер чувствовала себя так, словно попала в альтернативную реальность: все выглядело так же, но внутри стало тёмным, негативным, полным двойников, противоположных её реальности.

Либо так, либо она заснула и с головой погрузилась в темнейший кошмар.

К сожалению, это не так.

Помешивая кофе, Хэзер мысленно вернулась к ее дням в Академии и вспомнила доктора Мур — высокая харизматичная блондинка, выдающаяся. Ее курсы судебной психологии были всегда интригующими. Контроль над социопатами казался чем-то сверхъестественным. А данные никогда не терялись.

Но выращивать социопатов?

— Она стояла за обманом в Пенсаколе, — сказал Стёрнс. — Ты подошла слишком близко.

Хэзер встретила взгляд Стёрнса. Холодная уверенность протекла через нее, как ледяная река, что замораживала до костей. Он говорил правду.

— Как высоко это уходит?

— Честно, я не знаю, — ответил Стёрнс, качая головой. — Но я думаю, что лучше всего действовать так, будто это идет на самые верха.

Хэзер сделала глоток кофе, ее мысли кружились. Элрой Джордан и Томас Ронин — это Странствующий Киллер. А Данте? Почему одна часть проекта выслеживала другую? Был ли Данте проваленным экспериментом? Помеченный на уничтожение, как она сама? Как Стёрнс?

Но что если он на самом деле тот, кем должен быть — социопат-убийца?

Отодвинув стул от стола, Хэзер встала. Усталость накрыла ее, в глазах потемнело. Она схватилась за край стола, чтобы удержать равновесие.

— Мы обсудим это позже, — пробормотала она, когда зрение прояснилось. — Я найду Данте.

— Подожди пять минут, — торопливо сказал Стёрнс. — Возьми папку. Просмотри ее. — Потянувшись в карман свободной левой рукой, он кинул на стол связку ключей. — Хэзер, пожалуйста.

Она уставилась на ключи, размышляя, не содержит ли папка секреты скрытого прошлого Данте. Если да, то избавит ли это его от мигреней и кровотечений из носа? Спасет ли правда Энни от порезанных вен, лекарств и спецучреждений?

Возможно, подумала Хэзер, поднимая ключи. Она положила их в карман брюк. Возможно, спасет. Стёрнс открыл было рот, но она покачала головой.

— Больше ни слова, Крейг.

Хэзер вышла из тихой кухни в коридор. Ее сумка и ноутбук покоились у стены. Чуть дальше тусклый синий свет лился на потертый ковер возле лестницы у двери. Она услышала слабое бормотание Симоны, когда та говорила со своим братом на быстром музыкальном каджуне.

Хэзер вспомнила Данте, стоявшего в дверном проеме холодильника в «МЯСО НА ЗАКАЗ», упиравшегося руками в косяки, его темные глаза были пронизаны ярко красными полосами; она вспомнила напряжение в его голосе.

Беги от меня как можно дальше.

Идя по коридору, по которому разлился синий свет, Хэзер также вспомнила голову Этьена, качающуюся в окровавленной руке Данте; вспомнила горячее касание губ Данте к горлу, страх и огонь, переплетающиеся в животе; вспомнила удивление в его голосе, когда он произнес ее имя.

Даже если все, что наговорил Стёрнс, правда, Данте боролся с программой, заложенной в его разум. Он любил других, на что не способен социопат. Данте был готов принести себя в жертву ради Джея, это являлось тем доказательством, в котором она нуждалась.

Но голос Ронина скользил сквозь ее мысли.

Ее звали Хлоя. И ты убил ее.

Данте борется сейчас, но было ли так всегда?

Она отогнала сомнения прочь, понимая, что обдумает это в другой раз. Сейчас она была партнером Данте, прикрытием, и не оставит его с Ронином один на один.

Открыв дверь в компьютерную комнату, Хэзер посмотрела на Симону, стоящую на коленях рядом с подключенным к сети братом. Трей отклонился в кресле, его вытаращенные глаза смотрели в потолок, пальцы двигали данные по подсвеченному голубым светом воздуху, пока он искал информацию, которую запросил: Поиск передвижений Элроя Джордана за последние три года.

Данте-ангел?

Хлоя дергает за наручники, цепь стучит по столбику кровати. Проснись! Папа забрал штору. Данте-ангел, проснисьпроснисьпроснись...

Данте открыл один глаз. Свет отдавался болью в голове. Он снова закрыл глаз. И оказался в МГ. Откинув голову на подголовник, потер виски. Внутри машины воняло кровью, бензином и текилой.

— Твою мать.

Что-то твердое вдавливалось в спину Данте. Морщась от слепящего света, он наклонился вперед и потянулся к поясу кожаных штанов. Его пальцы обхватили что-то гладкое и цилиндрической формы, он вытащил это.

Данте уставился на пистолет — *девятимиллиметровка*, прошептал голос — в окровавленной руке. Дыхание перехватило, когда образы замерцали в его помятой голове. Внезапный приступ насилия — пылкий, неистовый, опьяняющий — пустил его сердце в бешеную скачку.

— Таверна... — прошептал он.

Другая головокружительная последовательность изображений: сломанный бильярдный кий, летящий по воздуху; нож, вонзающийся в его руку; черноволосая женщина, сжавшаяся за баром с маской ужаса на лице; татуировка в виде переливающейся розы.

Вкус горькой крови ЛаРусса.

Пистолет выпал из его пальцев на пол. Данте зажмурился. Дотронулся пальцами до висков. Вздрагивая и напрягая мышцы, он отбросил боль, но образы не исчезали. Как он ни старался, но не смог остановить поток разбитых воспоминаний; не смог контролировать, не смог даже ухватиться за них.

Данте открыл глаза. Флуоресцентные лампы гудели над головой. Он вдохнул запах сырого бетона, плесени и мыла. Но вместе с тем поймал зловоние крови со старой скотобойни.

Боль сковала его разум. «МЯСО НА ЗАКАЗ». Ронин и Этьен. Джей, связанный подвешенный на мясном крюке. Клыки Ронина, прокалывающие его горло. Хэзер, стоящая на коленях рядом с Этьеном, ее пистолет, приставленный к его груди.

Я знал, что ты придешь.

Ты все еще можешь спасти его, Истинная кровь.

Лжец. Лжец.

— Лжец! — закричал Данте. И кричал до тех пор, пока не выпустил все, что накопилось внутри, пока не очистил разум, пока больше не осталось ни звука. Он резко откинулся на сидение, истощенный, но все еще разгоряченный.

— Эй, приятель.

Данте посмотрел на открывшуюся дверь с водительской стороны. Вон стоял на коленях на бетоне, одним коленом в переливающейся луже масла и воды. Он поднес загрубевшую руку к лицу Данте, длинными пальцами откинул волосы назад.

— Хорошо выплескивать все дерьмо наружу, — сказал Вон низким голосом. — Если оставить внутри, оно начнет гнить.

— Правда? — прошептал Данте, смотря в зеленые глаза бродяги. — Почему тогда я никогда не слышал, как ты кричишь?

Вон фыркнул.

— Внутри ничего нет, парень. Я путешествую налегке.

— Бред собачий.

Рука Вона упала с лица Данте на грудь. Он прижал пальцы к латексной рубашке.

— У тебя доброе сердце, дружище. И поэтому я остаюсь. Без сожалений.

— Откуда ты можешь знать, когда даже я не знаю?

Вон дотронулся пальцем до татуировки под глазом в виде полумесяца. Постучал по ней.

Выгнул бровь.

— Ладно, ладно, *llygad*. Понял.

Вон убрал руку с груди Данте, но тот поймал ее и скрестил свои пальцы с пальцами Вона. Данте нагнулся и поцеловал его. У бродяги был вкус дыма и дорожной пыли. Он слушал равномерное биение сердца Вона, и его мысли вернулись к Люсьену, к вкусу его крови, к звуку песни, льющейся в нем — Данте попытался заблокировать все мысли о Люсьене, но было слишком поздно.

Ты так похож на нее.

Ярость снова вспыхнула, соединилась с огнем, горящим глубоко внутри.

Ты знал все это время? И никогда ничего не говорил?

Убрав руку с Вона, Данте вышел из MG. Осмотрелся вокруг, понимая, что впервые находится на автомойке. Посмотрев вниз на заляпанную кровью одежду, он понял, почему находится здесь.

— Нужно почиститься.

— Хорошая идея, — сказал Вон. — Эта маленькая горячая дорогая ФБР-ша дома. Если она тебя увидит в таком состоянии, то подумает, что ты купался в крови.

Данте притих.

— Хэзер дома? Она... в порядке?

— О да. Она разбита, как и ты, но с ней все хорошо. Вам обоим хорошо бы выспаться.

Данте кивнул, потом вылез из своей кожаной куртки. Кинул ее в MG, металл зазвенел. Заметив солнечные очки на пассажирском кресле, он взял их и надел. Слепящий флуоресцентный свет приглушился. Его головная боль ослабла. Он расстегнул латексную рубашку, подошел к пульту управления автомойки.

Ударив по карманам — образ долларовых купюр, скомканных на барной стойке таверны, возник в его голове — Данте посмотрел на Вона.

— Есть деньги?

— Да, — сказал бродяга, копаясь в кармане куртки. Он взглянул на Данте, когда тот высвободил трубку для мытья, и выгнул бровь. — Так вот какой у тебя план? Подождать кого-нибудь, кто посмотрит на твой жалкий вид и наполнит ладони четвертаками?

— Да, чтоб тебя. Дважды. — Данте вытащил трубку из чехла.

Ухмыляясь, Вон переместил рычаг.

— Выбирай свою отраву.

Данте выбрал программу легкого ополаскивания и нажал на кнопку. Полилась вода. Развернув трубку так, чтобы струя с высоким давлением ударяла в грудь, Данте двигал ей вверх и вниз, смывая кровь с одежды и кожи. Холодная вода причиняла боль.

— Слушай меня, — сказал Вон и вышел из зоны досягаемости струи. — Ты изнурен. Лихорадишь. Тебе нужен Сон.

— Ронин ждет меня.

— Пусть ждет. Через два часа рассвет. Он тоже будет Спать.

Внезапная усталость захватила Данте, и он оперся плечом о гладкую бетонную стену. Кровавая вода стекала в решетку канализации посреди моечной кабины. В его висках пульсировала тупая боль. Он потер неподдаливое пятно на кожаных штанах, вода протекала сквозь пальцы. Поставив трубку на пол, он стянул латексную рубашку. Бросил ее на капот MG.

Тихий голос прошептал его имя...

Данте-ангел.

Закрыв глаза, он прислонился голым плечом к стене. Его правая рука была прижата к бетону, касаясь неуверенно, ища... что?

За его закрытыми глазами ореол света окружал ключ, разломанный паззл и черную паутину.

Это правда? Наручники сработают?

— Эй, Данте, — резкий звук щелкающих пальцев. — Эй, приятель.

Данте открыл глаза и посмотрел в обеспокоенные глаза Вона.

— Ты в порядке?

Кивнув, с колотящимся сердцем, Данте поднял трубку со все еще текущей водой и снова начал себя мыть.

— Что произошло между тобой и Люсьеном, парень?

Данте долго смотрел на Вона, потом продолжил мыться.

— Ты спрашиваешь как *top ami* или как *llygad*? — Он внезапно подумал о Хэзер — ее прекрасном затененном лице в клубе, когда она говорила.

Как оба, Данте. Друг и коп.

— Друг.

— Он врал мне.

Поток воды уменьшился и прекратился. Данте выпрямился, откидывая мокрые волосы с лица. Вернул трубку на место.

Вон свистнул, потом залез в MG и взял куртку Данте. Бросил ее ему.

— Если Люсьен тебе врал, это должно было...

— Он знал мою мать. Все это время. Он не сказал мне ни слова. Никогда не говорил, черт побери. — Данте натянул куртку поверх влажной кожи, кожа скрипела, металл звенел.

В памяти снова вспыхнуло лицо Люсьена, темное изумление в его золотых глазах, его пальцы, тянущиеся погладить волосы Данте.

Женевьева...

Мир вдруг завертелся — собор, автомойка, скотобойня, блестящие залы, мокрые бетонные стены, качающиеся крюки — и Данте схватился за открытую дверь машины, чтобы не упасть. Боль пронзила голову. Зрение померкло на мгновение, потом восстановилось.

Он понял, что Вон вцепился рукой в его бицепс, удерживая. Данте посмотрел на бродягу. Вон вернул внимательный взгляд, на лице отразилась тревога.

— Mercí, — сказал Данте.

Вон ослабил хватку, его поза была напряженной.

— Иди домой, дружище. Спать. Ронин все еще будет ждать тебя вечером. Иди домой. Пожалуйста.

Но Данте услышал мысль за словами Вона, увидел в его глазах: *Ты пугаешь меня.*

— Я так и планирую, *top ami*, — сказал Данте, забираясь в MG. — Мне надс поговорить с Хэзер.

Нужно убедиться, что с ней все хорошо. Он завел двигатель. Тот загрохотал, оживая, звук отдавался эхом от бетонных стен.

Улыбка изогнула уголки губ Вона.

— Вот ты и нашел причину. — Он мягко коснулся кончиками пальцев водительской двери, закрывая ее, и зашагал прочь.

Данте потряс головой, позабавленный, и включил первую скорость. Его веселье исчезло, когда темные мысли закружились в голове. *Черт побери, почему я не помню своего прошлого? И почему это никогда меня не беспокоило?*

И еще темнее: *Что если это никогда меня не беспокоило, потому что не должно было?*

И темнее: *Что если это никогда меня не беспокоило, потому что я не хочу это помнить?*

И снова он услышал знающий голос Ронина: *Чего ты боишься, Истинная кровь?*

Пальцы сжались вокруг руля, Данте вывел MG из моющей кабины. *Не тебя, Любопытный Том. Или того, что ты знаешь.* Но ему было интересно, как Любопытный Том пришел к этому знанию?

Озадаченный, Данте нажал на газ, переходя на вторую скорость, потом на третью. Он что-то упустил, забыл что-то важное, но память — как и многое другое — отказывалась приходить.

Глава 25

Дьявол в деталях

Хэзер сидела, скрестив ноги по-турецки, на деревянном полу, рассматривая распечатку, которую предоставил Трей. Усталость как рукой сняло от волнения. Элрой Джордан *был* из Нью-Йорка, но до этого жил в Сиэтле — родился и вырос — во время первых двух убийств. Он даже жил рядом с первой жертвой, Карен Стилмэн. Платежи по кредитной карте производились в Портленде, штат Орегон, и Бойсе, штат Айдахо, во время убийств в этих городах. Фактически, кто-то мог направлять Элроя Джордана на каждое место убийства.

Хэзер с шелестом перевернула страницу, чтобы прочесть про Ронина. Ничто не привлекало журналиста к Сиэтлу до второго убийства. То же самое с убийствами в Портленде, Бойсе, Солт-Лейк-Сити и Хелене. Она проверяла факты на сходства и несоответствия. Она была уверена, Джордан и Ронин работали как команда. Но до сих пор доказательства стирали в прах эту теорию.

После убийства в Хелене, штат Монтана, кредитные платежи Ронина производились в Нью-Йорке — *до* предполагаемой даты смерти Байрона Хэджа. Не после.

Если слова Стёрнса о том, что Мур создавала психопатов для изучения, — правда, то зачем Ронин работал с ней? Как еще он мог узнать, как разбудить Данте? Зачем он хотел этого? Что бы получил взамен? Или Ронин работал *против* Мур? Если так, то почему? Опять-таки, что бы он получил?

Хэзер снова взглянула на страницу, перевернула обратно к Джордану. Эти двое не были вместе во время убийств в Омахе, Чикаго или Детройте — Ронин не показывался в этих городах до того, как они были совершены. Но он *был* в Нью-Йорке до убийства Хэджа. Вскоре после этого Ронин и Джордан прибыли в Новый Орлеан вместе.

Следующее убийство? Дэниел Спаррелл.

По какой-то причине Ронин перехватил Джордана, прервав Мур в исследовании ее блуждающего психопата, и привел его в Новый Орлеан. К Данте.

Итак... может быть, Элрой Джордан в одиночку был Странствующим Киллером. Какова роль Ронина? Либо он, либо Этьен убил Джея. Джордан даже не показывался.

Хэзер потерла лицо рукой, гудение утихло. Ничего не имело значения. Ей нужен был сон, но сначала следовало найти Данте.

Скрипнула кожа — брат Симоны переместился в кресло. Его пальцы проносились в воздухе, изменяя информацию и возвращая обратно в сеть. Запахи радиоактивного контура и имбиря тревожно смешались со спертым комнатным воздухом.

— Спасибо за помощь, Трей, — сказала Хэзер, расслабляясь.

Тишина, не считая скрипа кожи, когда белоснежные пальцы вампира размывали воздух. Его дреды подметали пол. Хэзер сомневалась в том, что он слышит ее. Ей стало интересно, был ли Трей по-своему так же потерян, как Энни. Может быть, его обращение не сработало так, как надеялась Симона. Хэзер вышла в коридор и тихо закрыла за собой дверь.

Ключи Стёрнса позвякивали в кармане Хэзер, когда она шла и думала о нем, сидящем в наручниках на кухне; думала о файле в его машине. *Что ты собираешься делать, Уоллес, держать его в плену? Как долго?*

Она сложила распечатку вдвое. *Он хочет Данте. Думает, что он монстр.* Остановившись на пороге кухни, она застала Стёрнса дремлющим, подбородок на груди,

глаза закрыты.

Что если он прав?

— Я собираюсь достать файл, — сказала Хэзер.

Стёрнс приподнял голову, посмотрел ей в глаза, его взгляд был ясен. Притворяется.

— Хорошо.

— И после этого, — произнесла она, входя на кухню, — я хочу, чтобы ты свалил отсюда.

— Позвони мне, когда прочтешь файл.

— Не обещаю. — Она положила сложенную распечатку на стол.

Хэзер шагнула к плащу, брошенному на кресло, порылась в карманах в поисках супер-кольта. Ее пальцы скользнули по прохладной форме гlocka Стёрнса и задержались на ее кольте 38-го калибра. Она легко вытащила его и засунула за пояс брюк; чувствуя его твердость, уверенность от того, что он находится за спиной. Затем поправила свитер над пистолетом.

— Вернусь через минуту, — предупредила она.

У передней двери, как только Хэзер схватилась за ручку, ладонь коснулась ее плеча. Она посмотрела в темные глаза Симоны.

— Я пойду с тобой, — сказала она.

Латексное мини-платье темно-красного цвета обтягивало ее формы, бледное тело просвечивало сквозь кружева по бокам. Ее длинные золотистые локоны рассыпались по спине.

— Спасибо, но мне не нужен телохранитель.

Симона пожала плечами.

— Я могла бы подышать свежим воздухом.

Кивнув, Хэзер открыла дверь и шагнула во влажную, наполненную благоуханием роз ночь. Дождь оседал на ее лице, украшал бисером свитер. Идя по покрытой камнями дорожке к воротам, она чувствовала Симону позади, но единственные шаги, которые слышала, были ее собственными.

Дойдя до ворот, Хэзер остановилась и оглянулась на дом. ДеНуар не двигался. Он досих пор сидел, согнувшись на крыше, блестящие из-за дождя крылья сложены вдоль спины.

— Ты получила, что хотела? — спросила Симона.

— Да, — ответила Хэзер. — У меня есть адрес Ронина в Метайри. О Джордане ничего но я думаю, они вместе. «МЯСО НА ЗАКАЗ» это собственность фирмы по торговл недвижимостью...

Симона подняла палец, ее взгляд заметался. Спустя мгновение улыбка тронула ее губы.

— Вон нашел Данте. Они едут домой.

— С ним все в порядке?

— В основном.

Облегчение прошло через Хэзер, развязывая напряженные мышцы и прогоняя усталость. Она решила не заикливаться на «в основном». Данте нашелся и ехал домой. Вот что было важно. Она проскользнула через открытые ворота, идя с Симоной к дороге.

— Ты сказала, что знаешь Данте около трех-четырёх лет, — произнесла Хэзер, стараясь, чтобы голос звучал мягко.

— *Oïï. Он mon cher ami.*

— Вы были друзьями все время?

Симона посмотрела на нее, тени дуба легли на ее бледное лицо. Она открыла рот, чтобы ответить, но звук останавливающейся позади них на окаймленной гравием дороге машины заставил ее закрыть его снова. Она отвернулась, загораживаясь рукой от яркого света фар.

Хэзер повернулась, дотянувшись правой рукой до кольца. Машина стояла без движения напротив ворот.

— Извините, — послышался голос женщины с пассажирского сидения. — Не могли бы вы помочь нам?

— *Oiii*. — Симона шагнула к машине. Она наклонилась, чтобы заглянуть в опущенное окно. Красная точка появилась на ее лбу.

Хэзер мигом вытащила кольцо, крича:

— Симона! Ложись!

Она нажала на курок и услышала, как два выстрела раздались в ночи.

Симона бросилась на землю, но сильно ударилась, растянувшись на гравии и задыхаясь от боли. *Она ранена*, подумала Хэзер. Пуля кольца разбила лобовое стекло машины с пассажирской стороны. Водитель завел двигатель.

Хэзер опустила на одно колено и открыла огонь, нажимая на курок до тех пор, пока не опустошила обойму.

— Оставайся на месте, Симона! — прокричала она, надеясь, что вампирша не получила выстрел в голову или сердце.

Автомобиль рванулся к ней. Хэзер откатилась в сторону черного железного забора, затем снова встала на ноги. Желая, чтобы на ней сейчас был ее плащ, она бросилась к темной арендованной машине Стёрнса, вытаскивая ключи из кармана на бегу.

Мысли металась в ее голове: *найти запаску Стёрнса. Если не получится, завести машину и протаранить этих ублюдков*. Адреналин подпитывал ее мышцы. Сердце билось учащенно, воздух обжигал горло.

Она остановилась рядом с Crown Victoria, гравий хрустел под ногами. За спиной усилился звук двигателя автомобиля, набирающего скорость. Она нащупала ключи, их острые края впивались в пальцы, пока она не нашла кнопку управления сигнализацией.

Двери разблокировались. Хэзер распахнула дверь с пассажирской стороны и бросилась внутрь. Ища под сиденьем любой припрятанный запасной пистолет Стёрнса, она посмотрела в заднее стекло и прищурилась от сине-белого света фар.

Чья-то фигура прыгнула на автомобиль. Симона растянулась на крыше и дотянулась через окно до водителя. Тормоза завизжали. Заскрипели шины. Запах паленой резины обжег воздух. Автомобиль скользнул вбок и врезался в Crown Victoria.

Из-за толчка Хэзер ударилась плечом о приборную панель. Боль пронзила плечо и чуть ниже справа. Она закусил губу. Бардачок распахнулся, несколько карт и пистолет упали на пол.

Бинго! Хэзер схватила пистолет и выскользнула из машины. Дым повалил из-под капота автомобиля, врезавшегося в Crown Victoria. Снимая пистолет с предохранителя, она осторожно приблизилась к преследователю.

Женщина-стрелок свалилась набок с черной дырой во лбу. Симона лежала на крыше машины, одной рукой изо всех сил вцепившись в плечо водителя, другой скручивая его волосы. Она наполовину вытащила его из окна. Кровь стекала по его лицу.

Хэзер обошла машину сзади и подошла к водительской стороне, держа пистолет обеими руками. Водитель извивался в хватке Симоны, панически и дико вырываясь.

— Отпусти его, — сказала она. — Я держу его на прицеле.

Симона полностью выдернула водителя из окна. Он резко свалился на тротуар, двинувшись к остановке рядом с разделительными линиями.

— Стоять, — приказала Хэзер, направляясь к нему. — Руки за голову.

Холодный ветер коснулся ее влажных от дождя волос, как будто мощные крылья пронесли со свистом в небе над головой. Тень упала на дорогу.

ДеНуар налетел на водителя и, схватив его за шиворот, взмыл в небо. Крик водителя с нарастающим ужасом и высотой раздался в ночи.

— Нет! — закричала Хэзер. — Верни его! ДеНуар!

Крик внезапно оборвался. Что-то пролетело в воздухе и со шлепком ударилось об асфальт.

Желудок Хэзер скрутило. Она с трудом сглотнула вкус крови. Прислонилась к машине и опустила пистолет.

— Дерьмо.

Неясная фигура за воротами помчалась вверх по дороге, дреды и кабели извивались позади нее. Лунный свет отражался от пальцев. Трей остановился рядом с автомобилем и уставился на сестру, паника отражалась на его лице.

Автомобиль покачнулся, Симона сползла с него. Кровь блестела на ее бледном теле. Отверстие зияло в левом плече чуть ниже ключицы. Трей коснулся пятна.

Вздрагнув, Симона сказала:

— Я в порядке.

Она подняла палец Трея и поцеловала его, прежде чем отпустить. Обвила рукой за талию и прижалась к нему.

Взмах крыльев привлек внимание Хэзер. ДеНуар коснулся босыми ногами дороги, держа туловище водителя в одной когтистой руке, а ноги в другой. Он подошел к машине. Хэзер, почувствовав тошноту, отскочила в сторону, не желая смотреть на ношу ДеНуара. Он засунул останки через окно.

— Почему, черт возьми, ты убил его? — спросила она. — Я хотела допросить его.

— Он и его партнер намеревались убить вас, агент Уоллес, — ответил ДеНуар. — И всех рядом с вами.

Затем он шагнул к Симоне и коснулся когтистым пальцем ее лица. Глаза Симоны закрылись.

— Ты бы поверила информации, которую он мог дать? — Взгляд ДеНуара скользнул к Хэзер.

— Скорее всего, нет. Но я все же могла спросить. — Засунув пистолет за пояс брюк, она двинулась к Crown Victoria.

После того как она затолкала пистолет обратно в бардачок, Хэзер обнаружила запертый кейс за передним сидением. И попробовала открыть его маленьким ключом из связки. Кейс открылся. Она повернула защелки и заглянула внутрь. Компакт-диск, фотографии — ее сердце ушло в пятки, когда она узнала лицо Данте — и манильскую папку^[61]. Закрыв портфель, она выбралась из машины.

ДеНуар ждал, тени и лунный свет косо падали на его тело и крылья.

— Идите внутрь, — сказал он. — Я позабочусь обо всем этом.

Хэзер кивнула, решив не спрашивать о деталях, и повернулась. Она устало поплелась по дороге к дому, тяжело волоча ноги, потому что сожгла весь адреналин, и сейчас у нее

кружилась голова от истощения.

Она прошла через пустую переднюю комнату на кухню.

— Я получила файл и...

Трей и Симона сидели за кухонным столом. Сильвер стоял у раковины, замачивая одежду. Стул Стёрнса лежал на боку. Пустой.

— Где он? — спросила Хэзер.

Симона покачала головой.

— Его не было, когда мы вошли.

Хэзер опустилась в кресло с плащом, кладя кейс на пол. Она проверила карманы плаща; блок Стёрнса исчез. Посмотрев на стол, Хэзер обнаружила, что распечатка тоже исчезла.

Поставив локти на стол, Хэзер уткнулась лицом в ладони.

— Чёрт.

Глава 26

Очищение

Легким движением когтя ДеНуар вытащил пулю из плеча Симоны. Расплющенный кусок металла упал на пол. Сильвер протянул ДеНуару мокрое полотенце, затем нагнулся, чтобы поднять смятую пулю. Он посмотрел на Хэзер.

— Тебе она нужна? Для улики или еще чего-нибудь?

Хэзер покачала головой.

— Не теперь.

— Класс. — Сильвер засунул пулю в карман джинсов и перевел взгляд на Симону. — Болит?

— *Oiii*, очень, — пробормотала Симона. — Я не хочу, чтобы меня снова подстрелили, *petit*.

Трэй, сидящий рядом, сжал ее руку. ДеНуар вытер последнее пятно крови с бледного тела Симоны, затем выпрямился. Он склонил голову, и мгновение спустя Хэзер услышала снаружи рев мотора.

«Данте», — подумала она, оживившись и внезапно полностью проснувшись. Она расчесала пальцами волосы. Ее пульс ускорился.

Улыбаясь, Симона отбросила запятнанное кровью полотенце, которым прикрывала грудь, и натянула бретельки платья.

Входная дверь открылась. Хэзер услышала скрип кожи и звон маленьких цепочек, но ни единого шага. Данте прошел в кухню, Вон шел позади.

При виде Данте дыхание Хэзер перехватило — *когда я к нему привыкну?* Он посмотрел на нее, вопрос горел в темных глазах, на радужной оболочке больше не было ни красных, ни золотых прожилок.

Симона встала, Данте подошел к ней, обнял. Поцеловал ее лоб, щеки, губы.

— Куколка, ты в порядке? — спросил Вон, присоединившись к паре, обняв их обоих.

Горло Хэзер сжалось, она отвела взгляд. *Он moncherami*. И, возможно, более того. Взволнованное биение ее сердца возросло до бешеного темпа. Кровь пульсировала в висках. Царапнув спинку стула, она встала и вышла из кухни.

Он может быть с ней. Я ему для поддержки не нужна.

Хэзер мчалась по коридору, сжав кулаки, не зная, куда идет, просто прочь. Затем остановилась на лестнице, вцепившись пальцами в полированные деревянные перила.

Она закрыла глаза. Что с ней не так? Не говорила ли она Данте, что и друг, и коп? Не было ли ее работой следить за его сохранностью? Отлично, как минимум он дома, в безопасности. Ей нужно поспать. Поест. И время, чтобы подумать.

— Эй, — прозвучал низкий голос, посылая озноб по ее спине.

— Да? — сказала она, открывая глаза. Ее пальцы на перилах напряглись. Она не обернется. Не обнажит перед ним душу.

Она напряглась, когда Данте шагнул ближе. Его запах — опавших листьев и черной земли, теплый и близкий — окутал ее. Пальцы убрали волосы с лица.

— Хэзер, посмотри на меня.

Хэзер отпустила перила и повернулась к нему лицом, встретила темный взгляд.

— Какого *черта* ты здесь делаешь? — спросил он напряженным голосом. — Я же

говорил тебе бежать. Я это и *имел в виду*. Тебе здесь небезопасно, и я...

— *Это ты* тот, кому здесь небезопасно, — прервала она, раненая его словами, с неожиданной злостью. — Я знаю, что ты *создание ночи*, но это не имеет значения. Ты все еще в опасности и не можешь продолжать бегать от самого себя. Возможно, тебя надо охранять от тебя же самого.

— Меня не надо охранять, — сказал Данте. — Я *не хочу*, чтобы меня охраняли.

У него заходили желваки.

— Вот упрямый осел, — пробормотала она. — Знаешь, что? Не беспокойся об этом. Ты хочешь, чтоб я ушла? Хорошо.

Развернувшись, она устремилась прочь.

Когда Хэзер остановилась, чтобы поднять сумку и ноутбук, в ее плечи вцепились пальцы и развернули ее. Она уронила сумку и выбросила кулак, но Данте поймал его и прижал к своей голой груди. Она выбросила левый кулак, но он поймал и его тоже.

— Проклятье! Отпусти! — сказала Хэзер, ее тело напряглось, глаза горели. — Какого *лешего* ты от меня хочешь?

Она пыталась вырваться, но стальные руки Данте обхватили ее запястья, словно наручники. Притягивая ближе. Притягивая к нему.

— Твою мать, ты дашь мне закончить, *d'accord*^[62]? — спросил Данте почти шепотом. — Я не хочу, чтобы ты оставалась здесь, потому что меня пугает то, что может с тобой случиться. Или что я мог бы... что я... смог бы сделать...

— Тссс... — Хэзер потрясла головой. *Боишься. За нее. Из-за себя*. Она посмотрела в его глаза, задрожала, горло сдавило. В этот момент она поняла, что ей нужен не сон. Не еда. И не время, чтобы подумать.

Данте отпустил запястья и обвил ее руками, крепко обнимая. Его сердце стучало все громче и быстрее. Его жар обжигал.

Проведя рукой по бледной мускулистой груди, Хэзер продела палец в кольцо на ошейнике. Потянула. Но он уже сам наклонялся. Затем поцеловал, и касание его губ и языка воспламенило ее, заставило гореть.

Жар желания прошелся по ней, когда поцелуй углубился, а шепот предательства, боли и одиночества отдавался эхом в сердце; то, что она видела в темных глазах, когда он выдохнул ее имя на скотобойне.

«Я не покину тебя», — думала она, надеясь, что он ее услышит.

Дыхание Данте перехватило. Он скользнул рукой под ее свитер, пальцы пробирались по коже к изгибам груди.

Она сорвала куртку с его плеч. Та с глухим звуком упала на пол. Ее руки скользнули по его бедрам, по ягодицам, потом поднялись вдоль твердых контуров спины. Его кожа на ощупь была словно нагретый на солнце шелк, обвивающий сталь. Данте задрожал от мягких прикосновений. Она открыла глаза, чтобы увидеть удовольствие на его красивом лице.

Огонь вспыхнул в животе Хэзер, пронесся пламенем по венам, когда Данте под свитером добрался до ее груди. Она застонала в их поцелуй, руками соскользнув обратно к его заднице, притягивая еще ближе. Данте был твердым под мокрой кожей брюк. Твердым у ее живота. Дыхание участилось. Она закрыла глаза.

— Мать Божья! Вы, два сгустка феромонов! — раздался веселый голос, Вона? — Идите наверх, если только не хотите делать это на публике.

Рука прекратила ласкать грудь Хэзер. Сквозь прикрытые веки она увидела, как Данте

показал бродяге средний палец.

Вон заржал.

— Скоро рассвет, парень. Через пару часов.

Закончив поцелуй, Данте поднял голову и опустил свитер Хэзер. Потом взял ее на руки.

— Что случается, когда приходит рассвет? — пробормотала она, обвивая рукой его шею.

— Я Сплю.

Хэзер услышала заглавную «С» в его голосе, и ее мысли перенеслись обратно в то первое утро — *оно было всего два дня назад?* — и к сонному Данте, дремлющему в машине, пока опасность не разбудила его.

Хэзер поцеловала его щеку, губы, ухо. Низкий звук завибрировал в горле Данте.

— Иди уже, красавчик, — прошептала она. — Не трать время.

Данте *переместился*, неся Хэзер по лестнице, будто та ничего не весила. Его сила поражала — стройный и гибкий, восхитительный — пока она не вспомнила, кем он был: созданием ночи. Она поцеловала его в шею, затихла в сильных руках, в тепле его тела. Волосы Данте касались пальцев Хэзер, мягкие и влажные, они обрамляли его лицо черными вьющимися локонами.

Наверху Данте занес ее в первую дверь налево — в свою комнату. Пинком закрыв дверь, он прошел по замусоренному полу с уверенностью кошки, потом опустил ее на не заправленную постель.

Хэзер убрала руки с его шеи и обхватила лицо. Снова поцеловала. И пробормотала в губы:

— Зажги несколько свечей. Я хочу тебя видеть.

Данте подошел к бюро, взял зажигалку, потом размыслился в движении по комнате; в результате горящие свечи замерцали, как вечерние звезды. Вернувшись к постели, он сел рядом с Хэзер. Посмотрел на нее, *в нее*, пламя свечей отсвечивало оранжевым на его кольцах, вдоль серег в ушах, в глазах. Он погладил ее щеку тыльной стороной пальцев, кольца холодили кожу.

Схватив за плечи, она потянула Данте на себя. Перевернула на скользких шелковых простынях и оседлала. Его руки заскользили вверх по ее бедрам.

— Когда я с тобой, так тихо, — сказал Данте низким хриплым голосом. — Гул прекращается.

Хэзер подумала о нем, стоящем на коленях на скотобойне, в оцепенении, шепчущем *sanctus, sanctus, sanctus*. Подумала о фотографиях, которые мельком увидела в портфеле Стёрнса.

— Я помогу тебе избавиться от него навсегда, — прошептала она.

И стянула с себя свитер, расстегнула лифчик. Бросила их на пол. Данте окинул ее горящим взглядом.

— *Trèsbelle*^[63], — выдохнул он.

Улыбаясь, она провела пальцами по его груди, обвела маленькую татуировку в виде летучей мыши над сердцем. Потом нагнулась, коснулась языком затвердевшего соска. Данте с шипением втянул воздух сквозь зубы. Его пальцы запутались в ее волосах, когда она поцелуями прокладывала дорожку по плоскому животу к краю кожаных брюк. Хэзер расстегнула ремень, пальцы возились с застежкой и молнией на брюках; она хотела разорвать их зубами.

Наконец, она обхватила его. Твердый. Горячий. Бледный, как молоко. Шелковый на ощупь. Она провела пальцами по всей длине, затем коснулась языком. Низкий стон вырвался из Данте, и этот звук расшевелил огонь, тлеющий внутри нее. Он задрожал, мышцы напряглись под ее ласками. Его пальцы выскользнули из ее волос и прикоснулись к щеке, заставляя поднять взгляд.

— Моя очередь, — сказал Данте низким голосом, обхватывая ее руки, притягивая. Он опрокинул ее на простыни. Хэзер выгнулась под ним, прижимаясь сильнее, кожа к коже.

Данте сдернул с нее обувь, затем снял брюки и трусики, Хэзер подняла бедра, когда он их стягивал. Затем поцеловал внутреннюю часть бедер, его губы горели у ее кожи. Она застонала.

Порыв воздуха пронесся рядом с Хэзер. Она услышала два глухих удара и посмотрела на пол. Два развязанных ботинка. Кожаные брюки. Потом Данте растянулся над ней, голый, за исключением ошейника на шее, бледная кожа мерцала в свете свечей.

— Ты сжульничал, — прошептала она, скользя рукой по его груди, животу и спускаясь ниже, исследуя гладкую белую кожу и стальные мышцы.

Хитрая улыбка играла на его губах.

— Ты сможешь жульничать в следующий раз.

Он поцеловал ее, укусив нижнюю губу. Она втянула воздух, но боль прекратилась в тот же момент, как началась. Его рука погладила ее грудь, прошлась по бедрам, пробралась между ног. Хэзер задохнулась. Задрожала от удовольствия.

Данте переместился, его губы сомкнулись вокруг ее соска — целуя, посасывая. Он проследовал поцелуями от груди, через живот и ниже, волосы скользили по коже, как черный шелк, щекоча и вызывая мурашки. Он лизнул ее, и она выгнула спину, пока его губы и язык бросали ее в жар, пальцы разводили огонь.

Сжигающий изнутри.

На мгновение сомнение прокралось в ее грезы: *Он не человек.*

Но она вспомнила стук его сердца, звук скорби, колючий грубый запах боли. Вспомнила, как он накрыл своей курткой Джину. Вспомнила опустошение на лице, когда он смотрел на Джея.

Если это не человечность, то что тогда?

Время тянулось в бесконечном сумраке. Тело дрожало от касаний Данте, сокращаясь в спазмах удовольствия, сгорая с каждым ударом языка. Она затрепетала, интенсивность оргазма лишила ее голоса и оставила бездыханной.

Данте проложил поцелуями дорожку обратно вверх по телу Хэзер, голубой огонь горел везде, где он прикасался губами. Затем поцеловал ее, и она распробовала собственный вкус. Пока они целовались, она направила его в себя, лаская и подталкивая пальцами. Он застонал, войдя в нее.

Пот покрыл их тела, когда они начали двигаться, раскачиваясь, сотрясаясь. Она дышала им, черной землей и горящими листьями. Его запах опьянял. Голубой свет мерцал в ее голове.

Обхватив ногами талию Данте, Хэзер притянула его еще ближе. Его дыхание участилось. Влажные от пота волосы вились у его лица, когда он смотрел в ее глаза своими, полными удовольствия — расширенными и с проблесками золота.

Прижав ее правую руку к матрасу около головы, Данте переплел их пальцы. Наклонился к ее горлу и поцеловал.

Хэзер почувствовала короткую боль, когда клыки Данте проткнули кожу на шее, но боль исчезла прежде, чем она ее осознала. Образ Данте в «МЯСО НА ЗАКАЗ» разрывающего Этьена на части, промелькнул в ее голове — *Беги от меня как можно дальше* — но удовольствие переполнило ее и стерло все страхи, все мысли. Она застонала, когда он присосался к горлу.

Она грезила мелодией без слов; слышала взмах крыльев.

Время снова потянулось, минуты разворачивались, теряясь в сумерках. Данте поднял голову от шеи и высвободил свою ладонь. Проведя рукой по Хэзер, Данте поднял ее, все еще находясь внутри, потом отпустил, вставая на матрац коленями. Держа руки на ее бедрах, он поцеловал Хэзер, позволяя почувствовать вкус крови на своих губах, во рту — ее крови. Станный трепет прошелся по ней: *у него внутри есть часть меня*.

Хэзер задвигалась, когда Данте вошел, пульсируя, создавая их собственный темп; ритм жара, пота и неровного дыхания. Когда губы Данте поймали ее сосок, всасывая его в тепло рта, для Хэзер все перестало существовать, кроме этого момента, и вряд ли когда-либо будет. Только Данте, горящий внутри нее, подходящий ей, как никто другой; воздух наполнился запахами мускуса и воска свечей и звуками ударяющихся тел.

Ощущения нарастали, круг за кругом, поднимаясь по спирали выше и выше, пока не дошли до пика, погружая ее в бездонный бассейн и вымывая все мысли. Она задохнулась, оргазм нахлынул, как река, *возрастая* с каждым спазмом вместо того, чтобы угаснуть.

Данте застонал, как будто тоже чувствовал это. Он задрожал, но не остановился, отбивая свой ритм. Голубой свет затуманил зрение Хэзер. Ее мышцы задрожали, напряглись. Она схватила Данте, ногтями впиалась в плечи, прижавшись щекой к его виску, погружившись в осенний аромат волос.

Держа одну руку на талии Хэзер, другую — на бедре, Данте опустил ее на матрац. Его темп поменялся; он задвигался быстрее, мощнее. Глаза закрылись. Губы приоткрылись. Казалось, что наслаждение подсвечивало его изнутри. Снова обхватив ногами его талию, она крепко прижалась к нему, отдавая себя ритму.

Только когда рассвет засеребрил комнату, Данте открыл веки и посмотрел на Хэзер, его глаза были с золотыми крапинами. Дыхание перехватило. Оргазм снова захватил ее, когда он кончил, и она закричала, когда он задрожал в ее руках. Движения Данте замедлились и остановились. Хэзер прижалась ближе к нему, ее сердце колотилось в груди.

За занавесками, закрывающими французские окна, ночь переходила в утро. Данте вышел из Хэзер, и она прижалась к нему, положила голову на плечо. Он обнимал ее. Сердце стучало решительно и ровно под ее щекой, не колотясь так быстро, как ее.

— Ты хоть представляешь, сколько правил я сейчас нарушила? — спросила она, закидывая на него ногу.

— Ммм... надеюсь, все из них.

— Теперь я знаю *две* вещи, в которых у тебя талант.

Данте фыркнул.

Хэзер подняла голову и посмотрела на Данте. В темных глазах уже не было золотых крапинок, лицо казалось расслабленным.

— Симона сказала, что кто-то охотится на тебя, — произнес Данте. — Ты знаешь, кто?

— Кто-то с верхушек, полагаю, — ответила Хэзер. — По крайней мере, это то, о чем я говорила. Из-за того что я не прекращаю расследование.

— Я найду Любопытного Тома и извращенца Элроя. *И* того, кто охотится за тобой.

Легкая напряженность на лице Данте, намек на едва сдерживаемую жестокость в его голосе встревожили Хэзер. Она сжала его руку.

— Ты же знаешь, что он ждет тебя, да? Не ходи к нему пока. — Она дотронулась пальцами до его лица, привлекая взгляд. — Мы можем арестовать их обоих для допроса, анализа ДНК, чего угодно, — сказала она. — Доказательства свяжут Джордана с убийствами. Ты свидетель убийства Джея... Мы получим время.

— Ты не сможешь арестовать Ронина, — ответил Данте. — Потому что он сгорит раньше.

— Слишком опасно.

— Я не спрашиваю разрешения.

— Упрямый осел.

— Вилами по воде, — сказал Данте сонным голосом, засыпая. — Остайся здесь, *chérie*.

— Останусь. — Приподнявшись на локте, Хэзер поцеловала его. Его глаза закрылись, и она знала, что он ушел, затерялся во Сне. — Доброго утра и сладких снов, — прошептала она, поправляя одеяла и возвращаясь в его объятия.

Хэзер закрыла глаза и провалилась в темноту.

Глава 27

Искушение

— Я потерял контакт с моими людьми в Новом Орлеане, — спокойно сказал Гиффорд, — я боюсь, что они, возможно, потерпели неудачу.

Пальцы Джоанны сжали телефон.

— Заверши дело. Если ты найдешь Стёрнса и Уоллес вместе, инсценируй все по схеме убийца-самоубийца.

Она посмотрела в окно спальни. За занавесками мерцал рассвет. Сон давил на нее.

— Конечно. Что-то еще?

— С тех пор как Э пропал с радаров, я думаю, мы должны завершить часть проекта, связанную с ним, — голова Джоанны упала на грудь. Она резко вскинула ее, заставив глаза открыться.

— И С?

— Не трогай его. Пока.

* * *

Хэзер проснулась, сердце колотилось, во рту пересохло. Она смотрела на затененный потолок, пока образы ночного кошмара полностью не исчезли: вернувшийся сон о последней пошатывающейся прогулке матери и поездке, которую она допустила. Или, по крайней мере, то, как она это себе представляла.

Внезапно почувствовав руку на плече и тело, прижатое к ней, Хэзер повернула голову. Данте спал. Темные ресницы, черные взъерошенные волосы, тихое дыхание. Она положила руку ему на грудь. Через мгновение Хэзер почувствовала успокаивающее биение его сердца. Провела пальцами вверх мимо рабского ошейника, мимо губ, к гладкой щеке.

Никакой щетины, размышляла она. Но это не могло быть особенностью созданий ночи, у Вона были усы, а у Ронина борода.

Хэзер провела рукой по его груди, чувствуя прохладную кожу под пальцами, к плоскому животу. Она с нетерпением ждала сумерек, хотелось разбудить его поцелуями, руками, ртом.

Вздыхнув, Хэзер посмотрела на часы. 2:00 дня. У нее была работа. Поймать плохих парней без помощи или благословения Бюро. Папка для чтения. Что если в ней что-то плохое? Живот скрутило, и она отбросила эту мысль. Затем перелезла через Данте, остановившись, чтобы поцеловать его в холодные губы.

— Сам *Très belle*, — пробормотала она, прежде чем слезть с постели.

Пол скрипел под ногами, когда она стянула одеяло и накрыла им Данте. Он не шелохнулся. У Хэзер было такое чувство, что ей не обязательно вести себя тихо. Он будет спать несмотря ни на что.

«Мило», — подумала она, обходя и перепрыгивая компакт-диски и одежду на полу по пути к прилегающей ванной комнате.

Она включила свет. Комната была окрашена в черный и сиреневый цвета. Столик был завален какими-то вещами: тюбики и карандаши, подводки для глаз, черная помада, щетка, зубная паста, мыло и MP3-плеер.

Зубная паста? Разве у вампиров не было иммунитета к кариесу?

Чистые махровые полотенца висели на крючках, шампунь и кондиционер стояли на полке в душе. А под полотенцами лежали ее вещи.

Кто?.. Потом она поняла, что это мог быть ДеНуар. Остальные уже спали, как и Данте погрузились в Сон в дневное время.

Включив воду в душе, Хэзер дала ей стечь, смотря на себя в зеркало. Она взглянула на горло, касаясь места, где ее укусил Данте. Никаких видимых повреждений, никакой боли. Огонь вспыхнул в ней снова, разгорелся в животе, как только она подумала о нем, впивающемся в нее. Она закрыла глаза.

Время игр прошло. Сфокусируйся на деле. Сфокусируйся на сохранении своей жизни — если ты умрешь, кто будет говорить за Джея и других?

Непрошенный и неожиданный ответ нарушил ее мысли: *Данте будет*. Так или иначе, она чувствовала, что это правильно — честно.

Открыв глаза, Хэзер шагнула в душ и закрыла дверь. Когда горячая вода заструилась по шее и плечам, она поняла, что когда Данте стал свидетелем по делу, стараясь изо всех сил сохранить ему жизнь, она не заметила, как игра изменилась; и теперь не знала, хотела ли команда Ронин-Джордан смерти Данте или того, чтобы он присоединился к ним.

Её имя Хлоя. И ты убил ее.

Она годами создавала психопатов.

Когда я с тобой, так тихо.

Развернувшись, Хэзер уперлась руками в скользкую от воды плитку и наклонила голову под струи воды. Она надеялась, что это ослабит напряжение в плечах, уберет стеснение, мешающее дышать, растворит страх, сковавший внутренности.

Она вспомнила мысль, которую прокричала Данте: *Я не уйду от тебя*.

Ее дыхание было затрудненным, рваным и всхлипывающим. В груди болело, словно сердце сжимали в кулаке. Она поняла, что боялась того, что обнаружит в файле, боялась того, что будет вынуждена сделать.

Надев кобальтовую блузку и слаксы цвета хаки, Хэзер спустилась по лестнице, держа обувь в руке. В доме царила тишина, спокойствие. Чувствуя себя будто в церкви, она воспротивилась порыву пойти на цыпочках. Слова, которые шептал Данте, крутились у нее в сознании: «*Sanctus, sanctus, sanctus*».

Пройдя по коридору, она остановилась возле компьютерной комнаты. Кресло было пустым, компьютер выключен. Скрученные кабели лежали на столе рядом с очками Трея. Она вдруг подумала об Энни, как та мирно спала под воздействием наркотиков на больничной койке, ее сдерживающие ремни лежали на ночном столике.

Прогнав изображение из головы, Хэзер продолжила идти по коридору, вошла на кухню. Села на стул и, нагнувшись, зашнуровала обувь. Кейс все еще стоял рядом со стулом; ее сумочка и ключи Стёрнса покоились на синей скатерти.

Она схватила сумочку, откопала мобильник. Пролиستала журнал вызовов, заметив несколько звонков от Коллинза. И почувствовала укол вины. Она оставила его мерзнуть на холоде, ни слова не объяснив. Могла ли она доверять ему? Хэзер больше не знала, на чьей стороне находится, и несколько часов сна не прояснили ситуацию.

Подставные агенты, заказанное Бюро нападение, эксперименты сумасшедшего ученого в психопатологии, вампиры, падшие ангелы и серийный убийца, расчленяющий своих жертв: ее понимание мира развернулось на сто восемьдесят градусов за несколько дней. Единственное, в чем она была уверена, это ее обещание жертвам Странствующего Киллера,

мертвым — голос и справедливость.

А ее обещание Данте? Боль снова сжала сердце. Она до сих пор чувствовала его на себе внутри себя, помнила ощущения, жесткие мышцы и горячую кожу, видела свое отражение в темных глазах.

До сих пор тихо. Останься здесь, chérie.

Я не уйду от тебя.

Обещания дают, чтобы сдерживать, а не нарушать. Она верила в это будучи ребенком, и верила сейчас. Ничего не изменилось. Она сделает все возможное, чтобы Данте был рядом и жив. Что если файл доказывал правоту Стёрнса? Если Данте был голосом, которому нужно молчать?

Так ли это просто? Она шагнула в мир, окрашенный в оттенки серого — сумеречный мир, более многогранный и сложный, чем можно себе представить.

Ты увидишь, какой Данте монстр.

Она знала, что будет вынуждена проверить это утверждение совсем скоро. Но сначала у нее была парочка монстров — один — создание ночи, другой — смертный — которых ей нужно остановить. Прежде чем они убьют кого-нибудь еще, кого-нибудь, кого любит Данте.

Выбрав один из пропущенных звонков Коллинза, Хэзер нажала вызов. Он ответил после первого гудка.

— Уоллес, где ты, черт подери, была? — в голосе чувствовалось напряжение.

— Была занята. Послушай, я сожалею. Я знаю, что должна была вернуться к тебе...

— Нам нужно поговорить. Лично. Все дерьмо льется на нас.

Дурное предчувствие скрутилось в животе Хэзер.

— Какое дерьмо?

— При личной встрече. Ты же говорила, было два тела на той скотобойне?

— Ага.

— Мы нашли только одно. Ребенок в смирительной рубашке.

Хэзер замерла. Она видела, как Этьен горел.

— Ты можешь меня забрать? — спросила она, назвав Коллинзу адрес.

— Хорошо, — он замолчал, затем уточнил, — это адрес Прейжона?

— Через сколько ты будешь здесь?

— Двадцать-тридцать минут.

— Тогда пока.

Как могло *исчезнуть* тело Этьена? Если только у созданий ночи не было автовызова в случае смерти, это значило, что кто-то пришел за его останками, или он просто ушел. Любое из предположений было паршивым.

Хэзер достала 38-й из кармана плаща и, несмотря на тот факт, что перезарядила его прошлой ночью, для уверенности проверила обойму. На месте. Она не знала, кто украл ее в первый раз — возможно, Джордан, после того как проснулся.

Надев плащ, Хэзер вернула пистолет в карман. Она накинула сумочку на плечо и после секундного колебания бросила туда ключи Стёрнса. Взяла кейс и вышла в гостиную.

— Хочешь, чтобы я что-нибудь передал Данте? — произнес глубокий голос.

Вздрагнув, Хэзер развернулась. ДеНуар сидел в мягком кресле, спина прямая, глаза закрыты, язык тела выражал бдительность и внимательность. Кулон в форме Х мерцал на его шее.

— Я думала, все спят.

— Так и есть, — сказал ДеНуар, открыв глаза. Его взгляд прошелся по кейсу, затем вернулся к ее лицу.

— Я оставила ему сообщение, — сказала она, — можешь не дать ему уйти?

Золото вспыхнуло в глубине черных глаз ДеНуара.

— Как я уже говорил раньше, Данте делает то, что хочет.

— Тогда попроси его подождать меня.

— Терпение — не сильная его сторона, но я попрошу.

— Я ценю это.

Хэзер прошла к двери, дернула, открыв ее, и вышла в солнечный день, кейс в руке темной тенью омрачал ее мысли.

* * *

Э загрузил последнее снаряжение в новый фургон, положив сумку с *игрушками* рядом с узким надувным матрасом, лежащим в задней части. Напевая, он опустился на колени и заправил матрас, разгладив длинный кусок полиэтилена над простыней. *Следует ждать худшего от крови на простынях.* Он сложил одеяло у изножья постели. Одна подушка или две? Э выбрал одну и положил у изголовья. Сидя на корточках, он посмотрел на тонированные УФ-защитные окна. Превосходные. *Надеюсь, Данте оценит усилия. Все для тебя, брат.*

Э шагнул в дом, положив ключи от фургона в карман джинсов. Он закрыл дверь и запер. Прощел сквозь занавешенный мрак. Сердце бешено стучало, мысли гудели. Э усмехнулся. Он ничего не подделает с этим.

Том-Том до сих пор спал, день для немертвого. Э остановился у комнаты кровососа. Золотой свет вспыхнул вокруг его тела, пронзая коридор сиянием. Он коснулся ручки, повернул. Закрыто.

Ухмылка Э стала шире. Возможно ли, что малыш Томми боялся? Бога, ищущего возмездия за осквернение алтаря?

Этот чертов чулок был моим.

Запертая дверь. Не проблема. Бог всегда был готов. Э достал набор отмычек из заднего кармана и открыл его. Выбрав нужную, он вставил ее в замочную скважину и толкнул. Кнопка с противоположной стороны ручки выскочила. Ухмылка Э стала еще шире. Вернув отмычку в набор, он застегнул его и положил в задний карман.

Э повернул ручку и вошел в затемненную вампирскую комнату. Золотые щупальца света рассыпались по ней, освещая Том-Тома, растянувшегося на кровати, руки по швам, глаза закрыты.

Э присел на корточки и заглянул под кровать. Никакой хорошенькой блондинистой игрушки, свернувшейся в пыли. Все исчезло. За исключением пыли. Вздохнув, он поднялся на ноги, прошел к шкафу и открыл дверь. Картонные коробки и черная сумка на замке пропали.

Сердце Э с глухим стуком билось в груди. Развернувшись со скользнувшим в руку ножом, он подошел к кровати. Том-Том спал, не изменив положения. Э вытер бисеринки пота со лба.

Ублюдок знает.

Золотистый свет Э угасал, становясь тусклым свечением. Его пальцы коснулись

пластыря на шею. *Он не смог отследить меня. Конечно, он знает.*

Э обошел кровать, ему было интересно, где малыш Томми спрятал лакомства. Он изучил спящего вампира, остановив взгляд на джинсах. Ключи. Самого. Э склонился над кроватью и коснулся переднего кармана Ронина. Его пальцы скользнули по джинсовой ткани. Пусто. Пройдя к другой стороне кровати, Э наклонился снова, ощупывая правый карман.

Бонус! Пальцы нащупали что-то твердое. Э пробрался в карман Том-Тома — *Не обращай на меня внимания. Упс. Это оно? Думаю, я должен был позвонить тебе, малыш Том* — зацепился за ключи и вытащил их. Золотой свет снова затопил вены Э, когда он выпрямился с ключами в руке; он светился, сиял.

Время сказать пока-пока.

Голос внутри настаивал — *Нет! Еще нет! Сначала убедись!* — но Э напомнил, что богу не нужно разрешение. Склонившись над Том-Томом, он полоснул ножом горло.

Глаза кровопийцы открылись.

* * *

Хэзер чуть не подавилась, откусив еще один кусок каджунского бургера.

— Мертв? — наконец, спросила она, когда смогла проглотить большой кусок. — ЛаРусс?

— И его напарник, Дэвис, — сказал Коллинз. Он выглядел измотанным и уставшим.

Хэзер и детектив сидели за столом для пикника, установленным под алюминиевым навесом рядом с закусочной «ЗДЕСЬ И С СОБОЙ». Они были одни, другие столы пустовали. Аромат горячего жира и жареного мяса витал в воздухе.

— Что, черт возьми, произошло? — спросила Хэзер, окуная фри в кетчуп.

Коллинз покачал головой.

— Пожар — поджог — в таверне. Было еще три других тела, кроме ЛаРусса и Девиса.

— Извини, Трент. Мне не нравился ЛаРусс, но этот человек не заслуживал мучительной смерти.

Кривая улыбка появилась на лице Коллинза.

— Да, он был мудаком, но раскрывал дела. Он был хорошим детективом. Одним из нас.

— Что ты еще знаешь?

— Немного, — ответил Коллинз, проведя рукой по волосам. — Вопрос в том, было ли это что-то простое, вроде грабежа, который не удался, или все было спланировано?

— Люди теряют самообладание. Паникуют, — сказала Хэзер. — Дерьмо выходит из-под контроля. Полицейские проверили работников и сотрудников?

— Посмотрели, кто не работал прошлой ночью и почему.

Она кивнула.

— ЛаРусс был на дежурстве или нет?

— Да, — Коллинз сделал паузу, прежде чем продолжить. — На самом деле они были у Прейжона с ордером на арест, но... — Он пожал плечами. — Того не оказалось дома.

Хэзер отодвинула остатки еды, аппетит пропал.

— Ордер на арест? За что, черт возьми?

Коллинз успокаивающе поднял руку.

— Чтобы привести Данте на забор образцов ДНК. ЛаРусс все еще думал, что он

подходит под убийцу девушки.

— Джина, — сказала Хэзер ровным голосом. — Ее звали Джина Руссо. ЛаРусс знал, что Данте не мог ее убить. Я уже поручилась за него.

— Я не знаю, что за ссора была между ЛаРуссом и Прейжоном, — сказал Коллинз. — Просто излагаю факты.

— Знаю, извини.

— Есть еще кое-что, — пробормотал Коллинз. Он скомкал обертку гамбургера и бросил в темное драпированное полиэтиленом мусорное ведро за столами. — Было еще одно убийство, — он посмотрел на Хэзер. — Плохое.

Обеспокоенное выражение лица детектива удивило ее. Она наклонилась над столом и коснулась его руки.

— Ты в порядке?

— Ага. Просто этот гребаный день слишком длинный.

Хэзер сжала его ладонь и выпустила ее.

— Так скажи мне, насколько плохое?

— Жертву расчленили. Убийца разложил части тела по всей комнате, — Коллинз сделал паузу, сглотнул. Желваки заходили на скулах.

— Продолжай, — мягко произнесла Хэзер. И напряглась, ожидая, когда гильотина обрушится на ее голову.

— Я абсолютно уверен, что это СК, — сказал Коллинз, — никакого символа анархии... черт... имею в виду, возможно, он и был, но мы не нашли... я никогда не видел... — Он отвел взгляд. — Там было сообщение. На стене. Кровью.

Тепло дня уходило вместе с опускающимся солнцем.

— Что там было сказано?

— Это так важно? — ответил Коллинз, смотря на Хэзер. Гнев загорелся в его глазах. — Расследование официально закрыто. Все, что скажут в главном офисе — раздражитель. Любой контакт с тобой запрещен.

— Трент, что говорится в сообщении?

— «С мой».

Хэзер, пошарив, вытащила сотовый из сумочки. Она вбила телефон Данте. Телефон звонил и звонил.

Нет ответа, нет. *С мой*. Ему нужен был Данте.

* * *

Распахнув со стуком дверь в номер мотеля, Гиффорд устремился в комнату, направляя пистолет сначала вправо, затем влево. Комната была пуста. Он все сделал по стандартам Бюро, вошел и осмотрел туалет, ванную, включил свет. Стёрнс ушел.

Опустив 45-й, Гиффорд осмотрел комнату. Кейс на стуле. Ноутбук на столе. Бутылка скотча и стакан на прикроватном столике. Стёрнс собирался вернуться, учитывая все, что оставил. Дождаться его?

Корзина для бумаг около кровати привлекла внимание. Гиффорд вывалил скомканные бумаги на помятое покрывало и разглядел первый лист. Заметил имя, ЭЛРОЙ ДЖОРДАН. Просмотрев лист, он понял, что даты и места на нем — это даты и сцены убийств СК.

Когда он перевернул второй лист, его мысли закрутились с бешеной скоростью. ТОМАС

РОНИН. Что кровавый отец Джоанны делал в Новом Орлеане? В то же время что и Э Посмотрев адрес на распечатке, Гиффорд решил не ждать Стёрнса.

Он собрал бумаги и выбежал в спешке из номера. Сел в арендованную Hertz и вбил адрес Метайри во встроенный навигатор машины.

Джоанна была права с самого начала. Не совпадение.
Дав задний ход, Гиффорд выехал с парковки мотеля.

* * *

Горячая кровь брызнула в лицо Э, запачкав очки. Рука Том-Тома сжала его запястье; что-то щелкнуло, и боль пронзила плечо. Финка упала в другую руку.

Ублюдок сломал мне запястье!

Эта мысль закончилась красочными вспышками светло-голубого, зеленого, фиолетового цветов — когда его, словно кувалдой, ударило в висок. Он полетел с кровати и врезался в стену. Кусочки шпукатурки посыпались на Э и ковер. Финка пропала.

Напугать меня, лишить финки — выполнено.

Он почувствовал головокружение. Живот скрутило. Но адреналин прогнал боль, словно дал пинка под зад, и поднял на ноги снова. Опершись плечом о стену, Э вытащил другую финку из ножен на икрах под джинсами. Он моргал, пока зрение не прояснилось, и посмотрел на кровать.

Ручьи крови текли с кровати, объединяясь в лужу на ковре. Комната пропахла кровью. Малыш Томми задыхался в дерьме, свернувшись на постели, руками хватался за горло, пытаясь остановить поток. Усмехнувшись, Э, шатаясь, подошел к кровати. Сверкающий взгляд кровососа был устремлен на него, убивая сотней различных способов.

Но не сегодня. Сегодня Э был богом, золотой и могущественный. Истинный убийца, который когда-либо ходил по земле.

Э поднял нож в уплотнившемся воздухе. Воздух как мед. Как янтарь. Нож вонзился в бьющееся сердце Ронина.

— Планы изменились, кретин.

* * *

Люсьен поднялся по лестнице, боль Данте вспыхивала, как свеча, в его сознании. Дитя до сих пор спал, но пламя и тени ворвались в его сны, крадя покой. Люсьен шагнул в комнату Данте. Смешанные запахи секса и выветривающихся феромонов витали в воздухе.

Он опустился на колени рядом с постелью и положил руку на лоб Данте. Жар обжег ладонь. Кровь сочилась из одной ноздри мальчика. Люсьен закрыл глаза и влил энергию в Данте, замораживая боль и укрепляя его частично восстановленные щиты.

Он вспоминает. Его прошлое сжигает его. Поглощает.

Данте пошевелился под его рукой, бледное лицо было обеспокоено. Кровотечение замедлилось, затем остановилось. Лихорадка исчезла. Погладив волосы Данте, Люсьен наклонился и поцеловал его в лоб.

Позволить ему ненавидеть меня. Но сохранить живым и сокрытым.

И в здоровом уме?

Мышцы груди натянулись. Он встал. *Я сделаю то, что должен.*

Он пересек комнату, подошел к французским окнам и раздвинул шторы. Последний проблеск заката осветил комнату темно-красным, словно проливая кровь. Люсьен стоял у окна, слушая, как остальные просыпаются в комнатах дальше по коридору, слушая первозданный пульс ночи и ритм своего темного сердца.

Люсьен слышал, как дитя сделал глубокий вдох на матрасе позади него. Слышал *Песнь Создателя* — песнь хаоса — пробудившуюся в душе его сына.

Даже не смотря на него, он знал, когда Данте открыл глаза.

— Нам есть что обсудить, — сказал Люсьен.

* * *

Данте потянулся, шелковые простыни скользили под ним, мышцы расслабились. Разорванные сны скользнули в его воспоминания. В сознании мелькнули образы до Сна — Хэзер под ним, приоткрытые губы, лицо, сияющее от удовольствия; горящий бар, злобная улыбка ЛаРусса, Джей...

Открыв глаза, Данте сел, сердце колотилось. Красноватый свет лился сквозь французские окна, освещая высокую фигуру Люсьена.

— Нам есть что обсудить, — сказал Люсьен.

У Данте перехватило дыхание, память затянула его — собор, пронзенный Люсьен, его слова шепотом: *Ты так похож на нее*.

Выпутавшись из простыней, он поднялся на ноги.

— Нет, нам нечего обсуждать, — ответил он. — Больше нечего.

— Ошибаешься, дитя.

Люсьен отпер двустворчатые окна и толкнул их. Он вышел на балкон из кованого железа. Сгущающиеся сумерки омрачали его лицо.

Подобрав пару черных джинсов с пола, Данте натянул их и застегнул ширинку. Он шагнул на балкон. Взгляд Люсьена был прикован к последнему мерцанию света на горизонте.

— Ты не можешь пойти за Ронином, — сказал Люсьен.

— Не могу? *Ты* говоришь мне, что я не могу? Пошел ты. — Пальцы Данте сжались вокруг холодных металлических перил.

— Ронин пробудит твое прошлое. Это сломает тебя, — сказал Люсьен, поворачиваясь и встречая взгляд Данте. — Найди другой способ покаяться за Джину и Джея.

— Ты больше не можешь указывать мне, что делать.

— Разве я указывал когда-нибудь? Или кто-нибудь другой делал это? Ты упрям, дитя.

— Я прислушивался к тебе, — ответил Данте, горло сдавило. — К тебе, больше чем к кому-либо.

Изображения вспыхнули в его сознании: маленькая девочка забилась в угол, плюшевая касатка прижата к груди, ее лицо заплаканное и испуганное.

Данте-ангел?

Он пошатнулся, боль пронзила голову. *Хлоя. Искупление для Хлои*. Сильные руки обхватили его, поддерживая.

— Отпусти, — пробормотал он, отталкивая руки Люсьена. — Оставь меня, блин, в покое!

Спотыкаясь, Данте вошел в комнату и прошел в ванную, закрыв дверь за собой. Он

опустился на пол, держась руками за голову, закрыл глаза. Он изо всех сил пытался сохранить образ Хлои в голове, но тот ускользал.

Он видел ее забившейся в угол и испуганной, затем лежащей в луже крови, но никогда не видел того, что произошло между. Незримое сотрясало его.

Ее звали Хлоя. И ты убил ее.

Пот стекал по вискам. Он скользнул руками вверх по лицу к волосам. Ударился головой об стену. Боль отступила. Не ушла, нет, но отступила достаточно, чтобы позволить думать.

Мысль надавила на его щиты, мысль, идущая от Симоны. Он открылся для прикосновения.

<Хэзер на телефоне. Она хочет поговорить с тобой>.

<D'accord, chérie. Я уже иду>.

Поднявшись, Данте развернулся и повернул кран холодной воды. Во мраке он увидел буквы, размазанные по поверхности.

ДОЖДИСЬ МЕНЯ. Темной помадой.

Данте улыбнулся и коснулся пальцем послания. Запах Хэзер прилип к нему — сирень и шалфей — и он не хотел смывать его. Пока нет. Брызнув в лицо холодной водой, он открыл дверь ванной.

Люсьен ждал, золотистые глаза блестели в сумраке.

— Ты собираешься пойти за Ронином?

— Не твое дело, — произнес Данте, проходя мимо.

Данте заметил проблеск движения и отступил, но слишком поздно. Люсьен схватил его за плечи, когти впились в кожу — боль пронзила острыми иглами. Данте почувствовал теплую струйку крови на спине. Он зашипел, но Люсьен отказался освободить его.

— *Это* мое дело, — сказал Люсьен, в голосе зазвучали стальные нотки, — *это всегда* было мое дело. Ты мой сын.

Данте уставился на Люсьена, ошеломленный, рассудок помутнел. *Его сын?*

— Отпусти.

Люсьен поднял руки. Кровь блестела на кончиках ногтей.

— Я должен был сказать тебе с самого начала...

— Да, но ты не сказал, — ответил Данте хриплым голосом. — А сейчас слишком поздно.

Он развернулся и вышел из комнаты.

Данте бросился вниз по лестнице, мышцы были напряжены, сердце бешено колотилось о ребра. Он хватал ртом воздух. Ему нужна кровь. Ему нужна правда.

Искупление. Может быть, все, что он знал, и всех, кого любил, у него отнимут, если он не заплатит то, что должен.

Он нашел Симону в гостиной, свернувшейся на диване около Вона. Ее глаза удивленно расширились, а хранитель выпрямился, нахмутив брови.

— Что случилось? — спросила она, передавая телефон.

Данте покачал головой, стараясь успокоить дыхание.

— *Où, chérie?* — сказал он в трубку.

— Дождись меня, — произнесла Хэзер, ее голос дрогнул. — Я скоро буду.

Лишится ли он и ее тоже?

— Не надо. Меня здесь не будет, — сказал он.

Большой палец нажал на кнопку отбоя. Телефон выскользнул из руки, ударившись о

ковер с глухим стуком.

Во внезапной тишине Данте услышал свист крыльев, затем потолок заскрипел, так как Люсьен забрался на крышу. Его отец. Падший.

Чего ты боишься, Истинная кровь?

Гнев горел в Данте, разливаясь по раскаленным добела венам.

— Не тебя, Любопытный Том, — прошептал он, — не тебя.

Глава 28

Сближение

— Дерьмо! — Хэзер с расстроенным видом уставилась на телефон. — Упрямец... — Она посмотрела на Коллинза. — Мы должны спешить. Данте уже отправился туда без нас.

Машина вырвалась вперед, когда Коллинз вдавил педаль до упора.

— Надеюсь, ты права насчет предполагаемого дела. Если мы возьмем Джордана для допроса, я не хочу отпускать его по техническим причинам.

— Мои исследования показывают, что Джордан был на каждом месте преступления, — сказала Хэзер. — Если мы получим экземпляр его ДНК, он совпадет с уликой по каждому делу.

Она бросила телефон назад в сумочку.

Огонь теплился в ней, когда она проснулась рядом с Данте, жизнь вспыхнула от звука его голоса. *Où, chérie?* Она почти чувствовала его запах — теплый, земляной и возбуждающий. Но за словами Данте слышалось напряжение в голосе. «Мигрень? — задалась она вопросом. — Или было что-то еще?»

Когда ты со мной, так тихо. Гул прекращается.

Я помогу тебе избавиться от него навсегда.

Хэзер знала квалифицированных гипнотерапевтов в Сиэтле, которые могли бы успокоить подсознание Данте и помочь безболезненно вытащить его прошлое из темных глубин. Она провела рукой по волосам. С людьми — да. Но создание ночи? Ночные хищники, кормящиеся кровью? Психология не была — *не могла быть* — такой же. Она вздохнула и посмотрела на кейс, лежащий на заднем сидении. Прошое Данте. Все, что он не мог или не хотел помнить, находилось в тонком черном кейсе. Прошое *Данте*. Он должен увидеть его первым. Кулак, сжимавший ее сердце, исчез, и она сделала легкий вдох.

После того как они разберутся с Элроем Джорданом, она отдаст кейс Данте, передаст ему, что сказал Стёрнс, и затем останется с ним, пока он будет изучать содержимое.

А если Данте был монстром?

Хэзер посмотрела в пассажирское окно, сжав руки в кулаки на коленях. Дорога была размытой, темной и бесконечной. Она помнила вкус губ Данте, одиночество в его голосе на скотобойне. Помнила свои обещания.

Я не уйду от тебя.

Я помогу тебе избавиться от него навсегда.

Я никогда бы не уничтожила улики, неважно, насколько это больно.

* * *

Стёрнс помочился в пустую бутылку из-под апельсинового сока, переключив свое сосредоточенное внимание от дома Томаса Ронина. Закончив, он закрыл бутылку крышкой и осторожно положил на пол возле пассажирского сидения, а затем опустил стекло, впуская свежий воздух.

На противоположной стороне улице стоял огороженный аккуратный домик. Стёрнс наблюдал за ним с полудня. Видел, как мужчина 30-ти лет с редкими каштановыми волосами уехал из дома на Јеер и вернулся через час в белом фургоне с черными

тонирующими УФ-защитными стеклами. Элрой Джордан. Согласно распечатке, которую онукрал из кухни Прейжона, Уоллес подозревала Джордана в убийствах СК. Также он был одним из проектов Мур.

Никаких признаков Томаса Ронина, но дорогой Самаго, припаркованный на проезжей части, говорил о том, что журналист дома. Стёрнс до сих пор не был уверен, как Ронин вписывался в картину. Особая сделка? С пришибленным серийным убийцей?

Почему бы и нет? Стёрнс был свидетелем и участвовал в более странных и темных делах.

Кто-то вышел из парадной двери. Снова Джордан, но его лицо и одежда были чем-то забрызганы. Сложно было рассмотреть в сгущающихся сумерках. После того как Джордан попытался открыть несколькими ключами багажник Самаго, Стёрнс понял, что пятна — это кровь.

Что бы Джордан не собирался делать с журналистом, казалось, он закончил. Грязным, но неизбежным способом. Играть с серийными убийцами — все равно, что бегать с ножницами; рано или поздно ты порежешься.

Багажник, наконец, открылся, и Джордан порывлся в его содержимом. Через некоторое время он выпрямился и захлопнул багажник. Затем пнул Самаго несколько раз, ударил кулаком по капоту.

Через приоткрытое окно Стёрнс услышал крик Джордана:

— Твою мать!

Стёрнс коснулся глока на сидении рядом. *Не справляется с неприятностями.* Джордан зашагал по дорожке к парадной двери, затем остановился. Он начал расхаживать взад и вперед, будто сомневаясь. Боялся войти? Стёрнсу было интересно. Через минуту Джордан остановился, расправил плечи и вошел в дом.

С глоком в руке Стёрнс выскользнул из Buick LeSabre.

* * *

Гиффорд затянулся, смакуя темный, ванильный, пряный вкус табака, его взгляд был прикован к Buick LeSabre, припаркованному через три дома на противоположной стороне улицы. Он выдохнул дым в приоткрытое окно.

Стёрнс вышел из LeSabre, опустив правую руку вниз, пистолет вырисовывался на фоне его левой ноги. Он пересек улицу, направляясь в дом, в котором скрылся Э. Гиффорд погасил наполовину выкуренную сигариллу в пепельнице машины. Без Уоллес он не сможет инсценировать убийство-самоубийство, но он научился импровизировать в течение стольких лет работы с Джоанной.

Подобрав пакет для продуктов, набитый бумагами, Гиффорд вылез из Taurus. Он пошел вдоль тротуара, «продукты» согнулись в его левой руке. Правую он засунул в куртку, сжимая рукоять 45-го.

Позволю Стёрнсу убрать Э. И подчисти, что останется.

* * *

Э ударил себя ладонью по лбу. *Идиот! Нужно было подождать.* Где кровопийца мог спрятать эту дрянь? Не под кроватью. Не в шкафу. Не в машине.

Э зашагал к прихожей, зная, что лакомства должны быть в доме. Сердце бешено колотилось. Ублюдок ждал Данте и подготовился. Пройдя по коридору, Э остановился у двери Том-Тома и заглянул внутрь. Кровь повсюду. Даже на потолке. Но кровать была пуста.

Его сердце колотилось, когда Э отпрыгнул от двери и подбежал к шкафу в коридоре. Он открыл его. Порылся среди полотенец и простыней, бросая их на пол. А потом замер. Он только что слышал *шарканье*? Нетвердые шаги по темному коридору, как у кровоточащего зомби? Э повернулся, держа нож в руке.

Он стоял в одиночестве в затемненной комнате.

Пульс резко ускорился, во рту пересохло, Э вернулся к двери спальни Ронина. Густой запах крови ударил ему в голову — *Ах, пахнет, будто сексом*. Шагнув в комнату, он снова услышал скрежет.

На полу, с противоположной стороны кровати, темные окровавленные пальцы, царапая, пытались ухватиться за стену. Окровавленные вмятины испортили краску.

Э вытаращил глаза, сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть, он подумал: «*Это Рассвет Мертвецов. Мертвец не остановится. Не хочу, чтобы меня разорвал и съел зомби*».

Всхлипывание заглушило звук царапанья пальцами. Э зажал рукой рот, и всхлипывание прекратилось.

Заткнись. Это не зомби, просто истекающий кровью кровосос отказывается умирать. Ты бог. Возьми себя в руки, черт возьми.

Э кивнул. Бог. Он убрал руку ото рта и подошел к комоду. Выдвинул верхний ящик. Засверкал золотой свет, и ангельский хор пропел торжественную песню. В складках шелкового белья и дорогих носков лежали файлы. Э схватил их и открыл следующий ящик. Ничего. Он нашел черную сумку на замке в последнем ящике и взял ее.

Ногти царапали стену. Минувя коридор и гостиную, Э выбежал из дома.

Дойдя до фургона, Э забрался внутрь и спрятал рюкзак и файлы рядом с сумкой с игрушками. Теперь все, что ему было нужно, это Данте. Где GPS приемник? Э расстегнул черную сумку и порылся в ней — пузырьки успокоительных, пистолет транквилизатор, шприцы, наручники — все, чтобы поразвлечься с кровососом, но никакого GPS приемника. И как, блин, он отследит Данте?

Э ударил себя кулаками по вискам. Боль пронзила сломанное запястье. Желудок сжался. *Идиотиидиотиидиот!* Нервно сглотнув, он опустил поврежденную руку. Фиолетовые, почти черные синяки покрывали опухшее запястье. Он перевяжет его позже. Сейчас ему нужно найти GPS приемник.

Э вылез из фургона и замер. Мужчина с пристальным взглядом в пиджаке стоял напротив с нешуточным пистолетом в руке. Дуло было направлено в грудь Э. Э упал на бетон, закатился под фургон. Перекатился. Что-то *тяжело* ударилось о фургон. Пуля?

Э посмотрел мимо отполированной обуви мужчины, услышав звук, похожий на рев двигателя на максимальной скорости. На улице маленький черный автомобиль встряхнуло на тротуаре, проехав лужайку, он направился прямо к дому.

Э сощурился от яркого света фар. Машина врезалась в крыльцо. Решетка радиатора ударилась об порог. Дом задрожал.

Данте приехал.

Стёрнс бросился к новому фургону Элроя Джордана, когда спортивная машина подпрыгнула на бордюре, проехала через двор и врезалась в дом. Из-под помятого капота, шипя, в воздух поднимался пар.

На какой-то момент Стёрнс заколебался, потом отодвинулся от фургона. Несчастный случай? Или преднамеренный? Затем стройная фигура в черном выскользнула из автомобиля через пассажирское окно, и его сердце заколотилось о ребра.

Красивое белое лицо. Черные волосы. Кожаная куртка и темные джинсы с цепью. Он с легкостью перепрыгнул погнутый капот машины, оказавшись у искореженного порога дома, окруженный мерцанием бело-синего света. Бледные руки сжимали что-то деревянное.

Выйдя вперед, Стёрнс вытащил Glock.

— Данте! — закричал он.

И выстрелил, когда молодой вампир обернулся.

* * *

Голова Данте дернулась в сторону, когда пуля попала в висок. Он рухнул на пороге.

— Останови машину! — закричала Хэзер. Коллинз ударил по тормозам. Она выскочила из открытой двери и, удачно приземлившись, побежала, вытаскивая 38-й из кармана плаща.

Стёрнс поднял взгляд. Посмотрел на нее, затем шагнул к MG. К Данте.

— Брось пистолет, — крикнула Хэзер, обхватив 38-й двумя руками. Она навела его на Стёрнса. — Брось его! Не заставляй меня делать это!

Стёрнс заколебался, затем вышел вперед и поднял Glock. Хэзер выстрелила. Стёрнс споткнулся, упав на одно колено на траву около MG. Она побежала по тротуару к испорченному шинами двору, с оружием, нацеленным на бывшего наставника.

— Брось! — сказала она.

Glock выпал из пальцев Стёрнса. Кровь окрасила плечо на его пиджаке. Вздогнув, он завел руки за голову.

— Дай мне закончить с ним, — произнес Стёрнс, — если ты прочитаешь файл...

— Заткнись, — сказала она, направляя пистолет ему в лоб.

Она посмотрела в сторону дома. Данте не двигался. Он растянулся на пороге, освещенный фарами; черные волосы, словно пролитое на ковер вино. Струйка крови стекала от виска по лицу.

Хэзер отвела взгляд. Не мертвый, напомнила она себе, не мертвый. Втянув холодный воздух, она достала наручники из кармана. Встав позади Стёрнса на колени, она защелкнула браслет на одном запястье, закрепляя их.

Коллинз подбежал к дверному порогу.

— Я проверю Прейжона, — сказал он.

— Хэзер, послушай, ты не понимаешь...

— Я понимаю, что ты стрелял в безоружного человека, — произнесла она тихим натянутым голосом, — а сейчас заткнись.

Когда Хэзер опустила руки Стёрнса, чтобы полностью надеть наручники, мужчина, несущий пакет с продуктами, остановился на подъездной аллее.

— Сэр, пожалуйста, проходите...

Мужчина уронил продукты. Комки бумаги упали на тротуар, когда он вытащил оружие.

Стёрнс выдернул не скованную руку, свободную от хватки Хэзер, и бросился к глоку.

Сердце пропустило три удара, Хэзер подняла 38-й.

— Трент! Берегись!

Все трое выстрелили.

* * *

Люсьен летел, холодный ветер обдувал его лицо. Другой вид холода сковывал льдом душу. Он на краткий миг почувствовал боль, скользнувшую от сознания Данте. Слабая жизненная нить пульсировала через их связь, так он понял, что Данте не умер. Раненый, возможно, в критическом состоянии, но живой.

На земле под Люсьеном кривой свет фар пронзил небо. Бегущие фигуры. Жажда крови, дикая, слепая и древняя, ударила в ночь из дома внизу. Люсьен постепенно опустился к дому и его неистовому жителю.

Томас Ронин никогда не будет угрозой для Данте снова.

Люсьен скользнул к земле, босые ноги коснулись влажной травы. Сложив крылья, он прошел через неосвещенный задний дворик и рванул дверь с проволочной сеткой — металл заскрипел, вылетая из петель. Отбросив ее, Люсьен разбил заднюю дверь ударом кулака и вошел внутрь.

* * *

Э наблюдал из-под фургона, как Хэзер опустилась на колени за тем ублюдком, который пытался убить его, — мужчина с пристальным взглядом, который подстрелил его брата Плохого Семени. Затем кто-то присоединился к игре. Вдруг все начали кричать, стрелять и прыгать.

Э вылез с другой стороны фургона и, не вставая, прокрался к погнутому капоту; Данте лежал на пороге, изогнувшись, как извращенец из порно.

Он пожелал успехов прекрасной Хэзер и надеялся, что та не станет возражать, если он воспользуется этой неприятной ситуацией. Он предпочел думать, что она борется, чтобы защитить *его*, а не Данте, так как, в конце концов, пришла к нему, а не к неприглашенному маленькому кровососу.

Но, эй, по крайней мере, ему больше не нужно искать GPS приемник.

Э остановился у помятого капота фургона, наблюдая за полицейским в штатском, присевшем на корточки рядом с телом Данте. Он обернулся на предупреждение Хэзер и вытащил пистолет, но прежде чем успел выстрелить, темные окровавленные пальцы схватили его за плечи и потащили в дом.

Чувство, будто по нему ползают муравьи, вызывающее мурашки, покрыло все тело Э. Том-Том стоял на ногах. Прямо за порогом тени дернулись и задрожали.

Кровосос или беспокойная душа мертвого?

Э побежал вперед, сгорбившись, его взгляд был прикован к бледному лицу Данте. Во дворе люди кричали, стреляли из пистолетов. Мысленно скрестив пальцы за то, чтобы Хэзер выжила — игра будет не та без нее — Э подался в сторону бетонной лестницы. Жидкость вытекала из-под разбитого кузова MG. Пар поднимался и шипел.

Э дотронулся дрожащими пальцами до руки Данте. Вцепился в нее. Потянул. Мертвый

и тяжелый. Потая, тяжело дыша, Э стащил Данте со ступенек. Он упал на землю, металл глухо зазвенел. Э перенес хватку от руки Данте к воротнику пиджака. Хорошенькая голова Данте болталась. Кровь сочилась из правого уха, окрашивая часть лица.

Кряхтя и сжигая адреналин, Э дотащил своего брата кровососа до передней части фургона. Боковые двери были до сих пор открыты.

Что-то вылетело из дома. Хэзер завопила:

— Дерьмо!

Стреляя еще больше.

Э частично затолкнул Данте в фургон, запрыгнул внутрь и затащил его полностью. Убрав Данте от дверей, он закрыл их. Достав наручники из черной сумки, Э надел их на его запястья. Он не знал, как долго тот пробудет без сознания, но лучше не рисковать.

Он потянул тело Данте к задней части фургона, поднял руки и закрепил цепь наручников на крючок, установленный специально для этого. Кровосос выглядел чертовски хорошо в наручниках. Естественно.

Усмехнувшись, однорукий Э пополз к сидению водителя. С трудом вытащив ключи из кармана, он ждал.

* * *

Хэзер выстрелила из 38-го и бросилась в сторону. Что-то просвистело мимо ее щеки, жая. С Glock в руке, Стёрнс перекатился по газону и вскочил на ноги. Он открыл огонь. Темноволосый человек — *неизвестный субъект* — качнулся назад, затем выстрелил снова.

Стёрнс упал на колени, с пустым лицом.

Целясь в голову неизвестного, Хэзер нажала на курок, когда мужчина быстро спрятался за фургон.

— Трент, — окликнула она, — отвлеки его!

Хэзер бросилась к MG, ныряя за него. Посмотрела на дом, и ее сердце подскочило к горлу. Пропитанная кровью фигура склонилась над Коллинзом. Руки детектива были безвольно раскинуты; все тело выглядело бескостным. Томас Ронин поднял голову от того, что осталось от горла Коллинза.

Хэзер развернулась и открыла огонь по вампиру. Оскалившись и показав клыки, Ронин бросил в нее тело детектива.

— Дерьмо!

Тело врезалось в нее, выбив воздух из легких и свалив на землю. Голова Хэзер ударилась о мокрую траву. Вспышки света заискрили в глазах. Застывшая под Коллинзом, она с трудом дышала. Впитывая запахи пота, крови и смерти. Образ разорванного горла и бледного лица заполнил ее разум. Она отталкивала тело, отчаянно хватая ртом воздух. И наконец, с последним рывком освободилась, делая судорожные вдохи, наполовину рыдая.

Сейчас Ронин держал темноволосого убийцу, уткнувшись лицом в горло мужчины. Неизвестный пинался, колотил и извивался. Он опустошил обойму в живот вампира. Ронин вздрагивал от каждой пули, рыча, питаясь. Кровь сочилась тоненькой струйкой на бетон.

Поднявшись на колени, Хэзер прицелилась в голову Ронина. Она заметила какое-то движение из дома и развернулась, держа пистолет в обеих руках. ДеНуар, без рубашки, без обуви, вышел на порог, пересек двор двумя быстрыми шагами и схватил Ронина за шею одной рукой.

Убийца упал на проезжую часть, его тело распласталось так, что желудок Хэзер скрутило. Ронин, извиваясь в хватке ДеНуара, полоснул его грудь ногтями. Полилась кровь, затем... остановилась. Порезы исчезли. Пропали. Крылья ДеНуара раскрылись. Он унес Ронина в небо.

Завелся фургон. Дал задний ход. И, проехав прямо по телу неизвестного, выехал на улицу. Хэзер вскочила на ноги, с бешено колотящимся сердцем. Джордан! Она подняла 38-й. Джордан сморщил губы, поднял руку и послал ей воздушный поцелуй. Она открыла огонь. Пуля попала в пассажирское окно. Она снова нажала на курок, но пистолет щелкнул, обойма опустела.

Джордан вдавил педаль газа. Фургон, ускоряясь, уехал вниз по улице в ночь.

Хэзер откинула голову назад и вскрикнула:

—Твою мать!

Джордан сбежал. Данте подстрелили... Данте... Она развернулась. Порог был пуст.

ДеНуар, должно быть, переместил его или... Она выбежала на дорогу. Фургон исчез.

С мой.

* * *

Люсьен кружился в небе, погрузив когти в плечи Ронина. Вампир вонзил клыки в грудь Люсьена, высасывая живительную, поддерживающую жизнь кровь. Люсьен ударил кулаком по голове Ронина, смяв череп и вырвав клыки из своей плоти.

Череп запульсировал и вернулся в прежнюю форму. Взгляд Ронина застыл на Люсьене.

— Этот вкус, — произнес он, — как кровь Данте — уникален.

— Я надеюсь, ты наслаждался. Это был последний раз.

Люсьен схватил вампира за плечо и бедро, а затем выкрутил. Кровь брызнула в ночь, когда плоть и кости разрывались. Скрученный. Ронин кричал, закрыв глаза, его клыки были залиты лунным светом. Ногти оставили борозды на груди Люсьена.

Люсьен разорвал Ронина пополам. Органы упали на землю, как ливень из кровавого месива. Ниже текла Миссисипи, мерцающая под звездами, черная река, пересекающая черную землю. Люсьен выпустил нижнюю часть вампира. Подергивающиеся ноги упали в реку.

Рассекая ночь, Люсьен отмахнулся от царапающихся, бьющихся рук Ронина, увернулся от челюсти, пытающейся его укусить. Он парил над дымовой трубой береговой фабрики. Искры взлетали в небо из темного рта.

— Я готов разрушить мир для своего сына, — сказал Люсьен и вытащил когти из плоти Ронина.

Падая, вампир схватил кулон в форме Х. Цепь порвалась. Улыбаясь, Ронин рухнул в дымовую трубу с цепочкой, намотанной на его пальцы. Сноп искр взлетел в воздух.

Люсьен смотрел в ночь, держа руку на шее.

Кулон исчез.

Темнота.

Музыка гремела, его музыка. «Inferno».

Пахло кровью, терпким потом, выхлопными газами.

Вкус крови во рту, его собственной.

Что-то кольнуло в шею. Боль. Холодные химикаты потекли по венам. Тупая головная боль.

— Мой, — прошептал голос. Незнакомый. Затихающий. Пальцы коснулись лица. — Я буду твоим богом, и ты будешь любить меня.

Темнота. Наркотики подействовали. Данте провалился в грезы.

* * *

Хэзер сидела на траве рядом с телом Стёрнса, протянув руку над его неподвижной грудью, желая дотронуться до мужчины, который был ей больше отцом, чем Джеймс Уильям Уоллес. Хотелось попрощаться. Но она не могла заставить себя опустить руку ниже.

Он хладнокровно выстрелил в Данте. А теперь...

Резкий поток холодного воздуха всколыхнул ее волосы, заставив поднять голову. Черные крылья ДеНуара рассекали воздух, хлопая, когда он приземлялся. Его золотой взгляд метался по двору. Отчаяние омрачило лицо.

Звуки сирен пронзили тишину.

— Где он?

— У Джордана, — сказала она. — В фургоне.

С мой. Ее глаза покалывало.

— Я не чувствую его, — сказал ДеНуар напряженным голосом. — С нашей связью что-то странное. Ощущается как... статичность. — Взмахнув крыльями, он поднялся в воздух.

— Стой! — Хэзер поднялась на ноги. Оглядела двор, ставший местом преступления. Все мертвы. Внезапная боль раскаяния захватила ее, когда взгляд упал на тело Коллинза. Она вспомнила их разговор о ЛаРуссе: *Этот человек не заслуживал мучительной смерти.*

«Так же как и ты, Трент», — подумала она, горло сжалось.

Если бы она сейчас осталась, пришлось бы писать отчеты и доклады в течение многих часов, возможно, дней. СК заполучил Данте. Да, Данте был созданием ночи. Но Элрой Джоржан — сексуальным садистом, который теперь завладел исцеляющейся жертвой. Которую он может «убивать» снова и снова. Она не могла позволить себе потерять его.

— Возьми меня с собой, — сказала она.

ДеНуар завис в воздухе с холодным нечитаемым выражением лица.

— Я знаю модель поведения Джордана и могу помочь. Пожалуйста.

Когтистые руки ДеНуара сжались в кулаки. Он снова опустился на землю. Звуки сирен приближались. Хэзер перебежала улицу к машине Коллинза, открыла дверь и потянулась через сидение. Схватив кейс, она побежала обратно во двор к ДеНуару.

— Держись, — сказал он, обхватив ее рукой за талию.

Хэзер схватилась за шею ДеНуара, сердце колотилось под ребрами. Его крылья

взмахнули, вызывая порыв воздуха, и они поднялись в небо. Она посмотрела вниз. Группа машин издавала визг на склоне дороги, ведущей к дому Ронина. Голубые мигалки отбрасывали свет на дома, машины, тела. Кварталом ниже по улице машина скорой помощи с зажжёнными сигнальными огнями ждала от копов команды «отбой».

Ветер от полета ДеНуара дул холодом в лицо Хэзер, покрывая инеем волосы и ресницы. Дрожа, она закрыла глаза. ДеНуар обхватил ее другой рукой, удерживая крепко, без всяких усилий. Его жар грел, растапливая лед. Она уткнулась лицом в его шею. Тепло и земляной запах вернули ее мысли к Данте.

Сердце болело, мышцы напряглись, Хэзер *выкрикнула* свои мысли в ночь, надеясь, что Данте ее услышит.

Я иду за тобой.

* * *

Темнота.

Боль пульсировала в голове. В шее. Горела в плечах. Мышцы свело. Он попытался опустить руки. Металл врезался в запястья. Ударился о другой металл.

Наручники.

Данте открыл глаза. Все вокруг было красным. Он лежал на боку, руки вытянуты над головой. Он учуял дешевый табак и пластик, и резкий запах собственной крови. Смертный стоял на коленях рядом. Схватил его плечи. Появившаяся боль отдавалась в шею в основании черепа. Горячая кровь стекала вниз по горлу под рубашку.

Подвал папы Прейжона.

Данте дернул изо всей силы вниз. Боль снова ударила по плечам. Глухое *тунк*. Наручники выдержали.

Рука на плече Данте сжалась. Сильно.

— Не двигайся, — сказал незнакомый голос. — Сделаешь это снова, и кто знает, где окажется этот нож.

Данте зажмурился, когда лезвие вонзилось в него, разрезая. Еще больше горячей крови потекло по шее.

— Достал! Да, черт побери!

Нож больше не вонзался. Данте освободил дыхание, которое задержал, и сделал глубокий вдох спертого воздуха, пропитанного старым запахом дыма и желчи; вонь он распознал, но не мог дать ей имя. Словно ледоруб вонзился в его виски, боль ворвалась в мысли, ослабив концентрацию.

Смертный протер его шею. Зашуршала бумага. Потом он чем-то накрыл рану.

— Получай, пластырь с Бэтменом. Думал, тебе понравится.

Кончик пальца коснулся плеча Данте, и его перевернули на спину. Наручники звякнули. Под ним захрустел полиэтилен. Данте открыл глаза и вздрогнул. Над ним на потолке горела небольшая закрытая лампочка. Не подвал, нет. Машина? Никаких ощущений движения. Никакого шума мотора. Никакого перемещения.

Тень сдвинулась, став силуэтом напротив света. *Кажется, похож на ассистента Любопытного Тома...*

Извращенец Элрой стоял на коленях рядом с Данте, губы растянулись в ухмылке. Перевязка поддерживала его левую руку у груди. В правой руке он демонстрировал зажатый

между двумя пальцами кровавый кусок пластика.

— Видишь это? — сказал он. — Жучок, имплантированный при рождении. Таким образом за тобой *всегда* могли следить. Исследовать. И так далее, и тому подобное. Свой я вырезал себе сам.

Боль прошла сквозь череп Данте. Жучки? Имплантаты? За болью промелькнул образ — женщина, короткие светлые волосы, голубые глаза, клыки. Шепот. *Они боятся тебя, моя маленькая Истинная кровь.* Боль уничтожила образ.

Низкий голос Ронина: *Чего ты боишься, Истинная кровь?*

Игла уколола кожу на шее.

— У тебя нос кровоточит, — сказал Элрой. — Это даже сексуально.

Губы Извращенца, горячие и со вкусом табака, прижались ко рту Данте; поцелуй был такой же нежный, как удар кувалдой. Когда рука Элроя заскользила по телу Данте, наркотики вытолкнули его обратно в темноту подвала папы Прейжона.

Данте-ангел?

Дай мне сгореть, принцесса.

* * *

Хэзер открыла глаза, когда ДеНуар, спланировал на кованный железный балкон снаружи спальни Данте. Она убрала руку с его шеи и шагнула на бетон. Ее рука, в которой был кейс, замерзла. Быстрый осмотр выявил сильно покрасневшие пальцы, обветренные, но не обледеневшие.

Она прошла в неосвещенную спальню через открытое французское окно. В воздухе витал запах воска и хрустящих осенних листьев, запах Данте. Вид смятых простыней сжал ее сердце. Она закрыла глаза.

Сфокусироваться на поиске Джордана. Сфокусироваться, чтобы найти его как можно быстрее — прежде, чем он начнет орудовать над Данте и узнает, что сможет никогда не останавливаться.

Хэзер открыла глаза и пересекла комнату. Когда она повернула за угол и вышла в коридор, то увидела на лестнице Симону, ее бледное лицо было встревоженным.

— Люсьен рассказал нам, что случилось, — сказала Симона, ступая на лестничную площадку. — Что тебе нужно, чтобы сделал Трей? — Ее темный взгляд скользнул от Хэзер вверх.

ДеНуар шагнул мимо, застегивая пуговицы на черной рубашке.

Люсьен рассказал нам, что случилось. Конечно. Хэзер проглотила слова, которые планировала сказать, тяжелые слова — *Данте поймал пулю в голову, а сейчас он у серийного убийцы, как тот и говорил, как тот и обещал, кровью невинных.*

Хэзер сказала:

— Мне нужно, чтобы твой брат поискал прокаты или покупки, сделанные недавно Ронином или Джорданом. И пусть еще найдет транспортное средство.

— *D'accord.* — Развернувшись, Симона побежала вниз по лестнице.

ДеНуар посмотрел на кейс.

— Что внутри?

Хэзер подняла глаза и встретила с ним взглядом.

— Прошлое Данте.

— Где ты это достала?

— У моего босса, — сказала она низким голосом. — У человека, что стрелял в Данте.

Челюсть ДеНуара сжалась. Его взгляд переместился на точку выше и дальше Хэзер. Завитки черных волос взлетели в наэлектризованном воздухе. Запах озона наполнил коридор. Волосы Хэзер поднялись. Ее кожу покалывало. *Разряд молнии.*

— Ты смотрела, что там, в этом кейсе?

— Нет. Я надеялась отдать его Данте.

Взгляд ДеНуара опустился и переместился на Хэзер. Она не увидела ничего, что смогла бы распознать, в его глазах, человеческого или нет. Мгновение спустя он кивнул.

— Тогда мы должны посмотреть на это вместе, — сказал он.

* * *

Дрожащей рукой Э направил фургон в зону отдыха на трассе I-59. Нужно было взбодриться. Он выключил двигатель, посмотрел в зеркало заднего вида. Данте спал, повернув голову набок, запястья в наручниках вытянулись над ним.

Э открыл дверь, начал вылезать, но потом застыл. А вдруг Данте *не* спит? Вдруг он притворяется и планирует сопротивляться, кричать и избавиться от него? Лучше убедиться. Забравшись обратно в фургон, Э перебрался с передних сидений назад и поспешил к надувной кровати.

Дыхание Данте было медленным и легким. Пряди черных волос частично закрыли лицо. Э толкнул его в ребра. Ничего. Одурманен наркотиками. Он схватил его плечи, потряс. Ничего.

Взгляд Э скользнул по твердому аппетитному телу кровососа — ошейник; винтажная черная футболка с логотипом NIN^[64], немного задранная, открывала линию плоского живота; черные джинсы с цепями, ремень с металлическими клепками, джинсы и ремень были расстегнуты.

Э наклонился над Данте, нож скользнул в здоровую правую руку. Он проткнул грудь Данте. Тело кровососа забилося в конвульсиях. Дыхание перехватило, стало шумным, потом ускорилось. Кровь запузырилась у него на губах. Но глаза не открылись. Без сознания.

«Проклятая хорошая наркота, — подумал Э. — Интересно, он сможет исцелиться с ножом в груди?»

Пошарив в сумке, Э, не запивая, проглотил горсть таблеток, потом снова стал пробираться вперед. Он выпрыгнул из фургона и направился к палатке с бесплатным кофе. Образ Данте, спящего с ножом, погруженным в плоть, горел в мыслях, бросая его в дрожь.

* * *

Хэзер села за кухонный стол, кейс лежал открытым на кобальтово-синей скатерти, включила ноутбук. ДеНуар взял стул и, хмурясь, подсел рядом. Сделав глубокий вдох, она достала папку из кейса, положила ее на стол и открыла.

Посыпались фотографии: некоторые сделаны недавно тайком, когда Данте не видел; на других Данте был подростком, ребенком, малышом; у ребенка был настороженный взгляд и клыкастая полуулыбка, подросток ухмылялся и показывал средний палец.

Она протягивала каждое фото ДеНуару. Он долго изучал изображения, с напряженной

челюстью, не говоря ни слова. Одна фотография привлекла ее внимание: смеющийся Данте, обнимающий улыбающуюся веснушчатую девочку с длинными рыжими волосами, ее лицо наполовину повернуто к нему. Данте было приблизительно двенадцать лет, возможно, тринадцать, девочке восемь или девять.

Ее звали Хлоя. И ты убил ее.

Хэзер уставилась на фото, на счастливое лицо Данте, единственное фото, где он смеется — старший брат и ангел-хранитель для другого ребенка, потерянного в системе детских домов и государственных программ. Протянув фотографию ДеНуару, она вставила диск в ноутбук. Когда высветилось меню, она прокрутила его вниз до сегмента, обозначенного «С И ХЛОЯ», и нажала на него. На мониторе появился снятый скрытой камерой материал:

В потертых джинсах и серой футболке, Данте сидит на полу, скрестив ноги, облокотившись на аккуратно заправленную кровать, внимание его сфокусировано на книге, лежащей на коленях. Хлоя сидит на постели в лавандовых вельветовых штанах и розовом свитере с Винни-Пухом, смотря на него, ее ноги в кроссовках лениво пинают каркас кровати. Плюшевая касатка зажата под рукой.

— Скажи это вслух, — говорит она, накручивая прядь волос на палец.

— Кум...фор... кумфор...та...бил...ный... кумфортабилный. Комфортабельный.

— Ты сделал это!

— Правда? — довольная улыбка освещает лицо Данте.

— Да, — подтверждает Хлоя. — Теперь закончи предложение.

— Кровать Пуха была комфортабельной и... теплой.

— Ты быстро учишься, — говорит Хлоя. — Держу пари, если бы ты не спал в течение всего дня и ходил в школу, ты бы получал только «О» — отлично.

Данте фыркает, потом снова смотрит на нее через плечо.

— Я бы получал только «Д» — двойки.

— За что? — вкрадчиво спрашивает Хлоя, собирая его волосы в хвост, и гладит по всей черной длине руками. — Что начинается на Д?

— Долбаная школа.

Она хихикает, закрывая рот рукой.

— Данте-ангел!

Размытое движение, и Данте уже стоит на полу и щекочет Хлою. Она с хохотом визжит, перекатываясь по кровати, ее кроссовки бьют по матрацу. Смеясь, он прикладывает руку к своему боку и пытается защитить ребра от ее ответных действий.

Он выдерживает плюшевую касатку из-под руки Хлои и водит игрушкой по воздуху мимо ее хватающих рук. Он останавливает ее у носа Хлои. Наклоняет вперед.

— Мммм-муа! — Большой небрежный поцелуй касатки.

— Можно я буду расчесывать твои волосы, пока ты практикуешься в написании алфавита? — спрашивает Хлоя.

— Конечно, — отвечает Данте, протягивая касатку обратно.

— Парень, неси свою задницу вниз, в подвал, немедленно, — мужской голос — строгий и глубокий — говорит из-за кадра. — Придут посетители, надо тебя пристегнуть. Тебе не нужно ничего из этого школьного дерьма для работы, что ты делаешь, petit. Пустая трата времени, — говоривший смеется прокуренным голосом и кашляет.

— Чтоб тебя, — говорит Данте. — Я буду через минуту.

Улыбка Хлои исчезает, она садится, снова крепко прижимая мягкую игрушку к розовому свитеру.

— Оставь его в покое, — говорит она хриплым голосом, смотря из-под бровей — дерзкая и бледная.

— Тише ты. Или я стукну тебя по башке.

Рука Данте сжимает колено Хлои. Она закрывает рот. Он смотрит на говорившего, все эмоции сходят с его лица, но огонь продолжает бушевать в темных глазах, огонь, который тот должен почувствовать, увидеть.

— Тебе понадобится что-то большее, чем наручники, чтобы удержать меня, если ты тронешь ее, — говорит Данте низким и ровным голосом.

Снова прокуренный смех.

— Какой энтузиазм, мальчик. Двигай своей задницей, или я пошлю эту маленькую сварливую мадмуазель вместо тебя...

Данте поворачивается и целует Хлою в лоб, убирает ее длинные волосы с лица.

— Спокойной ночи, принцесса. Увидимся завтра.

Озабоченное лицо Хлои.

— Данте-ангел...

Он качает головой.

— Тссс. Jesuisici. Не спускайся вниз. Не сегодня.

Она печально кивает. Данте шлет ей воздушный поцелуй и выходит из комнаты.

Запись закончилась. Хэзер замерла — сколько ему лет? Двенадцать? — потом заставила свои пальцы нажать на следующий файл.

Позже, когда глаза горели, она поняла, почему ДеНуар говорил, что прошлое Данте лучше не вспоминать. Она поняла, что это разобьет его сердце. И поняла, почему Стёрнс называл его монстром.

** * **

Подавившись кровью, Данте проснулся. Темнота. Шум двигателя. Боль скреблась по груди. Кровь наполнила рот. Повернувшись на бок, звеня при этом наручниками, он сплевывал кровь на пол до тех пор, пока не смог вдохнуть.

Голова кружилась, он слушал успокаивающий рокот мотора. Опустил взгляд. Рукоятка ножа торчала из груди.

— Мы въехали в Алабаму, — сообщил Элрой. — Хорошо себя чувствуешь?

Данте поймал затуманенный взгляд Элроя в зеркале заднего вида. Извращенец лыбился.

— Не обращай внимания на нож, — сказал он. — Не смог устоять. Каково это?

Данте закашлялся, сплюнул, затем сказал:

— Да пошел ты! Сними наручники, и я покажу тебе, — он дернул руки, гремя наручниками.

Элрой засмеялся:

— Это мой братишка Плохого Семени.

Данте снова задремал, пока тянулись мили дороги, не заснул, но впал в сумеречную зону забытья, созданную наркотиками и болью. Он открыл глаза, когда фургон замедлился, затем остановился.

Извращенец выключил двигатель и потянулся. Он скользнул между сидений,

остановившись, чтобы закрыть занавеску между передней и задней частями фургона. Пробрался на ту часть, где был Данте. Схватив изношенный черный рюкзак, он открыл его и вытащил толстую папку с листками.

— Время тебе узнать о некоторых вещах. — Элрой упал на колени и наклонился к Данте. — Например, кто ты и что ты. — Схватив рукоять ножа, он выдернул лезвие из груди Данте.

Отказываясь дотронуться до уз с Люсьеном, Данте пытался вместо этого связаться с Воном и Симоной. Боль гудела в голове при каждой неудачной попытке получить ответ. Что бы Извращенец ни вкачал в его вены, оно заглушало разум чем-то похожим на толстый слой марли.

Элрой игрался с ножом, вращая им во все стороны. Влажное от крови лезвие блестело под светом закрытой лампочки. Сделав последний пасс ножом, он воткнул его в живот Данте.

Данте зажмурился. Боль украла голос. Еще один удар, и боль обожгла грудь, выпуская воздух. Он закашлял кровью.

— Время, чтобы ты узнал все о С, — пробормотал Элрой. — Открой глаза.

Пальцы затрепетали на веках Данте. Шепот звучал около губ. Он учуял кровь на пальцах Элроя — свою собственную. Открыл глаза и посмотрел в потное лицо Элроя. Ухмылка исчезла. Все еще держа второй нож в груди Данте, тот надавил на него. Наклонил и повернул.

Боль пронзила грудь Данте, зрение пошло черными пятнами. Он закусил губу, заставляя себя не кричать, не доставлять удовольствие чертову больному придурку.

Данте-ангел?

Тссс. Не сейчас, принцесса. Нужно проснуться. Нужно прекратить грезить.

— Слушай меня, — сказал Элрой.

Данте моргал до тех пор, пока зрение не прояснилось. Сплюнул кровь. Закашлялся. Рукояти двух ножей торчали из его тела, одна — из живота, другая — из груди.

Извращенец поднял фотографии. Данте уставился на них. Там был он, но моложе, тех лет, которые не мог вспомнить. Боль вонзалась в виски.

— Твоя часть проекта называлась Плохое Семя, — сказал Элрой. — Моя тоже. На самом деле, мы — последние выжившие участники. Они забрали меня, когда мне было два или три года, после того как родители выдали старое доброе «ты убьешь меня, я убью тебя». — Он держал фотографию с улыбающимся подростком. — Правда, я был милашкой?

Элрой поднял папку, пролистал содержимое.

— Теперь ты, тебя они забрали вскоре после зачатия. Нянчились с твоей мамой всю тяжелую беременность, потом выкинули ее, после того как ты родился. Так как она была кровососом, они отрезали ей голову и сожгли тело.

С колотящимся сердцем, борясь за воздух, Данте пытался вникнуть в слова Элроя. Боль смывала мысли. Он закашлялся. Его мать...

Женевьева.

Ты так похож на нее.

Осы загудели, и зрение расплылось. Издалека он слышал, как Извращенец говорил:

— Она дала тебе имя, прежде чем умереть. И это позабавило Суку-Мамочку Мур, она оставила его тебе. Данте.

Удар пришелся на лицо Данте, откидывая его голову в сторону. Зубы снова врезались в

нижнюю губу. Вспыхнул белый свет и замерцал по краям зрения. Прищурившись от света, он сфокусировался на землистом лице Элроя.

— Я терял тебя, — сказал Элрой. — Кстати, твой нос снова кровоточит.

Данте закашлялся, выплюнув большой сгусток крови. Элрой отпрыгнул из области попадания крови.

— Вытащи гребаные ножи, — прошептал Данте, после того как спазм закончился. — Потом продолжай. Прочитай это мне. Ударь, если упаду в обморок. Но прочитай это мне.

Извращенец поднял солнечные очки и уставился на Данте, ореховые глаза были полны удивления.

— Прочитать тебе? — Он подполз, схватился за рукоять ножа, что торчала из груди Данте, и вытащил его. Провел им по животу, оставляя кровавый след. — С удовольствием.

Снова надев солнечные очки на глаза, Элрой читал Данте, нажимая на нож в животе или нанося удары, или и то, и другое, когда мигрень грозилась поглотить его.

Приемных родителей проинформировали, что субъект болен, что ему требовалось специальное внимание и специальное питание, поэтому им полагалась повышенная оплата...

* * *

Данте вспомнил, как ЛаРусс в таверне говорил: *Шестьдесят приемных семей, два раза попал в психушку.* Свет вращался и затуманивал зрение. Голова пульсировала. Сердце колотилось. Он слушал.

Любимую «одеялка» С у него отобрали и сожгли. С вынужден был наблюдать, ему сообщили, что «одеялка» сожгли из-за того, что она — «плохая».

Приемные родители №10 наказали С за сопротивление. Они убрали занавески из его комнаты со всех окон и закрыли его там. Он прятался в затененных углах, скрываясь от солнечного света до тех пор, пока теней не осталось.

* * *

Ползущий по ковру солнечный свет, причиняющий боль глазам, кружащие в воздухе пылинки, страх, пробирающийся по позвоночнику — память разверзлась, и Данте упал. От солнечного света его кожа поджаривалась и покрывалась волдырями. Запах подгоревшего мяса застыл в животе.

Данте втянул воздух и выкашлял кровь. Боль разогнала воспоминания, унесла их прочь. Один маленький кусочек знания на мгновение удержался: как раз после этого наказания он попал в психушку *mitérouin*.

Приемная мать №12 прониклась нежностью к С, и это сформировало между ними связь. С наслаждался ее компанией. Его следует лишить ее опеки...

С становится все более непокорным. Его любимую игрушку — пластиковый аллигатор на колесах — отобрали и выкинули. Он мстит, выкидывая сигареты и пиво приемных родителей. С побили...

С нашел или украд гитару и учится на ней играть. У него великолепный слух, и он быстро учится. Показывает настоящий музыкальный талант...

С под наркотиками, его привезли в клинику для исследования и изучения. Доктор Уэллс в возбуждении, как и я, не терпит узнать, как много рожденный вампиром может

вынести физически. Эксперименты начнутся завтра...

Фрагменты памяти загудели, поднялись на крыльях полумеханических ос: холодный стальной стол. Сдерживающие ремни. Иглы. Пилы. Окровавленная бейсбольная бита в руках человека с защитной маской на лице и в запятнанном кровью халате. Раскаленная добела боль стерла образы. Он не вспоминал. Он заново переживал. Кулак Элроя вернул Данте в «здесь и сейчас».

— Читай мне, — прошептал Данте.

Извращенец смотрел на него долгое время, облизнул губы, затем продолжил читать.

Эксперименты нужно повторить, когда С достигнет полового созревания... если у вампиров есть такой процесс. Должно быть захватывающе...

С привязался к другому приемному ребенку в семье, девочку зовут Хлоя Бэеску. Он присматривает за ней. Она почему-то зовет его «Данте-ангел», возможно, потому что он защищает ее от их приемного отца. С и Хлоя часто спят вместе, но без сексуальных подтекстов.

С показывает признаки достижения половой зрелости, мне так кажется: ночные скитания, беспорядочные половые связи с подростками той же возрастной группы, укусы, жажда крови, ему уже недостаточно ежедневной дозы «медицинской» крови. Он жаждет охоты. Кажется, что он одновременно взволнован и озадачен своими чувствами. Ошеломлен жаждой. Он доверился Хлое. Это меня беспокоит...

Время отстранить Хлою от С.

Данте отводит Хлою в угол.

— Садись, — шепчет он. — Я не позволю им тебя забрать.

Пока Хлоя ежится, прижимая касатку к своей груди, Данте стоит перед ней. Он шипит. Трое мужчин в черных костюмах — такие гаденыши, как Уэллс, как папа Прейжон, как мрази, которые спускаются в подвал — рассредоточились в обитой белым комнате.

Голод/желание/нужда сжигают Данте, а их стучащие сердца притягивают. Их потный от предвкушения запах кружит ему голову. Все трое набросились на него, и Данте падает, поворачиваясь, царапаясь ногтями. Кровь струей ударяет ему в лицо. Кто-то булькает. Кто-то еще подошел сзади. Данте перемещается. Ударяя, пиная, кусая. Вертится. Запах крови окружает его; он теряется в ней. Падает на колени и запускает зубы в теплую плоть. Кровь наполняет рот, слаще, чем лакрица, более опьяняюще, чем украденный виски, и он не может насытиться. Он пьет, пока ничего не остается.

Стоя на коленях, Данте оглядывается. Все три мерзавца распластались на окровавленном полу. Он разворачивается, вытирая рот, и идет к Хлое. Его рука застыла у рта. Сердце стучит громко и быстро; разбиваясь.

Хлоя...

Принцесса Данте, его маленькая сестренка, его сердце. Он закричал, когда промежуточную память вытолкнула боль. Он кричал, дергаясь в наручниках, выкашливая кровь, задыхаясь. Что-то острое вонзилось в его шею — укол. Холод полился по венам.

Пока Данте скатывался в наркотическую темноту, образ Хлои уже стирался из его разума — Нет! Позвольте мне ее оставить! — ответ на вопрос отчетливо возник в его голове:

Чего ты боишься, Истинная кровь?

Не тебя, Любопытный Том. Не тебя.

Себя.

Кто-то засмеялся, и Данте не знал, был ли это он или Элрой. Но кто бы это ни был, он смеялся, смеялся и смеялся.

* * *

Хэзер вытащила диск из ноутбука. Держа локти на столе, она закрыла лицо руками, уставшая и расстроенная. Данте был настолько погружен в борьбу, в гнев и жажду крови, что нападал на каждого, кто был рядом — включая Хлою. Она попыталась стереть изображение, что увидела, пыталась забыть звуки, что слышала — слишком поздно. Поражение на лице Данте, когда он увидел тело Хлои, безутешный вопль, вырвавшийся из его горла, будут преследовать ее всегда.

Как и крик на скотобойне.

Отодвинулся стул. ДеНуар. Хэзер опустила руки и подняла взгляд. Он собирал отчеты, засовывая их обратно в папку.

— Я сожгу это, — сказал он ровным голосом.

— Нет. — Она оживилась. — Данте должен знать... ему нужно увидеть...

— *Это?* — ДеНуар помахал папкой. — Нет, не должен. Нет. — Он поднял диск, сжал его. Пластик треснул. Раздробился.

— Что ты делаешь? — завопила она, вскакивая на ноги. — Нам это нужно...

— *Для чего?* — ДеНуар бросил кусочки диска на пол. — Чтобы причинить боль моему ребенку? Чтобы снова порезать его на части? Прошое не изменить.

Хэзер уставилась на ДеНуара. *Моему Ребенку?* В мозгу щелкнуло, отношения между ДеНуаром и Данте — внимательные, защищающие, тайные. Внезапные золотые блики в темных глазах Данте.

— Он знает?

ДеНуар кивнул, потом отвел взгляд.

— Я сказал ему сегодня. Я надеялся... — он закрыл рот. Потряс головой. Дотронулся пальцем до впадины на шее.

Кулона в виде руны X не было. Хэзер снова опустилась на стул.

— Не удивительно, что он не стал ждать, когда я попросила, — пробормотала она. — Он бежал от тебя.

— Нет, — сказал ДеНуар. Его взгляд сцепился со взглядом Хэзер, сверкая золотом. — Он думал, что ему нужно покаяться за Джину и Джея... и за девочку, которую он не мог вспомнить.

Искушение. Все, о чем Данте заботился, отбирали у него со времен младенчества. Если он заботился — кто-то страдал. Хэзер провела рукой по волосам. Он пошел один увидеться с Ронином, чтобы никто больше не умер. Или не оказался на его месте.

— Мне нужна эта папка, чтобы найти Данте, — сказала она. — Элрой Джордан заявил права на него. Причина этого может быть здесь.

— Чтобы пытать его — то, что ты мне говорила, — сказал ДеНуар. — Ты предупреждала меня, что я не смогу это остановить. Я отказывался слушать.

Раскаяние во взгляде ДеНуара притянуло Хэзер. Она покачала головой.

— Нет, — произнесла она. — Ты думал, что сможешь защитить его.

Она встала, подошла к стойке. Слабый запах кофе наполнил кухню. Выкинув старую гушу в мусорку, она промыла фильтр в раковине, потом наполнила его свежим кофе.

Элрой Джордан был Странствующим Киллером. Возможно, Ронин был частью этого, возможно, он просто указал Джордану в направлении Данте. Ронин знал, что и Джордан, и Данте были частью социопатологического эксперимента Джоанны Мур. Откуда?

Она налила воду в кофемашину, установила кофейник на нагреватель, нажала на кнопку. Что случилось с Ронином? Она посмотрела на ДеНуара. Он неподвижно стоял у стола, держа в руке папку и склонив голову. Его черные волосы закрывали лицо. Кажется, он прислушивался, его тело почти дрожало от напряжения.

— Данте, — выдохнул он. — Ах, тише, дитя. Я найду тебя. — Подняв голову, ДеНуар посмотрел на Хэзер. — Я почувствовал его... слышал его... на мгновение. Он... — ДеНуар проглотил то, что намеревался сказать.

Выражение лица ДеНуара рассказало Хэзер, что, что бы он ни услышал и ни почувствовал, с Данте было далеко не все в порядке. Сердце сковал холод.

— Ронин, — сказала она. — Что произошло?

— Мертв.

Так, что бы ни планировал Ронин, разоблачение или шантаж, все это умерло вместе с ним. Как много он рассказал Элрою о Плохом Семени? Достаточно, расценила она, достаточно, чтобы контролировать его. Достаточно, чтобы разжечь аппетит на всю историю.

Хэзер слушала, как кофе льется в кофейник. Так что за план у Джордана? *С мой*. Одно, несомненно, тревожило ее мысли: неважно, какой план, Джордан намеревался завладеть Данте. Навсегда. А от Сиэтла до Нью-Йорка кладбища скрывают всех, кем Джордан владел ранее.

Куда он направляется? Где он везет Данте? *С мой*. Кому предназначались эти слова? Ронину? Копам?

Когда богатый согревающий запах свежего кофе наполнил кухню, последний кусочек паззла встал на свое место.

Джоанна Мур. Слова предназначались Джоанне Мур.

Джордан намеревался противостоять ей с Данте — С — на его стороне и под его контролем.

С колотящимся сердцем Хэзер подошла к ДеНуару и схватила угол папки.

— Думаю, я знаю, куда они направляются, — сказала она.

* * *

Джоанна вернулась к камину с чашкой эггнога^[65] с бренди и присела. Горящее дерево трещало, высвобождая в комнате запах сосны. Потягивая коктейль, она раскрыла телефон и снова набрала Гиффорда. Его продолжительное молчание беспокоило.

На третьем гудке на звонок ответили, но Джоанна не узнала говорившего:

— Алло? Алло? Это детектив Фиске. Алло?

— Доктор Джоанна Мур, ФБР. Как так случилось, что у вас телефон агента Гиффорда, детектив?

— Мне жаль, доктор Мур, но агент Гиффорд мертв.

Черная пустая ночь просочилась в Джоанну, заглушая ее сердце.

— Как?

— Мы еще не уверены в деталях. У нас несколько тел на месте преступления, — сказал Фиске. — Почему ваш человек был здесь?

— Наблюдение. — Огонь трещал, выпуская в воздух запах тыквы и корицы. — Другие убитые опознаны? Возможно, наш подозреваемый среди них.

— Специальный агент Крейг Стёрнс и один из наших, детектив Трент Коллинз, — эмоции завладели голосом Фиске.

— Жаль это слышать, детектив, — сказала Джоанна. — Пожалуйста, держите меня в курсе.

— За кем наблюдали ваши люди?

— За Томасом Ронином.

— Дом был снят на это имя. Я вам позвоню, если появятся еще какие-либо вопросы.

— Хорошо, детектив. Спасибо. — Джоанна завершила звонок.

Она смотрела на огонь, пляшущее пламя успокаивало, приводило в порядок мысли. Она прошла из гостиной в офис и шагнула за стол. Посмотрела на датчик GPS. Сигнала нет. Как и Э, С теперь был офлайн. Они вместе? Ронин с ними?

Джоанна подошла к окну и раздвинула занавески. Дотронувшись до стекла, разделявшего ее и зимнее небо, закрыла глаза. И мечтала о снеге.

Стёрнс и Уоллес стоили ей хорошего человека, ей будет его не хватать долгие годы. Что произошло в Новом Орлеане?

Открыв глаза, Джоанна отвернулась от окна. Нужно было найти красивого ребенка Истинной крови прежде, чем Ронин испортит его, обманет. А если ее *pèredesang* вез Э и С домой?

Тогда ей понадобится сила. Джоанна надела плащ и натянула перчатки — привычка, оставшаяся от ее смертной жизни. Она вышла в ночь, ее дыхание оставляло белые облачка в воздухе, и начала охоту.

* * *

Вынырнув из холода и влажного ветра, Хэзер прижалась лицом к кожаной куртке на спине Вона, пока бродяга гнал Harley по междуштатной трассе в направлении аэропорта Louis Armstrong International. Она крепко обхватила руками талию бродяги, полная благодарности за перчатки и шлем, которые одолжила Симона. Ветер трепал волосы Вона, хлестая ими из стороны в сторону.

Вон вел мотоцикл через пробки, устремляя его в любые доступные пространства между машинами, на останавливающей сердце скорости. Ночные огни пролетали мимо красными и серебряными полосами.

После того как Трей разнюхал адрес Джоанны Мур в сети, Хэзер забронировала место на ближайший рейс до Вашингтона. Она понимала, что рискует, хватаясь за соломинку, что Элрой Джордан направляется «домой» к Мур, но это казалось правильным.

ДеНуар отказался от места в самолете, сказав: *Я доберусь туда по-своему.*

Она каждый раз задумывалась, не летит ли он, с заледеневшими волосами и ресницами, над головой прямо сейчас.

Также Трей обнаружил покупку, сделанную СК несколькими днями ранее. Белый фургон Chevy с затемненными стеклами и некоторыми изменениями внутри. Агентство предоставило временный номерной знак, но Хэзер не сообщила номер полиции. Если Джордана остановят копы, умрет еще больше людей. Таких как Коллинз.

А Данте... Хэзер не была уверена в его реакции. Она помнила кошмарную сцену.

записанную на диске, помнила холодную ярость на лице Данте, когда он убивал Прейжонов.

Данте сидит, скрестив ноги, в углу столовой, пролистывая музыкальный журнал — Metal Scene, возможно — с наушниками в ушах. Погруженный в собственный мир, но все равно напряженный, взвинченный, готовый к тому, что ад развернется в любой момент.

Данте вытаскивает наушники, когда другие четверо приемных детей подходят к нему, говоря с кем-то на каджуне, с кем-то на английском; быстрая улыбка. Один подросток, примерно того же возраста, может, лет тринадцати или четырнадцати, некоторое время сидит рядом с Данте, положив голову ему на плечо. Данте обнимает мальчика, и они сидят на полу вместе, смотря в журнал.

Затем, спустя удар сердца, ад разверзается. Аделаида «мама» Прейжон шлепает девочку-блондинку, сидящую за столом, говоря ей, что она «делает это нелогично». Сесил «папа» Прейжон с сердитым бормотанием бьет девочку и кидает ее на пол.

Данте поднимается так быстро, что даже камера не успевает уловить движение. Другой мальчик, сидя на полу, держит дрожащий журнал, открыв рот. Данте ударяет маму Прейжон, откидывая ее на три фута через комнату. Он прыгает на нее, опрокидывает на пол. Бьет ее головой о паркет до тех пор, пока череп не трескается, кровь и мозги разбрызгиваются по лицу и рукам Данте.

Данте поворачивается, встает и снова перемещается. Он прижимает потрясенного папу Прейжона к стене и вонзается в его горло ногтями, распарывая. Кровь хлещет на восторженное лицо Данте. Он слизывает ее с губ и пальцев.

Когда папа Прейжон дергается, Данте отходит, и тело падает на пол. Данте собирает других детей и говорит, что им надо уходить. Он обыскивает тела на наличие кредиток, денег и других ценностей. Обшаривает сумочку мамы Прейжон. Он делит все это между другими четверьями детьми, ничего не оставляя себе.

Когда остальные уходят, Данте опрыскивает жидкостью для розжига барбекю весь дом, затем приносит из гаража бензин. Поливает им тела. Зажигает спичку. Вуумф! Он задерживается на мгновение, прежде чем покинуть дом Прейжонов в последний раз.

Данте наблюдает за пожаром с улицы. В мерцающих тенях его красивое окровавленное лицо полно восторга.

Хэзер вспомнила, как Данте стоял перед символом анархии, говоря: *Свобода — это результат ярости.*

В ту ночь он выиграл свободу только для четверых. Проект Плохое Семя поглотил его, потом фрагментировал и похоронил память. Снова. Завел его и освободил.

Данте смог пережить улицы. Но переживет ли он свое прошлое?

Вон вывел мотоцикл на съезд, снизил скорость.

— Почти на месте, — прокричал он.

Стёрнс назвал Данте монстром; но на самом деле монстрами были люди, которые стояли за проектом Плохое Семя — доктор Джоанна Мур и доктор Роберт Уэллс. Не удивительно, что Мур была такой продвинутой в Академии, ее должность оказалась до ужаса подходящей. Она помогала создавать убийц для исследований в Бюро.

Плохое Семя с Данте провалилось или увенчалось успехом? Убийство Прейжонов беспокоило Хэзер, но зная пытки, которым он подвергался в их руках и в руках других пятидесяти девяти пар приемных родителей — худших, которых могла предложить Луизиана — оно становилось понятным. Хотя, она всегда верила, что не существует оправданий убийств, существуют причины.

А в таком случае — мальчик, дошедший до грани и перешагнувший ее — все, что она видела, было оттенками серого, даже несмотря на то, что она натренирована видеть только черное и белое; закон либо соблюдали, либо нарушали. Просто. Но так ли это?

Мог ли Данте просто убежать? Бросив других детей на произвол судьбы? Если проект был успешным, Данте бы думал только о себе, а других использовал бы для собственной выгоды. Никогда бы не бросился на рожон за маленькую девочку. Никогда бы не оплакивал ее. Никогда бы в одиночку не пошел на скотобойню за другом, собираясь принести себя в жертву.

Я сдержу обещание.

Но если бы проект провалился, он бы никогда не убивал.

Яркие огни аэропорта мерцали над головой в холодном воздухе. Хэзер посмотрела через плечо Вона, когда тот снова пустил в ход мотоцикл. Ее мысли вернулись к их разговору с Коллинзом. Пять тел в таверне. Пожар. Поджог. ЛаРусс и Дэвис мертвы.

На самом деле они были у Прейжона с ордером на арест...

Дерьмо выходит из-под контроля.

Вражда между Данте и ЛаРуссом.

Мышцы Хэзер сжались. Мысли вели ее по тропе, по которой она не хотела идти. Что если смерть Джея и неспособность Данте защитить его, сохранить ему жизнь, запустили тот же механизм, что привел к смерти Хлои? Что если проект преуспел, и Ронин привел в действие правильные стресс-факторы?

Что если Данте был в таверне? Что если он сделал первый шаг по тропе серийного убийцы? По тропе, по которой он должен был идти.

Хэзер сильнее сжала руки вокруг талии Вона. Все-таки она надеялась, что ее интуиция и инстинкты ошибались.

Он убил Прейжонов, сжег их дом.

Вон ослабил газ и сбавил скорость, ведя Harley на взлетно-посадочную полосу. Мотоцикл грохотал, звук отскакивал от зданий, как гром. Несколько человек подняли взгляд, испуганные шумом. Вон остановил Harley у тротуара, опустил подножку.

Хэзер спрыгнула с мотоцикла. Она расстегнула шлем и протянула его бродяге. Взъерошенные волосы Вона блестели под фонарями, как темный шелк.

— Я пойду с тобой, — сказал Вон, поднимая солнечные очки на макушку. — Тебе нужен телохранитель, дорогая, и я этого хочу.

Хэзер посмотрела в зеленые глаза бродяги. Татуировка в виде полумесяца блестела на свету подобно льду.

— ДеНуар должен быть там. Но спасибо.

— Не имею ничего против Люсьена, но твоя безопасность не будет его главной заботой.

Хэзер изогнула бровь.

— А будет ли твоей?

— Ради Данте, — сказал Вон. — Я знаю, он беспокоится о тебе.

Хэзер сглотнула.

— Он тоже имеет для меня значение, — ответила она. — Но скоро рассвет. Ты впадешь в Сон.

— Смотри, всякий раз, как я буду дремать, просто бей меня. Сильно.

— У меня хватает забот помимо того, чтоб таскать за собой твою сонливую задницу по Калифорнии, — сказала Хэзер с мимолетной улыбкой. — Спасибо, еще раз, но я забочусь о

себе большую часть жизни. Я знаю, что делаю.

Вон сверкнул озорной улыбкой.

— Не сомневаюсь, дорогая. Совершенно не сомневаюсь.

— И нам нужен кто-то здесь на случай, если я ошибаюсь насчет Джордана.

— Но ты ведь знаешь, что не ошибаешься, — сказал Вон, поднимая подножку и поворачивая дроссель. Урчание Harley перешло в рев.

— Хорошего полета, — сказал он. — И еще лучше охоты. Верни его, дорогая. — Стукнув ногой по приводу мотоцикла, бродяга помчался через посадочные полосы.

Хэзер прошла в терминал, сумка висела через плечо. Слова Вона крутились в ее голове — *Я знаю, он беспокоится о тебе*. И в этот момент она знала, что Данте нужна поддержка — слово, которое принесет справедливость за его потерянные годы и украденное жестокое детство, и за убитую, выброшенную мать.

Жизнь Данте никогда ему не принадлежала.

Данте все высказал, когда убил Прейжонов; высказал монстрам, спрятавшимся в тених, наблюдая и записывая. Был ли Данте поддержкой для Хлои?

Данте снова высказал все в таверне, потрясенный, с разбитым сердцем, и потерянный в прошлом; говорил за Джея? Следовал ли он программе, введенной Мур? Или это просто шло из его собственной темной сущности?

Хэзер прошла к столу охраны, чтобы показать право на ношение 38-го кольта. Вытащив свой бейдж из кармана, она протянула его сучающему охраннику.

Разум Данте был поврежденным, но сердце — сильным и сострадающим. Проведя время в постели рядом с ним, нежась в его руках, Хэзер знала, что Данте не может быть таким, как Элрой Джордан, убивать ради удовольствия, ради власти.

Ох? А когда он питается? Когда охотится ради крови?

Как насчет того, что он разорвал горло Сесила Прейжона?

Будет ли она говорить за его жертв? *Может* ли она говорить за его жертв?

Хэзер почувствовала пустоту внутри, посеянную сомнениями. Она потеряла голову из-за парня, который даже не был человеком, и убийцы. К тому же, как он может отвечать за действия, которых даже не помнит? Скоро ей придется с этим разбираться.

После того, как она найдет его, после того, как спасет его.

* * *

Пока Э вел фургон через Джорджию, его взгляд продолжал скользить по зеркалу заднего вида, украдкой наблюдая за кровососом в бессознательном состоянии — накачанным наркотиками и прикованным наручниками. Нож все еще торчал из его живота. Э словно ударило током от этого вида. Он потерял себя через джинсы. «*Скоро*», — пообещал он себе.

Когда Данте начал кричать, когда он читал ему досье, Э уставился на него, более чем растерянный. Наручники звенели и стучали, а фургон сотрясался и вздрагивал до тех пор, пока Э не испугался, что Данте разнесет его на части. Когда это случилось, он уронил папку, схватил шприц, полностью наполняя его наркотиком для кровососов, и воткнул в шею Данте.

Потом Данте начал смеяться.

Данте смеется, этот звук — какой-то низкий, темный, безудержный и надорванный.

В конце концов Э смеется вместе с ним, потому что это даже забавно, случайно убить человека, которого ты пытаешься защитить... смешно! Даже истерично, и эта мысль приводит Э к смеху-до-слез.

Глаза Данте закрываются, слезы скользят из их уголков, когда наркотик начинает действовать. «Тоже довел себя до слез смехом», — думает Э, наслаждаясь их братством. Его брат Плохого Семени затихает.

Рев гудка возвращает Э в настоящее. В зеркале заднего вида маячат фары. Занятый наблюдением за Данте, Э замедлился до старушечьей скорости на скоростной трассе. Хотя первым его инстинктом было ударить по тормозам и прирезать убудка, он все-таки вывел фургон на низкоскоростную полосу. Последнее, чего бы он хотел — полицейских на хвосте.

Убудок пронесся мимо, и Э стиснул зубы, когда тот просигналил еще раз. Э запомнил номерной знак, чтобы вернуться к нему в будущем. Он ухмыльнулся. Его взгляд снова перескочил на зеркало, на Данте.

Читай мне.

Эти слова из кровоточащих губ Данте послали мурашки по спине Э. И продолжали посылать. Э беспокожно поерзал на водительском сидении, все болело. Голодный. Рассвет наступит через пару часов, и Данте впадет в Сон, с заглавной «С», дневной отдых. Тогда Э немного подремлет. Возможно, поест.

А его брат Плохого Семени? Нужно ли ему тоже немного поесть? Может оказаться весело найти вкусную еду для Данте.

Э поерзал. Он не может, он *не будет* больше ждать.

Он вырулил фургон на ближайшую остановку, припарковался как можно дальше от других машин, насколько это было возможно. Вырубил мотор. Повернул ключ в режим АСС^[66], вставил в магнитолау последний диск «Inferno». Прибавил громкость, чтобы скрыть крики. Музыка ударяла и грохотала, в то время как сексуальный голос Данте рычал и шептал:

Ты пытаешься поцелуями прогнать мои чувства / ты жаждешь изменить меня / хочешь высосать меня досуха...

Э прокрался в заднюю часть фургона, задергивая за собой занавеску. Его сломанное запястье пульсировало, но это не имело значения. Он выпьет таблетки, когда закончит с Данте.

Э встал на колени около надувного матраца и убрал волосы с лица Данте. Его взгляд задержался на пятне крови под его носом и вокруг губ.

— Как ангел, — прошептал Э, но у ангела в его воображении были черные крылья и темные трахни-меня глаза.

Я просто доверяю своему гневу / ты ничего не значишь / возможно, никогда не значила / и это пугает меня...

Обхватив рукоятку ножа в животе Данте, он вытащил его. Кровь вытекла на белую кожу кровососа. Он скользнул рукой под футболку Данте по горячей, липкой от крови коже. Рана в его груди уже исцелилась.

Золотой огонь наполнял Э, заставляя светиться. Сердце неслось, сотрясая телс интенсивностью ритма. Он провел рукой вниз, по плоскому животу Данте, миновал расстегнутый ремень, пробрался в расстегнутые джинсы. Бог побаловал себя еще одной порцией разведки.

Дыхание ускорилося, Э вытащил руку из джинсов Данте. Закрыв глаза. Когда он снова

открыл их, золотые нити соединяли его с братом Плохого Семени в районе лба, пупка и промежности.

Э поднял книгу стихов Наварро и, сидя на пятках, читал Данте.

Я чувствую ее здесь

В темноте

Ожидая еды

В моих мечтах

Ее радужный хвост вьется

Приносит мне пленника

Она высасывает мое дыхание

Упивается мной

Я горю под ней

Внутри нее

Умиращая звезда

Вкус меда, сладкого и вязкого, коснулся языка Э. Он закрыл окровавленную книгу и сел на пол. Подобравшись к надувному матрасу на коленях, он оседлал Данте. Нагнулся и прижался губами к его губам.

— Я твой бог. Я контролирую каждый твой вздох.

Данте открыл глаза с расширенными зрачками.

— Назови имя того, кого ты любишь.

— Это не ты, — прошептал Данте, слова были вязкими от наркотиков.

Резкое движение запястья, и нож скользнул в правую руку Э. Он поморщился, глубоко вдыхая, смакуя запах крови. Под ним он поймал слабый запах чего-то сладкого. Э нахмурился. Знакомый запах. Нагнувшись, он понюхал горло Данте. Поднял его футболку. Понюхал грудь. Кровь и слабый запах... сирени.

Мысли Э вернулись к дому кровососа и к дивану, на котором он проснулся после нападения Большого Парня. Вернулись к женщине, приютившейся в кресле напротив дивана, к завиткам рыжих волос вокруг ее милого спящего лица. Вернулись к тому, как он стоял над ней с ножом в руке, милостивый бог перед молящейся. Теплая и сладкая — сирень. Как запах, что прицепился к Данте.

Э выпрямился. Горькая правда смыла вкус меда с языка, кипела и пузырилась в животе, как свежая смола. Э никогда не был ближе к своей Хэзер, чем в тот момент, нагнувшись над ней, вдыхая ее аромат, и он не дотронулся до нее рукой — но Данте дотронулся, предатель кровосос.

— Ты был с Хэзер, — сказал Э, голос его был низок и полон праведного гнева. — Она моя. Она всегда была моей. Она следует за *мной*.

— Она не *следует* за тобой. Она *охотится* на тебя. Она не твоя.

— Назови имя того, кого ты любишь, — рыкнул Э.

— Нет.

— Она моя!

Э погрузил нож в грудь Данте, вытащил и воткнул снова. Полилась и забрызгала кровь. Золотые нити, соединяющие Э и Данте треснули, разрушились, выпуская золотой свет в воздух.

Вонзая и разрезая, Э принялся за дело. Данте отвернулся, закрыл от боли глаза, кровь пузырилась на губах. Он извернулся, пытаясь сбросить Э, но тот только ухмылялся и

стискивал бедра, наслаждаясь ездой.

Трахал ли Данте Хэзер? Пил ее кровь? Просила ли она еще?

Дыхание стало тяжелым и ускорилося, он оставил нож между ребрами Данте, затем схватил его подбородок кровавыми пальцами. Э хотел, чтобы у него были две здоровые руки, чтобы схватить Данте за бледную шею. Когда он заставил Данте повернуть к нему лицо, глаза кровососа открылись. Золотые и красные круги обрамляли радужные оболочки, мерцали в глубине расширенных зрачков.

— Достаточно, — сказал Данте булькающим от крови голосом.

Боль воткнулась в голову Э, пронзила глаза и устремилась в уши. Его рука взлетела к виску. Он зажмурился. Боль выжигала разум.

Э закричал.

Глава 30

Пробуждение

В Вашингтоне выпал снег. Большие хлопья падали, кружась, из низко-висящих облаков, водворяя тишину в город. Люсьен летел по предрассветному небу, волосы леденели, снег цеплялся за ресницы, покрывал инеем крылья. Он слушал, но тишина заполнила связь с Данте, гудела и шептала — псионический белый шум.

Он не слышал ничего от дитя с того момента на кухне, когда страдание Данте пронзило связь и сердце Люсьена. Безумие колебалось в этом обжигающем крике, разбивающем сердце.

Голос Локи прошептал: *Ты не сможешь оградить его от безумия, брат. Не в одиночку.*

Как он мог сдерживать прошлое Данте, чтобы оно не свело его с ума? Не говоря уже о даре *Создателя*? Дитя был упрямым, его пытали с самого рождения.

Женевьева...

Кадры с CD-диска Уоллес вспыхнули перед глазами Люсьена, кадры, которые он будет помнить вечно. Его прекрасная маленькая Женевьева, бледная и слабая от потери крови, боролась, чтобы коснуться сына — ее и Люсьена — которого она только что родила. Но привязанная к металлическому измазанному кровью столу, она не могла дотянуться до черноволосого, белокожего, неестественно тихого малыша.

— *Позвольте мне поддержать его,* — говорит Женевьева. *Команда медиков в белых халатах суетится в стерильной пустой комнате, как призраки, неспособные ее услышать.*

— *Позвольте мне поддержать его!* — кричит она.

Призраки не останавливаются. Они смывают кровь с новорожденного. Младенец наблюдает, в его золотых глазах горит осознание. Вампир и Падший.

И в то же время проклятый.

— *Данте,* — шепчет она. — *Мой Данте. Никогда не сдавайся. Сделай Преисподнюю своей. Сражайся.*

Женевьева закрывает глаза. Слезинка скользит из-под темных ресниц.

— *Pourquoi tu nous as abandonnes? Je ne sais pas ce que j'ai fait pour vous faire partir. je t'en supplie, sauve ton fils,*^[67] — *молится она, сжимая руки в кулаки.* — *Éloigné le d'ici. Mets-le l'abri. Il est ma lumière et mon Coeur — comme tu as pu l'être. Lucien, mon ange, s'il te plaît, écoute-moi.*^[68]

Слова Женевьевы, ее безответная молитва, окутали душу Люсьена, накалили добела и сожгли, данный обет вечно будет гореть в нем.

В отчете говорилось, что Женевьеву убили после того, как проанализировали содержание молока ее груди. Ни фотографий, ни отснятого материала о смерти в файл включено не было. Она попросту стала ненужной.

Серые, наполненные влагой облака расходились перед Люсьеном. Снег окутал землю. Печаль окутала его сердце. Если только... Он прогнал мысли от неизведанных и неизвестных троп. Даже с вечностью, простирающейся перед ним, он знал, что есть такие вещи, как слишком поздно и никогда.

Он мог сфокусироваться только на том, что есть и может произойти.

Люсьен приподнял правое крыло и начал спускаться к пробуждающемуся городу. Он

согласился встретить Уоллес в аэропорту. С ней или без нее, он найдет своего раненого сына. С ней или без нее, он отомстит женщине, которая убила Женевьеву и заставила пройти его дитя через ад, который сложно даже вообразить.

Внезапно песня запульсировала внутри Люсьена, хаотичная и могущественная. *Песнь Создателя* Данте, сложная и темная, становилась все громче и громче в сердце и голове Люсьена. Пробираясь холодом до глубин его души. Хаотичная песня Данте. Могущественная. И безумная.

Люсьен закрыл глаза. Он услышал усталый голос Яхве: *Позволь им взять меня.*

Никогда.

Тысячу лет назад он убил друга — *друга своего сердца* — чтобы не позволить высшим Падшим подчинить обезумевшего Создателя своей воле и использовать его в корыстных целях — в том числе изменить мир смертных. Снова.

И если бы Падшие знали, что еще один Создатель — несвязанный, неподготовленный и мучительно молодой — ходит по земле, они бы сделали с ним то же самое.

Но без баланса, который он получил бы благодаря связи, Данте бы сошел с ума, такова судьба всех несвязанных Создателей. И обезумев, он мог бы разрушить мир.

Ты не сможешь сдержать его сам, Брат.

Люсьен свернул от заснеженного города, направляясь вверх, крыльями рассекая небо. Он повернул на запад. Черная ария Данте задрожала. И пропала. Люсьен подозревал, что его дитя влил последние силы в эту песню.

Время играть. Время превратить шепот в слова, а слухи в факты. Время ответить на молитву Женевьевы. Время пришло. Он справится с последствиями, когда они будут.

Я уничтожу мир за моего сына.

Хлопая крыльями, Люсьен завис в сером небе, снег таял на нагретой коже. Его тело излучало синий свет. Он сверкал, как звезда. Рассвет слабел. Увядая. Звезды снова зажглись в возобновляющихся сумерках.

Вестник ночи.

Люсьен запел свою *песнь ночи*, сердце билось в такт, переплетая музыку вокруг воспоминаний о песни хаоса Данте — блестящей и чистой — изменяя его арию в дуэт хаоса и порядка. Она зазвенела четко и ясно сквозь возвращающуюся ночь.

Падший в Данте ответит.

Ответит каждый Падший в диапазоне песни. Так же, как они бы ответили на *Песнь Создателя* Данте. Короткую, пожалуй, такую не слышал никто из Падших. Короткая, истинная, но могущественная.

И тогда начнется гонка.

* * *

Извращенец сидел на Данте, весом перекрывая воздух. Нож мерцал в правой руке Элроя. Ярость искадила его лицо. От него воняло табаком, потом и горькой похотью.

Наркотики все еще текли по венам Данте, и его мысли угасли, ушли, как вода во время отлива. Тело гудело, готовое взлететь, но наручники и вес Извращенца держали его на забрызганном кровью надувном матрасе.

— Назови имя того, кого ты любишь.

Данте встретил сощуренный взгляд Элроя.

— Нет.

Лицо Хэзер, раскрасневшееся и прекрасное, вспыхнуло в его сознании. Ломаное изображение Хлои появилось перед глазами, затем исчезло, умерло. Образ бледного лица Джея и потухших глаз мелькнул следом.

— Она моя!

Элрой выделил слова с помощью ножа, нанося удары по Данте снова и снова, и снова. Избитый. Порезанный. Боль кружилась в нем, разрывая на части. Поглощая. Он задыхался в крови. Погружался в нее. Она пузырилась в легких, текла из носа, лилась из живота. Вспыхнул белый свет, мигая на границе видимости. Зажмурившись, Данте отвернулся. Боль разорвала его сознание.

Сдайся или используй ее, черт подери.

В воздухе витал аромат крови и кислого пота Извращенца. Его мысли эхом отозвались в уме Данте, словно ментальные ножи: «Трахал ли Данте Хэзер? Пил ли ее кровь? Просила ли она больше?»

Сдайся или используй ее, черт подери.

Нож скользнул между ребер Данте и остался там. Пальцы схватили за подбородок и развернули лицо. Боль сжигала. Данте прекратил сопротивляться и окунулся в бушующий огонь. Раскаленная добела, расплавленная плоть горела, пузырилась — тени плясали на подвальных стенах, плюшевая касатка тлела — все это поглотило его. Сожгло контроль.

Прах, прах, все мы падём.

Держи мою руку, принцесса. Мы пойдем вместе. На веки вечные.

Песня вибрировала в нем, хаотичная, повторяющаяся, темная. Мелодия сверкала гневом. Голод колотился в том же ритме. Сжигая.

Мрачная фигура восстала из праха. Пламя горело в венах. Он поднял голову. С открыл глаза.

— Достаточно, — сказал он.

Достигнув разума Элроя, С причинил ему боль, соединяющую в себе извращенное траханье и удары ножом. Насильно скармливая ему его же дерьмо.

Вот. Получи. И как тебе это гребаное чувство?

Рукой Элрой схватился за висок. Зажмурившись, он закричал, звук был сладкими для ушей С. Извращенец свалился с С и пополз по ковровому покрытию фургона, держась за голову и визжа.

Музыка «Inferno» лилась из колонок: *Я жду тебя / Я наблюдал и смотрел / Я знаю все твои тайны.*

Кашляя кровью, хватая ртом воздух, С дернул руками. Наручники тяжело ударились о стенку фургона. Втягивая воздух вместе с кровью, он потянул снова. Вкладывая ту малую силу, которая у него осталась в руках. Металл раскололся. Что-то выскочило. Черные пятна замелькали перед его взором. С опустил закованные в наручники запястья, смотря на крючок, болтающийся на цепочке.

Наручники были против созданий ночи, но крюк, приваренный к фургону, не был.

С передвинул закованные руки к ножу в боку, выдернул его и бросил на кровать. Он попытался сесть. Фургон стал вращаться. В глазах потемнело. Он опустил голову и подождал, пока головокружение пройдет.

Голоса шептали, вцепившись в мысли. Пот бисеринками выступил на лбу. Голод пронзал шипами. Ему нужна была кровь. Он выпустил разум Элроя из своей ментальной

хватки. Крик прекратился.

С соскользнул с матраца и подполз к Элрою. Он толкнул голову Извращенца в сторону и вонзил клыки в потное горло смертного.

Я был в каждой комнате / твоего дома / и мечтал о тебе / желающей меня.

Кровь, горячая и ягодно-сладкая, полилась в рот С. Он делал глоток за глотком. Быстрое сердцебиение Элроя качало кровь так стремительно, что С не успевал глотать. Извращенец боролся. С врезал ему между ног. Борьба прекратилась. Страх и адреналин сделали вкус его крови во рту насыщенной.

Запах мускуса и едкий запах крови — крови С — наполнили воздух. Элрой Извращенец был горячим, возбужденным и твердым, даже сейчас, с клыками С в своей шее.

Как будто вся эта работа ножом и кровь были прелюдией.

Что-то холодное и темное сжалось вокруг сердца С.

Он très joli^[69], как ангел. Играй с ним, как хочешь, но не клади ничего в рот. Мальчик кусается.

С вонзился клыками в горло Папы глубже. Ублюдок снова заерзал. Запахло отчаянием. Урод порезал Хлою. *Он пытал ее так же, как пытал меня?*

Образ темноволосой женщины с темными глазами вспыхнул в разуме С. Джина. Запах черной вишни изменил ход мыслей — *Извращенец Элрой и Джина. Не Папа. Не Хлоя.* Белый свет мигал на краю сознания.

Где я? Когда?

Песня вибрировала сквозь С, сверкая, словно восход луны. Он отодвинулся от плоти Элроя, наклонил голову, прислушиваясь. Закрыв глаза. Ритм его сердца изменился в такт музыке, резонирующей в уме — песня Люсьена.

Вестник ночи. Друг. Отец. Лжец.

Ритм затянул С в круговорот, затронув его сердце. Хоас и порядок. Сострадание и огонь. Он вздрогнул и отвернулся. С сорвал темные аккорды, гнев, тоска и потеря наполняли ответ в равной мере. Песня резала по сердцу, словно один из ножей Элроя.

Его собственный низкий голос змеился из динамиков: *Я наблюдал за тобой, когда ты спала / Я знаю, ты наблюдала за мной тоже / Я видел твои следы / под моим окном.*

Не мой. Голос Данте. Перед тем как он предал себя огню. Я возродился после пожара.

<Нет, дитя, нет>, — мысли Люсьена прорвались через наркотический туман, блокирующий связь.

Боль пронзила мысли С. Размывая его поле зрения. Тьма охватила его.

<Ты Данте Батист, сын Люсьена и Женевьевы. Не С. Не дитя монстров>.

«Неправильно, — думал С, голова болела. — Я С. Должен быть. Разве не поэтому умерли Джина и Джей? Разве не так я сохраню жизнь Хэзер?»

Песня Люсьена закончилась одним последним звонким аккордом, обещание звенело ясно, и лунный свет наполнил небо: *Я иду за тобой.*

<Не иди. Меня здесь не будет>, — мысли С исчезли, блокируемые помехами, болью и потерей крови.

С оттолкнулся от теплого, свернувшегося калачиком тела Элроя. Голод все еще владел им. Он взглянул на Извращенца. Воображая, как пьет кровь, иссушая его. Воображая, как разрывает его грудь и сжимает черное слабое сердце до тех пор, пока оно не превращается в мягкую массу.

Для тебя, Хлоя.

— Я могу помочь тебе! — закричал кто-то. — Я тебе чертовски нужен! Данте!

Зрение С прояснилось. Он оседлал Элроя, грудь смертного была обнажена, рубашка разорвана. Кровавые борозды покрывали плоть над глухо бьющимся сердцем Извращенца. Кровь сочилась из горла Элроя по проколотой, разорванной коже.

Пьянящий запах адреналина и страха заполнил фургон. Пот бисером выступил на лбу Элроя, его лицо оставалось пустым. Спокойным.

С схватил очки Извращенца и бросил их через весь фургон. Карие глаза встретились с его. Нечто как-на-дне-темной-пещеры светилось в этих глазах.

— Я тебе чертовски нужен, — повторил он.

Ты знаешь все мои тайны? — шептал голос Данте из динамиков.

С склонился над Извращенцем, губы прошептали в заросшее щетиной лицо Элроя:

— Нет, не нужен.

— Я знаю, черт подери, что не нужен, — произнес Элрой пустым голосом, таким же, как его лицо. — Я знаю дерьмо, которого нет в тех файлах. Плохое Семя сделало нас братьями. Ты не одинок. Я хочу свой фунт или два плоти — как и ты.

С засмеялся.

Элрой судорожно сглотнул. Отвернулся.

С наклонил голову Элроя набок скованными наручниками руками и снова вонзил клыки в горло раненого смертного. Втянул пряную от адреналина кровь. Слушая неистовый стук сердца Извращенца.

Замки меня не удержат / слова не смогут отговорить / я долго ждал этого момента.

— Меня не было, когда Ронин заморозил твоего друга, — сказал Элрой, его голос вибрировал на губах Данте. Сердечный ритм замедлился. Стабилизировался. — Но я был с Джиной. Я знаю, что случилось, что Ронин сделал с ней. Я знаю ее последние слова.

С замер. Вспомнил черный чулок без единого следа Джины. Вспомнил другой чулок, завязанный вокруг ее горла. Вспомнил, как тихо она уходила, словно прощалась.

С отодвинулся от горла Э. Сел и всмотрелся в затуманенный взгляд Извращенца. *Ее последние слова.* Шанс для Джины прожить еще один момент. Боль пронзила виски.

— Я также знаю, что случилось с Ронином.

— Что мешает мне вырвать все это из твоего сознания?

— Я уверен, что умру, прежде чем ты узнаешь, — взгляд Элроя стал твердым.

— Это мой брат Плохого Семени.

Выражение лица Элроя снова опустело.

— Большой парень забрал Ронина.

С отвел взгляд, мышцы напряглись. *Ублюдок был моим.*

— Мужик забрал и Хэзер.

Хэзер. С снова посмотрел на Элроя.

— Она...

— В порядке, — продолжил Извращенец, — она даже послала мне воздушный поцелуй, когда мы удирали с улицы. Ладно, хорошо, выстрелила в меня, но правда, разве это не одно и то же?

Он ухмыльнулся.

Облегчение скользнуло сквозь С, мышцы расслабились. Он слез с Элроя и сполз на надувной матрац. Почувствовал головокружение. Пятна мелькали перед глазами. Он оперся на матрац.

— Выглядишь так, словно тебе нужен один из пластырей с Бэтменом, — сказал С, кивнув на измазанный кровью порез на шее Элроя. Слюна С могла исцелить рану, пару раз лизнуть, и она закрылась бы. Но... *Черта с два.*

Элрой сел и прижал руку к ране.

— Сними их, — произнес С.

Он поднял скованные запястья. Крюк все еще свисал с цепи как в городской легенде — *и они нашли крюк в крыше машины!*^[70]

Извращенец вытер нос тыльной стороной ладони.

— Мы успокоились? — спросил он, подняв взгляд к С. — Все еще хочешь убить меня?

С улыбнулся. Элрой уставился на него, ошеломленный, открыв рот. Через мгновение он опустил взгляд. Посмотрел в переднюю часть фургона. С слышал, как его маленький хитрый ум планировал удрать, задаваясь вопросом, сможет ли сбежать от слабой игрушки.

— Попробуй.

Элрой посмотрел на него, наклонив голову в сторону, облизал губы.

— Кто ты?

— Ты должен знать. Ты разбудил меня.

Извращенец кивнул, снова вытерев нос.

— Тогда ты знаешь, что мы должны разобраться с Сукой Мамочкой, верно? *Мы оба.*

— Фунт, два или три от плоти, верно? — С посмотрел на свои закованные запястья. — Сними их.

— Ты убьешь меня?

— Да. Но после того как сведем счеты.

Элрой Извращенец сел на пятки и задумался. Он провел рукой по волосам. Спустя мгновение он встал на колени и запустил руку в передний карман джинсов. Вытащил ключ.

Пододвинувшись к С, Элрой вставил ключ в наручники. Затем посмотрел на него.

— Но не до этого, правда?

— *Ойй.*

Элрой кивнул и расстегнул наручники. С стряхнул их с ободранных и окровавленных запястий. Наручники упали на ковер. Он потянул за край футболки и вытер кровь с лица.

— Мы можем еще поиграть? — спросил Извращенец. Голод слышался в его голосе. Он скользнул рукой вверх по бедру С.

Отбросив руку Элроя, С посмотрел на него, огонь бушевал в глазах. Он провел дрожащей рукой по изрезанной и окровавленной футболке, по ранам, саднящим под ней. Образ подвала появился в его сознании, затем исчез. Боль свернулась, ожидая.

Я то, что ты сделала из меня / не важно, куда ты спрячешься / куда убежишь / я найду тебя...

Рука С спустилась к ширинке джинсов. Он застегнул молнию. Ремень.

— Дотронешься до меня снова, и ничто, к черту, тебя не спасет.

Элрой отвел взгляд, челюсть напряглась, рука сжалась. С наклонился, поднял наручники, звякнув ими. Извращенец посмотрел на него. Без слов, С схватил его сжатую в кулак руку и надел наручник на нее.

— Эй, я думал, мы договорились, — запротестовал Элрой, когда С пристегнул второй наручник к металлической трубе.

— Сон приближается, — сказал С. — И я тебе не доверяю.

Элрой сполз по стене.

— Да, хорошо. Я тоже. — Приподняв бровь, он указал на подушку.

— Тебе нужен комфорт? — С взял окровавленный нож и, подняв взгляд на Элроя, погрузил его в бедро Извращенца. — Пошел ты.

Элрой резко втянул в себя воздух сквозь зубы, боль отразилась на его лице. Вена пульсировала на виске.

— Ты — мой, — пробормотал он.

— Да? — спросил С, перебравшись в переднюю часть фургона. — Я так не думаю.

Раздвинув занавеску, он оглянулся на Элроя. Легкая добыча. Голод усилился. Он испытывал боль. Но мысль о том, что каждая горькая капля крови Извращенца наполнит его вены, будет качать сердце и прояснит разум, оставила его равнодушной. *Что если он действительно хранит последние слова Джинны?*

С прошел сквозь приоткрытые занавески, опустился на переднее сидение и открыл дверь. Он соскочил на асфальт, ночной воздух коснулся его лица. Закрыв дверь, он вдохнул запахи ночи: влажная трава, дизельное топливо, горячая резина и дикие розы. Междущатная зона отдыха.

Он шел, пошатываясь, к грузовой фуре, ботинки бесшумно ступали по тротуару. Голод истощал те немногие силы, что еще оставались; наркотик отравил организм и затуманил мысли. Рассвет задел серый горизонт, и сонливость проникала в С, словно грязная кровь. Он покормится, затем вернется в фургон.

С встал на подножку грузовой фуры и проверил дверь. Заперто. Он разбил кулаком окно; стекло осколками посыпалось на тротуар и в кабину водителя. Затем, ухватившись за оконную раму, он проник внутрь. Его движения были так быстры, что пораженный водитель только моргнул сонными глазами, когда С уже набросился на него сверху.

Придавил его. Погрузился в теплое горло. И начал кормиться.

Глава 31

Слова, льющиеся как огонь

Джоанна шагала по пустому коридору, возбужденная и в состоянии эйфории от таблеток для бодрости. Каблуки цокали по блестящей плитке. *Что произошло на рассвете?* Эта мысль закружилась в голове, она остановилась с бешено бьющимся сердцем.

Снег падает, заглушая пробуждающийся мир за ее окном. Небо бледнеет, освещая снежинки на фоне серого рассвета, затем...

Джоанна снова начала ходить.

Затем свет мерцает, словно огонь свечи на внезапном ветру, мерцает и гаснет. Тьма стелется над горизонтом. В противоположность дню. Сила плавится в воздухе. Сила такая интенсивная, такая мощная, что даже в городском доме она проходит сквозь Джоанну, ошеломленно стоящую у окна на кухне, оставляя ее безвольной и обнуляя все счетчики. Слова появляются в ее уме, прокрадываются в сознание. Слова, которые она не узнает — похожие на руны, на древние глифы — и они словно огонь выливаются из ее рта. С внезапным порывом воздуха изнутри сила пропадает, очищая ум и опрокидывая ее на линолеум. Рассвет возвращается. Небо озаряется светом снова.

Джоанна ввела код на панели рядом с дверью в свой офис, затем опустила лицо вниз к сканеру сетчатки глаз. Тонкая полоса света скользнула по лицу. Она моргнула, зрение затуманилось. Дверь щелкнула. Она вошла внутрь и закрыла ее за собой.

Что произошло этим утром? Почему она думает, что надо что-то сделать с Ронином и ее пропавшими экспериментами? *«Нет, точнее, — думала она, садясь за стол. — с С».* И это даже была не мысль. А ощущение, жидкое, интуитивное и не поддающееся объяснению.

Джоанна включила видеофон, ввела номер. Музыка. Что-то сделать с музыкой. Она думала о том, как С сидел на краю кухонного стула, на его бедре покоилась гитара, прижатая к телу, длинные пальцы уверенно и быстро скользили по струнам, на лице отражался восторг. Такой же, как когда он впервые разорвал кому-то глотку. Такой же, как когда он поджег дом Прейжонов.

— Джоанна, какой сюрприз, — прозвучал знакомый глубокий голос.

Пораженная, она посмотрела в радостное лицо Боба Уэллса. Искривила губы в улыбке и покачала головой.

— Боюсь, сюрприз не из приятных, — сказала она. Улыбка Уэллса дрогнула. — Мне жаль, но у меня плохие новости.

Уэллс провел рукой по подбородку, на мгновение отвел взгляд, а когда снова посмотрел на монитор, его карие глаза были пусты — никаких чувств. Он смотрел на нее, ожидая, лицо не выражало ничего.

— Оба, Э и С, вне зоны и вместе. Я подозреваю, что их столкнули и проинформировали.

— Кто?

— Томас Ронин.

Уэллс изогнул бровь.

— Твой *père de sang*? Ты проявила небрежность.

Джоанна застыла, наклонилась вперед в кресле, скрипнула кожа.

— Я позвонила, чтобы предупредить, — сказала она. — Я думаю, они придут сюда из-за влияния Ронина. Но предполагаю, что С захочет и тебя тоже.

— Это тебя он помнит, — ответил Уэллс. — И твое щедрое внимание. Ты никогда не говорила, Джоанна, но... *какова* на вкус его кровь?

— Не играй со мной в эти игры, Боб, — сказала Джоанна. Она убрала всякое выражение с лица, но сжала руки, которых не было видно, в кулаки под столом. — Ты тоже его любил. И я беспокоюсь о том дне, когда он вспомнит твою любовь. И тебя.

Улыбка коснулась губ Уэллса. Он наклонил голову.

— Туше.

«*Интересная реакция*, — подумала Джоанна. — *Но неправильная*». Она прервала связь. Изображение Боба Уэллса исчезло. В его глазах мелькали огоньки *веселья*? Она посмотрела в окно. Снег падал быстро и большими хлопьями, небо было белым.

Дал ли Уэллс информацию о проекте Ронину? Если да, то зачем? Чтобы проверить ее способности? Или С?

Джоанна перевела взгляд на кресло напротив стола. На мгновение запах темного табака и лаванды наполнил ее ноздри. На мгновение Дэн Гиффорд сидел в кресле, взгляд его серых глаз был внимательным и успокаивающим. Он наклонился вперед, сложил пальцы домиком: *Понятно. Что вы хотите, чтобы я сделал?*

Вернул время назад.

Она ни о чем не жалела, кроме того, что отправила Гиффорда в Новый Орлеан. Она бы хотела оставить его рядом и послать кого-то менее значимого умереть со Стёрнсом и Уоллес.

Телефон зазвонил. Джоанна нажала кнопку на интеркоме.

— Да?

— Самолет Уоллес приземлится через несколько минут.

— Задержать ее. И доставить в лабораторию.

— Будет выполнено.

Джоанна завершила вызов. Время подготовиться. Мысль оставить Вашингтон появилась в голове. Не в первый раз. Для чего оставаться? Пока Ронин и остальные найдут ее, она успеет разработать план. Пустить его в ход.

Но мысль о ее маленькой Истинной крови в руках Ронина, неважно, на какой срок, заставляла внутренности сжаться. Ей нужно вернуть его. Что если он проснулся? Его воспоминания воскресли? Тогда ей нужно похоронить их и погрузить его в сон. Снова.

Джоанна встала и прошла через залитую светом комнату к картотеке из вишневого дерева. Она открыла верхний ящик, достала неподписанный CD, затем заперла ящик. Вернулась к столу и сунула диск в мягкий почтовый конверт. Заклеила его. И адресовала Данте Прейжону.

Если что-то пойдет не так, Джоанна должна быть уверена, что Уэллс не выйдет сухим из воды. А если все пойдет по плану, как и задумано, возможно, Уэллсу есть о чем волноваться. Не о С. Скорее, о неожиданном визите Джоанны.

* * *

Хэзер шла через переполненный терминал, слушая голоса, доносящиеся из динамиков, сообщающие об отмене рейсов из-за шторма. Она изучала лица людей, стоящих у багажного конвейера, болтающих около кофейных киосков и сувенирных магазинов.

Живот Хэзер заурчал от запаха свежесваренного кофе и поджаренного бекона. Она

поняла, что не ела со вчерашнего дня, поэтому встала в очередь к «Sunny's Breakfast 'n' More».

Когда очередь двинулась, Хэзер обвела взглядом терминал в поисках сотрудников спецслужб с уверенной походкой федералов. В поисках руки, лежащей на ухе. В поисках рации. В поисках ДеНуара. Наблюдая за теми, кто *наблюдает* тоже.

Ее взгляд остановился на мужчине в куртке поверх костюма, который разговаривал с женщиной в коричневом плаще. Хэзер напряглась. Мужчина изучал толпу за женщиной, с которой говорил, и Хэзер была уверена, что женщина изучает толпу за ним. Люди Мур?

Охрана аэропорта?

— Следующий.

Хэзер заказала сэндвич с беконом, яйцом и сыром с собой, заплатив наличными. Она сказала ДеНуару, что встретится с ним у офиса аренды машин. Возможно, он уже здесь. Хэзер спрятала завернутый и дымящийся сэндвич в карман и слилась с толпой. Сердце забило сильнее. Она развязала пояс и расстегнула плащ.

На кого бы ни работали Куртка и Плащ, они не настолько глупы, чтобы устроить заварушку в терминале. Нет, они дождутся, когда Хэзер уйдет. Внутри она была в безопасности.

Хэзер двинулась сквозь толпу, прокладывая путь к офису по аренде машин. Несколько человек стояли у стойки, но ни один не обладал ростом в шесть футов восемь дюймов или длинными черными волосами до талии. Где был ДеНуар? Что-нибудь случилось? Он уверял, что будет в терминале к тому времени, когда она прилетит.

Если не...

Не имею ничего против Люсьена, но твоя безопасность не будет его главной заботой.

Добрался ли ДеНуар до Данте через их связь? До Сна?

Надежда вспыхнула в Хэзер. Если так, то нет необходимости противостоять Мур. Вместо этого она могла бы построить дело против Мур с помощью файла, чтобы арестовать ее. Слить информацию? Если она сделает это, если представит все доказательства СМИ, ее карьера в ФБР будет окончена.

Но разве все уже не кончено? Мертво, как Стёрнс? И что насчет Данте? Хотел ли он, чтобы его прошлое — включая преступления — светило в экстренных новостях и на первых полосах газет?

Хэзер подошла к стойке. Служащий улыбнулся.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, *та'ат*?

— Да, у меня была бронь. Уоллес.

Хэзер развернулась, встав спиной к стойке. За окнами терминала бушевала снежная буря, подающий снег был словно плотный, косой лист. Автомобили и такси толпились у обочины, едва видимые темные пятна в белом, кружащемся в водовороте мире.

Мог ли ДеНуара остановить шторм?

Она подождет немного, а потом позвонит домой, узнать у Симоны или Вона, что они о нем слышали. Она вытащила из кармана все еще теплый сэндвич и частично распаковала его.

Внезапно появилось ощущение чужого присутствия, Хэзер напряглась. Как только она развернулась, рука сжала ее бицепс. Она посмотрела на гладковыбритое лицо Куртки и в голубые глаза.

— Агент Уоллес, — сказал он.

— Уберите свои руки, — произнесла она, повышая голос.

Ее взгляд искал его напарницу в плаще.

— Нет нужды устраивать сцен.

— Я не согласна. — Уронив сэндвич, Хэзер повернулась к Куртке и убрала его пальцы с плеча. Она сжала его руки оборонительным приемом айкидо — пальцы на запястьях, большой палец на тыльной стороне ладони — потянула вниз и назад, повалив Куртку на колени. Он вздрогнул, на лице отразилась боль.

Глянув вверх, Хэзер мельком увидела Плащ, пробирающуюся сквозь толпу. Времени ждать ДеНуара или искать припаркованную арендованную машину не оставалось. Возможно, самое время поймать такси.

Выпустив руку Куртки, Хэзер сильно его толкнула. Он заскользил по кафельному полу. Развернувшись, она побежала к стеклянным входным дверям. Нырнула рукой в карман плаща в поисках пистолета, обхватила 38-й. *Не сейчас. Слишком много мирных жителей.*

В толпе послышался потрясенный вдох. «*Дерьмо! Кто-то достал пистолет*», — подумала Хэзер, падая на пол. Что-то слабо задело ее спину, и она развернулась. Осколок от выстрела? Она вскочила на ноги, взгляд был сосредоточен на входных дверях и такси за ними, которые затерялись в снегу.

Что-то покалывало в венах. Горело. Автоматические двери раскрылись. Она выбежала в шторм. Холод ударил по ней, выбивая воздух из легких. Мысли смешались. В бреду она направилась на внезапно ослабевших ногах к ближайшему такси. И поняла, что ее накачали наркотиками.

Поскользнувшись на снегу, Хэзер ударилась о такси. Хотела схватиться за ручку двери, чтобы удержаться, но рука не слушалась, просто шлепнулась о бок такси. Она свалилась, мир вращался белым-белым-белым. Свет причинял боль. С обеспокоенным лицом над ней склонился мужчина.

— Мисс, с вами все хорошо?

Позади она услышала, как женщина сказала:

— Не переживайте. С ней все хорошо. Просто перебрала с выпивкой. Боится летать.

Снежинки, прилипшие к ресницам Хэзер, таяли на глазах. Она попыталась заговорить, но язык не работал. Старалась покачать головой, чтобы показать таксисту «нет», но голова не двигалась.

Руки подняли ее, голова повисла. Белое небо слилось с заснеженным бетоном.

— Расслабься, — сказал мужской голос, — не борись.

— Мы отвезем тебя к доктору Мур.

Холод завертелся в сознании Хэзер, замораживая его, отключая.

* * *

Боль пульсировала, словно вместо кости в теле была раскаленная кочерга для камина. Э открыл глаза, в животе замутило. Глотать было трудно — *нужны таблетки* — он осмотрел фургон. Измазанный в крови надувной матрац был пуст, неиспользованная подушка внезапно напомнила о ноже в бедре.

Э посмотрел вниз, нога горела под лезвием. Вокруг ножа на джинсах расплылось кольцо высохшей крови. *Хренов ублюдок кровопийца!* Что-то темное и волнующее свернулось в нем, спрятанное под гневом. Память о ножах, погруженных в бледную плоть

Данте, послала дрожь по позвоночнику Э.

Беглый взгляд, кинутый через плечо, зацепился за Данте, растянувшегося на полу. Э развернулся, чтобы рассмотреть получше. Симпатичный маленький кровосос лежал животом на ковре, на стороне, защищенной занавесками от горящего дневного света снаружи.

Голова повернута в сторону, волосы закрывали лицо, одна рука была под ним, другая согнута в локте, Данте — *упс! Точнее, это С* — выглядел так, словно рухнул прямо когда шел. Или получил еще одну пулю в голову.

Взгляд Э блуждал по Данте, впитывая каждую деталь. Он желал, чтобы С не просыпался, пока он не закончит играть. Отчасти желал, чтобы С совсем не просыпался. И действительно желал, чтобы у него был ключ от наручников.

Сжав зубы, Э расслабил раздутое и покрытое кровоподтеками запястье в повязке. Боль и тошнота дважды сжали внутренности. Пот выступил на лбу. Он сглотнул желчь. Прислонив голову к стене фургона, Э оставил нож, размышляя. В любом случае, он сомневался, что сможет вытащить его и остаться в сознании.

Он посмотрел на Данте. Парень был вне игры некоторое время. Он мог шуметь сколько угодно — Данте не пошевелится. Или С. Э внезапно задрожал, вспомнив, как Данте вернул ему собственные слова, жесткие и холодные, сказанные голосом кровопийцы.

Это мой брат Плохого Семени.

В тот момент Э был уверен, что умрет. Ужасно. Жестко. Страшно.

Но Данте хотел последние слова Джины, и только Э обладал ими. Так момент прошел, и его сердце билось, билось, билось. И билось еще долго, после того как Данте остановился.

Взгляд Э скользнул к рюкзаку с игрушками и черной сумке. В первом были таблетки. Наркотик для Данте — во второй. То, что доктор прописал для них обоих.

Двигаясь осторожно, Э дотянулся до рюкзака. Схватился за край. Молниеносная боль пробежала от кисти к плечу, и он закричал до того, как успел остановиться. Но оказался прав насчет Данте — кровосос безмятежно спал. Черные пятна поползли перед глазами Э, как только он нащупал мешочек с таблетками, расстегивая распухшим пальцем молнию. Пот потек по вискам.

Э схватил таблетки, сжав их в ладони. Несколько рассыпались на ковер, подпрыгнув и покатавшись в разные стороны, но не в его. Опустив дрожащую руку, он бросил таблетки, которые стащил, в рот. Проглотил. Его желудок сжался, словно кулак. Он прислонился к фургону. Начал дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Тошнота исчезла.

Э закрыл глаза. Он хотел, чтобы у него были очки. Хотел, чтобы у него были сигареты. Думал, что, возможно, это Данте должен быть в наручниках, мучиться и желать все это, пока Э спит. Желать, чтобы он никогда не рождался. Ублюдох. Пил *его* кровь.

Она горела в Данте даже сейчас? Если бы Э открыл глаза, увидел бы он собственный золотой свет, который излучает Спящий и накачанный наркотиком вампир? Сердце Э пропустило удар, затем забилося с глухим вибрирующим стуком о грудь. Он открыл глаза.

Золотой сладкий свет скользил с губ Данте, лился из ноздрей, усеивал стройное тело. Извивался вокруг золотыми кольцами.

Связывая его. Соединяя с закованным богом.

Э усмехнулся. *Мой*. Как только таблетки начнут действовать, уменьшив боль в пульсирующей руке, он стащит шприц с пузырьком наркотика для кровососа из черной сумки. Спрячет под повязку. Затем будет выжидать удачное время с божественным

терпением.

Ждать, когда вероломный гаденыш повернется спиной.

* * *

Люсьен приземлился, касаясь босыми ногами покрытой снегом травы. Его крылья раскрылись, сбрасывая в воздух капельки льда и снега, затем сложились за спиной. Серые облака спрятали солнце. За стоянкой машины быстро пересекали автомагистраль, скользая шинами по снегу и слякоти. Два автомобиля остались: белый фургон с номерными знаками Алабамы и грузовая фура.

Разбитое окно водительской кабины фуры сказало Люсьену о том, что его сын питался, проникновение с применением силы говорило об отчаянной жажде.

Свернув крылья, Люсьен шагнул к фургону. Он следовал за песней хаоса Данте, пока она не исчезла, но гнев, боль и безумие не пропали и горели в сердце Люсьена.

Данте был потерян в собственном истерзанном рассудке.

Около часа назад шум, блокирующий их связь, исчез, и он последовал за ней, как за эфирной веревкой, к своему спящему сыну.

Пальцы Люсьена схватили холодную дверную ручку. Закрыто. Плотно прижав ладонь к двери, он направил энергию в замок. Синие искры посыпались на тротуар, оставляя крошечные растаявшие отверстия в снегу. Он ухватился за ручку и открыл дверь.

Дурной запах крови и насилия, пота и старых сигарет поднимался из фургона, как чёрный дым из огня. У Люсьена перехватило дыхание, внизу, как угли под грудой пепла, тлела выжженная и горькая вонь искаженной похоти и зла.

Люсьен слушал медленный ровный ритм сердца Данте. Звук успокоил. *Я нашёл сына.* Забравшись в фургон, он раздвинул занавес и осторожно скользнул внутрь, не позволяя слабому зимнему солнечному свету коснуться его дитя.

Люсьен посмотрел на Данте, спящего на полу фургона. Крик сгорающего на солнечном свету, душераздирающий звук агонии ребенка — его ребенка — отражался эхом в обрывках снов Данте. Напоминая Люсьену о том, что он чувствовал... что он слышал, стоя на кухне с Уоллес.

Хлоя. Моя принцесса. Мое сердце.

Я не позволю им тебя забрать.

Встав на колени, Люсьен взял сына на руки. От Данте исходил жар. Жар, хоть он и был в успокаивающем сне. Из носа текла кровь, оставляя линии на губах.

Ох, маленький, они забрали бы ее в любом случае. Ты бы ничего не смог сделать. Ничего. Ты был всего лишь ребенком.

Люсьен убрал волосы с лица Данте, коснулся холодной серебряной серьги в ухе.

Прошлое поглотило его.

Взгляд Люсьена опустился. Сердце сжалось, когда он уставился на изрезанную футболку Данте. Запах его крови. Он приподнял пропитанную кровью ткань. Бесчисленные исчезающие раны рассыпались по всей груди и животу. Порезы. Проколы. Ножевые ранения.

И что, ножи так необходимы помощнику журналиста?

Люсьен, наконец, обратил внимание на спящего смертного, пристегнутого к фургону. На обгаженном кровью горле — укус. Одна рука перевязана, с распухшими пальцами. Рукоятка ножа торчала из бедра. Взгляд Люсьена метнулся к мальчику, качающемуся в

колыбели его рук, замер, затем вернулся к Джордану.

Напротив Джордана был матрац, забрызганный и измазанный кровью. Кровью Данте. Также кровь покрывала стены и потолок. Книгу — поэзия? — и разбросанные бумаги и фотографии, захламлявшие пол за матрацем.

Люсьен напрягся. Потому что узнал фотографии. Некоторые он просматривал с Уоллес. Так, прошлое Данте вернули ему с помощью крови и ножей. Вернул без милосердия смертный с мертвыми глазами.

И еще Данте кормился. Тогда почему Джордан все еще дышит?

Негодяй заключил сделку на свою жизнь? Взгляд Люсьена вернулся к бумагам и отчетам, разбросанным на полу. На что?

Его первым импульсом было поднять Данте на руки и улететь домой. Когда дитя будет в безопасности, он вернется. Затем вынесет Джордану и Мур окончательный приговор, суд Падшего и смерть в духе Ветхого Завета.

Но снаружи горел дневной свет. Ему нужно было подождать до сумрака, чтобы отнести Данте домой. Люсьен нагнулся и прижался губами к Данте, вдыхая в него энергию, он уже поступал так, когда Уоллес пришла с ордером. Пробуждая его дитя ото Сна. Пробуждая от пепла, в котором он кружился, обнимая маленькую девочку.

Боль ударила по щитам Люсьена. Вдыхая, он отогнал ее подальше. Коснулся кончиками пальцев виска Данте. Холодный свет полился в опустошенное от боли сознание дитя и горящее тело.

Данте сделал глубокий вдох. Его глаза открылись. Он посмотрел на Люсьена, но узнавание не отразилось в глубине темных глазах. Вырвавшись из захвата Люсьена, Данте встал на колени. Тело скрутило, мышцы напряглись, он зашипел.

Страх потянулся холодной рукой к позвоночнику Люсьена. Потерялся ли Данте в безумии? Несвязанный и сумасшедший Создатель? Или это просто Сон, не отпускающий его? Всегда рискованно будить Спящего.

Люсьен успокаивающе поднял руку.

— Данте, дитя, ты в безопасности. Тихо.

— Не Данте, — произнес тихий голос. Джордан. — Это С.

— С не существует, — сказал Люсьен, — только Данте. С часть тебя, дитя. Гнев, который ты отрицаешь, боль, которую игнорируешь.

— Он точно не отрицал гнев в последнее время, — пробормотал Джордан.

Не отводя взгляда от Данте, Люсьен направил руку и ударил энергией по смертному. Джордан завизжал. Запах озона наполнил воздух.

Люсьен встретил исчерченный красным гневный взгляд. Теперь он видел. Сон задержался в глазах сына.

— Она не может подняться с тобой. Мне жаль, но ты должен оставить ее и позволить спать.

— Нет. — Руки Данте сжались в кулаки. Боль и Сон застилали глаза. — Я обещал ей вечность.

— Дитя, ты и дал ей вечность, — сказал хриплым голосом Люсьен. — Она всегда с тобой. Но она не должна быть здесь. Ты в фургоне с Элроем Джорданом. Он похитил тебя. Пытал тебя. Данте, проснись.

Данте вздрогнул, его бледное лицо исказилось. Он коснулся трясущейся рукой виска.

— Хлоя, — прошептал он, — я все еще могу спасти ее.

— Слишком поздно, Данте.

Данте посмотрел на Люсьена, Сон исчезал из его глаз. Он с трудом сплотнул. Отвел взгляд и через мгновение кивнул.

Люсьен обхватил лицо Данте.

— Ты мой сын, — произнес он, — ты можешь ненавидеть меня, сколько хочешь, но эта правда останется. Ты дитя Люсьена и Женевьевы.

Данте отдернул голову от прикосновения Люсьена и прижал лихорадочно-горячие руки к его голой груди, приготовившись оттолкнуть, затем остановился. Одинокая чистая нота прозвучала сквозь Люсьена, раскатившись по телу, и вернулась обратно в ладони Данте. Удивление засветилось на лице Данте. Золото вспыхнуло в глазах. Энергия струилась туда и обратно между ними; Создатель, притянутый своим созданием, ангел, очарованный своим Творцом.

Данте отдернул руки от груди Люсьена. Он видел вопросы в его глазах, поскольку золотой свет исчез: *Что это было? Что только что произошло?*

— Это то, чему я должен научить тебя, — сказал Люсьен, — до того как станет поздно.

Данте покачал головой, руки сжались в кулаки.

Люсьен хотел вбить благоразумие в своего упрямого сына так же, как и обнять его, прижать ближе и уберечь.

— Да, нравится тебе это или нет.

— Большой Парень твой гребаный папаша? Нифига себе! — засмеялся Джордан.

Синее пламя искрилось вокруг Люсьена, текло по венам очищающим огнем. Он развернулся. Его рука сомкнулась вокруг окровавленного горла смертного и сжалась. Джордан выпучил глаза, язык вывалился. Он бился ногами, но Люсьен блокировал каждый слабый удар. Позор. Это будет слишком легкая смерть по сравнению с тем, что он придумал для него.

— Нет! — Пальцы Данте обхватили запястье Люсьена.

— Что за сделку он заключил с тобой? — спросил Люсьен низким голосом.

Джордан забился, глаза закатились, слюна пенилась на губах.

— Данте, какую?

— Он должен сказать последние слова Джини.

— В обмен на что?

— На несколько часов, — ответил Данте. — Я... С... — замешательство мелькнуло на лице. — Я... согласился не убивать его, пока мы не закончим с Мур.

— Ох, дитя, — вздохнул Люсьен, расслабил руку, но не отпустил Джордана. Его взгляд переместился к Данте. — Ее последние слова ничего не изменят. Откуда ты знаешь, что он не солжет?

— Не знаю, — произнес Данте, — но я узнаю слова Джини, как бы он их не менял.

Боль и потеря легли тенями на его лицо.

Люсьен понял, насколько он слаб. Данте перенес слишком много. Ему нужен Сон. Кровь. Покой.

— Нет ничего, что бы ты мог сделать для тех, кто ушел, — сказал Люсьен, — но Хэзер ищет тебя в Вашингтоне. Ей нужен ты. Не мертвый. С этим нужно покончить.

— Хэзер, оїі, — выдохнул Данте. Его пальцы скользнули по запястью Люсьена. — Она в безопасности? Кто с ней?

Зависть пронзила Джордана, темная, горькая и острая.

— Она одна, — ответил Люсьен, удерживая взгляд на Джордане. Наклонившись, он прошептал на ухо смертному. — Она жаждет вернуться в постель к Данте, в его объятия. Она забыла тебя.

Люсьен отпустил его. Смертный резко упал, задыхаясь и кашляя, поддерживаемый только пристегнутым запястьем. Ненависть лилась из него. Горячая и грязная, переливающаяся, словно нефть в воде.

Люсьен улыбнулся.

— Какого черта ты делаешь? — воскликнул Данте, раздражение и ярость послышались в голосе. Он запустил руку волосы. — Сейчас не время для игр. Кто-то пытается убить Хэзер, а она одна. Я должен ехать в Вашингтон.

Люсьен покачал головой.

— Когда солнце сядет, я отведу тебя домой...

— Нет. Я должен покончить с этим. — Глаза Данте внезапно расширились. Тело напряглось. — Делай, мать твою, все что хочешь, но я направляюсь в Вашингтон.

Боль шептала у щитов Люсьена, боль и гудящие голоса. *Почему прошлое не освободило его?* Он потянулся к Данте. Почувствовал, как память раскрылась и поглотила его. Потрясая. Люсьен крепко держал сына, сердце колотилось. Глаза его дитя закатились. Тело выгнулось. В конвульсиях.

Память овладела им.

Данте не *помнил*. Нет, подумал Люсьен, это слишком мягкое слово для того, что его дитя испытало... вновь пережил... выдержал. Момент из прошлого Данте колебался, словно земля во время землетрясения, поднялся, затем ускользнул в темноту. Исчез.

Да, Данте выдержал. Тело Люсьена напряглось, когда он держал дрожащего сына, убирая волосы с бледного лица. *Но как долго он еще выдержит?* Он мог прятать Данте от Падших, защитить от создания ночи и любого другого создания, гуляющего по земле, но не мог защитить его от собственного прошлого или от собственного разума.

Данте нужно противостоять прошлому, мое отсутствие — приговор для него. Нужно противостоять Джоанне Мур. Тогда, возможно, он исцелится.

Прости меня, моя Женевьева. Я не смог уберечь нашего сына.

Но теперь я стою позади него и буду охранять вечно.

— *Sa fini pas*^[71], — прошептал Данте. Глаза открылись. Истощение затуманило его взгляд, кожа под глазами посинела.

— Тсс, — тихо сказал Люсьен, касаясь виска Данте, — это закончится. Я поведу фургон, пока ты будешь Спать. Мы будем в Вашингтоне с наступлением ночи.

Глаза Данте закрылись, как только Сон забрал его.

Люсьен осторожно опустил Спящее дитя на покрытый кровью коврик. Его взгляд упал на закованного смертного. Джордан смотрел на него с ненавистью и завистью.

Люсьен двинулся к нему. Обхватив рукой рукоятку ножа, торчащую из бедра, посмотрел прямо в кипящий взгляд Джордана и дернул. Смертный втянул воздух сквозь зубы.

Люсьен наклонил голову, слушая.

— Бог? Я знал богов. Ты просто гниющая плоть, которую нужно похоронить.

На губах Джордана растянулась усмешка.

— Да? Ну, угадай что? Я под защитой Данте. — Он посмотрел на Спящего. — Чем не вышибала?

Запах острой жажды появился в воздухе. Люсьен схватил за подбородок Джордана,

отведя его взгляд от Данте.

— Тронешь его еще раз, и я сниму гниющую плоть с твоих костей, пока ты будешь смотреть на это глазами без век.

Джордан вырвался из руки Люсьена.

— У меня есть то, что он хочет.

Люсьен пожал плечами.

— У тебя сделка с Данте, не со мной. Запомни это.

Джордан отвел взгляд, сжимая челюсти.

Через полчаса Люсьен выехал на трассу I-75 и направился в Теннесси. Джордан сидел на переднем пассажирском сидении, его правое запястье было приковано к ручке над окном. С угрюмым лицом он смотрел вперед.

За перегородкой на заднем сидении, которое разложил Люсьен, спал Данте, укрытый одеялом с головы до ног. Окровавленный надувной матрас и полиэтилен были выброшены в мусорный контейнер. Используя Zippo, Люсьен сжег файл С, но сохранил фотографии Данте.

С серого утреннего неба падал снег. Люсьен слушал дрожащую небесную песню, но небо оставалось тихим. Ни один Падший, летающий наверху, не ответил на его небесную песню в поисках Создателя, который спел мощный хаотичный ответ.

Пока.

Глава 32

Усиливающийся шторм

Голоса проникли сквозь темноту — тихие голоса, резкие.

— Пробка, наконец, рассосалась, — сказал мужчина, — мы будем через пятнадцать минут.

Радио затрещало. Радиатор заурчал, согревая воздух. Машина накренилась при движении вперед.

— Ну и буря, — сказала женщина, — надеюсь, нас не завалит снегом.

— Проверь Уоллес.

Шелест ткани. Скрип искусственной кожи. Дуновение сладкой дыни. Парфюм?

— В отключке.

Сердце Хэзер дважды пропустило удар, когда память вернулась. Куртка и Плащ. Аэропорт. Падение. Холодный снег на ее лице.

Мы отвезем тебя к доктору Мур.

Изображения вспыхнули в сознании Хэзер — Данте выскальзывает из окна разбитого MG; он лежит на пороге дома Ронина, кровь стекает по виску; Джордан ухмыляется, уезжая в фургоне — ее сердце замерло.

Я опять облажалась?

Хэзер почувствовала, как снова скользит во тьму. Она прикусила внутреннюю сторону щеки. Ощутила вкус крови. Серый утренний свет и яркий падающий снег причиняли боль глазам, боль пронзила голову. Она перевела взгляд на место перед собой, сосредотачиваясь на бежевой коже. Игнорируя гипнотический звук *вуух-шуух* дворников. Все ее тело покалывало, словно ей ввели огромную дозу новокаина.

Бросив взгляд вниз, Хэзер увидел свою сумочку на полу за передним пассажирским сидением. Без сомнения ее уже обыскали, и 38-й был конфискован. Она попробовала подвигать руками. Указательный палец на правой руке дернулся. Быстрый взгляд подтвердил, что запястья закованы в наручники впереди. Проще посадить ее на заднее сидение со скованными руками впереди, чем сзади?

Хэзер закрыла глаза на случай, если Плащ снова ее проверит. Она старалась задержать дыхание, при этом не соскальзывая в объятия успокаивающего сна. Зачем она понадобилась Мур? Та предполагает, что Джордан и Данте держат путь в Вашингтон? Если она пыталась убить Хэзер в Новом Орлеане, почему не сейчас? Что поменялось?

Если Мур хочет ее смерти, как и сказал Стёрнс, почему эти двое не вывезли ее в лес или на окраину города и не пустили пулю в голову?

Кто-то вмешался? Поговорил с ней? Ее отец, возможно?

Она внезапно вернулась к повторяющемуся сну, где водитель, лицо которого скрывала тень, выходит из остановившейся машины, молоток сверкает в его руке.

Нет. Она выкинула воспоминания и изображения прочь. *Сфокусируйся на настоящем.* Кожа скрипнула, и она держала глаза закрытыми, пока не досчитала до тысячи и не рискнула бросить взгляд сквозь ресницы. Блондинистая голова Плаща была повернута к лобовому стеклу.

Онемение усилилось, переходя в покалывание. Руки Хэзер сжались в кулаки. В ней загорелась надежда. Она расслабила руки. Онемение и покалывание превратились в

ощущение пощипывания. Она подняла скованные запястья, следя за белобрысой головой Плаща и краем глаза наблюдая за ожившими пальцами, пробирающимися к сумочке.

Дворники со звуком *тик-так* ходили по лобовому стеклу. Под цепью, прикрепленной к шинам, хрустел снег, звук был слабый и приглушенный. Пальцы Хэзер скользнули в сумочку. Пульс гремел в ушах.

Пальцы шарили в содержимом сумочки, ощупывая предметы, ища тонкий край, чувство металла, гравий с грязного переулка. Сердце сильно заколотилось в груди, когда Плащ двинула головой, затем посмотрела в пассажирское окно. Хэзер выдернула руки из сумочки и вернулась в прежнее положение. Закрывает глаза. Медленно вдыхая и выдыхая.

— Он валит все сильнее, — произнесла Плащ.

— Дорога домой будет трудной.

— Если ты попадешь домой.

— Я выберусь оттуда, даже если мне придется идти домой на лыжах, — сказал Куртка тихим напряженным голосом. — Ты читала какие-нибудь из отчетов? Ты знаешь, кто такой С?

Хэзер слушала с закрытыми глазами, пальцы медленно возвращались к сумочке. *Так Мур знала. Но как?*

— Знаю, — прошептала Плащ, — у меня был допуск, я любопытная. Я типа хотела увидеть его во плоти, понимаешь?

Руки Хэзер нырнули в сумочку, пальцы коснулись дна.

Куртка фыркнул.

— Ты знаешь, что говорят о кошке и любопытстве.

— Да, да. Когда ты успел стать чопорным брюзжащим стариком?

— Я не планировал быть приманкой для психа, — сказал Куртка.

Палец обнаружил острый кончик. Холодный металл коснулся ладони. Сердце быстро забило, когда Хэзер вытащила пилочку для ногтей из сумочки.

— Я тоже, — ответила Плащ, — может, вот для чего она здесь.

Куртка хмыкнул.

Хэзер застыла. Мур не могла знать о ее отношениях с Данте. Только если... Данте все еще контролировался скрытыми камерами, следящими за каждым движением в доме и клубе. Если так, это объясняло, почему она не была мертва и закопана под снегом.

А ДеНуар? Он оставил ее, чтобы найти Данте? Интуиция говорила *да*. Воспоминание о поражении на лице ДеНуара ярко вспыхнуло в голове. *Тише, дитя. Я найду тебя.*

Глаза горели за закрытыми веками. Хэзер хотела, чтобы так и было — направляла каждую частицу имеющейся энергии, каждое не загаданное желание на день рождения на образ Данте в колыбели темных крыльев ДеНуара.

А пока ей не нужна была интуиция, чтобы сказать, что она одна и без подкрепления. Пальцы сжались вокруг пилочки для ногтей. Она подняла руку к груди и сунула пилочку в блузку, спрятав в бюстгальтер.

Спасла мою задницу в переулке.

Она надеялась на нее снова. Затем опустила руки, держа их неподвижно. Мгновение спустя кожа скрипнула, и она поймала еще одно дуновение сладкой дыни, духов Плаща.

Машина замедлилась, затем остановилась. Холодный воздух ворвался внутрь, когда Куртка опустил вниз стекло.

— Эй, Моррис, — произнес он, — где все?

— Доктор Мур отправила большую часть людей домой из-за бури, — ответил грубый голос. Служба безопасности? — Я удивлен, что вы приехали.

— Я тоже, — проворчал Куртка, закрывая окно, запирая холодный воздух внутри. Автомобиль двинулся дальше, снег захрустел под колесами.

Чуть позже машина остановилась вновь. Куртка выключил зажигание. Хэзер открыла глаза. Посмотрев вверх, она поймала взгляд голубых глаз Куртки в зеркале заднего вида. Заметила приподнятую бровь. Хэзер напряглась. Куртка *знал*. Когда она следила за Плащом, он следил за ней.

— Похоже, наш пассажир очнулся, — сказал Куртка.

Он открыл дверь и вышел наружу. Холодный ветер и снег ворвались в машину, прежде чем он закрыл дверь.

Плащ развернулась на своем сидении, смотря на Хэзер.

— Давай все сделаем просто. Хорошо?

Хэзер кивнула. Опираясь на локти, она села. Белые точки замелькали в глазах, словно снег. Она опустила голову, чтобы головокружение прошло. Другой порыв холодного воздуха, сопровождаемый глухим стуком, сказал ей, что Плащ вышла из машины.

Дверь со стороны пассажира открылась. Куртка залез внутрь, схватил Хэзер за плечо. Снег залетал в салон. Хэзер посмотрела на него. Он долго удерживал ее взгляд, затем помог выйти из машины в бурю.

Холод ударил сквозь плащ, заморозил пальцы, обжег щеки. Она посмотрела на здание перед ними, надпись была наполовину скрыта из-за падающего снега.

Государственный Центр Психологического Исследования.

То, что Хэзер увидела в глазах Куртки, потрясло ее. Он знал, что она взяла пилочку, но сохранил в секрете.

Плащ схватила другую руку Хэзер. Они пересекли парковку, сгибаясь под вихрем обжигающего снега и льда.

* * *

Джоанна смотрела на монитор системы безопасности, пока Беннингтон и Гарт сопровождали Уоллес в №5 и снимали с нее плащ и обувь.

— Скажите Мур, что я хочу поговорить с ней, — сказала Уоллес, на удивление, ее голос казался сильным и ровным для женщины, которая приходит в себя от убойной дозы.

Гарт без слов вышла из комнаты с накинутым на руку черным плащом Уоллес, держа обувь в руке. Беннингтон остановился у двери и обернулся.

— Почему бы тебе не расслабиться? — спросил он. — Это займет какое-то время.

— Ты знаешь, почему я задержана?

Беннингтон покачал головой.

— Извини, — сказал он. — Не знаю.

Он вышел из комнаты, закрыв дверь за собой. Красный свет появился на дверной панели, говоря о том, что она заперта.

Уоллес ходила по кругу, ее взгляд был направлен на потолок. «*Не глупая*», — размышляла Джоанна. Сделав один круг, Уоллес села, прислонившись спиной к северной стене. Обняв колени, она опустила голову. Рыжие волосы упали вперед, закрывая лицо.

Головная боль и сонливость — два последствия транквилизатора. Джоанна отодвинула

стул от монитора и взглянула на файл на отполированной поверхности стола. Характеристика Уоллес была образцовой. Она преуспела в Академии, окончив ее на отлично в возрасте двадцати пяти лет. Спустя шесть лет Уоллес зарекомендовала себя как преданный, талантливый и умный агент.

И, если Джоанна правильно помнила, интуитивный, сочувствующий и жесткий.

Память вспыхнула. Тест, который дали новобранцам для определения их мотивов вступления в ФБР; самые простые вопросы, самые показательные.

Почему вы хотите стать агентом ФБР?

Большинство ответов были вроде *убирать плохих ребят с улиц* или *помочь защищать мою страну*, или *изменить ситуацию*, или даже *сделать карьеру в правоохранительных органах с достойной заработной платой*.

Но ответ Уоллес был единственным, который Джоанна запомнила: *Я хочу быть голосом для жертв. Быть голосом для умерших, голосом справедливости*. Она бы удивилась, если бы Уоллес до сих пор верила в справедливость, до сих пор стремилась быть голосом для мертвых. Или последние шесть лет высушили ее дух насухо?

Джоанна провела пальцами по волосам. Она не хотела потерять агента калибра и потенциала Уоллес. Она была достаточно резкой, чтобы попросить у судмедэксперта в Пенсаколе результаты вскрытия трупа, и достаточно смелой, чтобы бросить вызов Анзалоне, затем вернулась в Новый Орлеан, чтобы найти настоящего СК.

Неожиданная мысль вдруг вспыхнула в мозгу. Ей не придется потерять Уоллес. Могла ли она *обратить* ее? Убедить ее быть голосом справедливости не только на несколько десятилетий, а в течение столетий? Тысячелетий?

Лучший вопрос: Готова ли Джоанна стать *mère de sang*^[72]. Ее первая попытка была во время отпуска в Новом Орлеане. По правде говоря, она только хотела насытиться Женеьевой, а не практически осушить темноволосую красавицу, когда услышала второе крошечное сердцебиение. Смертная даже не знала, что беременна. Сторая от любопытства, она поднесла свою кровь к бледным губам Женеьевы.

Что случится с зародышем, если его мать обратить?

Результат был на пути домой, направляемый *père de sang* Джоанны, дедушкой С, в некотором смысле.

Если нет, то был ли Ронин в пути с Э и С? Ее сердце сказала *да, бедствие бежит сквозь бурю, рожденное кровью*. Спал ли ее вампир Истинной крови в объятиях Ронина даже сейчас?

Шептал ли Ронин ложь С?

Или того хуже, правду?

Джоанна повернулась к монитору. Уоллес до сих пор сидела, прислонившись спиной к северной стене, руки обнимали колени, голова опущена. Рыжие волосы скрывали ее хорошенькое лицо. *Рыжие* волосы.

Джоанна посмотрела на изображение Уоллес. *Хлоя*. Могла ли она использовать Уоллес как приманку для своей маленькой Истинной крови? Увести его от Ронина? Обратить *против* Ронина?

Пусть Уоллес несколько часов поразмышляет о своей судьбе. Потом Джоанна предложит ей выбор.

Хэзер дремала, положив голову на руки. Сны и изображения пульсировали в за закрытыми глазами, как боль, пульсирующая в голове.

Пульсация: *Удовольствие загорается на лице Данте, блестит золотом в глазах, когда он входит в нее. Для него она пахнет жжеными листьями и морозом.*

Пульсация: *Она прячет лицо на груди ДеНуара, когда он несет ее по холодному черному небу.*

Пульсация: *Элрой Джордан стоит над ней, когда она спит, нож блестит в его руке. Он касается пальцем ее волос.*

Пульсация: *Стёрнс горит. Данте падает, и падает, и падает...*

С сильно бьющимся сердцем, с застрявшим в горле криком Хэзер потянулась к Данте. Схватила его рукой; бледные пальцы сомкнулись вокруг ее запястья. И они упали. Данте обхватил ее руками, крепко прижал к себе, когда они окунулись в беззвездную ночь. Он поцеловал ее, и прикосновение к его губам заставило пылать.

Она горела, пока они стремительно падали, переплетались, как падающая звезда. Ветер развеивал огненные волосы по небу. Черные локоны Данте обвивали ее, как мерцающие нити.

Песня пульсировала в ней, вибрировала по ней, в ней, темная, интенсивная и бьющаяся; она горела с ее сердцем, ее душой — песня Данте.

Я иду за тобой, chérie.

Я буду здесь, Данте. Прямо здесь.

Tсс. Je suis ici.

Она услышала взмах крыльев.

Глаза Хэзер распахнулись. Сердце колотилось о ребра. Прислонившись к стене, она глубоко дышала. Ее голова до сих пор болела.

Я иду за тобой, chérie.

Хэзер спрятала эти слова в сердце, храня их в безопасности. Данте говорил с ней. Она не знала как, может быть, потому что он пил ее кровь, и это их связало, может быть, потому что она дремала в измененном состоянии из-за лекарств в организме. Но интуиция и чутье говорили ей, что Данте в пути.

Закрыв глаза, она улыбнулась. Надежда загорелась теплотой и светом в ней. Головная боль уменьшилась. Истощение исчезло. Если Данте был в пути, значит, он сбежал от Джордана. Может быть, ДеНуар нашел его.

Жужжание в дверях заставило ее открыть глаза. Дверь распахнулась, и высокая блондинка шагнула внутрь. Доктор Джоанна Мур. На ней был твидовый костюм с юбкой в европейском стиле темно-красного цвета, блузка, такая же белая, как стены комнаты. В правой руке она держала пистолет, направленный в пол.

— Я помню тебя из Академии, — сказала Мур, ее тон был легким, будто она на деловом обеде, а не в обитой комнате. — Меня впечатлило твое сочувствие к жертвам.

Хэзер встала. Из-за движений голова начала пульсировать сильнее.

— Правда? Я удивлена, что ты знала об этом. — Она убрала волосы с лица, встретила взгляд Мур и спросила, кивая на пистолет. — Ты здесь, чтобы сделать грязную работу?

Улыбка Мур померкла. На секунду показалось, что она ушла в себя.

— Если так, — голос прозвучал мягко. — Если от этого тебе станет лучше, то я буду сожалеть.

Она стояла в центре комнаты, как лепесток розы в снегу.

— Ни капельки, — произнесла Хэзер. — Ты сожалешь о смерти Розы Бейкер? Чтс насчет других жертв Странствующего Киллера — Элроя Джордана?

Голубые глаза Мур прояснились.

— Звучит так, будто ты до сих пор голос для мертвых. Я удивлена.

— Это никогда не менялось.

— Для большинства изменилось.

— Тебе какая разница? — Хэзер посмотрела на дверь, оценивая расстояние. Думая, сколько секунд у нее будет, прежде чем Мур развернется и выстрелит.

— Я могу отдать тебе Э, — сказала Мур.

Сердце Хэзер тяжело ударилось о грудь. Она посмотрела на Мур. Изучая ее бледное лицо. Искренность мерцала в ее глазах, но у Хэзер было такое чувство, будто она видит только поверхность; в синей глубине таились темные тайны.

— Наконец, ты сможешь говорить за мертвых. Подарить справедливость семьям его жертв. Все, что ты должна сказать, это *да*.

— Аа. Подвох. *Да* для чего?

Мур раздвинула губы. Хэзер уставилась на обнаженные клыки, мысли крутились, хладнокровно.

— Для меня, — сказала Мур.

Глава 33

Возвращение домой

Я буду прямо здесь, Данте. Прямо здесь.

Данте сделал глубокий вдох и проснулся. За закрытыми глазами исчезало изображение Хэзер, ее волос, развевающихся пламенем в ночи. Она ждет его. Он до сих пор чувствовал мягкое касание ее теплых губ, ощущал вкус на языке.

Данте открыл глаза. Темно, душно и неудобно. Сердце колотилось в груди. Адреналин хлынул в кровь. Воспоминания До Сна, надломленные и беспорядочные, запульсировали в его голове.

Рукоять ножа торчит из груди.

Кто-то зовет его по имени. Он оборачивается.

Извращенец читает ему низким наполненным волнением голосом.

Окровавленная рука касается его тела, расстегивая ремень.

Люсьен смотрит на него черными с золотыми крапинками глазами. Мой сын.

— Я все еще здесь, — сказал Люсьен. Его голос прозвучал откуда-то спереди.

Данте протянул руку и оттолкнул темноту. Одеядло. Сев, он стряхнул черные волосы с лица. «*Все еще в фургоне, — подумал он, осматриваясь. — Но Извращенца и надувного матраца нет...*»

Данте коснулся рукой изрезанной футболки с засохшей кровью. Почувствовал заживающую, все еще нежную, плоть под ней. Мышцы напряглись под пальцами. Он вспомнил нож, вонзающийся в него снова и снова.

Данте раздвинул занавеску. Ночь испачкала небо. Люсьен вел фургон, его взгляд был прикован к заснеженной дороге, к пылающим красным светом задним фарам машин впереди. Данте посмотрел на Элроя, на его запястье, прикованное к ручке над пассажирским сидением. Вдохнул отвратительный запах застарелого пота, крови и горечи. Запах разворошил тлеющие угольки ярости.

— Где мы? — спросил Данте, его внимание все еще было приковано к Элрою.

— В Вашингтоне.

Элрой посмотрел на Данте.

— О, святоша. Ты проснулся. — Тени от знаков и фонарей промелькнули на лице Извращенца.

Данте вспомнил острый вкус адреналина в его крови. Голод просыпался.

— *J'ai faim*^[73], — сказал он, его взгляд задержался на горле Извращенца.

— Тогда можешь перекусить, — произнес Люсьен. — Он больше ни на что не пригоден. Элрой не шевелился. Данте уловил тяжелый запах страха.

— У меня последние слова Джины, — сказал Извращенец. Он прижался к пассажирской двери, взгляд был прикован к Данте. — Ты обещал. Не до этого.

— С обещал, — произнес Люсьен. — Не Данте.

— Эй, ты сказал, не было никакого С, — возразил Элрой. — Никакого С, только Данте.

Люсьен пожал плечами.

— Верись во все, что слышишь?

Голоса отдавались эхом, словно слова произносили через пропасть. Данте закрыл глаза.

Мы успокоились?

Фунт или два, или три от плоти, верно?

Все еще хочешь убить меня?

— *Ойй*, — сказал Данте и открыл глаза. Элрой уставился на него. — Но не до этого.

Извращенец кивнул.

— Да. Верно.

Данте перевел взгляд от Элроя, пытаясь игнорировать кровь, бегущую по его венам.

Ветер бил по фургону, снег косо падал, ударяясь о лобовое стекло.

<Мне снилась Хэзер, — обратился Данте к Люсьену. — Я уверен, она у Мур>.

<Ты знаешь, где?>

Данте послал изображение белой мягкой комнаты. Его сердце забило быстрее. Осы гудели. Но память выскользнула из хватки.

<Научно-исследовательский центр, без сомнений>.

Город казался пустым и безлюдным. Светофоры качались на ветру, мигая красным, желтым и зеленым цветами сквозь снежные заносы. Сосульки свисали с обледенелых веток деревьев, искрились под крышами зданий.

Грузовик полз по улице, под шинами хрустел снег. Данте посмотрел на подсвеченную зеленым карту на экране панели грузовика. Почти прибыли.

<Держись, — отправил он, не уверенный, что Хэзер все еще слышит, их связь по крови была переменчивой. — Я иду за тобой>.

То же самое он сказал Джею. Потерпит ли он неудачу и с Хэзер?

Искушение.

Данте-ангел.

Тише, принцесса. Возвращайся ко сну. Я не подведу ее, как тебя.

Обещаешь?

— Обещаю, — прошептал он, когда Хлоя ускользнула сквозь трещины в памяти и растворилась. Он попытался вызвать ее образ, попытался вспомнить лицо. С невероятной скоростью ударил стену кулаком. Вдохнул и почувствовал кровь на задней стенке горла. Боль пронзила виски. Он смотрел, как на руку капает кровь.

Черт! Не сейчас!

Данте откинул голову на спинку сидения. Пока минуты растягивали прошлое, его боль уменьшилась, оставшись холодным фоном за мыслями. Грузовик остановился. Рука коснулась колена.

— Ты в порядке?

— Да. Почему ты остановился?

— Мы на месте.

Данте поднял голову и посмотрел в окно за Люсьеном. Снег валил сильно и быстро. Он разглядел старое здание в темноте за снегом. Из окон лился свет.

Пошарив в карманах, он достал ключи от наручников. Пробрался между передними сидениями и потянулся через Элроя, чтобы снять наручники. Он чувствовал, как пульс Извращенца набирал скорость. Чувствовал его дрожь. Данте повернул ключ.

Наручники свободно повисли на металлической ручке.

— Я передам тебе слова Джинны, когда мы будем внутри, — сказал Элрой, опустив руку. — Тогда, может быть, лучший отморозок Плохого Семени победит.

— Это не долбаное соревнование. — Данте преодолел остальное пространство и

открыл дверь. Ледяной воздух и снег ворвались в фургон, когда он спрыгнул на землю. Заснеженный тротуар был скользким под сапогами.

Элрой дрожал, но на этот раз не от холода.

Данте положил ключ в карман.

— Вылезай. Если сбежишь, я поймаю тебя. Когда поймаю — убью.

Элрой сжал челюсти и нахмурился. Затем отвернулся, но Данте успел увидеть, как сползла маска с его лица, увидеть улыбающегося монстра, его глаза, словно бездонные ямы, втягивающие в себя каждый крик, запоминающие каждую неизгладимую линию боли, очарованные каждой секундой страха и отчаяния.

Лицо, которое Данте видел, когда нож погружался в него снова, и снова, и снова. Красная пелена застелила глаза. Схватив Элроя за ворот рубашки, Данте выдернул его из фургона в снег.

Элрой ударился о заснеженный тротуар плечом. Крякнул от боли.

Данте наклонился, схватил Извращенца за руку и поставил на ноги. Ветер хлестал по волосам Данте, холодной коже и лицу. Рядом он чувствовал тепло, исходящее от Люсьена.

Данте вспомнил, как Хэзер сказала, что ее убийца был смертным, все образцы ДНК — человеческими. Вспомнил руку Элроя скользящую по его телу, ищущую, поглаживающую, вспомнил порезы на теле Джини, вспомнил символ Анархии, выжженный на внутренней стороне ее бедра.

— Я облажался, — сказал Данте. — Ты солгал мне. Ты убил Джину. Не Ронин.

— У меня все еще есть ее последние слова, — выговорил Элрой сквозь стучащие зубы.

— Больше нет.

Данте толкнул Элроя и оседлал его. Отодвинув голову Извращенца вбок, он наклонился и впился клыками в его шею, покрытую синяками. Кровь хлынула в рот. Элрой закричал.

Данте погрузился в его сознание.

Мысли и воспоминания Извращенца хлынули в разум Данте, как темное и грязное наводнение — одержимость трупами, возбуждение от того, что он вонзал в них острые ножи, пока трахал. Погружаясь глубже, Данте искал Джину.

Гром прогремел сквозь ночь. Гром или выстрелы из дробовика.

* * *

— Я предлагаю тебе редкий и бесценный подарок, — сказала Джоанна Мур. — Только подумай, что ты сможешь с ним сделать. Какое правосудие сможешь осуществить.

Хэзер держалась спиной к стене, глаза смотрели на Мур.

— А если я скажу *нет*, ты вручишь мне не-такой-редкий подарок в виде пули в лоб.

Мур пожала плечами, словно извинялась.

— У меня не останется выбора.

— Вот как ты творишь правосудие? — спросила Хэзер. И снова оценила расстояние до двери. — Думаешь, что помогаешь общественности, убивая матерей и превращая их детей в убийц?

— Ах. В конце концов Стёрнс отдал тебе досье. — Сожаление мелькнуло в глазах Мур. — Значит, ты знаешь, что такое С.

— Я знаю, что Данте станет рисковать своей жизнью ради друзей, — сказала Хэзер. — Я знаю, что ты потерпела с ним неудачу.

Лицо Мур засветилось от веселья.

— Потерпела неудачу? Не думаю.

Хэзер напряглась, приготовившись бежать. *Лучше умереть в борьбе, чем вообще не пытаться бороться.*

— Ты вампир. Как ты можешь делать так... — Образ завертелся в голове Хэзер, отодвигая в сторону мысли. Она увидела лицо Данте, а слова, как кристалл, вились через ее мысли: *жди.*

Образ стерся, и она споткнулась, ошеломленная, сердце колотилось. Данте был близко. Она посмотрела в большие голубые глаза Мур, наблюдая, как понимание пустило корни.

— Ты вернулась в Новый Орлеан не за Э... — медленно проговорила Мур. — Ты вернулась за С... за Данте. Ты спала с ним. Он пил твою кровь, не так ли?

Хэзер попыталась схватить Glock, но, несмотря на свое удивление и размышления, Мур переместилась и, оттолкнув пистолет за пределы ее досягаемости, свободной рукой схватила Хэзер за горло и отбросила к обитой стене.

— А теперь он идет за *тобой*. Не за мной, — разочарование послышалось в голосе Мур.

Рука Мур упала. Хэзер сползла по стене и села. Она кашляла, заглатывая воздух. Слезы размыли ее зрение.

— Позволить ли ему заполучить тебя? — пробормотала Мур. — Или забрать тебя у него? Или позволить ему это сделать самому?

— Он больше не маленький мальчик, — сказала Хэзер хриплым голосом, горло саднило. — Он не попадется на твои уловки. А увидит их насквозь.

— Увидит ли? — прошептала Мур. — Не думаю.

Из колонки у потолка раздался голос:

— Доктор Мур. У нас гость на парковке.

— Сейчас буду.

Мур схватила Хэзер под руку и поставила ее на ноги. Улыбка изогнула ее губы.

— Полагаю, у тебя есть немного времени, чтобы все обдумать. Все взвесить — скажи *да*, и я верну тебя Данте.

Хэзер вырвалась из хватки Мур.

— Он не станет слушать тебя.

Мур засмеялась.

— Он никогда не слушал.

Она вышла из комнаты, дверь захлопнулась за ее спиной. Загорелась красная лампочка. **ЗАКРЫТО.**

* * *

Гром прогремел и раскатился по небу.

Внезапно вес Данте пропал, и Э с трудом вдохнул холодный воздух. Перекатившись на ноги, он рискнул оглянуться через плечо. Большой Парень держал Данте за воротник кожаной куртки. Перенаправив его внимание с Э — *Спасибо, Большой Друг! Но это не спасет тебя* — на приближающиеся фигуры. Одна фигура подняла длинный темный предмет. Извергся огонь. Снова раскатился гром.

Дробовик.

Э побежал.

* * *

Джоанна спешила по коридору в комнату охраны, ее каблуки стучали по кафельному полу. Сердце трепетало под ребрами, словно дикая птица в клетке.

Прибыли мой père de sang и моя красивая Истинная кровь. И Э.

Я так долго боялась этой ночи. И так долго ждала ее.

Уоллес и С. Джоанна потрясла головой, удивляясь, как она проглядела нечто столь очевидное. Из-за рыжих волос Уоллес было предопределено, что С захочет ее. *Думал ли он, что ему на самом деле небезразлична Уоллес? Он хочет спасти ее.*

А если это так?

Ах, а что если нет?

Она провела карточкой по замку комнаты охраны, рывком открыла дверь и шагнула внутрь. Гарт и Беннингтон, пойманные в ловушку штормом, оторвались от монитора. Только двое охранников остались на рабочем месте из всех, попавших в шторм. Заметив их отсутствие, Джоанна предположила, что они вышли на улицу, чтобы встретить незваных гостей. Она вздохнула. Ронин убьет их, несомненно.

— Дайте взглянуть, — сказала Джоанна, пройдя мимо двух агентов.

Она села в кресло перед монитором. Он показывал переднюю парковку. Фургон был припаркован в центре засыпанной снегом площадки. Три фигуры стояли рядом с фургоном, но сильный снег и ветер мешали обзору Джоанны. Один из них был гораздо выше двух других, и все — белокожие. Она нахмурилась.

— Где Ронин?

— Не видела его, — ответила Гарт. — Только эти трое.

Пока Джоанна смотрела, одна фигура толкнула другую в снег, затем села сверху. Когда голова фигуры склонилась, ветер на мгновение прекратил дуть. Проблеск кожи и цепей, длинные черные волосы, белая кожа; ее красивый ребенок. И казалось, что он лакомился Э.

Улыбка коснулась губ Джоанны. *Похоже, после всего этого я не смогу отдать Э Уоллес.*

Потом она поняла, кто был третьей высокой фигурой — Люсьен ДеНуар, состоятельный друг С и его компаньон. *Без рубашки. Должно быть, тоже вампир.*

Две фигуры в меховых куртках с капюшоном вышли на парковку. МакКатчен и Рамм. Джоанна напряглась. Что они планируют сделать? Выдать парковочную квитанцию? Выгнать их с территории?

— Что... — Рот Джоанны резко закрылся, когда один из охранников поднял винтовку, нет, дробовик, и выстрелил. Она уставилась на экран, пульс стучал в ушах.

ДеНуар схватил С за воротник куртки и оттащил его от Э, закрывая ребенка своим телом. Выстрел прошел мимо. Промаях.

— Уведите их, — процедила Джоанна сквозь стиснутые зубы. — Уведите этих идиотов, прежде чем их убьют.

Заскрипела дверь, Беннингтон вышел. Джоанна уставилась на экран. Э перекатился на ноги, затем ринулся в шторм, одна рука висела на перевязи, другая была прижата к кровоточащему горлу.

Раздался еще один выстрел. Джоанна стиснула зубы. С пригнулся и переместился. Она открыла рот от удивления, пораженная его скоростью. Это была Истинная кровь? ДеНуар

тоже переместился, с такой же поразительной скоростью. Затем С встал над телом одного из охранников, сжав прижатые к бокам руки в кулаки. Лужа крови, ярко-красная и дымящаяся, растапливала снег. Джоанна моргнула. Она даже не видела, как С убил охранника. А другой? ДеНуар кинул переломанное тело второго охранника в снег.

Мрачное предчувствие захватило Джоанну.

— Мы заманим их, — сказала она. — Запри одни части здания, и оставь другие открытыми. У нас будет преимущество.

Черные крылья раскрылись за ДеНуаром. Джоанна застыла, открыв рот, в голове не было рациональных мыслей. ДеНуар обнял одной рукой С и поднял его в воздух. В шторм.

Падший. Один из Падших на стороне С. Охраняет его. И я опасалась Ронина?

Джоанна оттолкнулась от монитора, посмотрела в пораженное лицо Гарт.

— Так. Хорошо. Я хочу, чтобы ты закрыла...

По коридорам эхом раздался взрыв. Высвободилась сила. Здание погрузилось во тьму.

Джоанна почувствовала ледяное прикосновение настоящего ужаса.

* * *

Люсьен бросил безжизненное тело охранника в снег. Его крылья расправились и раскрылись навстречу ветру. Прежде чем Данте смог встать самостоятельно, Люсьен обхватил парня за талию и поднялся с ним в небо.

— Что ты делаешь? — спросил Данте, непроизвольно обхватывая шею Люсьена.

— Ищу их источник питания.

Ветер обрушился на них. Края крыльев Люсьена покрылись льдом. Он изучал столбы линии электропередач, слушал замерзшую землю. Поймал потрескивание электричества. Люсьен улыбнулся. Он опустился к задней части здания. Коснулся голыми ногами покрытого снегом тротуара и отпустил Данте.

Данте увидел дверь с надписью «ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД» и прыгнул по направлению к ней.

<Подожди меня, пока я отключу питание>.

<Нет>.

Люсьен постепенно поднимался в свирепое небо, наблюдая за сыном, как тот стоял перед запасным выходом, черные волосы развевались на ветру, рука готовилась схватить ручку.

Подлетая к трансформатору, Люсьен задавался вопросом, куда направился Джордан, замерзнет ли человек насмерть, и надеялся, что нет. Люсьен приготовил для него другую смерть, включающую в себя ножи Извращенца и его кожу.

Паря у трансформатора, Люсьен выпустил искрящуюся дугу синего пламени в небо.

* * *

Снаружи раздался громкий взрыв. Свет погас. Смотря в темноту, Хэзер залезла в бюстгальтер и, почувствовав под теплым изгибом груди пилочку для ногтей, вытащила ее.

Она подкралась к двери. Надпись «ЗАКРЫТО» не горела красным. Есть ли какие-то аварийные системы? Если так, ей лучше двигаться, прежде чем их включат. Она толкнула, дверь распахнулась. Пульс ускорился, Хэзер выскользнула из мягкой комнаты в темный

коридор. Затем прижалась к стене. Слушала, давая глазам время привыкнуть к темноте.

Красные лампочки вернулись к жизни, мерцая и заливая коридор жутким светом. С пилочкой в руке, Хэзер пробиралась по коридору. Она задавалась вопросами: Кто прибыл? Джордан? Данте? ДеНуар *должен быть* с Данте. Джордан был все еще жив?

Она вспомнила слова Данте: *Я иду за тобой, chérie.*

<Я здесь, — закричала Хэзер. — Я здесь>.

Изображение Данте полилось в сознание Хэзер, смывая все мысли, все тревоги. Она споткнулась, почувствовав головокружение. Схватившись за стену, обрела равновесие и не упала. Закрывает глаза, делая частые вдохи, огонь обжигал вены.

Данте услышал и ответил.

Он был в пути.

* * *

Э бился в конвульсиях. Его руки и ноги окоченели, но сердце пылало, inferно. Такое inferно, что он умирал, чтобы освободиться от брата-предателя Плохого Семени. Он ухмылялся, ну, или пытался, но его лицо тоже окоченело. Возможно, ухмылка приклеилась к его лицу, застыв навсегда.

Сидя на корточках рядом с колючим кустарником, Э наблюдал, как ДеНуар — *Вау. Крылья. Твою мать!* — вознесся в небо, держа сбоку Данте. Кое-что еще Ронин забыл упомянуть. Ублюдок.

Э почувствовал желчь на задней стенке горла и сглотнул. Он думал о печальном состоянии руки под повязкой. Думал о сладком запахе черной вишни и последних словах Джины. Он знал, что Данте не уйдет без них.

Бам!

Сердце стукнуло о ребра, Э посмотрел через плечо. Исследовательский центр погрузился во тьму. Развернувшись, он побежал к двери, в сторону тепла. Он бежал, зная, что Данте входит внутрь в тот же самый момент.

Состязание, мать его. Пусть победит лучший отморозок Плохого Семени.

Э схватил скользкую ото льда дверную ручку, дернув ее, открыл дверь и бросился внутрь.

* * *

Данте распахнул дверь и забежал внутрь, затем остановился. Тревога прошла сквозь него и свернулась вокруг позвоночника. Он вдохнул запах сосны, антисептика и аммиака. Память вызывала колючую боль.

Женщина, голубые глаза темнеют от нетерпения, когда она вонзает нож в его бок...

Нет, это был Извращенец... или...

Осы жужжали, вонзая яд под кожу. *Я был здесь. Много раз.* Данте отбросил мысли, пытался отогнать память, но она возвращалась. Настойчиво. Фрагментированные образы кружились в голове: туго затянутые ограничивающие ремни, они врезаются в запястья, лодыжки, грудь; капля жидкости свисает с края иглы; белые стены запачканы и испещрены кровью.

Жужжание прекратилось, и Данте вздрогнул. *Хэзер. Сосредоточься на Хэзер, черт*

побери. Не теряй долбаную голову. Боль пульсировала в висках; он отгородился от ее.

Мерцали красные лампочки. Их пламенный свет заливал коридор.

Голос Хэзер шептал в его разуме: *Я здесь. Я здесь.*

Данте слушал ее сердцебиение, его спокойный и ровный ритм. *Там.* Белый свет мерцал по краям сознания.

Данте побежал.

* * *

Джоанна шагнула в коридор. Аварийный резерв включился, залил здание красным светом. Гарт встала позади нее с пистолетом в руке.

— Не стреляй в С, — сказала Джоанна, — у меня есть наркотики для него.

— Что я должна сделать, если он нападет на меня? — спросила Гарт, приподняв бровь. — Бросить оружие в него? Предложить мое гребаное горло?

— Ты хотела увидеть его. Что ж, он здесь. Просто держись от него подальше.

— Отлично. Что насчет парня с крыльями?

Хороший вопрос.

— Я советую держаться подальше и от него тоже, — Джоанна двинулась вперед, оставляя Гарт одну... Та выругалась.

Ее маленькая Истинная кровь шел по коридорам, по которым не ходил уже шесть лет. Ему было семнадцать, когда она последний раз накачала его и подвесила. Конечно, у него нет этих воспоминаний, просто еще одно чистое пятно в голове.

Но сейчас С шел по этим коридорам, потому что хотел сам. Потому что хотел спасти Уоллес. Потому что хотел противостоять Джоанне. Ее сердце ойкнуло, когда она вспомнила его скорость.

Противостоять? Нет, он хочет убивать. Это то, что он умеет. Это у него в крови.

* * *

Хэзер бросила взгляд на пустой освещенный красным коридор. Она все еще ощущала жар от мысленного прикосновения Данте; его ментальный голос крутился в ее сознании — *Я в пути.*

Оттолкнувшись от стены, она побежала по коридору в одних чулках, светящаяся холодно-зеленым светом надпись «ВЫХОД» была ее целью. Она не могла оставаться на месте и ждать, пока Данте найдет ее. Не могла рисковать тем, что Мур найдет ее первая. Не могла рисковать тем, что Данте пожертвует собой ради нее. Потому что она *знала*, он может.

Tсс. Je suis ici.

Боль уколола кончики пальцев правой руки Хэзер. Она посмотрела вниз. Ладонь сжимала пилочку для ногтей до побелевших костяшек и жжения. Когда она заставила пальцы расслабиться, то услышала мягкую поступь позади себя и рванула *быстрее...*

— Замри, Уоллес. Ни с места.

Хэзер слышала четкий звук взводимого курка и почувствовала слабый аромат сладкой дыни. Плащ. Напарница Куртки.

— Я не та, о ком тебе нужно волноваться, — сказала Хэзер, сжав пальцы вокруг пилочки. — Он идет за мной.

— Приманка для психа. Я знаю. Повернись. Медленно.

— Уходи, — произнесла Хэзер. Она прикидывала расстояние до поворота коридора.

Если она нужна, как приманка, рискнет ли Плащ ее убить?

— Даже не думай. Я пушу пулю тебе в колено.

Хэзер смотрела вперед. Сдвинула вспотевшей ладонью пилочку для ногтей, переместив ее между пальцев. Она слышала слова Мур: *Позволит ли ему заполучить тебя?*

Не тебе решать. Хэзер развернулась влево, рука описала дугу, готовясь ударить острием пилки в плечо. Но она застыла.

Элрой Джордан резко выдернул шприц из шеи Плаща. Агент задыхалась, глаза закатились. Пистолет выскользнул из пальцев и ударился о кафельный пол. Его взгляд встретился с Хэзер. Глаза — бездны. Безразличный взгляд акулы.

— Похоже, я тот, о ком она должна была беспокоиться, — сказал он, когда Плащ рухнула, дергая руками и ногами на кафельном полу.

Он покачал головой.

— Это, предположительно, было для моего брата Плохого Семени.

Плащ не шевелилась, глаза расширенные. Тишина. Острый запах мочи заполнил коридор.

— Упс, — произнес Джордан, ухмыляясь.

Хэзер опустила руку, пальцы сжали пилочку. Сердце колотилось о ребра. Джордан был живой. Но немного помятый, с синяками и укусами на шее, рука в растрепанной повязке.

Взгляд Джордана упал на пистолет на полу между ними.

— Преданная Хэзер, — пробормотал он, — я знаю, что ты пришла за мной. — Он посмотрел вверх. — Но С все еще мой.

— Ошибаешься, — сказала Хэзер. И кинулась к пистолету.

Джордан двинулся в тот же момент. Как только его пальцы обхватили рукоять пистолета, Хэзер воткнула пилочку для ногтей ему в руку. Джордан закричал. Она выдернула окровавленную пилочку и ударила снова.

Но Джордан крутнулся на коленях, отпихнув пистолет в коридор позади себя. Оружие полетело по мерцающему кафелю в темноту.

Джордан вскочил на ноги.

— Кто найдет Данте первым, тот сможет забрать его. — Он столкнулся взглядом с Хэзер. Бездна, похожая на калейдоскоп, открылась в каждом его глазу, бескрайняя и голодная. — Гонка, ага, — произнес он.

Хэзер побежала.

* * *

Джоанна подошла к медблоку. Ее пальцы сжали дверную ручку. Крик пронесся эхом по центру, и она остановилась. Мужчина — Беннингтон? Э? Тень замелькала на стене в конце коридора. Она распахнула дверь и проскользнула внутрь. Тихонько закрыв ее за собой, она попыталась успокоить бешено бьющееся сердце. И заглянула в окно двери.

Джоанна *почувствовала* его раньше, чем увидела: смешанные боль и ярость пронзили ее щиты. И отчаяние. Он боролся за контроль. Он горел.

Она осторожно сняла туфли, затем шагнула назад к шкафам с лекарствами. Тень С остановилась, дернулась к стене в красном свете. Пот сочился между грудями Джоанны и на

висках.

Когда она открыла шкаф, дверь распахнулась и ударилась о стену, оставив вмятину на штукатурке. Она подняла глок. С шагнул в комнату, и мгновение Джоанна не могла дышать, ослепленная, как всегда, его красотой.

— Добро пожаловать домой, — сказала она.

С остановился, в темных глазах было недоумение. Он вздрогнул, коснулся рукой головы. Кровь сочилась из его носа.

— Данте!

С развернулся. Рыжеволосый агент схватилась за дверной косяк, скользнув по плитке в одних чулках. Она посмотрела мимо С на Джоанну.

Он хочет спасти Уоллес.

Ах, а что если нет?

— Черт, — сказала Уоллес.

Джоанна выстрелила.

* * *

Звук выстрела прокатился по коридору. Сердце Э подскочило к горлу. Он завернул за угол. Удержался за него. Данте сидел на коленях на полу, держа на руках свою Хэзер. Она дотронулась трясущейся рукой до красивого лица предателя. Э напрягся.

Ее глаза светились *золотом*? Для Данте? Для его предателя брата Плохого Семени?

Выглядит так, будто Хэзер выиграла гонку. Огонь обжег сердце Э. Он засунул руку под повязку, пальцы нащупали шприц. Ему было жалко опустошать ампулу в блондинку с хвостом, он хотел, чтобы осталось еще для Данте. Трясущимися от холода и гнева руками он вытащил шприц.

На полу что-то блеснуло в красном свете. Подарок обозленному богу?

Отморозок кровосос наклонил голову и поцеловал губы Хэзер.

Сожженное сердце Э превратилось в пепел. *Она на вкус как мед? Держу пари, что да.* С полным шприцем в руке он шагнул ближе, спиной все еще прижимаясь к красной от света стене.

Внезапно в шею Данте воткнулся дротик. Кровосос задрожал, но продолжил целовать Хэзер. Или он делал искусственное дыхание рот-в-рот? Нет, пальцы *его* Хэзер были погружены в черные волосы Данте.

Откуда прилетел дротик?

Э тихо шел и наблюдал. Джоанна Мур шагнула из комнаты за спиной Данте, нагнулась к нему и выдернула дротик. Погладила его волосы.

— Ты проиграл, — прошептала она. — Снова.

Еще одна дрожь прошла по спине Данте, затем он резко упал набок, все еще держа Хэзер в руках, ее пальцы переплетались с его волосами.

Вместе.

Станный скорбный звук наполнил коридор, усиливаясь и утихая, как сирена. Э вдруг осознал, что бежит, подняв шприц больной рукой наподобие ножа, когда Сука-мать подняла голову. Посмотрела на него.

— *Да чтоооооб тебяяяя!*

Э подобрал здоровой рукой с пола блестящий дар. Металлический, острый и тонкий.

Пилка для ногтей.

Сука-мать Мур подняла Glock. Выстрелила. Боль расцвела в груди Э, горячая и полная шипов. Ухмыляясь, он продолжил бежать. Сука-мать снова выстрелила. Другой болевой цветок распустился в животе Э. Он рванулся. Он летел, словно золотая стрела, словно бог смерти, чистый и внушающий страх. Золотой свет исходил от его тела, пронизывающий, разъяренный и истинный.

Бог врезался в Джоанну Мур, откидывая ее обратно в комнату. Шприц сломался в ее шее. Пилочка для ногтей проколола ее живот. Задыхаясь, она повалила бога на пол. Его рот наполнился кровью. Бог ухмылялся. Сука-мать схватилась за сломанный шприц и вытащила его. Потом подняла взгляд выше, и выше, и выше.

«Наконец-то она увидела меня», — подумал бог.

Лицо Суки-матери сменило пятьдесят оттенков белого.

Довольный бог закрыл глаза.

* * *

Что-то горячее и влажное распространялось по блузке Хэзер. Она посмотрела вниз. Кровь, ярко-красная. Артериальная. Данте поймал ее, когда она стала падать, держал ее в своих сильных руках. Она посмотрела на него, попыталась сказать: «Мне жаль», — но голос пропал.

Бережно прижимая ее к груди, Данте упал на колени. Она дотронулась трясущейся рукой до его красивого, опустошенного лица и погладила большим пальцем у левого глаза.

— Не для меня, Данте, — прошептала Хэзер, показывая ему влагу на большом пальце. — Не нужно слез за меня. Это не твоя вина.

Данте притянул ее ближе. Его тепло окутывало ее.

— Я не потеряю тебя. — Он поднес запястье ко рту и укусил его. Темная кровь выступила на бледной коже. Он прижал рану к ее губам. — Пей, — попросил он. — *S'il te plait.*

Кровь Данте размазалась вокруг губ Хэзер, когда та отвернулась. Она пахла темным, нагретым на солнце виноградом, а на вкус была как поцелуи Данте, опьяняющая и соблазняющая. Ее горло сжалось.

— Нет, — прошептала она. Ее зрение поплыло. — Нет. Я хочу остаться тем... кто... я... есть... — Она внезапно задрожала от холода. Засыпая.

Золотой огонь засветился в глазах Данте. Наклонив голову, он поцеловал ее.

* * *

Песнь Данте зашевелилась в нем, наслаиваясь аккорд за аккордом. Наклонив голову, он поцеловал кровоточащие губы Хэзер и вдохнул в нее свою песнь. Он наполнил ее своим существом, разжигая голубой огонь в душе. Он представил ее, наполненную, исцеленную, и сшил нитями голубого света рану. Хэзер запустила пальцы в его волосы. Ее сбившийся пульс стал сильным и быстрым.

Что-то укололо Данте в шею.

— Ты проиграл, — сказал знакомый голос. — Снова.

Данте содрогнулся, когда холод распространился по нему, словно льдом замораживая

вены. Его песнь дрогнула.

— Неправда, — прошептала Хэзер у его губ.

Он почувствовал соль своих слез. На мгновение сверкнул огонь, и он вдохнул его в нее прежде, чем они вместе погрузились под лед, двигаясь сквозь беззвездную ночь.

* * *

Боль и горе ударились в щиты Люсьена подобно двойному цунами, уходя, чтобы вернуться с еще большей силой, смертельным всплеском. Он побежал, следуя за связью с Данте. Потеря гулко звучала в Люсьене, как сломанная песнь. Сила вилась в воздухе, поддерживаемая энергией *Создателя*. Затем Данте потерял сознание.

Завернув за угол, Люсьен увидел Джордана, летящего на Джоанну Мур со шприцем в одном кулаке и маленьким кусочком металла в другом. Он увидел, как Мур дважды выстрелила в Джордана, прежде чем смертный достиг ее. Они оба тяжело упали на пол. Ее пистолет проскользнул по кафелю, остановившись у спины Данте.

Данте лежал в коридоре, обхватив руками Уоллес. Вокруг них искрились и танцевали исчезающие голубые языки пламени. Люсьен слышал медленное равномерное сердцебиение Данте, учуял химикаты, текущие по его венам. Сердце Уоллес также быстро пульсировало.

Одним длинным рывком Люсьен приблизился к своему накачанному наркотиками ребенку и женщине, которая была ему небезразлична — небезразлична до такой степени, что он был готов пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти ее — но не всегда ли он шел таким путем?

Вот, что Люсьен любил и высоко ценил в Данте — его сострадательное сердце. Все, чему подвергла его дитя Мур, не украдо у него сострадание и не сломало душу. Он был ранен, да, и некоторые раны могут никогда не излечиться, да. Но он выжил. И он любил.

Люсьен видел Женевьеву в каждом акте любви, что совершал Данте, в каждой доброте, что он проявлял. В те моменты, когда Люсьен видел, что тот смеется, он видел маленькую черноволосую Женевьеву.

А что касается женщины, которая убила ее...

Люсьен повернулся, наблюдая, как Джоанна Мур освобождается от тела Джордана. Ее рука потянулась, схватив сломанный шприц, торчащий в горле. Она выдернула его, кровь засочилась из раны, затем застыла, ее взгляд блуждал по телу Люсьена.

Джоанна Мур побледнела. Пальцы застыли вокруг кусочка металла в животе.

Губы Джордана, с кровавой пеной, изогнулись в улыбке. Глаза закрылись.

— Ты помнишь Женевьеву Батист? — спросил Люсьен, опускаясь на колени рядом с Данте. — Мать моего сына?

Он поднял пистолет Мур и отбросил его в затемненный коридор.

Лицо Джоанны побелело от шока. Глаза расширились.

— *Твоего...* сына? — прошептала она.

— *Oüi, mon fils*^[74], — ответил Люсьен. Он посмотрел на Хэзер, та открыла глаза. — Не я думаю, мой вопрос звучал так: ты помнишь Женевьеву Батист?

Люсьен обнял Хэзер и медленно помог ей сесть, облокотившись на стену. Ее взгляд остановился на Данте, не желая покидать его. Люсьен когтем коснулся ее подбородка. Хэзер рассматривала его широко распахнутыми глазами.

— Все в порядке, — уверил он.

Хэзер сделала глубокий вдох, затем выдох. Люсьен откинул ее волосы с лица. Ее раны больше не кровоточили, но ей все еще нужна была медицинская помощь. Наркотики не дали Данте завершить начатое.

— Я жду, — сказал Люсьен.

— Да, я помню ее, — запинаясь, сказала Мур грубым голосом. Она выдернула пилочку из плоти. Та ударилась об пол с резким звуком.

Люсьен провел когтем по запястью. Хлынула кровь. Он бросил взгляд из-под бровей на Мур.

— Скажи ее имя.

— Женевьева Батист, — выдохнула Мур, — я не знала. Я бы не ста...

— Заткнись, — сказал Люсьен, привлекая Данте в объятия.

Мур закрыла рот.

Люсьен поднес кровоточащее запястье к губам Данте. Запах крови разбудил в нем инстинкты создания ночи, и тот прижался к ране, глотая целебную кровь. Люсьен знал, что это не устранил весь эффект препаратов, но, по крайней мере, приглушит его.

Посмотрев снова на Мур, Люсьен произнес:

— Я читал файл. Я видел CD. Я знаю, что ты делала с Данте. С ним и его матерью, моей любовью.

Мур отвела взгляд. Она провела дрожащей рукой сквозь светлые волосы.

Почему ты оставил нас?

Люсьен ощутил пепел горького сожаления. Возможно, он заслужил ненависть Данте.

Моя Женевьева, я с нашим сыном. Наконец-то он в безопасности.

Люсьен убрал запястье ото рта Данте, затем наклонился и поцеловал его, вдыхая энергию между губ. Призывая сына проснуться.

Проснись, дитя. Пришло время отомстить.

Время освободиться от своего прошлого.

Глаза Данте, с расширенными зрачками с золотыми крапинками, раскрылись.

* * *

— Отомсти за свою мать, — прошептал Люсьен. — И за себя.

Оттолкнув руки Люсьена, Данте сел. Коридор поплыл. Цветные пятна появились перед глазами. Голова разболелась, но другая боль уколола его сердце.

Хэзер.

Он нашел ее, увидел, что она сидит, прислонившись к стене с улыбкой на бледных губах. Поднявшись на ноги, он подошел ближе и встал на колени, коснулся рукой ее лица.

Ему дышалось значительно легче, когда он знал, что она жива. Он заполнил ее энергией и песней, чтобы найти то, что было сломано. Он не был уверен в том, что делает, но это сработало. Он не потерял ее.

Она положила руку на его ладонь, кожа была холодной. Удивление светилось на лице.

— Я слышу песню. Она темная, яростная и душераздирающая. Такая красивая. Она исходит от тебя?

Он кивнул. И, наклонившись, поцеловал ее. Их пальцы переплелись.

— Не слушай, — прошептал он ей в губы. — Выключи ее. *D'accord?*

— Оставь это. Я могу построить дело против Мур, — сказала Хэзер. — Оставь это Данте.

Данте откинулся назад.

— Нет. — Он сжал ее руку, затем отпустил. Поднялся на ноги.

Хэзер закрыла глаза.

— Упрямец, — прошептала она.

Данте развернулся на каблуках и зашагал по коридору мимо Люсьена, страх Хэзер, словно роза, сжался в его сердце. За него. Она боялась за него.

<Береги ее>.

<Конечно>.

Тело Извращенца Элроя растянулось в дверном проеме, его рубашка была в крови, глаза пусты, сердце безмолвно. Рассеивающееся тепло поднималось от его тела. Данте сжал руки в кулаки. Джина. Элрой забрал последнюю маленькую часть ее с собой в могилу.

— Назови имя того, кого ты любишь, — прошептал Данте, переступая через Извращенца.

Завтра ночью?

Всегда, та petite.

Данте вошел в комнату, выстроенную из похороненных воспоминаний и с запахом засохшей крови и медикаментов. Он посмотрел на женщину, которая стояла у противоположной стены — высокая, блондинка, создание ночи. Не отводя от него глаз, она потянулась за пистолетом с дротиками к стойке рядом.

Заискрилось воспоминание: *Она смотрит на него, улыбается. От него пахнет кровью Хлои, застывающей на полу и его смиренной рубашке.*

— *Ты хорошо поработал, малыш. Ты не смог защитить ее, но защитил себя. Никого и никогда не используют против тебя, если ты готов убить их всех.*

Воодушевленная: *она туже затягивает ремни, гладит его рукой по волосам, затем улыбается и отступает, когда мужчина в белом лабораторном халате с безразличной маской на лице входит в комнату, в его руках зажата бейсбольная бита. Он приступает к работе.*

Осы гудели. Боль шептала в разуме Данте. Белый свет извивался на краю зрения. Он смотрел, как ее рука скользнула к пистолету, позволил ее пальцам обхватить его.

Это она, Данте-ангел.

Я знаю, принцесса.

— Моя Истинная кровь, — сказала она. Улыбка коснулась ее губ. — Ты помнишь меня?

— *Ойй*, — ответил Данте, понизив голос. — Я помню тебя.

Данте переместился и, схватив ее за запястье, как только она подняла пистолет, швырнул ее к стене. Пистолет выпал из ее рук на плитку. Мур сжалась. Но Данте удерживал ее у стены, стиснув руками запястья, прижав своим телом и протолкнув бедро между ног.

Данте чувствовал кровь, текущую в ее венах, слышал тяжелый стук сердца, ее запах — корица, гвоздика и холод, ледяной холод.

Почувствовал похоть, горящую и богатую феромонами.

Мур прекратила бороться. Она посмотрела в глаза Данте. Дыхание застряло в горле, и другие воспоминания мелькнули в сознании: *Мур, голая и теплая, извивается около него, сильный запах крови и секса, ее клыки в его горле, ее пальцы в его волосах.*

Напряжение стянуло его мускулы.

— Что отличает тебя от него? — Данте кивнул в сторону тела Джордана.

— Я знаю, что для тебя лучше.

— Ага, он тоже так думал.

— Никто не знает тебя лучше, чем я, — сказала Мур хриплым голосом. — Я исследовала твоё сознание. Преобразовала психику. Но это только начало. Есть тайны, С...

— С нет.

Музыка прошла сквозь Данте: ария, колючая и темная, обвинявшаяся вокруг его сердца, восходящая, бушующая в бурном темпе ярости, хаоса и потери. Звучали аккорды, ритм хаоса пульсировал, противоречивый и примитивный.

Его песнь горела. Раскаленная.

— Моя мама просила ее обратить? — спросил Данте — Это ее выбор?

— Да. Но она передумала, но было слишком поздно. Я не могла зна...

— Лгунья, — прошептал Данте.

— Что это за свет? — выдохнула Мур, когда он поднял руки и обхватил ее лицо.

Ритм хаоса дергался на вибрирующих нитях ДНК, ломая, сжимая, стирая. *Разрушая.* Джоанна Мур протяжно закричала, крик пронзил голову Данте. Его песнь разорвала Джоанну на части — раздробила ее на элементы, сыграла арпеджио на ее душе. Рассеяла ее существо. Отделила плоть, кости и кровь.

Джоанна барахталась на полу, крик закончился мокрым бульканьем.

Синие шипы энергии танцевали вокруг Данте, вспыхивая в руках. Он дрожал, пойманный песней, ритмом хаоса, ритмом создания. Закрыв глаза, он увидел звезды. Услышал взмах крыльев.

<Останови песню, дитя. Ты отомстил за свою мать>.

Данте открыл глаза. Песня растворилась в тишине. Боль исчезла. Он почувствовал кровь. И посмотрел вниз на влажные куски того, что раньше было Джоанной Мур. Оттолкнув это в сторону, он развернулся.

Люсьен смотрел на него, золотистые глаза, крылья раскрыты, на лице — восхищение и... испуг? Данте задался вопросом: Люсьен боялся?

<Создатель >.

Данте прошел к дверному проему. Затем встал на колени около остывшего тела Элроя. Мог ли он вытащить Джину из мертвого сознания?

— Слишком поздно, — ответил Люсьен, — ты выбрал живых вместо мертвых.

Подняв взгляд, Данте увидел Хэзер, сидящую на другом конце зала, лицо полное решимости, глаза темные и обеспокоенные.

— Ойі. Живые вместо мертвых.

Прости меня, Джина.

Встав, Данте перешагнул тело Извращенца в последний раз. Он поднял Хэзер на руки и вышел в коридор. Его мышцы напряглись, когда он почувствовал от нее страх, она боялась *его*. Он прижал ее ближе, сердце забилося сильнее.

Мужчина в куртке, покрытой снегом, зашел в коридор, руки на виду и раскрыты: *Смотрите, я ничего не прячу.*

— Я могу позвонить в скорую, — сказал он.

— Ты можешь доверять ему, — пробормотала Хэзер, — он помог мне.

— Хорошо, — произнес Данте, — один звонок.

Он вдохнул запах Хэзер — дождя, шалфея и крови, втянул глубоко в легкие. Боясь, что

это было в последний раз.

Глава 34

Все, что могло бы быть

— Хэй.

Хэзер подняла голову и посмотрела в сторону двери. Одетый в кожу и латекс, Данте стоял в дверном проеме, опираясь на него одной рукой. Свет от люминесцентной лампы мерцал на кольце его ошейника и пирсинге в ушах. Неуверенная улыбка изогнула губы, осветила бледное прекрасное лицо. Он поднял солнечные очки на макушку.

При виде Данте у нее по-прежнему перехватывало дыхание. Она подозревала, что так будет всегда.

В коридоре за ним медсестры и санитары с удивлением глазели на посетителя, заявившегося в больницу в коже и ошейнике, задаваясь вопросом, кто же забрел к ним из холодной ночи.

— Хэй, — сказала Хэзер.

Она уперлась в матрац, намереваясь подвинуться, но в тот же момент Данте оказался рядом, обхватив ее руками, помогая. Его горячие ладони коснулись кожи. Боль разлилась по телу и заставила ее задохнуться.

— Что случилось? — спросил Данте. — Тебе нужно...

— Нет. Все в порядке.

Данте посмотрел на нее, внимательно изучая лицо, затем глубоко вздохнул. Он подвинул стул вплотную к кровати и уселся рядом. Он ждал. Хэзер была практически уверена — он знал, что она собиралась сказать — или, по крайней мере, догадывался.

Протянув руку над кроватьным ограждением, она взяла ладонь Данте в свою. Улыбка тенью скользнула по его губам. Большим пальцем Данте гладил тыльную сторону ее ладони. Она посмотрела в окно, на комнату, отражавшуюся в ней на фоне черного неба, на двух людей в этой комнате — молчаливо держащихся за руки.

Хэзер думала об озадаченных хирургах: ужасные повреждения ее аорты и левого легкого были исцелены или заблокированы, или чудесным образом каутеризированы^[75]. Она должна была истечь кровью за считанные минуты. Но помнила вкус губ Данте, вкус его крови, отдающий амаретто, помнила холодное пламя, которое он вдохнул в нее.

Ничего из этого Хэзер не могла рассказать хирургам. Или следователям из Бюро, которых отправили взять у нее показания, выслушать отчет и докопаться до истины. Или, по крайней мере, *официальной* ее версии. Она понимала, что нельзя упоминать Плохое Семя; поэтому рассказала лишь о том, как преследовала серийного убийцу и в конечном итоге нашла его.

Одно она знала наверняка — ее карьера в ФБР окончена. Это было ее решением, которое она еще не озвучила. Власти, пожалуй, будут счастливы подшить ее к делу и спрятать его в дальний ящик стола в каком-нибудь безызвестном городе; более того, этот вариант и предпочтут.

Хэзер держала Данте подальше от всех них. Он спас ей жизнь. Но и без этого она бы никогда не передала его в лапы волков из Управления. Разве не была Джоанна Мур достаточно жестока?

Джоанна Мур. То, что сделал Данте... осталось вне понимания Хэзер. Что он *сделал*?

Данте обхватывает ладонями лицо Мур. Его руки дрожат, испускают голубой свет. Синее пламя. Волосы поднимаются вверх, извиваясь. Воздух потрескивает от энергии. Тело Хэзер покрывается гусиной кожей, волоски шевелятся. Она чувствует запах озона.

Голубой свет окутывает тело Мур, вспышками вырываясь из ее глаз и кричащего рта. Она... разделяется... на нити, влажные и светящиеся — синий и красный смешиваются. Данте вытаскивает нити, отделяя их друг от друга.

Джоанна Мур осыпается на кафельный пол.

Энергия продолжает бить из Данте, голубые щупальца щелкают в воздухе и изменяют все, до чего дотрагиваются. Стойка превращается в темные вздымающиеся лозы, густо усеянные синими шипами. Пистолет с транквилизатором скользит во мрак.

На прекрасном лице Данте выражение восторга — такое же, как когда он сжег дом Прейжонов.

В тот момент Хэзер была в ужасе от Данте. От того, что он может сделать, его способностей. Впрочем... был ли Данте голосом для своей матери? Для всех жертв Джоанны Мур?

— Поговори со мной, — произнес Данте.

Хэзер отвела взгляд от окна. Улыбаясь, она сжала руку Данте. Его кожа пылала под ее ладонью, словно в лихорадке.

— Ты в порядке? — спросила она.

— *Cavabien*^[76]. — Данте удерживал ее взгляд, его собственный был открыт и решителен. — Поговори со мной, Хэзер.

Она кивнула. Разговор мог помочь.

— Что ты сделал с Мур... что... как...?

— Не знаю, — произнес Данте и провел рукой по голове, пропуская волосы сквозь пальцы. — Я никогда не делал... такого... раньше. Ты сказала, что слышала песнь? Это связано с ней. Я чувствую. — Он положил их сплетенные руки себе на грудь, прямо над сердцем. — словно перебирать струны на гитаре или сочинять музыку на синтезаторе.

— Это способность создания ночи или Падшего?

Данте удивленно уставился на нее.

— Как ты узнала?

— Твой отец сказал мне, — ответила Хэзер.

Данте кивнул и посмотрел в сторону, на скулах заходили желваки. Спустя мгновение он произнес:

— Почти уверен, что это способность Падшего. Я привык думать о себе как о создании ночи, но... — Он пожал плечами.

— Ты можешь это контролировать?

— Не всегда. Нет. — Данте посмотрел на нее, отраженный свет блестел в его глазах.

— Ты контролировал это тогда?

— Более или менее.

— В смысле?

— В том смысле, что у меня в голове не было конечного результата, — сказал он тихо. — Но я хотел завершить все это — покончить с ее гребаными играми. — Он снова начал гладить тыльную сторону ее ладони большим пальцем, успокаивающее движение — для них обоих, она чувствовала.

Данте был созданием ночи и Падшим, и убийцей. Этого более чем достаточно, чтобы

заставить женщин — во всяком случае, женщин в здравом уме — пронзительно кричать в ночи. Но в нем, помимо этого, было еще так много всего: мальчик, который желал своей принцессе доброй ночи и возвращался в подвал в одиночестве; мужчина, который справился со своими эмоциями, накрыв тело подруги курткой и сидя рядом, чтобы она не была одна; и любовник, подходящий женщине как никто другой — душой и телом — просящий ее остаться.

Когда я с тобой, так тихо. Гул прекращается.

Беги от меня как можно дальше.

Отражает ли хоть одна из этих фраз настоящего Данте? Или они обе? Принадлежала ли ему собственная жизнь хоть когда-то?

Хэзер вглядывалась в его темные глаза, красивое лицо. Несмотря на все то, кем он являлся, или, быть может, именно из-за этого, он каким-то образом пленил ее сердце. Она не знала, чем именно, и это до смерти пугало. Ей нужны были ответы. Ей нужна была возможность перевести дыхание.

— К чему это все? — спросил Данте, глядя на нее. Его большой палец покоился на ее руке. — Хэзер?

— Я хочу, чтобы ты отправился домой, — тихо проговорила она. — Я вернусь в Сиэтл сразу же, как меня отпустят. Там меня ждет куча дерьма, с которым надо разобраться.

— Ты не должна справляться с этим в одиночку.

— Нет, должна. — Хэзер расцепила их руки и схватилась за холодные металлические ограждения кровати. — Данте, я должна. Есть вещи, над которыми мне нужно подумать, привести мысли в порядок. Мне нужно немного личного пространства. Немного времени. Ничто не было таким, как я думала, тем, во что верила.

Мимолетная улыбка коснулась его губ.

— Ничто и никто. Поверь мне, я понимаю.

Хэзер коснулась рукой его щеки.

— Бьюсь об заклад, что понимаешь.

Закрыв глаза, Данте прижался к ее ладони и накрыл своей рукой.

— Тебе тоже нужно время, — пробормотала она. — Больше, чем кому-либо еще.

— Не говори мне, в чем я нуждаюсь, — голос Данте был резким.

— Тупоголовый, — прошептала она.

Несмотря на отрицание, его жизнь, его мир оказались разодраны в клочья, его спрятанное прошлое — раскрыто. Узнал ли он уже что-то из этого? Скажет ли ему ДеНуар? Должна ли сказать она?

— Твой отец рассказал тебе что-нибудь о Плохом Семени? — она убрала руку от его лица.

Глаза Данте открылись. Что-то вспыхнуло в их темной глубине — боль, возможно, горе, быть может, ярость — и погасло.

— Нет. Элрой рассказал мне. Но я не смог зацепиться за это, — он тряхнул головой. — Неважно, как сильно я старался.

Джордан. Это больно.

— О, Данте, я так сожалею.

— Не стоит. — Улыбка тронула его губы. Он стянул солнечные очки с макушки и надел. — Здесь нет твоей вины. — Поднявшись, он наклонился к ней и легко прикоснулся к губам.

— Это не обязательно должно быть «прощай», — сказала Хэзер в его теплые губы. — Я

беспокоюсь о тебе, ты же знаешь, правда?

— Я о тебе тоже, — прошептал он, проводя пальцем по линии ее скулы.

Хэзер закрыла глаза. Когда она открыла их снова, Данте уже исчез. Но осталось ощущение прикосновения его губ; воздух палаты был наполнен его ароматом. Она представила, как он выходит в снежную ночь, один.

У нее было ощущение, что он не надеялся встретиться снова. Она знала, что его уход причинит боль, только не знала, насколько сильную. Глубокую, острую и разрывающую сердце. Горячие слезы побежали по щекам, затекая в уши. Закрыв руками лицо, она плакала.

За всех безголосых умерших, оставленных после себя Элроем Джорданом.

За несовершенное правосудие.

За Данте.

Она думала обо всем, что могло бы быть — поездки между Новым Орлеаном и Сиэтлом; Данте, сочиняющий музыку, гастролирующий, складывающий по кусочкам свое прошлое в единое целое. Она могла бы стать адвокатом, частным детективом, кем-то, у кого есть возможность помогать тем, кто больше не может говорить сам за себя. И вместе — она и Данте — они могли бы пытаться исцелить его израненное сознание, и помочь ему найти искупление, которое он искал.

Все еще может быть. *Ничто не предрешено.*

Искупление.

Может ли он искупить свою вину? Она верила, что он заслужил шанс на это. Ей просто нужно было понять, достаточно ли она сильна, чтобы дать ему этот шанс. И себе.

Я не покину тебя.

Внезапно, отголосок песни зазвучал у Хэзер внутри, и на мгновение ей показалось, что она слышала тихий, выразительный голос Данте, пламенем горящий в ее сердце: «*Tссс. Je suis ici. Всегда.*»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Бутлег — аудиозапись и/или видеозапись, составленная и распространяемая без санкции правообладателей.

Сквоттеры — самовольного заселяют покинутые или незанятые здания, не являясь их юридическими собственниками или арендаторами.

Цугад — око, хранитель истории, наблюдатель.

Тауеаих — зверушки.

Mon cher — мой дорогой.

Мои ами — друг мой.

Merci beaucoup, chérie — спасибо, моя дорогая.

Petit — малыш.

Мерсі — спасибо.

Скечерсы — спортивная обувь от компании Skechers.

Je regrette — прошу прощения.

Sa vaut pas la peine — оно того не стоит.

Новый Орлеан, Луизиана, США.

Mon beau diable — мой прекрасный дьявол.

Tais toi — замолчи.

Père de sang — Кровавый отец.

Je va te voir plus tard — увидимся позже.

Мерсі beaucoup — премного благодарен.

Big Easy — разг. название Нового Орлеана.

S'il te plaît — пожалуйста.

Harrah's — комплекс отелей-казино.

Нью-Орлеан Сэйнтс — профессиональный футбольный клуб из города Новый Орлеан штата Луизиана, выступающий в Национальной футбольной лиге.

Viens ici — подойди.

J'ai faim — я голоден.

Отсылка к фильму «Подглядывающий» (англ. Peeping Tom) режиссёра Майкла Пауэлла. Психологический триллер о маньяке-убийце.

M'sieu — cəp.

Foute ton quant d'ici — убирайся.

T'est blême comme un mort — ты бледная, как призрак.

Bon à rien — бесполезные.

ПДНО — Полицейский департамент Нового Орлеана

Très bien, mon ami — очень хорошо, мой друг.

Et toi — и тебе.

ПШП — Программа предотвращения насильственных преступлений.

НЦАНП — Национальный центр анализа насильственных преступлений.

Fille de sang — дочь крови.

Слэм-толпа — действие публики на музыкальных концертах, при котором люди толкаются и врезаются друг в друга.

Weapons of Mass Destruction — Оружие Массового Поражения.

Merci beaucoup, mon ange de sang — Благодарю, мой ангел крови.

Pour quoi? Sa fini pas — Почему? Это никогда не закончится.

C'est bon — Это хорошо.

Gette le — Наблюдай за ним.

T'es sûr de sa? — Ты уверен?

Клодия (англ. Claudia) — вымышленный персонаж серии романов Энн Райс «Вампирские хроники».

СВДС — синдром внезапной детской смерти.

Band-Aids — фирменное название бактерицидного лейкопластыря компании «Джонсон энд Джонсон».

Je suis ici — я здесь.

Шейная гривна — украшение; обруч, цепь или ожерелье, носимое на шее или на груди.

Sanctus Dominus Deus Sabaoth (лат.) — СВЯТ БОГ САВАОФ.

Тряпичный Энди — вымышленный персонаж книги, кукла.

Глиф — элемент письма, от греч. γλύφω — вырезаю, гравирую.

Dentyne — ментоловая жвачка.

S'il te plaît — пожалуйста.

Je sais pas — я не знаю.

L'ange de sang — кровавый ангел.

Прим. пер. *as the crow flies* — устоявшееся словосочетание, переводится как «кратчайшим путем/напрямик». Ворона (*crow*) здесь — игра слов.

Зидеко — Популярный негритянский музыкальный стиль южной Луизианы, соединяющий в себе танцевальные мелодии каджунов, ритмы блюзов и музыки стран Карибского бассейна.

Брут — товарный знак ряда косметических товаров для мужчин (лосьонов после бритья, антиперспирантов и др.) производства компании «Юнилевер Ю-Эс».

Аbita — марка пива.

Comment Ça va — что-то пошло не так.

Лоа — вуду-бог на Гаити.

Манильская папка — бумажная папка для документов, желтого цвета, такие обычно используют в ФБР.

D'accord — ладно.

Très belle — очень красивая.

NIN — Nine Inch Nails — американская индастриал-группа.

Эггног — напиток на основе взбитых яиц с добавлением молока, коньяка или рома, сахара, специй; подаётся горячим или холодным.

АСС — режим, при котором ток подается только на магнитолу и другие аксессуары, машина не заводится.

Почему ты покинул нас? Не знаю, что я сделала не так, и ты ушел, но умоляю, спаси своего сына.

Забери его. Убереги от опасностей. Он мой свет и мое сердце — как и ты когда-то был. Люсьен, мой ангел, пожалуйста, услышь меня.

Très joli — прелестный.

Ссылка на городскую легенду Hook or Hookman, где рассказывается, как двое влюбленных посреди ночи в машине занимались любовью. По радио сообщили, что сбежал серийный убийца, у которого крюк вместо одной руки. Чуть позже парочка нашла на крыше/ручке двери машины этот самый крюк.

Sa fini pas — это никогда не закончится.

Mère de sang — Кровавая мать

J'ai faim — я голоден.

Mon fils — мой сын.

Каутеризация — прижигание.

Ca va bien — Я в норме.